

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Экономический факультет
Академия философии хозяйства

**Российское перестроение:
неоэкономика, неоиндустриализация,
неодирижизм**

Под редакцией
Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна,
Е.С. Зотовой

Москва — Ростов-на-Дону
2017

УДК 330:1
ББК 65.5
Р56

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., проф. А.А. Аузан; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
к.э.н. Е.С. Зотова (зам. председателя); к.с.-х.н. С.С. Нипа;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (председатель);
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; Т.С. Сухина; Т.Г. Трубицына;
д.э.н., проф. И.Г. Шевченко; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский

В ПОДГОТОВКЕ МОНОГРАФИИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ:

К.Ю. Беневская, О.Б. Лемешонок, Н.П. Недзвецкая, А.В. Осипова

**По итогам международной научной конференции
«Российское системное перестроение как стратегическая
неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»
(7—9 декабря 2016 г., МГУ имени М.В. Ломоносова)**

Р56 **Российское перестроение: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм** / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д.: 2017. — 378 с.

ISBN

Для всех, кто интересуется актуальной Россией, ее системным перестроением, а также мировоззренческой философско-хозяйственной, социальной, экономической проблематикой.

УДК 330:1
ББК 65.5

© Коллектив авторов, 2017

С думой о России

Именно так — с думой о России, о ее новой экономике, высокотехнологическом развитии и новейшем организационном устройстве в МГУ имени М.В. Ломоносова 7—9 декабря 2016 г. прошла международная научная конференция *«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»*.

Конференция была проведена в рамках деятельности и на базе экономического факультета МГУ, 75-летию которого она и была посвящена.

Инициаторами конференции стали *Научный совет «Центр общественных наук МГУ» и лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ*.

В конференции приняли участие около 200 чел., 80 чел. выступили с докладами на пленарных и секционных заседаниях. К мероприятию был подготовлен в электронном варианте сборник научных тезисов, опубликованный на сайте экономического факультета МГУ.

Примечательными событиями конференции стали панельная дискуссия «Российская экономика: мягкая мобилизация?» и свободная научная дискуссия на тему «Философско-хозяйственное осмысление реальности: возможности и свершения» с презентацией новой книги Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Опыт иного знания» (2016).

В итоге состоялось крайне актуальное, добротное, содержательное, насыщенное разнообразными мыслями и идеями научное мероприятие, не получившее, увы, поддержки в РГНФ (заявка на грант была отвергнута), но зато получившая большую интеллектуально-творческую поддержку со стороны действующего в стране и за рубежом ученого сообщества: из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодар, Волгограда, Волжского, Новороссийска, Иванова, Костромы, Ярославля, Тюмени, Кемерово, Белгорода, Новосибирска, Йошкар-Олы, Дубны, Чехова, Воткинска, Пятигорска, а также Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Польши. Не оказалось по вполне понятным политическим мотивам коллег с Украины, обычно активно участвующих в такого рода мероприятиях.

По установившейся доброй традиции в МГУ по результатам очередной декабрьской конференции подготовлена и издана большая коллективная монография, которую, вы, читатель, держите в руках.

Да, сегодня почему-то не модны ни (в особенности) коллективные монографии, ни вообще книги, высокомерно отбрасываемые за край научно-презентативного процесса. Парадокс, конечно, но что сегодня на научно-управленческой поляне не парадокс? Разумеется, можно обойтись электронной версией представленного интеллектуального труда, можно вообще не обращаться к коллективному творчеству, но, согласимся — книга, да еще и коллективная, не что иное как истинное достояние человеческого мыслиизъявления, великолепный (и нетленный) ему памятник, — разве не так?

Нет, не обойтись размышляющему человечеству без свободных трудов, насыщающих печатные книги, а не надувающих пресловутые электронные «облачка»; не обойтись ультраэлектронному человечеству без фундаментальной, концептуальной, во многом и метафизической мысли, ибо реальный все-еще-человек хочет-таки знать, что на самом деле происходит в зёмном мире, что происходит с ним самим, как и что ему ожидать от ближайшего «светлого технотронного будущего»; не обойтись и современной России без фундаментального интеллектуализма, включая и метанаучное, как не обойтись родной стране без действительного, а не мнимого системного социально-экономического перестроения, вполне и мобилизационного, на основе и в русле неоэкономики, неоиндустриализма и того же неодирижизма, о чем как раз и шла заинтересованная речь на декабрьском 2016 г. научном МГУ-шном форуме и о чем идет не менее заинтересованно речь в настоящей книге.

Выражая признательность всем авторам и создателям книги за блистательный творческий труд, уместно выразить также искреннюю признательность коллегам из Ростова-на-Дону, взявших на себя заботу по выходу в свет данного незаурядного интеллект-произведения!

Ю.М. Осипов

Ю.М. ОСИПОВ

**Российское системное перестроение
как неизбежная актуальность**

В 2009 г. Центр общественных наук при МГУ провел под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международную научную конференцию — Малый университетский форум на тему: «Российское перестроение: общество, политика, экономика», материалы которого, включая и итоговую резолюцию, были переданы от имени Совета Федерации высшему руководству страны (материалы конференции и статьи по ее итогам см.: [1 — 3; 7; 10 — 16]).

Нет, мы не можем сейчас сказать, что «воз, мол, и ныне там», что в стране ничего перестроенческого не происходит, как и в то же время не можем уверенно утверждать, что в стране развернулся активный перестроенческий процесс.

Дело в том, что форум выступил за решительный переход от *пореформенной* модели национального хозяйства к *постреформенной*, преодолевающей пороки первой из названных моделей и устремленной к суверенному и целостному (системному) развитию национального хозяйства.

Российское правительство предпочло «неторопливую полумерность», видимо, во-первых, не имея возможности эффективно оторваться от «опеки» глобализма и радикально переориентировать запущенную российской реформой модель (собственно, тоже имманентно глобалистскую); во-вторых, предпочтя мягкий, как бы и эволюционный, переход от энерго-сырьевой экспортно-импортной к модели всестороннего развития; в-третьих, надеясь на некоторое самоизлечение пореформенной модели через перетекание капитала в новые или реанимируемые производительные сферы с некой «помощью» глобального капитала (внешние займы банков и корпораций, приход иностранного производительного капитала и т. п. «вещи»).

Что же вышло (или выходит) в итоге?

А случился, по-видимому, некий средний вариант: модель пореформенная не повержена, но зато весьма дополнена государственной (государственно-корпоративной) инициативой, нацеленной на решение ряда неотложных задач хозяйственного бытия по самому близкому, понятному и неопременному для большого государства критерию — *гео-*

стратегическому, включающему и такие аспекты, как государственная (национальная, страновая) безопасность и национальный суверенитет.

Усилия правящих верхов были направлены прежде всего на возрождение и развитие оборонно-промышленного комплекса вместе с возрождением, перестроением и переоснащением российской армии, а также на подъем некоторых значимых для государственной безопасности и национального суверенитета сегментов, вроде авиастроения, судостроения, автостроения, транспорта, связи, инфраструктуры, портового хозяйства, атомной энергетики, космической отрасли, аграрной сферы, а также модернизации и развития экспортных энерго-сырьевых отраслей.

Что касается банковско-финансовой сферы, то, не прибегая к большим радикальным переменам, правительство держит курс на оптимизацию банковско-финансовой системы, избавляясь от «жуликоватых» ее компонентов и втягивая, пусть и не широким фронтом, банковско-финансовых агентов в сферу производительного бизнеса.

Есть и действуют в стране государственные корпорации, возник сонм государственных проектов с их прямым и косвенным финансированием, имеют место строительство новых и модернизация старых предприятий с оснащением их современным (хайтековским) оборудованием, на экспорт идут не одни углеводороды, алмазы или та же древесина, но и продукция с высокой добавленной стоимостью, вовсе не только военная.

Да, хотелось бы большего, а именно, вполне бурного процветания всего национального хозяйства по примеру Китая, Южной Кореи или Сингапура, но приходится констатировать пока то, что есть — небурное и «непроцветное» развитие национального хозяйства, но все-таки... *развитие!*

Чтобы адекватно рассуждать о текущей российской хозяйственной реальности, надо бы принять во внимание несколько сопутствующих смысло-фактологических моментов.

Во-первых, революция (она же и антисоциалистическая контрреволюция) 1990-х совершалась не ради развития страны, а ради крушения СССР, сдачи России Западу (пусть по дивному варианту «интеграции» России в Запад) и ради частного, вполне и безудержного (отложенного, «изголодавшегося») присвоения накопленного и просто ресурсного странового богатства; так что если сегодня развитие, то развитие все-таки *анти*-революционное... хоть и в условиях пореформенной, пусть уже и не такой, как ранее, откровенно грабительской, модели хозяйственного бытия.

Во-вторых, в суждениях о реальности как таковой нельзя полагаться лишь на открытые публике данные, ибо, помимо всем известной их фальсификации, многое, очень многое из реально существующего

попросту в этих данных не отражается; любая «реальная» реальность всегда значительно «шире» той, которая обычно бывает публично демонстрируемой; так что реальное российское хозяйство вкупе с его экономикой вовсе не то же самое, что легально вовсю экспонируется; судить о такой реальности через призму показательных данных примерно то же самое, что судить о научной ценности ученых работ и самих ученых по выдуманному кем-то затейливым и весьма ложным рейтингам.

В-третьих, важнейшие проекты, программы и решения вовсе не обязательно публично афишируются, что означает достаточно конспиративный характер национального государственно-корпоративного хозяйствования, — и это совершенно нормально; есть теневой сегмент, есть просто не учитываемый сегмент, а есть сегмент, сознательно «замалчиваемый»; отсюда о деятельности правящих кругов и ее результатах судить по справочным картинкам более чем опрометчиво; сегодняшний «Госплан» вовсе не на Моховой улице г. Москвы, как было когда-то в СССР, а на Знаменке да Фрунзенской набережной, если не на Лубянке.

В-четвертых, надо учитывать, что современная экономика полна разных фиктивно-финансовых чудес, непроизводительных перераспределительных манипуляций, необыкновенных «муляжей», «миражей», «воздушных шариков»; так что судить о состоянии и достижениях экономики и хозяйства в целом по тем же официальным объемам ВВП, темпам его роста, даже и по размерам занятости вряд ли вполне реалистично; главное здесь — качество и состав реального производства, как и качество и уровень самой жизни в той или иной стране, включая и Россию; всего лишь такие факты, как тотальная суперавтомобилизация или та же тотальная компьютеризация, «мобильнизация» и интернетизация страны, говорят о многом.

В-пятых, полезно принять во внимание и тот факт, что развитие предполагает не только вложения в него капиталов, техники и труда, но и наличие рынков сбыта для возникающего нового производства (предложения), причем в условиях общей открытости экономики и хозяйства внешнему миру; отсюда острейшая проблема конкурентоспособности отечественной продукции, завоевания для нее своего же собственного рынка, как и выхода продукции за пределы страны; с наследием общей конкурентоспособности советского хозяйства и провала 1990-х весьма непросто выйти на необходимые конкурентные и спросовые параметры; отсюда и не слишком бурное и масштабное развитие, демонстрируемое нынешней Россией.

Итак: 1) не все так уж плохо в родных охамах — развитие в стране имеет место; 2) многое из совершаемого не бросается в глаза, происходит не слишком заметно, как бы и за пределами официальной

экономографии; 3) правящие круги, ведомые геостратегическими мотивами, взялись за ту часть хозяйственного бытия, которая оказалась объективно важнее и реально исполнимее (значительно и закрытую — оберегаемую «от сглаза»); 4) собственно экономическая подсистема (финансовая, капитальная) остается пока в тугой сцепке с глобальным контекстом, а потому и не слишком вольной и национально ориентированной; 5) в России идет становление *новой России* как некой *малой России* в *большой России*, что явно неизбежно, вполне допустимо и стратегически совершенно оправданно.

Системное перестроение в постреформенном ключе остается на сегодня главной, вполне и фундаментальной, национальной задачей, тем более, что речь может сейчас идти не просто о развитии хозяйства в интересах нации, а о его *нео*-развитии, мало что современном, а и ухватывающем в качественном аспекте и выражении само будущее.

«Нео» — не просто новое, что понятно, не только на данный момент совершенное, что тоже понятно, а, что как раз и пока не слишком воспринимаемое самое важное — *другое*, весьма уже отличное по образу своему от всего предшествовавшего.

Заметим, что человечество так или иначе вступило (пусть Россия, к примеру, вступает) в новую историческую (возможно, что уже и вне-историческую) фазу (эпоху) бытия, когда стало непреложным фактом доминирование созданного человеком неприродного (искусственного) мира, и этот мир не только ежечасно о себе заявляет, превращая бытие человека в *иное* бытие, но и покушается уже на самого человека, требуя от него качественного себе соответствия, то бишь требует какого-то тоже *иного* человека, если не *иного* лишь человекообразного существа.

Нео-мир — нео-бытие — нео-человек!

О «нео» и его разносторонних проявлениях можно говорить и говорить, но мы сосредоточим здесь внимание на проблеме развития национального хозяйства России и необходимом в связи с этим его перестроении (качественной мутации, если угодно).

Вглядимся попристальнее в три кита социохозяйственной современности: *неоэкономику* (*неохозяйство*), *неоиндустриализацию* (*неопроизводство*) и *неодирижизм* (*неоуправление*).

России не избежать плаванья на сих трех китах, ежели она хочет быть не только современной, но и будущей страной, как и не избежать ей необходимого их — этих китов — под себя укрощения.

1. Неоэкономика*

Согласно философско-хозяйственному подходу, экономика есть особого рода хозяйство, ведущееся с участием, на основе и под эгидой *стоимости*, а на поверхности — *денег*, что позволяет говорить об экономике как об *оденуженном хозяйстве*. Отсюда экономика — хозяйство денег, с одной стороны, и опосредованное уже этим оденуженным хозяйством остальное хозяйство — с другой.

Неоэкономика прежде всего — хозяйство *нео*-денег, оторванных от ценностного носителя — золота — и предоставленных самим себе. Нео-деньги — сами-себе-деньги, совершенно идеальные, субъективированные, виртуализированные, произвольные (нынешний доллар — наилучший этому пример).

В неоэкономике деньги не просто посредник в хозяйственном процессе, а в первую очередь его попечитель и господин. Финансы, а это есть не что иное, как работающие деньги, не просто обслуживают хозяйство, а всецело доминируют в нем: не финансы для хозяйства, а хозяйство для финансов, олицетворяемых прежде всего финансовым капиталом. Отсюда выходит, что неоэкономика в основе своей — *финансомика*.

Экономика вообще — социальное счетно-решающее мегаустройство; что касается неоэкономики, то это, будучи тоже социальным счетно-решающим мегаустройством, оказывается тотально и решительно технизированным (компьютеризованным) и техноинформатизованным устройством, сравнимым с гигантским «мозгом». Неоэкономика — безусловно *когнитивная* (мозгоподобная) экономика. Молниеносная обработка тотальной информации и взгляд на экономику через информационное поле, сидящее в компьютерах, из них выскакивающее и вскакивающее в людские головы, полностью погруженное в это поле и его ни на миг не покидающее. Не информация в экономике, как было и бывает обычно, а экономика *под* информацией и в ее безраздельной власти — разница!

Как счетно-решающий «мозг», экономика, бытующая в реальных сознаниях (и мозгах) людей (ей просто негде больше быть со своей чисто идеальной стоимостью), — вне времени-пространства (как и сознание тоже). Но в реальности экономика, будучи распределенной по хозяйству и социуму, вынуждена сочетаться со временем-пространством, а потому и считаться с этим в своей текущей работе. Не то неоэкономи-

* В апреле 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2016 состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Неоэкономика как высшая форма экономики (осмысление в русле научной школы философии хозяйства)» (см.: [6; 9]).

ка, которая, будучи оснащенной быстродействующими (мгновеннодействующими) техническими, информационными и коммуникационными средствами, работает практически уже независимо (или почти независимо) от времени-пространства, оказываясь невероятно мобильной, скорой, маневренной. Это важнейшая прерогатива неэкономике — не просто «мозг» (как образ), а самый настоящий, гигантский и безграничный... э-э... *социотехнический мозг*, разумеется, в своей решающей сердцевине вполне *нематериальный*. Это, скорее, некое идеальное облако, энерго-информационное поле, чисто ноосферная компонента бытия.

Из вышевысказанного выходит, что неэкономике будучи неограниченной и высокомобильной целостностью, теряет, в отличие от обычной экономики, такие свои характеристики, как механизм, организм, система, хотя в сфере неэкономике, в ее составе, можно обнаружить и механизмы, и организмы, и системы, но всего лишь как локальные компоненты неэкономике, а не как охватывающие ее в целом. Как целостность неэкономике уместнее сравнить, наряду с «мозгом», еще и с «морем», «атмосферой», тем же гигантским «облаком».

Физио-техно-натуралистический подход совсем не годится для характеристики неэкономике, которую в целом уже не загнать в механическое, органическое или системное представление, как и соответствующим образом не смоделировать.

Неэкономике слишком уже *сама по себе*, слишком она эластична и вольна, слишком вообще неопределенна, чтобы подчиняться традиционным о ней научно-аналитическим представлениям: это уже *другой мир*, требующий и совершенно *иного* трактования, как и, разумеется, *иного* с ним делового обращения.

Освобожденная от давления и контроля со стороны золота, тотально виртуализированная, высокоподвижная, безграничная, прямотаки «летучая», неэкономике тяготеет не к порядку, еще и законообусловленному, а... нет, не к беспорядку как таковому, хотя это тоже есть, а... к созидательному (творящему) хаосу, находящему воспроизводственное воплощение не в порядке как таковом, а в *хаосмосе*, представляющем собою произвольно возникающий «порядок-беспорядок», не доходящий до космической законченности, а остающийся как бы посередине между хаосом и космосом.

Тут уже царство не закона и порядка, а беззакония и хаоса, еще и своеобразной «преисподней» неэкономике — *субэкономического зеркала*.

Неэкономике — сама-себе-экономика, *causa sui* (сама себе причина), которая существует и реализуется сначала для себя, потом для хозяйства и социума, а затем снова для себя — итогово (с доходом).

И получается, что не экономика для хозяйства и в хозяйстве, хотя это и есть, а... хозяйство для экономики, под ней и под нее. Виртуальные, своевольные и вполне произвольные деньги, которые уже и не-совсем-деньги (некие квазиденьги), хоть и обслуживают они вроде бы живое житие, но лишь выворачивая его в свою сторону и в свою же пользу. Кто владеет деньгами (стоимостью), тот владеет экономикой, а соответственно и всем уже полуживым житием.

Неоэкономика — последнее слово экономики, ее высшее проявление, ее последний шанс, но при этом какая же она — неоэкономика — утонченная, изощренная, ловкая, хитроумная, путаная и паутинная, одним словом — экстра- и ультра-экономика, для которой нет в современном дискурсе даже достойного словесно-понятийного определения.

Неоэкономика — не рыночная вовсе экономика, а вполне себе... *сетевая* — *нето*-экономика, в которой не рынки решают, а сетевые «пауки» для сетевых же «мушек»; не на и не в рынок выходят и входят агенты, а в сети, — и попробуй там — в сети — отважно поконкурировать, повольничать, повыпендриваться... вне сети, вопреки «паукам» и «паучкам», без ведома «смотрящих», — будет тебе и «рынок», и «конкуренция», и «свобода», как и — разумеется... неминуемое банкротство. Радуйся, что ты — агент в сети, довольствуйся этой удачей, не нарушай сетевого «устава» (прямо как в армии, монастыре, учреждении, только гораздо круче!), тогда и останешься, и будешь — до поры, может, и успех какой-нибудь тебя вокруг настигнет.

Неоэкономика иерархична, многоуровневая, пирамидальна, центрирована и полицентрирована: в ней есть кому осознанно решать — сверху, кому осознанно служить — в середине, а кому и осознанно просто подчиняться — в низах.

Да, неоэкономика — поле разнообразной, высокоранговой, изощренной битвы, хотя и не рыночно-конкурентной в обычном понимании — меж самостоятельными агентами, составляющими-де «рынок», а как бы битвы вообще, неизвестно кем и как ведущейся, как бы атмосферной, мореподобной, плазменной. Битва тут как состояние, пребывание, бытие. Битва всех против всех, что не значит, что нет договоров, контрактов, согласий, консолидаций, объединений, альянсов, тех же «стрелок», «сходок», каких-то там «соборов». Все тут есть, кроме действительно что-то решающих «рынков». Рыночная экономика — вполне уже обесмысленный анахронизм. Неоэкономика — экономика тоже с рынками, конечно, но как лишь просто товарными рынками либо корректировочными (настрочными) деяниями-процессами; это вовсе уж не рыночная экономика — как вполне подотчетная рынкам экономика.

В неэкономике любой экономический параметр может быть любым по величине, но при этом и не каким угодно (битва допускает мно-

гое, но, разумеется, не все — на то она и битва). Произвол на произвол дает меру, как и мера на меру тоже дает меру, и произвол никуда при этом не исчезает, а потому-то он как раз сам себе и мера... до встречи с другим произволом или же с неодолимой им другой мерой. Мера — из хаоса, но она же и обратно в хаос, что как раз и говорит о том, что неоекономика — *сама себе мера*.

Неоекономика — не просто новая экономика, ее очередная историческая форма, это уже экономика, отрицающая и... саму себя — как раз через свою внешнюю для себя технологизацию, в свою очередь, отрицающую социальность экономики, ее зависимость от социума и вообще от социального фундаментального начала.

Глобализация, характерная для неоекономики — не просто мировая масштабность с высокой внутримировой взаимозависимостью элементов, частей и процессов, а и отрыв виртуализированной экономики как от реальности вообще, так и от реальности собственно социальной. В этом-то отрыве и выражается самоотрицание экономики как собственно экономики, сопровождаемое ее превращением в *пост-экономику* (в ту же *техномику*).

Неоекономика — мир не просто цифр и чисел, а весьма отвлеченных от социо-натуро-хозяйственной реальности цифр и чисел, весьма уже предоставленных самим себе; неоекономическая реальность — реальность сначала собственно цифр и чисел, а потом уже собственно реальности, а потому неоекономика — *сама себе реальность*, как и *сама себе ирреальность* совершенно уже оцифренная, состоящая из цифр, навязывающая себя собственно реальности, ее заметно и замещающая.

Производительный процесс, как и любой другой реальный хозяйственный процесс, не прекращается при неоекономике, но значительно зависит от стоимостного счетно-ценностного потока и его цифровых показателей (от потока стоимостных цифр, их, этих показателей, взаиморасположения и динамики). Теперь не производство само по себе определяет стоимость и ее динамику, а стоимость, ее динамика определяют производство. Миллионы, миллиарды, триллионы... однако, чего? Да попросту голых цифр и весьма произвольных чисел, пусть и кем-то вроде бы довольно рассчитанных. Оцифрованное облако — не оцифрованная реальность, тут уж разные миры: мир цифр от цифр и мир цифр от реальности. Разумеется, есть соответствие между облачным и реальным мирами, но вполне подвижное соответствие, упорно восходящее к несоответствию.

Отсюда и *перманентная кризисность* неоекономики: облако и реальность не только не одно и то же, а великая разность и розность, бытующие хоть и во взаимодействии, но не вместе и не во взаимности.

Перманентная кризисность — необходимое ныне условие непрерывного поиска совместности и взаимности между облаком и реальностью, их воспроизводственного взаимосоответствия. Главное спасительное средство для неоекономики от собственного же краха — высочайшая производительность глобализированного производства, его невероятная избыточность, как и немислимая фиктивность (фальшивость), что позволяет цифрам и числам вольно гоняться по свету друг за другом в своем безудержном финансово-оценочно-инвестиционном раже, не страшась какое-то время своего тотального банкротства.

Избыточное производство — всю избыточное и облако, а раз все тут избыточно, то и неэкономическая игра тоже вполне избыточна, правда, не игнорирующая, а постоянно подтверждающая финансово-кабальный принцип эксплуатации ирреальным облаком реального производства: никакого тебе производства без «резолуции» облака, никакого реального хозяйства вне облакового вмешательства, никакого хозяйства без облаковой кабалы. Тут ведь хозяйство не человека как такового, не производства как такового, даже не хозяйства как такового, а именно... *облака*, правде, вполне вроде бы осознанияемого, и институционализированного, но все-таки облака — как накачанного донельзя духообразной стоимостной субстанцией гигантского пузыря, правда, вроде бы не мыльного, но... почему же и не мыльного?

2. Неоиндустриализм*

Неоиндустриализм — вовсе не так новый индустриализм, как качественно особый индустриализм, причем настолько особый, что как бы уже и не индустриализм, а именно *пост*-индустриализм.

Само понятие «индустриализм» ныне следует трактовать не как наличие в хозяйстве тяжело и громко выраженной техники, ее широкого производства и ее же неперемногого участия в любом из культивируемых производств, а как присутствие в хозяйстве созданного человеком *искусственного производства с искусственной же производительной силой*. Теперь уже нельзя ограничиваться в понимании индустриализма машиной, фабрикой и железной дорогой, как и тем же электричеством, ибо ко всему этому прибавилось многое другое, чего к железу не сведешь и чьего ужасного скрежета не услышишь — радио, химия, электроника, микропроцессоры, биотехнологии, нанотехнологии, атомная энергетика, интернет и т. д. Тут вроде бы уже и не пахнет индустри-

* В апреле 2013 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2013 состоялась секция, организованная лабораторией философии хозяйства, на тему «Неоиндустриализация как проективно регулируемый инновационный процесс» (см.: [5]).

ей — белые халаты, стерильная чистота, умные приборы, однако и здесь тоже индустрия, но уже другая — не железная, не тяжкая, не грохочущая. Тут господствует, наряду с обычной индустрией и как бы над ней, *нео*-индустрия, отличающаяся как раз чистотой, тишиной, даже и вкрадчивостью (см.: [8]).

Невозможно представить себе современное производство и само по себе нынешнее жизнеотправление без всякой чудо-техники и разнообразной чудо-технологии: умных машин; скрытых в недрах материалов и в «пустотах» мироздания процессов; мгновенной связи; скорых перемещений во времени и в пространстве; телевидения, интернета, невидимой навигации и многого другого, что превратило сказку в быль, изменило бытие, жизнь, хозяйство, экономику, сознание, вообще человека.

Неоиндустриализм породил новый мир — *нео*-мир, он же и высший *арт*-мир. Да и человек становится уже и новым человеком — более искусственным, технизированным, электронизированным. Чип — уже не проект, а реальность: дело в очереди теперь за *чипо*-веком, замещающим собою собственно человека.

Куда теперь человеку без умного и чудодейственного неоиндустриализма, как и той же *нео*-науки — не так уж исследовательской, как демиургической; куда без работающих технических систем, когнитивных технологий, технизированных социума, хозяйства, экономики, культуры. Что теперь человек без компьютера, информатики, программистики, интернета, «мобильника», умного автомобиля, искусственного спутника Земли, навигатора, а главное — что вообще человек без неоиндустриального искусственного мира и без необходимой с этим миром *нео*-органики?

Неоиндустриализм не только служит человеку, ему споспешествует, но и меняет человека, превращая в *нео*-человека, мало того — он, безусловно, уже владеет, пусть еще и не полностью, человеком, его сознанием, подвигая человека к превращению уже в *пост*-человека.

Неоиндустриализм — чудо о двух концах: с одной стороны, облегченное, комфортное, сытое, долголетнее для особи бытие, а с другой — технизация, чипизация, кибернизация человека, его сознания, превращение человека в *иное* человекообразное (даже и в чистого *человекообраза*).

Неоиндустриализации не избежать, но, увлекшись ею, можно и упустить самого по себе человека — *все-еще-человека*, хотя, возможно, и удастся перейти к какому-то сверх-человечеству, вполне уже, что совсем не исключено, и апокалиптическому).

Входит ли сие превращение (супермутация) в проект под кодовым названием «Человек» или нет — вопрос, который как раз и разре-

шит XXI в. от Р. Х., столь стремительно *переменный* (не переменчивый, что понятно, а именно *переменный* — супермутационный).

3. Неодирижизм*

Дирижизм как понятие родился, судя по всему, во Франции (от фр. *diriger* — управлять) — как некая альтернатива одновременно кейнсианству, фашистскому управлению капиталистической экономикой и сталинскому директивному планизму. Однако суть дела тут не в особенностях способов управления, а в самом *феномене управления* в сфере хозяйства и экономики: управление как управление присуще не только армии или тому же государственному аппарату, а и хозяйству с экономикой тоже. Иное дело, что, согласно определенной политэкономической догматике в национальном хозяйстве и в так называемой «прогнозной экономике», управления со стороны государства либо не должно быть вовсе, либо оно должно быть минимальным. Тут не «*dirigisme*» более потребен, а «*laissez faire*» («позвольте действовать»), что вроде бы и более соответствует основам свободного капиталистического хозяйствования (свободе частного бизнеса).

С крахом (отменой) советского социализма с роспуском СССР сталинский «планизм» был упразднен, и в реформируемой на «рыночно-экономических» началах Российской Федерации была запущена «рыночно-экономическая (капиталистическая) свобода». Занимаясь реформой и социохозяйственной перестройкой, государство как бы отмежевалось от непосредственного хозяйственного процесса, оставив под своим управлением лишь часть денежно-финансовой сферы и часть социального сегмента. Все остальное ушло под свободную частную инициативу. Если некий дирижизм и сохранился в РФ, то в очень урезанном виде. Его — дирижизма — как бы и не стало.

Но вот пришли 2000-е гг., была осуществлена полу- или квазидирижистская социо-хозяйственная стабилизация, а потому, уже к рубежу 2000-х и 2010-х гг., когда возникла потребность активизации социо-хозяйственного развития, а по сути — *перестройки* российских хозяйства и общества в сторону развития и суверенитета, во всю силу встал вопрос о необходимости и возможности запуска государственного (либо государственно-корпоративного) дирижизма, мотивированного, помимо

* В феврале 2011 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Неодирижизм как императив текущего момента». В апреле 2012 г. в рамках Ломоносовских чтений — 2012 состоялась секция лаборатории философии хозяйства «Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неодирижизмом» (см.: [4]).

достижения целей развития и суверенитета, переходом от пореформенной модели экономики к постреформенной, хотя это разделялось не столько властями и бизнесом, сколько частью научно-экспертного сообщества.

Само понятие «дирижизм» настолько пугает отечественный либеральный экономизм, что о нем российское руководство предпочитает не говорить, хотя и делает все возможное и даже невозможное, чтобы удерживать российское национальное хозяйство в русле с таким-де трудом и издержками добытой пореформенной (якобы «либеральной») модели. На практике экономический дирижизм в России есть, но, во-первых, как бы сугубо-де либеральный, а во-вторых, вполне на время и вынужденный, ибо дирижизм хозяйству с экономикой необходим, и от него российскому государственно-корпоративному комплексу никуда все равно не уйти.

Не видеть непрерывного, хотя и с разным знаком, дирижизма в российской и зарубежных (тех же западных) экономиках — ничего не понимать вообще в современной экономике, которая насколько свободна, настолько и управляемая, правда, не так всегда и везде государствами, как корпоративными агентами — не без участия все того же государства (один практический институционализм чего стоит!).

Дирижизм был, есть и будет; проблема сегодня не в его факте, а в реализации сего факта; разгосударствление хозяйства и экономики, предпринятое в России в 1990-х и далее годах, тоже ведь дирижизм, хотя нам более интересен дирижизм, работающий на подъем и развитие национального хозяйства, страновой экономики.

Интересен нам и новый образ дирижизма — *нео*-дирижизм, характерный уже для текущего момента. Что здесь означает сие пресловутое «нео»? Наверное, тоже какую-то качественную особенность феномена, делающую его отличительным от дирижизма вообще.

Но сначала о самом по себе управлении экономикой и в экономике, восходящем как раз и к дирижизму.

В самом феномене управления экономикой и в экономике нет ничего необычного: было, есть и будет! Весь вопрос в том, какое это управление, кем и как осуществляется, с какими результатами, а также какова мера того или иного управления — как количественная, так и качественная. Проблема тут не в самом по себе факте управления или в его отсутствии, а именно в мере управления, ибо само по себе управление не только возможно, но и необходимо.

Сама идея свободы экономики от управления так или иначе от лукавого, ибо это не соответствует ни сути экономики, нуждающейся в управлении, ни реальной практике, наполненной всякими системами и методами управлениями.

Важно уяснить, что мера управления зависит, помимо его практической эффективности, от одного более глубокого обстоятельства, раскрываемого как противоположность управления; экономика ведь действительно должна быть в меру свободной и самоуправляющейся, а потому глубинной мерой управления является... *неуправление*, реализующееся либо через самоуправление возможного объекта управления, либо через общественную стихию.

Любое управление экономикой и в экономике реализуется в рамках соотношения между волевой организацией и как бы стихийной самоорганизацией, — там-то и обнаруживается потребная мера управления.

Можно управлять открыто, назойливо, директивно — почти как в армии, а можно управлять незаметно, негромко, поощрительно, даже и попустительно, но в том и другом случае именно управлять, добиваясь чего-то намеченного.

Неуправление — управление неэкономикой и в неэкономике, на базе и в условиях неоиндустриализма. То же самое можно сказать и о неодирижизме. Но что же тогда конкретно стоит за этим «нео» применительно к дирижизму?

На ум прежде всего приходят такие словечки, как гибкость, дискретность, мобильность, интенционность, побудительность, а также словосочетания типа создания среды, влияния на процессы, регулирования динамики параметров, ориентации поведения, — как раз те самые словечки и словосочетания, характерные для управленческих действий в условиях глобализированной, мобильной, суперсложной, значительно самоопределяющейся, заметно более хаотической, еще и перманентно кризисной, своевольной, неулавливаемой экономики — современной постмодерновой экономики.

Неодирижизм — управление... как бы *без управления*, наугад, во взаимодействии с общеэкономической стихией — вплоть до операций с хаосом и в хаосе, со вполне вероятностным результатом. Разумеется, это не значит, что такой дирижизм не допускает «крутых мер» и директивных действий, но в целом же неодирижизм, будучи как бы внешним вмешательством в экономику, должен быть максимально... *экономическим*, то бишь ей — экономике — максимально споспешествующим, а не максимально противодействующим. А уж о замене экономической организации какой-то иной организацией типа «планового хозяйства» речи вообще быть не может.

Экономика на то и экономика, чтобы иметь *свою* организацию, в которой есть *свое* управление и которая допускает внешнюю организацию, однако вполне адекватную экономической, а сейчас уже и неэкономической, среде.

Предельная адекватность неэкономике и неоиндустриализму — главная характерная особенность неодирижизма.

* * *

Вернемся к проблеме российского системного перестроения, которое на практике уже идет, но, быть может, не слишком уверенно, споро и эффективно. Главное тут препятствие — маниакальная приверженность высшего правления пореформенной экономической модели. Отсюда и главное условие выхода на более эффективное перестроение — восприятие уже постреформенной модели, как раз и предполагающей наличие осознанного, трезвого и деятельного государственно-корпоративного дирижизма в его современной неодирижистской реализации.

Неодирижизм в матричном отображении

А. Остов

1. Концептуальность.

Куда без концепции практикуемого дирижизма, разве лишь в бездну, а потому потребна вполне практическая концепция российского дирижизма. К сказанному выше о неодирижизме необходимо добавить, пожалуй, следующее: российский дирижизм — дирижизм, знаете ли, *имперский*, что ни хорошо, ни плохо, а попросту что есть, отчего не надо отрицать ни имперского центра управления, ни консолидации национального хозяйственного пространства вокруг центра, ни центростремительной ориентации всей экономики страны, а на данный момент движения от пореформенной модели к постреформенной — феномена *мягкой мобилизации* страны, ее ресурсов и сил, на перестроение и развитие, не ослабляя внимания к оборонно-производительному комплексу — *основному ядру перестроения и развития*.

2. Стратегирование.

Любой общенациональный, международный или даже глобальный дирижизм предполагает наличие стратегии — как относительно объекта управления, так и относительно субъекта управления. Стратегия — набор намеченных целей, предположенных намерений, решаемых задач, равным образом, и выбор средств и методов достижения всего заранее предусмотренного. Для неодирижизма приемлемее именно *стратегирование*, а не, скажем, стратегическое планирование. Изменяющаяся неопределенность современности требует не погашения ее через тот же тотальный «планизм», а адекватного к ней деятельского приспособления, позволяющего, варьируя всем и вся во времени и в пространстве, достигать не столько намертво поставленных, сколько пластично

намеченных целей, однако вполне обоснованных и достаточно реализуемых. Стратегирование не только не исключает окружных перемен и собственного маневрирования, но оно их априорно предполагает.

3. Структурные перемены.

В соответствии с избранными стратегическими целями — достижения целостного (гармоничного) национального хозяйства в условиях неоекономики и путем его неоиудустриализации. Понятно, что потребен сход с энерго-сырьевой дороги с одновременным развитием высокотехнологического и наукоемкого производства. Отсюда особое внимание науке и образованию, вообще интеллектуализму. Немедленная подготовка и сознательное культивирование национальной творческой элиты и на нее опора.

4. Текущее регулирование.

Системная, комплексная, матричная «игра» с экономическими параметрами для обеспечения общехозяйственного воспроизводственного контура вкупе с переменами, обновлением и развитием.

5. Социальное обеспечение.

Преодоление чудовищного разрыва в доходах между разными слоями населения, ликвидация гигантских социальных неравенств; доступность для всего населения здравоохранения и образования, культуры и спорта; неизменная поддержка пенсионеров и бескорыстная помощь инвалидам.

6. Национальная безопасность.

Борьба с угрозами извне, предотвращение и преодоление любых разрушительных рисков. Поддержка и модернизация армии, ОПК, стратегических отраслей и производств, модернизация и развитие инфраструктуры, связи, транспорта. Борьба с коррупцией и бюрократизмом. Преодоление финансово-административного деспотизма, подавление его очагов.

7. Оптимизация природопользования.

Соответствующая деятельность по всему спектру острейших природоохранных, природопользовательских и экологических проблем.

8. Международная экономическая интеграция.

Развитие интеграции и повышение ее эффективности.

9. Оздоровление и оптимизация управления.

Преодоление административного произвола и реформаторского (менеджерального по преимуществу) безумия — *антименеджеральная контрреволюция!*

Б. Стрелы

1. Управление денежно-финансовой системой, или стоимостной, сферой.

Ничего нового по целям, однако в условиях открытой по преимуществу экономики. Экономическая конспирация (своеобразное зазеркалье) вместо откровенного протекционизма. Укрепление финансово-экономического центра.

2. Управление деловым климатом, или средой экономического обитания.

Благоприятствование деловой активности с селективным моментом.

3. Управление сознанием и поведением экономических агентов.

Национализация (патриотизация) сознания и «энтузиазмизация» хозяйственного поведения в угоду национальной эффективности и производительности. Поощрение труда, творчества, предпринимательства.

4. Управление текущими экономическими процессами.

Модернизация, инвестирование, инновационные инициативы.

5. Кризисное управление.

Управление в кризисе и кризисом как необходимая ординарность и потребная необычность.

* * *

Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии «от реформизма к постреформизму» — *животрепецущая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но вовсю уже исполняющаяся. Мягкая мобилизация, под которой надо понимать сосредоточение сил и ресурсов пореформенной страны ради ее неуклонного развития, — исторический факт, которым уже нельзя пренебречь.

Формируется новая Россия с многообразной социохозяйственной явью, в сердцевине которой не стоимость с капиталом, а гибкая, не тоталитарная, демократизированная, национальная по духу и соборная по исполнению *имперская власть* — центрированная, верховная, объемлющая страновое целое и локализованная на местах, в частях и элементах.

Либо Россия — империя, либо никакой России нет!

Не надо следовать не слишком дорогому пропагандизму и поносить империю как заведомое зло. Ни в коем случае! Империя для России, причем империя как внутреннее устройство страны, а не империя-завоевательница (метрополия с колониями) — не просто необходимость, а и ее — России — спасение! Но не только: *это единственная возможность суверенного бытия и целостного развития.*

Важно иметь ввиду, что Россия, базирующаяся на русском многоэтническом мире, не может быть ни Западом, ни Востоком, ни Югом — генетический социокультурный код, он же и архетип, восходящий к вековым глубинам, еще и дохристианским, не позволяет России стать неРоссией. Россия не просто самобытна и самостна, она еще и альтернативна — что Западу, что Востоку, что Югу.

Россия — сама-себе-Россия!

Особенность текущего исторического момента — движение России к самой себе, хотя и во взаимодействии с Западом, Востоком и Югом, не исключаящем и немалого противодействия, острых конфронтаций и даже войн.

Что примечательно: стоило России объявить о своем суверенном и собственно российском бытии, как началось беспримерное давление на Россию со стороны передового и вроде бы пока лидирующего на планете Запада, как и его внутрироссийских адептов, как при защите всего лишь своих национальных интересов и русского мира против России тут же была начата так называемая гибридная (и санкционная тоже) война, хорошо подтвердившая необходимость как раз имперской самоидентификации России.

Российская власть осуществила в стране революционную реформу 1990-х, она же обеспечила стабилизацию страны в алгоритме пореформенной социально-экономической модели, она же теперь реализует, пусть пока и не очень решительно, системное перестроение согласно постреформенной социохозяйственной модели, — и все это происходит, знаете ли, совершенно *по-имперски!*

* * *

Как нами уже было отмечено, Малый университетский форум, посвященный российскому перестроению, прошел в 2009 г. Содержательные результаты его работы были доведены от имени Совета Федерации до высших правительственных кругов, включая администрацию президента страны. Судя по некоторым практическим действиям центральной власти, а еще более по многим ее отрывочным декларациям, позиция Форума была услышана, хотя и не совпала пока еще в полной мере со стратегическим курсом государства. И вот теперь научно-экспертная общественность, объединяемая Центром общественных наук

МГУ имени М.В. Ломоносова, вновь ставит вопрос о российском перестроении, акцентируя на его ультрасовременных аспектах, объединяемых почти уже сакральным «НЕО». Инициаторами повторного обращения к актуальной проблематике движет не стремление к получению гранта, в котором, кстати, им уже было отказано по линии РГНФ, а желание, во-первых, адекватно рассмотреть и показать реальность: во-вторых, нацелить действующую власть на реализацию неотложной необходимости; в-третьих, видеть Россию суверенной, развивающейся и процветающей страной, бесцеремонно и надежно овладевшей будущим.

А тут, понимаешь, правительственная «оптимизация» науки, доводящая ее до самоубийства, — не хватит ли?

Литература

1. *Гринберг Р.С.* Российская модернизация: среди шансов и рисков // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
2. *Марков С.А.* Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
3. *Нагорный А.А.* Модернизация: США, Китай, Россия // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
4. *Осипов Ю.М.* Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономике современной России // *Философия хозяйства*. 2012. № 2. С. 9—14.
5. *Осипов Ю.М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // *Философия хозяйства*. 2013. № 3. С. 283 — 288.
6. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 293 — 298.
7. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперменная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 6.
8. *Осипов Ю.М.* Россия: призрак неомодернизации (тезисы) // *Философия хозяйства*. 2010. № 5. С. 293 — 299.
9. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 9—26.
10. *Осипов Ю.М.* Экономика: реалии и иллюзии // *Экономические стратегии*. 2016. № 5(139). С. 5—184.
11. *Перестроение России* / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: В 2 т. М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 358 с., 413 с.
12. *Починок А.П.* Россия: время прорывного развития // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.

13. Российское перестроение: социум, политика, экономика. По итогам международной научной конференции — V Малого университетского форума, 2—4 декабря 2009 г., г. Москва. М., 2010.
14. *Сорокин Д.Е.* Сценарии посткризисного развития: возможности инновационного перестроения // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
15. *Фурсов А.И.* Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
16. *Хасбулатов Р.И.* Почему России не «грозит» модернизация? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
17. *Шулевский Н.Б.* Знание и судьба России // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.

Раздел I

Неоэкономика как современная форма экономики, ее бытия, функционирования, развития

А.А. ПОРОХОВСКИЙ

Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи»

Аннотация. В статье поднимаются проблемы использования рыночных принципов в условиях России, а также предлагаются некоторые нерыночные меры для обеспечения экономического роста российской экономики. Особое внимание уделяется взаимодействию частных и общественных интересов и прагматизму в экономической политике.

Ключевые слова: рыночное развитие, частный интерес, общественный интерес, экономическая теория, экономическая политика.

Четверть века прошло с тех пор, как Россия вступила на «рыночную колею» развития своей экономики. В 1990-е гг. после распада СССР и СЭВ население России не собиралось отказываться от достигнутых показателей экономики и социальных условий жизни. Потребительское общество стран Запада манило изобилием и разнообразием товаров и услуг, но мало раскрывало цену и механизм своих успехов. Российским гражданам все это стало известно, когда они потеряли ставшие привычными ориентиры жизни и оказались не умеющими «плавать в бушующем океане капитализма». Как никогда прежде абсолютное большинство людей осознало поговорку «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Не будет преувеличением предположить, что эта поговорка относится не только к индивидууму, но и к отдельной стране, если речь идет о мировом рыночном хозяйстве. А разве может быть иначе в рыночной среде, где все пронизывает конкуренция, где критерием партнерства в бизнесе и политике выступает конкурентоспособность? Системное перестроение плановой российской экономики на рыночные рельсы развития до сих пор не завершалось,

хотя по формальным признакам в стране есть все рыночные атрибуты. Есть и видимые достижения.

О наших достижениях

К 2017 г. Россия подошла в мировом хозяйстве на шестом месте по величине ВВП, измеренному по паритету покупательной способности рубля, после КНР, США, Индии, Японии, ФРГ [4, 207]. Доля предприятий в частной собственности среди всех предприятий страны превысила 86% [1, 317], что говорит о высоком уровне приватизации экономики. При этом экономически господствующей формой частной собственности стала акционерная собственность, что вполне укладывается в общемировую тенденцию. Более того, 400 крупнейших акционерных компаний производят до 70% ВВП России [2, 78, 80]. Между тем важнейшее преимущество страны — самая большая в мире территория — до сих не стала основой единого рыночного национального экономического пространства. Энергосырьевые товары по-прежнему остаются главной статьей экспорта. И для этой цели наша земля, богатая полезными ископаемыми, эксплуатируется растущим образом. Однако построенная до 1990-х гг. инфраструктура народнохозяйственного комплекса в значительной мере износилась или вообще пришла в негодность. А без инфраструктуры большинство регионов страны обречено на отсталость, ибо они не включаются в общенациональное воспроизводство, а их население оказывается оторванным от решения проблем страны в целом.

Оказалось, что универсальные рыночные принципы сами по себе не утверждаются на больших пространствах. Громадные расстояния требуют долгосрочных инвестиций, что предполагает, во-первых, наличие долгосрочных кредитов и, во-вторых, ориентацию бизнеса на перспективное, а не краткосрочное развитие. Поскольку все эти годы российский бизнес любого размера был нацелен на получение прибыли как можно быстрее, постольку, с одной стороны, максимально отжималась прибыль от «советского наследия» во всех отраслях, а с другой — ничего не вкладывалось не только для поддержания старого, но и для развития нового производства. Невольно встает вопрос — долго ли еще рынок будет осваивать территорию России? Если обратиться к рыночным моделям развитых стран, то на их территориях, включая такие большие, как США и Канада, имеют место одинаковые условия для предпринимательства и жизни людей практически в любой точке страны. И хотя для России требуется своя оригинальная рыночная модель, несомненной ее чертой также должна стать равнодоступность всей территории для бизнеса и граждан. В таком случае фактор размера территории по-

настоящему станет поддерживающим конкурентоспособность как национальной экономики, так и отдельной компании или человека.

О роли частного интереса

Есть немало причин, почему до сих пор не сложился единый общенациональный рынок. Но главным тормозящим обстоятельством оказалась дисгармония частных и национальных общественных интересов. Причем частные интересы предпринимателя, отдельного человека или компании в целом выглядят вполне естественным образом, поскольку они свойственны любой форме частной собственности. Совсем другое дело, когда частный интерес у лиц, находящихся на государственной службе или работающих в общественных или иных неправительственных организациях и учреждениях. Если в таком случае свою должность человек рассматривает и реально использует как дополнительный источник дохода, своеобразный бизнес, а не как представление государственных, общественных интересов, то налицо иррациональное, а не рациональное рыночное развитие. В результате в стране произошло искажение не только экономической, но и общественной роли государства и почти всех его институтов. Такое искажение проявилось в разных сферах по-разному. Однако выявились и общие черты.

Во-первых, государственные ресурсы и прежде всего бюджеты всех уровней стали наиболее лакомыми и привлекательными для бизнеса и разного рода злоупотреблений.

Во-вторых, преобладание частных интересов чиновников привело к сращиванию бизнеса и госаппарата, образованию территориальных, отраслевых и других кланово-семейных бизнес-структур, подрывающих доверие граждан и бизнеса к государственной власти и рыночным принципам экономики в целом.

В-третьих, характер проведенной в стране приватизации собственности советского государства фактически разъединил важные компоненты всякого бизнеса и нормального государственного управления — полномочия, ответственность, контроль. Прежде всего это относится как к процедуре государственного управления, так и особенно к расходованию бюджетных средств целевым образом. Нередко сами «цели» расходования заведомо носили неэффективный и коррупционный характер. Только в последние 2—3 года Счетная палата РФ стала отслеживать исполнение целевого использования бюджетных денег. Но до сих пор при громадных полномочиях чиновников их ответственность за соблюдение государственных интересов минимальна. При этом бюрократический диктат чиновников, на который постоянно сетуют предприниматели, фактически стал второй стороной медали их безответственности. У населения страны сложилось устойчивое впечатление, что работники государственного аппарата слабо представляют, что та-

кое обязательство перед государством и обществом. Напрямую это явление не связано с рыночной моделью развития, ибо в развитых странах подобное не наблюдается. Это связано с историей рыночных преобразований в России после 1990-х гг.

Именно в сфере взаимодействия частных и общественных интересов необходимо провести системное перестроение чтобы, с одной стороны, не заглушить стимулирующую роль частного интереса, и с другой — обеспечить такое понимание общественного интереса, при котором становится выгодно всем ему следовать. Ведь общественные интересы в рыночной экономике — это компас ее движения и развития, скорость и темп которого зависят уже от реализации частных интересов.

Патриотизм — явление не только нравственное

Известно, что Адам Смит пришел к исследованию природы и причин богатства народов через формирование теории нравственных чувств. При этом он рассматривал в основном экономику Англии. В наши дни в мировом хозяйстве особенно обострилась конкуренция как между компаниями, так и между странами. И хотя капитал по своей природе космополитичен, и ему важно получать прибыль в любом месте, в любой стране, где бы он ни функционировал, само страновое происхождение той или иной компании имеет громадное значение для обеспечения ее конкурентоспособности на мировом рынке. И наоборот, в условиях, когда политика вторгается в экономические отношения и в ход идут экономические санкции, российский бизнес испытывает неэкономическое давление и получает ограничения как в инвестиционный, так и в рыночных сферах. Как видно, передовые рыночные страны не прочь использовать нерыночные методы, если поведение других стран не соответствует их интересам. Однако если в национальной экономике «правила игры», в том числе и конкуренция, поддерживаются национальным законодательством, то в мировом хозяйстве и правила игры, и конкуренция носят условный характер. Поскольку финансовые и торговые центры сосредоточены в основном в США и Западной Европе, постольку они присвоили себе право судить всех остальных на предмет соответствия рыночным принципам и степени следования в фарватере их трактовки международных отношений.

И тут становится очевидным, что фактически санкциям подвергается не только Россия или другая страна, но и фирмы и банки объявивших санкции стран. Капитал из этих стран должен тоже соблюдать санкции независимо от потерь. Получается «принудительный патриотизм» поддержки власти своих правительств. Честь «национального мундира» стоит дороже, чем любая попытка для компании обойти санкции. Такой патриотизм не относится к «квасному патриотизму». Он

также довольно далек от нравственных принципов, но вполне укладывается в принципы демократии западного образца.

Российский патриотизм имеет глубокие исторические корни. Он выражается в том числе и в том, что не приемлет насилия никакой модели развития страны без адаптации ее к условиям России. Российская модель была и может быть рыночной, но пригодной для решения проблем громадной страны.

Сам ход рыночных преобразований в эти годы не учитывал специфики России и при этом был нацелен на то, чтобы сделать население космополитным, не привязанным к своей родине, но подчиняющимся власти денег. В результате в стране расцвел товарный и денежный фетишизм. Наступило изобилие поддельных товаров и обманных услуг, что вызвало у людей недоверие ко всему происходящему. Трясет «рыночную колею». Без доверия и понимания цели движения трудно двигаться вперед.

Видимость плюрализма и монополизм мейнстрима

В научном сообществе не утихают дискуссии о теоретических основах российской модели развития. С позиций различных научных школ рассматриваются варианты формирования в стране единого рыночного пространства, совершенствования налоговой и бюджетной системы, создания благоприятного инвестиционного климата как для отечественных, так и для зарубежных компаний. В стране нет цензуры на теоретические взгляды и публикации. Вузам разрешено преподавать экономические дисциплины любого направления. Особой остроты дискуссии достигли после 2014 г., когда страна повернулась к отечественному производству и по-настоящему задумалась над изменениями структуры национальной экономики с активным использованием достижений науки и информационных технологий. Одним словом, теоретический плюрализм процветает.

Между тем результаты видимого плюрализма оказываются мизерными — мало что достигает практики или реализуется в экономической политике государства. Российский либеральный тренд оказался завидно живучим, так как прочно персонифицирован ведущими лицами как правительства, так и крупного бизнеса. Неоклассический мейнстрим, оседлавший монетаризм, оказался выгодной находкой для правящей элиты в деловой и гуманитарной сферах. Выгодной потому, что любая даже небольшая смена теоретической парадигмы, настроенной на вызовы времени, потенциально может сократить доходы этой «элиты», ибо исчезнет ее монополизм. Вот почему так сильны консервативные настроения, внешне представляемые как верность рыночным принципам. Только ведь рыночные принципы можно соблюдать и поддерживать по-разному. Пока же в России борьба за макроэкономическую ста-

бильность не выводит экономику из стагнации. Тем самым еще раз демонстрируется теоретическая и практическая вредность монополизма. Только против такого монополизма пока еще нет закона о защите конкуренции.

Экономический прагматизм

История свидетельствует о том, что страны, добившиеся большого прогресса, двигаясь по «рыночной колее», не только опирались на частную собственность, но и руководствовались прагматическим подходом. Прежде всего это относится к государственной экономической политике. Известно, какое огромное влияние на общемировое развитие оказало само существование СССР. Западные страны оказались вынужденными повсеместно вводить ограничения длительности рабочего дня, пенсионное обеспечение пожилого населения, не снимая с повестки дня проблемы социального развития независимо от того, партия какой политической ориентации побеждала на выборах и становилась правящей. В Европе социальные достижения оказались наиболее весомыми, но и в США не забыли об обществе всеобщего благоденствия после Второй мировой войны. Фактически во всех странах господствовал прагматический подход к решению текущих и надвигающихся проблем. При этом продолжали развиваться различные школы и направления экономической теории и науки, которые влияли на выбор экономической политики косвенным образом. Наука предпочитала ориентироваться на проблемы практики, не затрагивая, как правило, системных вопросов.

Экономический кризис 2007—2009 гг. не только всколыхнул всю рыночную систему, но и вообще вынудил всех обратить внимание на «системное перестроение» как мирового хозяйства, так и отдельных национальных экономик. Созрел вызов для новой парадигмы мирового развития после информационной революции. А в США во весь рост встала проблема обновления обрабатывающей промышленности на современной технологической базе. Один из дней октября объявлен Национальным днем обрабатывающей промышленности. Любая администрация, находящаяся в Белом доме, традиционно отслеживает и стремится поддерживать рост производительности в американской экономике [3, 58—59, 113—122]. Теряя лидерство в мировом хозяйстве по объему ВВП, США не хотят уступать никому лидерство по темпам роста и уровню производительности труда как главного фактора национальной конкурентоспособности.

Еще более прагматический подход к экономике демонстрирует КНР. Сохраняя свою политическую систему во главе с компартией, реализуя пятилетние планы развития национальной экономики, страна в то же время во всю мощь использует рыночную мотивацию и частную

собственность. Все это позволило Китаю выйти на первое место в мире по объему ВВП и величине экспорта товаров и услуг. В вузах страны студенты изучают марксизм-ленинизм с китайской спецификой одновременно с неоклассической теорией, политическая экономия соседствует с экономиксом. Таков китайский прагматизм. Порой это звучит утилитарно — неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей.

Ни американский, ни китайский прагматизм не решают всех проблем, ибо сложность современного прогресса такова, что он постоянно рождает новые вызовы и проблемы. Такова ситуация и в России. Есть лишь одно важное отличие — в стране торжествует неоклассическая догма, которая положена в основу государственной экономической политики. Это тормозит перестроение России на современные методы решения проблем. В России нет ни американского, ни китайского прагматизма, когда четко выражена персональная ответственность при персонификации собственности и капитала. Правящим бизнес- и политической элитам выгодно сохранять размытость ответственности, что ведет и к размытости рыночных принципов. Даже тогда, когда без «рыночной колеи» не обойтись, расплывчатая ответственность чиновников и собственников искажает эффективность рыночного пути, отталкивает население, противопоставляет разные группы работников друг другу, вызывает недоверие к тем, кто под прикрытием слов о заботе о народе на самом деле раздувает собственный кошелек.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2015.
2. Эксперт. 2016. № 43.
3. Economic Report of the President. 2017. Washington, 2017.
4. World Economic Outlook, October 2016. Washington, IMF.

С.С. СЛЕПАКОВ

Интересы общества и институциональные условия их реализации

Аннотация. В современной России общественные интересы представлены и реализуются представителями общества, функционирующими в рамках определенных институциональных форм (прав и полномочий, организаций, учреждений и пр.). Политические элиты — представители бюрократии и бизнеса — создают институты и управля-

ют обществом, руководствуясь собственными интересами. При этом, с позиций интересов общества, элиты действуют бесконтрольно и безответственно. В эпицентре конфликта интересов находится стейкхолдерское, неопатримониальное государство, находящееся в противоречии как с собственным населением (ухудшение благосостояния чревато социальными обострениями), так и с национальным истеблишментом. Устойчивое развитие и стабильность должны быть обеспечены институциональными реформами, нацеленными на приоритетное определение и реализацию интересов общества.

Ключевые слова: общественные интересы, институты, политические элиты, стейкхолдеры, конфликт интересов, социальные и экономические противоречия, реформирование.

Общественные интересы как феномен в современном мире и в России, в частности, не определены и не очевидны. В мировой практике в этом качестве, как правило, используется импортированное из США понятие «национальные интересы», т. е. объективно значимые цели и задачи национального государства как целого, созвучное понятиям «имперские интересы», «государственные интересы». Понимание общественных интересов затруднено тем, что общество, в отличие от групп и индивидов, сложно идентифицировать в системе категорий: сущность, содержание, субъект, объект, ресурсы, цели, средства и пр. Однако проблема не только и не столько в сложности общественного интереса как предмета исследования. Доминирующим интересам элит общественный интерес в качестве ключевого не нужен и бесполезен.

В XXI в. общественные интересы представлены и реализуются представителями общества, функционирующими в рамках определенных институциональных форм (прав и полномочий, организаций, учреждений и пр.). Политические элиты — представители бюрократии и бизнеса — создают институты и управляют обществом, руководствуясь собственными интересами. При этом, с позиций интересов общества, элиты действуют бесконтрольно и безответственно.

В перманентном конфликте интересов стейкхолдеров от власти и бизнеса интересы общества слабо защищены и находятся на периферии конкурентных процессов. Точнее говоря, общественные интересы принимаются во внимание властной и бизнес-элитами, но лишь в той мере, в какой это им необходимо для ограничения возможностей социальных конфликтов, привлечения электората, поддержки политических курсов и действующих лидеров и пр.

Причиной слабой восприимчивости властных и бизнес-элит общественным интересам служит отчуждение («похищение») ими у общества национально-государственной политики. Сформированная стейк-

холдерами от власти и бизнеса в собственных интересах институциональная система не предназначена, органически не способна служить реализации общественных интересов.

В конкуренции интересов современной России доминирующими субъектами являются государственные структуры и корпорации, национальные и международные монополии. Официальная (либеральная) доктрина в современной России исходит из концепции полного отрицания общественных интересов, отвергая всякую возможность того, что социальные общности могут обладать преференциями и функциями, несводимыми к предпочтениям и поведению индивидуумов, методологический индивидуализм занял центральное место в экономической теории (Шумпетер, Блауг, Виксель, Бьюкенен и др.) [3; 4; 5; 6; 12; 20].

Однако рядом авторитетных российских ученых признаны не только право на существование, но и ключевая роль общественных интересов. В их числе А.Я. Рубинштейн (подход к проблеме индивидуализма и холизма — качественного своеобразия и приоритета целого по отношению к его частям — в теории интересов), В.М. Полтерович, Ю.М. Осипов и др. [13; 15; 17].

По нашему мнению, отказ от методологии «радикализации индивидуализма» интересов и признания наличия у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов, требует дифференциации природы интересов индивидуальных, групповых (стейкхолдерских) и общественных интересов, как части и целого.

Интересы стейкхолдеров имеют в своей основе субъективную деятельность группы или индивида, направленную на производство и продвижение товаров (работ, услуг) с целью извлечения добавленной стоимости в различных формах, т. е. достижение субъектами *экономической эффективности*.

Общественный интерес по своей природе не эгоистичен, поскольку ориентирован на воспроизводство условий жизнедеятельности сообществ: национальных, региональных, местных и пр. Он реализуется в сохранении, защите и развитии городских и сельских территорий проживания сообществ, в многообразных аспектах оптимального уровня производства и потребления общественных благ: обеспечении безопасности, сохранении и защите экологии, инфраструктуры, здравоохранения, занятости, социального обеспечения, справедливой системы присвоения и распределения доходов, т. е. в обеспечении *эффективности социальной*.

Соединение, согласование экономической и социальной эффективности требует положения, при котором национальным сообществом должен управлять ассоциирующий и гармонизирующий совокупность составляющих его собственных интересов общественный интерес. Ори-

ентированный на воспроизводство жизнедеятельности общества общественный интерес представляет собой функцию объединения, сохранения, защиты, консервативной стабильности и модернизационного развития общества. Непризнание властью и бизнесом роли общественного интереса, его разрушение всегда имеют для общества деструктивные последствия. Закономерным результатом функционирования в России неадекватной общественным интересам деструктивной институциональной системы является социально-экономическая дисфункция государственной политики.

В послании Президента Федеральному собранию вновь прозвучали обещания поручить Правительству разработать «предметный план действий» по повышению темпов роста стагнирующей российской экономики выше мировых к 2020 г., избавить Россию от нефтяной зависимости, восстановить репутацию страны в мире, сделать капитал доступным для предпринимателей, усилить меры по борьбе с коррупцией, переориентировать ВПК на выпуск гражданской продукции и осуществить большую государственную программу по расширению технологических инноваций. Президент с гордостью говорил о построении сильного государства и призвал доминирующих во власти и бизнесе либералов больше уважать простой народ. При этом ничего не было сказано о необходимости крупных структурных реформ или создания независимых судов [11].

В интервью изданию «Коммерсант» академик РАН Сергей Глазьев оценил ущерб от политики Банка России с момента перехода к таргетированию инфляции более чем в 10 трлн р. в пересчете на невыпущенную продукцию и 3 трлн р. несделанных инвестиций, не говоря уже о потерянных рабочих местах и снижающихся все это время доходах населения. Ранее он же оценил состояние российской экономики как предынфарктное, вследствие того, что Банк России сохраняет высокую ставку, убивающую экономическую активность в стране и, в отличие от центробанков других стран, не кредитует экономику собственной страны. Эту же точку зрения разделяют и некоторые наиболее авторитетные представители либерального направления, например, Сергей Алексашенко [9, 18].

Сложившаяся в современной России хозяйственная система характеризуется отсутствием стратегической направленности на определение содержания и реализацию общественных (национальных) интересов. Трудно назвать политикой, проводимой в интересах общества, положение, при котором любой национальный проект сведен к совместному решению корпорации, профильного министерства (ведомства) и министерства финансов. Интересы общества в современной нацио-

нальной политике России не просто не первичны — общество выступает здесь в роли аутсайдера.

Согласно обнародованным в начале октября 2016 г. данным мониторинга Минэкономразвития по итогам трех кварталов текущего года, реальные располагаемые доходы населения снизились за год на 8,3%, и это стало максимальным падением данного показателя с 2009 г. За этот же период доходы населения сократились и в номинальном выражении — на 0,9% в годовом выражении, отметили в МЭР. До 20 млн человек живут на доходы, ниже официального уровня бедности.

В условиях стагнирующей экономики (Росстат, публикующий данные по ВВП поквартально, предварительно оценил спад экономики в январе—сентябре 2016 г. в 0,7%; по подсчетам Минэкономразвития, за январь—октябрь снижение ВВП также составило 0,7%, а спад экономики по итогам года министерство прогнозирует на уровне 0,6%) заявление Игоря Шувалова на бизнес-форуме Россия—Сингапур об окончании падения доходов населения в 2017 г. представляется необоснованным [19].

Предположительно, вице-премьер имел в виду не все население России, а лишь отдельных его представителей. Государство, сокращая долю социальных бюджетных расходов, реализует концепцию их софинансирования населением. Так, по данным Научно-исследовательского финансового института (НИФИ), сегодня население России оплачивает порядка 40% медицинских услуг. ВШЭ спрогнозировала уход от бесплатной медицины и рекомендовала государству ее «софинансирование населением». Причиной ухудшения медпомощи эксперты ВШЭ считают демографическую ситуацию. К 2034 г. трудоспособное население России сократится на 4,4 млн человек, а количество пенсионеров, нуждающихся в помощи врачей, вырастет на 5 млн. Если здравоохранение не найдет дополнительных источников финансирования, медуслуги станут менее доступны. Сокращение доступности медицинской помощи, по мнению авторов отзыва, «проявится не столько в пересмотре перечня предоставляемых услуг, сколько в увеличении времени их ожидания, размеров легальных и неформальных платежей и в сокращении обращаемости за ними низкодоходных групп населения» [7].

Одновременно с этим, в России 10% наиболее обеспеченных россиян контролируют 89% благосостояния домохозяйств страны. Для сравнения, в США — 77,6%, в Китае — 73,2%. В России живут 96 долларовых миллиардеров и 79 000 миллионеров. В то же время более 90% населения располагают благосостоянием в размере не более 10 000 дол. на каждого взрослого [10].

Американский «Forbes» составил список десяти самых дорогих подарков всех времен, куда вошли две затеи российских миллиардеров

— коллекция шедевров мирового искусства, купленная олигархом Романом Абрамовичем для художественной галереи своей жены Дарьи Жуковой (5-е место), и свадьба Саида Гучериева, организованная основным владельцем группы БИН Михаилом Гучериевым (1 млрд дол. — 10-е место в рейтинге) [1].

Гендиректор ФГУП «Почта России» Дмитрий Страшнов заявил, что выплаченная ему премия за 2014 г. в размере 95,4 млн р. рассчитана по правилам, а все споры вокруг ее законности — чрезмерно обострены [8].

Российский «Forbes» опубликовал рейтинг 12 отраслей экономики страны с самым высоким уровнем зарплаты топ-менеджеров. В их число вошли нефтегазовые компании, тяжелая индустрия, телекоммуникационные компании, коммерческие и инвестиционные банки, торговые сети, страховые и транспортные компании, производители потребительских товаров, строительные компании, агрохолдинги и фармацевтические компании.

Так, средняя по рынку компенсация генеральному директору или президенту в нефтегазовых компаниях в 2016 г. составила 2,16 млн дол., в компаниях, занимающихся тяжелой промышленностью, — 1,63 млн, в телекоммуникационных компаниях — 1,18 млн дол.

Компенсация председателю правления коммерческого банка в среднем по рынку в этом году составила 1,07 млн дол., управляющего директора инвестиционного банка — 840 тыс. дол.

Гендиректор торговой сети в среднем получает 620 тыс. дол, страховой компании — 580 тыс., транспортной компании — 520 тыс. дол., подсчитал «Forbes». Вознаграждение гендиректора предприятия, занимающегося производством потребительских товаров в среднем 470 тыс., гендиректора строительной компании — 450 тыс., агрохолдинга — 410 тыс., фармацевтической компании — 360 тыс. дол.

За основу составления рейтинга были взяты суммы вознаграждений, выплаченных топ-менеджерам за 2015 г. или назначенных на 2016 г. В расчет был взят курс 67,6 р. за доллар.

Рейтинг базируется на данных девяти кадровых агентств, специализирующихся на подборе руководителей высшего звена: Ward Howell, Rosexpert, Odgers Berndtson, Transearch, Cornerstone, Amrop, Midland Hunt, Unity, Horton International.

24 ноября «Forbes» опубликовал рейтинг самых высокооплачиваемых топ-менеджеров России, возглавил который председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер. Его вознаграждение за 2015 г. издание оценило в 17,7 млн дол. (без малого 79 тыс. дол. — 4,5 млн р. за рабочий день, что соответствует сумме 141 среднемесячных заработных плат). Также в тройку вошли исполнительный директор «Роснефти»

Игорь Сечин, доход которого «Forbes» оценил в 13 млн дол., и председатель правления ВТБ Андрей Костин. Размер его вознаграждения «Forbes» не назвал, пояснив это тем, что группа ВТБ не предоставила данных о ключевых менеджерах [2].

Российские олигархи активно перебазируются в налоговые юрисдикции Швейцарии, Великобритании, США, Израиля, Монако и др. стран. Помимо налоговой оптимизации, причинами «исхода» служит неспособность России гарантировать своим бизнесменам стабильность и защиту права собственности, создать оптимальные условия для функционирования бизнеса: взятие кредитов у иностранных банков, возможность заключать акционерные и арбитражные соглашения и т. д. Миллиардер Алишер Усманов, занимающий 3-е место в рейтинге самых богатых россиян, был впервые включен в список 300 самых обеспеченных жителей Швейцарии по версии местного делового журнала «*Bilan*». Состояние 63-летнего бизнесмена оценили в 12—13 млрд франков (11,8—12,8 млрд дол.) и поставили его на 9-е место в рейтинге. В топ-10 попал также еще один россиянин — владелец «Реновы» Виктор Вексельберг с состоянием в размере 12 млрд франков (11,8 млрд дол.) — резидент одного из кантонов Конфедерации (статус почти равен статусу гражданина, но без права участия в выборах) [14, 16].

Конфликт интересов в современной России имеет своим эпицентром стейкхолдерское, неопатримониальное государство, пришедшее в противоречие как с собственным населением (ухудшение благосостояния чревато социальными обострениями), так и с национальным истеблишментом, «голосующим ногами». Возможность обеспечения социально-экономической стабильности в стране силовыми средствами не может играть ключевой роли не только в стратегической, но и в близкой перспективе. Устойчивое развитие и стабильность должны быть обеспечены институциональными реформами, нацеленными на приоритетное определение и реализацию интересов общества.

Литература

1. Forbes включил покупки Абрамовича для жены и свадьбу Саида Гуцериева в число самых дорогих подарков всех времен // <http://newsru.com/finance/02dec2016/expensivegifts.html>.
2. Forbes назвал отрасли с самыми высокими зарплатами топ-менеджеров // <http://www.rbc.ru/business/28/11/2016/583bd79b9a79479a4c953cfc?from=newsfeed>.
3. Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки:

материалы теоретического семинара ИМЭМО / Рук. В. А. Мартынов. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

4. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

5. *Бьюкенен Дж.* Избранные труды. М.: Таурис Альфа, 1997.

6. *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6.

7. ВШЭ спрогнозировала уход от бесплатной медицины и рекомендовала государству «софинансирование населением» // <http://www.newsru.com/finance/30nov2016/hsehealth.html>.

8. Глава «Почты России» назвал «перегретой» ситуацию с его многомиллионной премией // <http://m.newsru.com/russia/28nov2016/strashnov.html>.

9. Глазьев: Действия ЦБ нанесли ущерб экономике России в 10 трлн рублей // <http://rusvesna.su/economy/1480421439>.

10. Деньги. Коммерсант. 2016. 4 дек.

11. Медведев снизил прожиточный минимум в России // <http://www.rbc.ru/economics/05/12/2016/58452d059a79474b3083dd51>.

12. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

13. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики: сборник статей / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова, Е.С. Зотовой. М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.

14. Положительная динамика: как менялись прожиточный минимум и МРОТ // <http://izvestia.ru/news/649881>.

15. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории. М.: Издательство ЦЭМИ РАН, 2010.

16. Потребительская корзина: как менялись цены на продукты в России // <http://izvestia.ru/news/650228>.

17. *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. А.Я. Рубинштейн. СПб.: Алтейя, 2008.

18. Сергей Алексащенко: «Эльвира Сахипзадовна, снимите гипс!» // <http://blog.newsru.com/article/02dec2016/cbr>.

19. Шувалов объявил об окончании падения доходов населения России // <http://www.newsru.com/finance/25nov2016/doh.html>.

20. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

**Философия хозяйства как «метафизика» неэкономике:
проблема человека**

Аннотация. Авторы полагают, что в поисках выхода из нынешней экономической ситуации при разработке программ становления посткризисной неэкономике необходимо уделять особое внимание проблеме человека, показывают перспективность идей философии хозяйства; в частности, целесообразность отказа от трактовки человека как капитала, осмысление его в качестве фактора экономического развития как неэкономического хозяйствования. Это предполагает понимание человека как социокультурной личности, формирование которой осуществляется на основе гуманизации общественной жизни. Авторы обозначают аспекты этой работы, ее условия и направления, выделяя в качестве главной проблемы человека неэкономике модернизацию его экономической культуры.

Ключевые слова: экономика, неэкономика, человек, философия хозяйства, метафизика, гуманизация, экономическая культура.

Дискуссии и разговоры о необходимости системных реформ, их содержании уже не вызывают интереса по причине своей бесплодности; «утечки» из обсуждений разрабатываемых программ свидетельствуют, что речь идет о вариантах институциональных перестроений, а вот о перестройке главной производительной силы любой экономики — человека — ничего не слышно. Полагаем — в разработку идеологии искомой модели российской (пост)экономики (в трактовке Ю.М. Осипова — неэкономике [7]) необходимо включать проблематику так называемого человеческого капитала. Его современное понимание нельзя традиционно сводить к воспроизводству трудящегося как винтика экономического механизма (демография, здравоохранение, рекреация, образование и т. п.), нужна социокультурная трактовка человека как личности во всей полноте ее экономической релевантности.

В соответствии с материалистической традицией принято полагать, что главным условием искомой перестройки человека для обретения статуса «неэкономического» является собственно сама экономическая жизнь, ее реалии, проблемы и перспективы, а главное — ее изменения; она, прежде всего и непосредственно, формирует своего субъекта.

Данный подход, безусловно, возможен и необходим, но недостаточен, ибо история показывает необходимость рассмотрения и духов-

ных факторов экономических изменений: авторитетный анализ становления классического — западного — капитализма (М. Вебер [2], В. Зомбарт [3] и др.) показывает атрибутивную роль духовной (прежде всего — религиозной) составляющей жизни человека для становления нового образа экономического бытия. Именно с Реформации, 500-летие лютеровского начала которой отмечается осенью этого года, начинается вызревание того «духа капитализма», который привел, наряду с собственно материальными обстоятельствами, к формированию субъекта новой, уже собственно капиталистической, экономической деятельности.

Для уточнения сути дела и в связи со столь значительным юбилеем полагаем, уместно напомнить об экономической релевантности религиозной составляющей идеологии Реформации — протестантизма. В частности, его идеи относительно трудовой мотивации и самого характера труда, роли денег в жизни человека привели к изменению так называемого культурно-экономического типа общества: классическое христианское (католическое) *хозяйствование* как жизнеобеспечение, как необходимость освобождения от искушений материальной зависимости для возможности истинной — религиозной — деятельности трансформируется в (протестантскую) *экономику* как особый вид профессиональной трудовой деятельности ради прибыли, которая приобретает свое «сакральное» значение, характеризует «богоизбранность» человека: то, что раньше делали ради Бога, начинают делать ради Денег. Протестантская этика такой экономики становится идейно-мировоззренческим фактором формирования человека, живущего «духом» капитализма, становления новой экономической культуры.

Образно говоря, протестантская вера сыграла роль «куколки», из которой вылетела «бабочка» Духа капитализма. Следует подчеркнуть, что в этой вере именно экономическая, трудовая профессия рассматривается как личный призыв Бога к каждому верующему, индивид оказывается замкнутым в этом организующем его пространстве, очерченном для него Провидением, гораздо более прочно, чем монах в пространстве «кельи» монастыря: «ты думаешь, что убежал от монастыря, — нет, теперь монастырь живет в тебе». Таково религиозное обоснование рассмотрения экономического человека как «винтика», приписанного «свыше» к экономическому «механизму».

На основе этой экономической релевантности протестантизма можно полагать, что европейской истории известны два основных принципа культуры материального жизнеобеспечения: а) *хозяйственно-го* самоограничения ради развития культуры как (духовной-религиозной) целостности; и б) использования достижений (духовной) культуры для *экономического* доходно-потребительского самоудовле-

творения материальных потребностей. Второй принцип и начинает доминировать в буржуазно-капиталистической экономике, возникшей в Реформационный период исторического развития Западной Европы.

Таково экономическое значение изменений в христианской идеологии: в аспекте понимания сущности деятельности человека по своему материальному жизнеобеспечению протестантизм духовно обеспечивал *переход от жизни хозяйственной — к экономике, от человека «бытийно-религиозного» — к «экономическому»*.

Разумеется, мы не призываем «запустить» протестантскую перестройку многоконфессиональной духовно-религиозной жизни человека современной России для ее устремленности в «цивилизованное» бытие отечественного капитализма западного типа. Важен исторический прецедент, убедительный пример; мы полагаем — имеющиеся отечественные наработки экономической релевантности духовного религиозного «перестроения», по-своему перекликающиеся с Реформационными, достойны рассмотрения (несмотря на то, что последние опираются на философский Разум, а российские — на софийную Мудрость. Мы имеем в виду идеи православного мыслителя С.Н. Булгакова о философии хозяйства [1], а также их развитие Ю.М. Осиповым [10]. В них главное для нас — проблема роли духовных факторов новой хозяйственно-экономической деятельности, формирование ее субъекта, в нашем случае — неоекономики.

Кратко охарактеризуем главные идеи философии хозяйства, могущие, по нашему мнению, иметь метафизическое значение для проблематики становления человека как субъекта посткризисного реформирования нашей экономики в названное качество. В частности, можно сказать, что Булгакова волнует не столько понимание *хозяйства*, сколько «выделка» из человека его *хозяина*. В противовес идеологии прагматичного экономизма (материализма) Булгаков разрабатывает основы философии хозяйства, которая исходит из того, что человек призван жить не только и не столько земными материальными, экономическими интересами (которые, при всей их необходимости, и губят его, в конечном счете), сколько выходящими за них высшими, сакральными; речь идет «о трансцендентальном субъекте хозяйства» (гл. 4 «Философии хозяйства»)

Еще раз подчеркнем — можно и нужно ставить вопрос о необходимости и возможностях духовной перезагрузки нашего человека, ибо без нее он вряд ли способен стать субъектом посткризисной неоекономики как хозяйства постсовременности.

Идеологию такой перезагрузки дал Ю.М. Осипов. Развивая идеи Булгакова, он отмечает, что хозяйство неотделимо от *хозяина* — его *субъекта*: в философии хозяйства все восходит к *человеку как хозяй-*

ствующему субъекту, который не просто участвует в экономических отношениях, но *метафизически* стоит за (над) ними своими духовными потребностями личностного саморазвития [8, 127]. Особенно важна мысль автора, что в переходных условиях «человека, видно, выковывать постоянно надо... и держать, держать» [9, 314]. А мы видим, что от проектной гуманизаторской (не путать с гуманистической), духовной деятельности по формированию человека как нового экономического субъекта государство, общество принципиально отказались в пользу некой рыночной «естественности», «объективности»!

Осиповский вектор софийной модернизации человека объективно определен и жизненно обусловлен его экзистенциальными потребностями в условиях кризиса — апокалиптикой времени переломов в развитии капитализма (будем считать его максвеберовским «идеальным типом»). Как показывает Осипов, глубинными основами современного мирового кризиса являются виртуализация финансовоэкономики, отрыв духовного от материального, т. е. он имеет философскую природу. Современный кризис представляет собой выход за классические (бреттонвудская финансово-экономическая модель) пределы меры баланса производственного и денежного факторов экономики — финансовая жизнь становится симулякром, обладающим не только большим значением, но и большей реальностью, нежели материальное производство. Можно говорить о тенденции утраты экономикой ее реальности, когда финансовые символы, знаки, значения, бумаги начинают доминировать над производством материальных благ. Экономика машин сменилась экономикой ценных бумаг — пресловутой финансовоэкономикой. В принципе такую ситуацию можно рассматривать как своего рода деноминацию виртуальной экономики, девальвацию ее ценностей, что нужно использовать для восстановления нарушенного баланса реальной и виртуальной экономических сфер. Стремление к этому является своего рода модусом формирования метафизики неэкономии; ее атрибутом должно быть единство материального и духовного в экономической деятельности, преодоление ее виртуальности [5].

В свою очередь, таковая не может не влиять на «природу» занятого в ней человека. Может казаться парадоксальным, но это влияние имеет и позитивный момент: «виртуализированный», оторванный финансовоэкономикой от материального производства человек получает этим новые возможности своего нематериального, духовного перестроения. Главный тут вопрос — каковы его основы, содержание, механизм...

Именно в таком плане для преодоления современного кризиса экономики и человека, их модернизации и могут быть востребованы идеи философии хозяйства. Пока в ее рамках получается: есть *человек*

софийный (общее), есть *человек экономический* (единичное), а вот *человек-хозяин* (особенное) ждет своих специальных исследований.

В качестве постановки проблемы можно сформулировать вопрос: какова может быть современная трактовка проблемы перестроения кризисного человека в субъекта неэкономике? Во-первых, очевидно, что это возможно только в контексте генеральной идеологии трансформации нынешней кризисной экономики в хозяйство (но не сводиться к данному процессу). Философия хозяйства, в принципе, является интенцией жизнеобеспечения человека, формой реализации его сакральной перспективы. Идеология экономики (тем более в парадигме экономика) является интенцией апокалипсической, формой реализации inferнальной перспективы человечества, что все более обнаруживается в современном мировом геополитическом кризисе. Рассуждая логически, хозяйство — это род, (целое) а экономика — один из его видов (частное). А если виды выходят из-под власти рода, то они вступают на путь самоотрицания. Поэтому экономика как часть хозяйства может перспективно существовать лишь в его составе (см.: [4]). Именно это условие подтверждается всем послереформационным развитием Западной Европы. Поэтому и стоит задача перехода России от экономики «новой нормальности» — к постэкономическому неохозяйству.

Как было сказано выше, чисто экономический дискурс проблемы перспективы не имеет, ибо в его основе лежит философская проблема — соотношение материального и духовного в экономической сфере. Это и делает столь актуальными идеи философии хозяйства: неэкономике следует быть если не хозяйством, то хозяйственной, (софийно) направленной на человека. Постиндустриализм, постмодернизм создают онтологические предпосылки для такой трансформации, но нужна специальная теоретическая работа по *переводу идеологии экономики в мировоззрение нового хозяйствования*.

Что это значит? Во-первых, интерпретируя и развивая идеи Осипова, можно сказать — парадигма философии хозяйства показывает выход из кризиса в проведении такой политики, когда финансы работают на экономику, а не экономика на финансы; когда экономика существует для человека, а не для прибыли. Эти установки на социокультурную и антропологическую нормативность баланса материального и духовного в любой модели экономики, понимание метафизического смысла любой экономической деятельности и лежат в основе искомой парадигмы модернизации экономики (см.: [6]).

Во-вторых, представляется принципиально важным положение, что, рассматривая неэкономике как новую, переходную экономическую реальность, «беременную» постэкономикой, важно не замыкаться в анализе ее финансово-компьютерно-виртуальной нереальной реально-

сти. Еще раз повторим — в любой экономике главную роль играет человек, только он наполняет ее смыслом. В связи с этим возникает вопрос — кем он должен быть в неоекономике: (нео)капиталом или фактором? В классической экономической теории человек выступает как капитал; эта трактовка сохраняется и в постиндустриальном осмыслении экономической жизни. На наш взгляд, такая ситуация не соответствует современному тренду экономической субъектности, уже достаточно внятно формируемому антикризисными поисками посткризисной онтологии экономического бытия. Концепту неоекономики нужна междисциплинарная теоретико-методологическая трактовка проблем модернизации человеческого капитала через включение социокультурных аспектов его рассмотрения.

Неоекономика меняет смысл участия человека в экономической деятельности: требует его понимания как личности, обладающей не просто капиталом своих рабочих рук и мозга, а системой имеющих экономическую релевантность социогуманитарных качеств, обеспечивающих его новую субъектность для формирования (пост)экономики, являющихся ее движущей силой — *фактором*. Их состояние может рассматриваться как современная капитализация человека в неоекономике, показывать его возможности самовозрастания не как абстрактной стоимости человека-капитала, а как всесторонней личности; это обуславливает ограниченность понятия «человеческий капитал», необходимость перехода к концепту «человеческий фактор» в их противоречивом неоекономическом единстве.

Речь идет о необходимости для (нео)экономики не экономического, а социокультурного человека, не капитала, а *личности*, выполняющей разные социальные роли, одной из которых является экономическая. (Отметим, что данный подход соответствует содержанию специальности 08.00.01 — экономическая теория: в ее «паспорте» среди областей исследования отмечается такая проблема, как «*гуманизация экономического роста*» (1.1); выделены *философские, этические и методологические* предпосылки экономических теорий (4.1), эволюция *парадигмы* экономической теории (4.2), *междисциплинарные взаимодействия* в экономической науке (4.3).) Поэтому, наряду с перестройкой собственно экономической, институциональной системы, нужна и специальная программа работы по созданию условий для становления человека как субъекта (нео)экономической деятельности — программа гуманизации социума.

Каковы же основные аспекты этой работы? Во-первых, онтологическими, метафизическими основой этой программы являются отмеченная необходимость и возможность *трансформации экономики в хозяйство*. Во-вторых, необходимой предпосылкой искомой гуманизации

является практическое, реализуемое системой конкретных мер понимание того, что главным ресурсом современной экономики являются не природные богатства, не эксплуатация, не добыча прибавочной стоимости, а *развитие личности человека — творца главного экономического продукта XXI в. — знаний-технологий*. В-третьих, «экономический гуманизм» выражается в понимании необходимости *социальной ответственности отечественного бизнеса*. В-четвертых, гуманизация экономики предполагает возвращение, пропаганду, стимулирование нравственной составляющей экономической деятельности для ее осуществления не ради денег как таковых, за счет человека («из свиней добывают сало, а из человека — деньги»), а ради *дела, улучшающего жизнь людей*. В-пятых, необходимо гуманизационное очеловечивание самого активного субъекта нашей экономической деятельности человека денежного, его трансформацию из «богача» в хозяина. Наконец, в-шестых, средством непосредственной реализации этих установок является модернизация *экономической культуры* общества и человека, конкретизированная для разных социальных групп.

Очевидно, сегодня три последних аспекта являются приоритетными, на их основе возможна реализация первых. В частности, человек денежный и инноватик, и социальное служение легко обращает не на пользу общества, а ради личного обогащения «любой ценой»).

Мы полагаем целесообразным, прежде всего, сконцентрироваться на концепте «экономическая культура», рассматривая его как современную содержательную форму человеческого фактора, приходящую на смену форме превращенной — человеческому капиталу — и характеризующую его гуманизацию. Если человеческий капитал как историческая абстракция превращенной формы выступает характеристикой непосредственного участия человека в «механизме» капиталистической экономики, то экономическая культура характеризует его как личность-субъект этой деятельности, т. е. более адекватно современным реалиям и потребностям неоекономики.

На основе вышесказанного можно обозначить основные направления работы по искомой гуманизации человека для неоекономики через формирования адекватной ей экономической культуры:

- формирование объективно-материального и социального, подтвержденного государством политически и идеологически, запросов на нового экономического человека, необходимого посткризисной экономической жизни. Такой запрос должен быть конкретизирован в идеологии любой программы модернизации нашей экономики;

- центральной в такой идеологии должна быть установка на создание организационных условий для отказа от денежной и формирования деловой экономической культуры: модернизируемый человек при-

зван «капитализировать» себя в дело, а деньги должны следовать за этим, но не наоборот (сейчас в финансовике часто вообще ухитряются обходиться без реального дела, в ней деньги живут и без материальных товаров, услуг).

• необходимыми предпосылками реализации этих направлений являются создание, развитие и пропаганда всеми средствами гуманистической нравственной атмосферы в обществе в целом, в которой хорошо живет честным, трудолюбивым людям.

На этой основе, очевидно, и должна идти речь о его гуманитарной модернизации собственно экономической культуры человека и общества. В качестве основополагающих принципов этой работы можно предложить: а) неприятие наличных антигуманных и квазирыночных экономических реалий; б) осознание человеком не только внешнего мира, но и самого себя несовершенным, требующим цивилизованной «рыночной» социально-ответственной экономической перезагрузки; в) убеждение в наличии искомых социокультурных ценностей, идеалов, позволяющих человеку преодолеть собственное экономическое несовершенство и, тем самым, не просто существовать в посткризисной экономике, но и стратегически, модельно модернизировать ее; г) учет в формировании такой экономики не только необходимых для реализации поставленных целей качеств людей как экономических «агентов», но и их «общечеловеческих» качеств.

Полагаем — такая работа, «метафизический» фундамент которой заложен идеями философии хозяйства (разумеется, наряду с адекватными институционально экономическими реформами), может способствовать решению проблемы формирования человека для посткризисной «неоэкономики».

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Терра, 2008.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002.
3. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
4. Зотова Е.С. О неоэкономике с позиций философии хозяйства // Философия хозяйства. 2016. № 3. С. 282—287.
5. Королев В.К. Проблема «модернизации» человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. 2013. № 5. С. 36—46.
6. Королев В.К. Философия хозяйства как метапарадигма современной экономической теории: проблемы методологии // Философия хозяйства. 2012. № 2. С. 28—37.

7. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 293—299.
8. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011. 540 с.
9. *Осипов Ю.М.* Реквием. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.
10. *Осипов Ю.М.* Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова — сто лет философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2012. № 3. С. 9—23.

М.М. ГУЗЕВ

Неоэкономика и неополитика

Аннотация. Раскрываются особенности современного этапа формирования нового миропорядка, новой модели общественного устройства, новой модели хозяйственного развития; обосновывается объективная необходимость системного перестроения российского хозяйства; показываются ориентиры развития, взаимосвязь экономики и политики, основные препятствия на пути перспективных преобразований: качество правящей элиты, инфантильность населения, несовершенство институтов власти, расслоение населения и территории страны.

Ключевые слова: неоэкономика, неополитика, неоиндустриализация, неодирижизм, модель хозяйственного развития, системное перестроение.

Неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм — такая терминология совсем недавно стала особенно широко использоваться в российской науке. Она отражает неудовлетворенность результатами сложившейся в последние четверть века модели хозяйственного развития, поиск путей ее принципиального обновления или замены. Российское системное перестроение, о необходимости которого в последнее время много говорят ученые и политики, — не выдумка философии хозяйства. Это не пессимизм и не оптимизм, это реализм, следовать императивам которого раньше или позже, но придется. И лучше раньше, чем позже. Ю.М. Осипов по этой проблеме высказывается давно и совершенно определенно: «Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии “от реформизма к постреформизму” — *животрепецущая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный

кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но вовсю уже исполняющаяся» [7, 25]. Это было сказано в 2009 г., а в 2016-м еще раз актуализировано:

«Вглядимся попристальнее в три кита социоэкономической современности: *неоэкономику (неохозяйство)*, *неоиндустриализацию (неопроизводство)* и *неодирижизм (неоуправление)*».

России не избежать плаванья на сих трех китах, ежели она хочет быть не только современной, но и будущей страной, как и не избежать ей необходимого их — этих китов — под себя укрощения» [8, 13].

Наверное, нет необходимости доказывать, что современный мир, как всегда неожиданно, вступил в полосу стремительных изменений, идеологических, политических, социальных, экономических, технологических. Рушатся границы и союзы, меняются социально-политические и экономические ориентиры, нарастает глобальное переселение народов, меняются мировоззренческие ценности, началась смена мирохозяйственного технологического уклада, что порождает новые центры развития и силы, коллизии, рост противоречий и соответственно войны и другие катаклизмы. Причем изменить эти объективные процессы не дано никому. Их можно познать, в определенной мере, к ним можно подстроиться, можно попытаться их «оседлать», но не отменить. С.Ю. Глазьев еще 10 лет назад предупреждал о надвигающихся переменных: «В настоящее время шестой технологический уклад находится в эмбриональной фазе развития, при которой его расширение сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Хотя расходы на освоение нанотехнологий и масштаб их применения растут по экспоненте, общий вес шестого технологического уклада в структуре современной экономики остается незначительным, но с тенденцией к быстрому росту» [3, 16]. Но с тех пор мало что сделано.

И этого не замечать уже нельзя. События последних лет на Ближнем Востоке, в Европе, в США показывают, что мировое сообщество столкнулось с рядом новых проблем и угроз, идут поиски нового миропорядка, новых моделей общественного устройства и хозяйственного развития. Но именно об этом все последние 20 лет говорила и говорит философия хозяйства. О том, что импортированная в Россию модель рыночно-потребительского общества не позволила решить ни одной крупной задачи, стоящей перед страной: нет ни экономического роста, ни технической модернизации, ни структурной перестройки экономики, ни социальной справедливости, ни нового качества жизни, что остро встал вопрос об истощении интеллектуального потенциала страны и сохранении самой российской государственности. А если что-то и

делается, то нередко, не благодаря, а вопреки действующим установкам. И если раньше у либералов и их правительства были оговорки, типа, еще короткий срок, чтобы рынок себя проявил, то теперь, по прошествии 25 лет с начала рыночных реформ, стало совершенно очевидно: Россия уверенно идет к банкротству как государство. Этого времени Японии и Германии — в послевоенное время, или Китаю — в наше время, хватило, чтобы превратиться в процветающие государства. Иногда высказывается мнение, что точка невозврата пройдена и наша «страна стоит на пороге жуткого краха» [11, 5]. «Автономная рецессия всего лишь видимая часть вулканического извержения, и указывает на тектонический раскол в самом экономическом базисе, в многоукладной иерархии форм и отношений собственности.

По сути, автономная рецессия сигнализирует о том, что Россия сидит на вулкане системного кризиса, который был спящим, а теперь проснулся и пришел в активное движение. Альтернатива предельно ясна: либо последний день Помпеи со старой экономической системой, либо простор развития с новой» [4, 3].

В том, что страна стоит на пороге краха, убедиться можно и нужно, если выйти за пределы Садового кольца или, еще лучше, отправиться в глубинную Россию. И для предотвращения этого краха срочно нужна *новая модель развития*. А значит, и новые люди. Трудность решения этой задачи состоит, в частности, в том, что «старые» люди, старые рыночники, отягощенные рыночными фантомами и реальной собственностью, хотя многие из них молодые по возрасту люди, не хотят уйти в сторону. Старую рыночную бюрократию все устраивает. Но где взять новую?

Примечательно, что один из основных ударов бюрократии был нанесен по сфере образования, которая только и могла подготовить сменщиков для политических и экономических банкротов. Были проведены следующие так называемые улучшения:

- введение тотального ЕГЭ;
- значительное сокращение блока гуманитарных дисциплин в школах и вузах;
- заявления о необходимости готовить потребителей, а не творцов;
- отнесение образования, где идет формирование не только специалиста, но и человека, к сфере услуг;
- сокращение государственного финансирования образования и науки.

И это не частные ошибки или недоразумения. Все эти действия согласуются с идеями рыночного фундаментализма, где есть место только экономике с рабами-потребителями, и нет места хозяйству и че-

ловеку-творцу. В идеологии, образовании и воспитании произошло сведение всего многообразия богатства к золоту и деньгам. Разве можно согласиться с такой трактовкой богатства в XXI в. — в эпоху глобальных общечеловеческих, экологических и иных социальных проблем цивилизации? А игнорирование реального сектора экономики, производственной сферы? Или в экономике денег он вообще не нужен?

Ложные ориентиры не позволяют успешно решать проблемы системного перестроения России. Поэтому трудно (и невозможно) согласиться с мнением, что существующая в России рыночная модель (и объясняющая ее теория) безальтернативна. Люди не могут быть заложниками теорий. Если она не работает, значит, нужна другая теория, другое объяснение действительности. Философия хозяйства предлагает реальный путь перестроения: уход от рыночного фундаментализма, уход от экономизма, от всеобъемлющего частнособственнического индивидуализма. В конечном счете, люди рождаются не для того, чтобы быть только потребителями, но и производителями, и творцами.

Учитывая ограниченность рыночного фундаментализма, еще в первом докладе о развитии человека, подготовленном Специальной комиссией ООН в 1991 г., говорилось: «Реальным богатством нации являются сами люди. Поэтому целью развития должно стать создание условий для того, чтобы люди смогли насладиться долгой, здоровой и созидательной жизнью». Не материальное богатство, не золото и деньги, а человек и его благополучие, приумножение его возможностей и способностей — вот ориентиры для перспективной модели развития! Отсюда возрастание роли здравоохранения, культуры, образования и науки, всего, что непосредственно формирует человеческий капитал.

Для экономики колониального типа, построенной на идеологии рыночного фундаментализма, эти сферы вообще неинтересны, поскольку не рентабельны, не приносят непосредственно прибыли. Не случайно на 2017—2019 гг. российским правительством, с одобрения такой же либеральной Государственной Думы РФ, принято решение сократить государственное финансирование здравоохранения, образования, культуры и науки. И это происходит тогда, когда во всех развитых странах мира увеличивается финансирование этих базовых отраслей нового мирохозяйственного уклада.

Если что-то происходит, ищи за этим чьи-то экономические интересы. Если не происходит, тоже во имя чьих-то интересов. «Низкий уровень общей культуры, образования, нарастание аморализма и дегуманизации есть сознательное действие властвующей элиты ради достижения экономических целей в своих собственных экономических интересах» [1, 67].

Далее. Системный кризис, переживаемый Россией, если говорить о позитивном сценарии развития, предполагает перестроение не только, а может, и не столько экономики, сколько политики, политической системы. Не случайно, а вполне закономерно топтание на месте в последние годы в вопросах модернизации, структурной перестройки, неоиндустриализации, развития малого бизнеса, импортозамещения. В этой связи хотелось бы задать вопрос, кому нужна модернизация, структурная перестройка экономики, неоиндустриализация, развитие малого бизнеса, импортозамещение? Какие субъекты политики и экономики в этом заинтересованы? Власти, бюрократии в целом ничего этого не нужно, поскольку реализация данных направлений российского перестроения требует иных профессиональных и человеческих качеств, которыми многие из них не обладают, и не будут обладать никогда. И таких слуг народа предостаточно в самом правительстве, о чем говорят дискуссии на различных экономических форумах и высказывания отдельных министров. Поддержать эти проекты для них — значит написать заявления об увольнении. А заодно лишиться существенных легальных, а еще больше нелегальных источников существования и обогащения. Но поскольку открыто чиновничья рать сказать об этом не может, значит, будут скрытно саботировать важнейшие решения Президента. Достаточно посмотреть, как реализуются майские (2012) указы Президента РФ, как разваливаются программа освоения восточных районов страны, программа создания в России 25 млн новых высокотехнологичных рабочих мест и реформирования образования, реформа здравоохранения и т. д. Например, после 10 лет реформ в здравоохранении в направлении превращения его в рентабельную отрасль Россия по уровню здоровья населения опустилась на 116-е место из 188 стран, ниже всех бывших советских республик, включая Таджикистан и Киргизию, только в 45 тыс. сельских населенных пунктов из 130 тыс. можно получить хоть какую-то медицинскую помощь [10, 7]. После реализации федеральной программы газификации села, через 15 лет имеем всего лишь 28% газифицированных сельских домов. И это в стране, осуществляющей 18% мировой добычи голубого топлива и имеющей 25% его мировых запасов [5, 4]. По всеобщему признанию экспертов, разрекламированная «реформа» образования привела к значительному и опасному для будущего России понижению уровня знаний школьников и студентов. Из самой читающей и образованной страны мы стремительно превращаемся в страну с малограмотным населением. Поистине, за что бы ни взялись российские чиновники, от этого становится остальным только хуже. И это объяснимо: «общественный интерес не может быть реализован стейкхолдерами, управляющими общественными процессами. Ими не осознаются и не воспринимаются интересы со-

обществ (национально-государственных, региональных, муниципальных и проч.). По этой причине обеспечение жизнедеятельности сообществ и индивидов стейкхолдеры во власти полностью относят к сфере их же собственной ответственности...

Несоответствие интересов власти общественным интересам стало причиной ее органической неспособности в четвертьвековой реформационный период даже приступить к решению макроэкономической проблемы перехода России к прогрессивной модели хозяйственного развития» [9, 8].

На необходимость такого перестроения слабо реагирует и крупный бизнес. Многие из его представителей поднялись на темных схемах приватизации, развиваются на коррупционном использовании бюджетных средств (например, строительство олимпийских объектов, футбольного стадиона в Санкт-Петербурге, государственные программы по развитию различных секторов экономики и социальной сферы и др.), в открытую, вместе с чиновниками, выводят капиталы за границу и уходят от налогообложения, лоббируют антироссийские законы в ГД. В целом можно говорить об опасном сращивании бизнеса и власти, о криминализации власти, об уходе олигархического бизнеса из-под контроля со стороны и государства, и народа. И не должны вводить в заблуждение показательные процессы по уголовным делам. Осознанно созданная в России хозяйственная модель массово воспроизводит все новых и новых потенциальных преступников. В то же время неоиндустриализация объективно выгодна бизнесу: «...Для России главный вопрос — это настоящая неоиндустриальная модернизация, т. е. создание новой индустрии и собственного массового (в том числе импортозамещающего) товарного предложения для внутреннего и внешнего рынков товаров, технологий и услуг» [6, 28].

За острой полемикой вокруг неоекономики и неоиндустриализации как-то потерялось внимание к тому факту, что они не могут случиться без неодирижизма и неополитики. Справедливое утверждение, что политика есть концентрированное выражение экономики, верно и в обратной связи: не может быть новой экономики, если сохранятся в неизменном виде нынешняя внутренняя политика и политическая система. Мы много говорим об Украине, о необходимости ее федерализации, преодолении коррупции, демократизации, о продажной национальной элите, о бедности и озлобленности населения. А если в зеркало посмотреть? О чем идет речь? Современная капиталистическая олигархо-бюрократическая Россия в этом плане мало чем отличается от своего соседа. И дело не в плохой или хорошей, честной власти. Проблема в самой природе навязанного нам социально-политического строя. Предложения А.В. Бузгалина в этой связи кажутся утопическими: «мы пред-

лагаем мир (и это реформистская программа-минимум), в котором финансистов, брокеров, менеджеров, военных, полицейских, деятелей, поклонников шоу-бизнеса и т. п. будет мало, получать они будут относительно немного и особым уважением пользоваться не будут, а учителей, врачей, художников, рекреаторов общества и природы будет много, они будут наиболее уважаемыми гражданами, получающими вполне достойную зарплату. Это будет мир, в котором доминируют социально ответственные работники-творцы, а не посредники, создающие симулякры» [2, 154]. Мы это уже проходили? Никогда не говори «никогда».

Что же (и кто) является тормозом на пути перспективных преобразований? Прежде всего, предстоит преодолеть разложение правящей элиты. Многочисленные свидетельства ее неблагонадежности (двойное гражданство, зарубежные активы и недвижимость, семьи и дети за рубежом, систематические коррупционные скандалы, непрофессионализм, алчность, расхищение бюджетных средств, нежелание ничего менять) говорят о том, что такая элита не только не может стать локомотивом преобразований, напротив, она является ее тормозом. Попытки Президента рубить головы коррупционной гидре пока ни к чему не привели. Да и не приведут. Здесь нужна системность, и нужна новая элита. Откуда ее взять? Она находится в основном за пределами узкого круга «избранных». Здесь приемлем и советский опыт, когда в 1920—1930-е гг. в СССР были включены социальные лифты, и оказалось, что в стране огромная масса талантливых, честных и преданных отечеству людей. Никуда таланты не делись и сейчас.

Вторая по значимости проблема — политическая инфантильность населения России. Не граждан. Подавляющему большинству россиян гражданами еще предстоит стать. Безразличие к своему жизнеобустройству (свой дом, село, город, страна), довольство малым («лишь бы не было войны»), рабская психология («не высовывайся»), забвение или незнание истории и ее уроков, вольное или невольное участие миллионов людей в фальсификации выборов всех уровней — все это не позволяет рассчитывать на сознательную активность масс в перестроечных переменах в России. Нужен свободный, но активный и даже пассионарный человек. Но где его взять? Вспомним опять же советский опыт: «оттепель» конца 1950-х — начала 1960-х гг. вызвала к жизни такой взрыв народной энергии, что по плечу оказались и освоение огромных восточных территорий СССР, которое и не снилось американским пионерам Запада (БАМ, Усть-Илим, Саяно-Шушенская ГЭС и др.), десятки и сотни промышленных комплексов, освоение целинных земель, прорыв в космос. Не важно, что впереди была несбыточная цель — коммунизм, главное, верили, что «на Марсе будут яблони цвести», и конечно,

советские яблони. Короче говоря, нужна новая «оттепель», чтобы человек почувствовал себя хозяином, т. е. гражданином. И частная собственность, как показали последние 25 лет нашей истории, здесь проблемы не решает, напротив она все больше миллионов людей делает «не хозяевами». Ну не работает классическая частная собственность в России! Так, как в США, как в Европе. Ну и слава богу. Зачем же насиловать и свою историю, и свой русский мир, в котором частная собственность и деньги никогда не были главным и всепоглощающим смыслом жизни.

Третья проблема — удобоваримая по форме, но совершенно неэффективная политическая система. В 1990-е гг. она создавалась как противопоставление советской, авторитарной, недемократической. Президент, парламент, повсеместные думы, разделение судебной, законодательной и исполнительной власти, политические партии, выборы, состязательные суды — все это имеется, в той или иной степени, все это даже работает, в той или иной степени. Но, как говорил классик, имея в виду декабристов — «страшно далеки они были от народа», так и нынешние институты власти: народ им часто мешает работать — напоминает о необходимости соблюдения Конституции РФ, не желает участвовать в выборах спектаклях с известным заранее концом, не верит ни единой строчке Госкомстата, что «жить стало лучше, жить стало веселей», поскольку на собственной шкуре знает «заботу» власти о простом человеке. В этом контексте намеченное правительством в 2017—2019 гг. сокращение государственного финансирования здравоохранения, образования, науки и социальной сферы не вызывает удивления. О правящей партии и выборах в современной России отдельный разговор: подтасовка результатов, подкуп, запугивание населения, лицемерие, репрессии — все средства хороши, чтобы сохранить монополию на власть. А значит, и базу для загнивания. Но где ее взять, новую политическую систему? И кто ее сделает? Ее сделает неизбежность перестроенных перемен в России. Как показали последние американские выборы президента, ничто не вечно под луной. Главное, чтобы не было слишком поздно.

Наконец, четвертая проблема, которая напрямую связана со всеми предыдущими, — это расслоение населения на касты, на потрясающую нищету десятков миллионов россиян, бросающую вызов доминирующим тенденциям XXI в. Народ, прежде всего образованный, просто бежит из нашей страны, отличающейся от многих других беззаконием и контрастом вызывающей роскоши и массовой нищеты. Наряду с образованием отдельных каст, по такому же принципу формируется и вся территория страны: есть островки цивилизации, «точки роста», элитарные регионы (которые живут, в том числе, за счет других) и огромное

большинство не только регионов, но и целых территорий — Север, Восток — бедствующих, где никакой «проект» типа «гектара земли» ничего не изменит. Бегство населения с Востока и Севера, а из остальной России в Москву и за границу, яркое тому подтверждение. Все это не позволяет консолидировать общество на экономический прорыв, напротив, это ведет к нарастанию центробежных сил и росту противоречий. А это губительно в XXI в., полном динамичных изменений и противоречий. Кто же изменит такую убийственную практику? Кто изменит или усовершенствует политическую систему, тормозящую развитие России? Нужен российский Рузвельт! Нужна политическая воля. Это как раз тот случай, когда говорят о роли личности в истории.

Ну что мешает ввести прогрессивную шкалу налогообложения? Зачем нужна такая экономическая и финансовая централизация, которая просто вгоняет в нищету целые регионы? Почему высшая каста государственных чиновников получает сверхвысокую заработную плату? И это в условиях, когда несколько десятков миллионов граждан этой же страны, России, имеют доход меньше 15 тыс. р. в месяц. В буквальном смысле слова бедствуют!

Представляется, что в настоящее время сложились и объективные, и субъективные предпосылки для системного перестроения России. Но это будет *иное* перестроение, чем то, которое планируют, прогнозируют, на которое надеются и которого боятся: по движущим силам, по этапам, по механизмам и результатам. Достаточно вспомнить горбачевскую перестройку, чтобы понять, что в России все возможно. А по поводу заклинаний о ненужности революций и глубоких перестроений можно сказать только одно: революции приходят без всякого заказа, у них своя — *иная* — логика свершений, революции ни у кого не спрашивают, начинаться им или нет.

Как обыватель я понимаю, что революция — это беда, разорение, смерть, психологические и демографические надломы, а как ученый не могу не считать, что только революции, которые можно назвать и системным перестроением, способны обеспечить очищение всех сфер жизнедеятельности государства и общества от застоя и гниения, способны обеспечить действительный прогресс. Примеров этому множество: США, Франция, Германия, Япония, Китай, Вьетнам, наконец, Россия в XX в.

Литература

1. Альпидовская М.Л. От интеллектобщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен) // Философия хозяйства. 2016. № 4.

2. Бузгалин А.В. Преодолевая кризис // Свободная мысль. 2011. № 3.
3. Глазьев С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов / Научный доклад. М.: НИР, 2007.
4. Губанов С.С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) // Экономист. 2015. № 10.
5. Гурдин К. Газовый блицкриг // Аргументы недели. 2017. № 2.
6. Лужков Ю. Кризис транкапитализма и Россия // Экономист. 2009. № 5.
7. Осипов Ю.М. Российское перестроение как неперенная актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 6.
8. Осипов Ю.М. Российское системное перестроение как неизбежная актуальность // Философия хозяйства. 2016. № 6.
9. Слепаков С.С. Четверть века в новом времени: общественные интересы, глобальная конкуренция и стейкхолдер — менеджмент // Философия хозяйства. 2016. № 3.
10. Терентьев Д. Больница закрыта // Аргументы недели. 2017. № 2.
11. <http://www.mk.ru/science/2016/12/25/akademik-yuriy-ryzhov-rossiya-stoit-na-poroge-zhutkogo-krakha.html>.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Русское перестроение — марш-бросок в мир Иной

Аннотация. В статье представлены основы нового русского мировоззрения — софиасофии и философии хозяйства. Выявлено, что контекст современного бытия и России определяет хаосмос. В этом контексте терпят любые реформы, инновации, модернизации социума, который после воздействий на него этих средств, превращается в суицидный хаос. И лишь русская философия смогли создать спасительный контекст для современного мира, разработать его мировоззрение — софиасофию, его практическую доктрину — философию хозяйства, его методологию — полилектику, его социополитическую основу — «народ-соборность-империя», выявить его институты — МЧС и спецслужбы. Новая русская ноосфера заменяет реформы и революции преобразованиями и перестроениями, которые допускают различные конфигурации русского социума, но сохраняют его субстанциальную идентичность.

Ключевые слова: реформа, хаосмос, софийный контекст, перестроение.

Современный Запад наконец-то раскрывает свою скрытую суть — западню, в которой исчезает его бытие, неотвратимо наползает чернокудровая его бездна, превращающая органическую, структурную, институциональную и смысловую идентичность в сырье воинствующего антибытия (терроризма), принуждающего его к суицидному самоедству, апокалипсического хаосмоса, выталкивающего за свои пределы все евроэлементы, цугцвангосного самоотрицания искусственного евромира. Мечется Запад, ищет свою золотую точку бифуркации, не видя того, что inferнальный аттрактор уже нашел его и тащит на свою живодерню в пустыни Востока.

Близко свободное рабство черной магии денег. И сколь наивны элиты и богатые мира сего, полагая, что они сохраняют контроль над аппетитом золотого тельца! Аристотель, называя своеволие денег хрематистикой, вопрошал: «Какую потребность удовлетворяет безмерное накопление денег ради денег? Какую подлинную цель преследует, оправдывает это безмерное самовозрастание денег ради денег?». Ответ македонского мудреца поражает банальным ужасом. Бесконечное накопление денег ради денег выражает не стремление людей «к благой и прекрасной жизни», а их слепое и пагубное стремление к жизни вообще. А что есть жизнь вообще? Абстракция от жизни, смерть в своем свадебном наряде. А любая абстракция, даже поглотив весь мир, останется голодной. Так, абстракция дерева, охватывая все деревья прошлого, настоящего и будущего, все равно на закроет свою прожорливую пасть. И бесконечный рост денег ради самих денег есть скрытое выражение алгоритма смерти: человек потребляет деньги для того, чтобы смерть могла посредством денег потреблять человека. Не случайно в Библии всевластие денег — это inferнальная печать золотого тельца, ставшего уже Зверем. И как смерть не насытится любым количеством мертвых, так и сороки никогда не насытятся любым количеством денег, даже если во исполнение просьбы рыжего Мидаса вся Вселенная станет золотом. Человек убивает природу, других людей, чтобы продлить жизнь свою, а смерть посредством денег убивает людей, чтобы сохранить себя.

Да, деньги, могут все, но вот все они превращают в орудия смерти! Смерть — не естественная реальность, а плод, во многом возвращенный самим человеком, который без Премудрости Софии не ведает о сути этого плода. Если яблоко стало плодом смерти, то какое же неведомое яблоко смерти съедают люди? Каковы последствия его поедания? Тайна! Никто не знает! Но если такие вопросы возникли, значит уже кто-то

ведает их смысл, ибо ответы, решения, разрешения предшествуют любым вопросам, проблемам и задачам. В вечности нет вопросов и проблем, а есть лишь ответы и решения, а вопросы и проблемы возникают лишь во временных событиях, ушедших от вечности. И человек по большому счету сам становится средством решения проблем и задач смерти для того, чтобы затем сама смерть стала средством решения главной задачи бытия — войти в мир Великой и Благой Неизвестности. Почему благой? Да иначе нет никакого резона Неизвестности выпускать из себя человека, а затем возвращать его обратно. А резон, видимо, тот, что выход человека из Неизвестности нужен ему для обретения полноценного бытия в мире Ином, для входа и выхода из него, а поэтому смерть тут служит логином, паролем и кодом этого интерфейса с Неизвестностью.

Победа денег, золотого тельца над человеком стала победой смерти. А чтобы смертные этого не осознали, не восстали против навязанной им участи и продолжали далее работать на нее, смерть посредством денег изобрела религии, разум, Логос, искусства, науки, которые выдумывают теории, учения, формулы, модели, методы, призванные не допустить понимания того факта, что за деньгами, в деньгах, во всех их порождениях скрыто действует смерть. Поэтому в денежных делах правда настолько опасна, что всегда должна быть окружена сверхнадежными институтами и всеумелыми телохранителями, которые непрерывно производят ложь; и в качестве таковых лучше всего служат Логос и разум. Костлявая коренится не в организме, не в его генетике, а в деньгах, которые скрывают в себе субстанцию смерти, ее уроборосные самоедства и суицидные инициативы, ее постоянную апокалиптическую работу.

И развитие разума, логики, наук, мозга, видимо, направлялось на производство иллюзий, зомбирование людей, чтобы только скрыть их подлинного властелина, а... может быть, и автора, который после сыгранной ими земной роли возвратит их в мир Иной, чтобы дать другие роли в царстве Неизвестности. Особенно большой, неисправимый, вред наносит человеку экономика, заменяющая понимание своим финансизмом. Даже произнесение слова «экономика» убивает нейроны мозга, осуществляя зомбирование людей. Но сегодня эта истина, гласящая, что именно смерть посредством денег породила науку, религии, искусства, а потому и прикончит их, коль скоро они не будут следовать ее инферальному проекту, стала очевидной даже слепым. Деньги создали науку и религию, а сами деньги созданы смертью, которая и является заказчиком научных открытий, религиозных проектов-откровений, художественных творений. Автором всех открытий служит смерть, ибо только она владеет ключами от Неизвестности, в которой не случайно закрыты

открытия, изобретения. Благие вещи не скрывают. То, что ныне именуется наукой, деньгами, религией, искусством, не нужно уже и смерти, которая изобрела более мощные — виртуальные — методы умножения своей субстанции. Наука стала военной инженерией, экономика и деньги — спекулятерией, религия — самозомбиратерией, искусство — уродотерией, «игрой в бисер» (Г. Гессе).

Религии, науки, искусства — это плоды, рабы смерти, которые внушили человеку, что они-де служат людям. Но все эти «духовные водители» человека не проясняют смерть, а затемняют тайные цели проекта. А сегодня наступил «момент истины», и спорить здесь больше не о чем. За решение вопроса берутся философия хозяйства и софиасофия Россия, выдвигая в качестве смыслового тарана против неуловимой сути смерти софийную гипотезу мира Иного. Жизнь — Иное смерти, которая есть Иное жизни, а вот реалья, в котором эта их инаковость станет новым бытием, новым смыслом рождается сегодня в «мозговом», духовном и военном замесе России, за которым следят спецслужбы Премудрости Софии и ее земные воплощения.

И вопрос о смерти ставится в софийном контексте мира Иного, в плане выявления внутренних сокрытых сил смерти, работающих на подлинного человека, а не на его уродливую копию, забывшую о своем сакральном оригинале, хранящемся в Неизвестности. И этот оригинал не забудет, не покинет человека, а укажет ему путь к себе даже сквозь премерзостные и, кажется, непреодолимые кошмары смерти. Ведь смерть дана человеку для максимального усиления его сознания и понимания мира Иного, для установления дискурсов с Великой Неизвестностью, а не для смирения перед ней. А эти мировые и роковые цели осветят своим всевидящим светом и непробиваемую человеческим умом темноту смерти. Сегодня в России разворачивается не просто очередная историческая коллизия, а решающая битва за понимание смерти, ее решающего смысла и роли в той русской правде мира Иного, вне ко-ей правды нет!

Но уроборосное самоедство современного Запада, самоотрицание им своих наук, религий, искусств, самого человека, видимо, означают и выражают агонию самой смерти, исчерпавшей энергию всех своих отрицаний и теперь обратившейся против самой себя, следуя закону своей неотвратимости: отрицание должно отрицать и самого себя, стать жертвой его инфляции. Запад сегодня не нуждается в смерти, ибо он владеет более мощными средствами самоуничтожения, которое не может упразднить даже сама смерть.

Такова высшая и горькая мудрость мира нашего: и против этой мудрости пошел Христос, хотя и допустил малый компромисс с деньгами, отправив слугу в Ад только за то, что тот не пожелал заниматься

ростовщичеством, что и стало причиной превращения христианства в разновидность религиозного финансизма.

И только... только Россия пошла смертным боем против самой смерти и ее вернейших слуг — ума и денег, против ее непонимания, против смирения перед ней, противопоставив ей мир Иной, в котором правит Премудрость Софии и сознания, а ум и деньги прислуживают им. Поскольку в мире Ином правит Великая Неизвестность Премудрости Софии, то и смерть предстает в нем не как простой конец, не как исчезновение, а как начало самого важного путешествия, самого интересного приключения людей на пути в мир подлинной человечности. Сократ не случайно перед уходом из сего мира сказал: «Я ухожу, а вы остаетесь, и неизвестно, кому повезло больше». А поэтому умом и деньгами не понять Россию. Хотя и в России немало есть мидасовичей, желающих весь мир превратить в деньги.

А вот западному миру некуда идти, ибо нет у него даже мечты о жизни Иной, где деньги становятся изгоями и чандалами смысловой жизни, обслуживающими ее ассенизаторские нужды. Запад все также упорно и неотвратимо вершит волю хрематистики, пытаясь насытить смерть новыми гекатомбами жертв своей денежной апокалиптики, продолжая во все возрастающих масштабах порождать смерть. Сегодня Запад стал единственной уникальной страной: он производит лишь один «продукт» — смерть, не находя для него «рынков сбыта» и сферы ее применения, не понимая ее метафизической миссии в тутошнем мире. А схватку со смертью Запад проиграл, предав Христа — единственного союзника в этой борьбе, и воюя против России, которая своей метафизикой смерти (отчасти и физикой!) только пока и продлевает бытие Запада.

Россия тоже зажата в силки этих силовых полей Запада, но у нее есть еще один целевой вариант эволюции — мир Иной, который уводит ее из сферы искусственной бифуркации в свободную зону импровизаций и полифуркаций, исполняющих танцы самых различных и невозможных путей-лучей, исходящих от световой субстанции Премудрости Софии и создающих организм Иной России.

Безжалостная правда неизвестности вынуждает Россию преодолеть навязанный ей Западом роковой алгоритм бытия — *кризис, запоздалые реформы, медленный откат, назревание нового кризиса*. И преодолеть его посредством утверждения своего собственного авторитарного мира Иного, который аннулирует стремления любых частей стать властелином целостного, безграничного бытия России.

От Древнего мира Руси досталось православие, а вот иудейская схоластика, греческая философия и римское право передали свои яды Западу. И в этом — преимущество нашего бытия, которое, сохранив в

своих глубинах русский ведизм, верность Премудрости Софии, ее тайнам и спецслужбам (Ничто, Незнание, Тайна), просто некуда сдвигать, ибо других путей для него уже нет. И это наше незавершенное бытие любую власть преобразит по тайному облику своего мира Иного и по вежливому крымскому сценарию Софии. Ибо Россия — это одна-единственная религия, в которой сокрыта тайна всякой веры. Сия истина неопровержима, ибо все религии практически доказали, что для них нет другого божества, кроме денег и процента как его пророка. Поэтому только Россия соединяет в себе «добро» всех религий: веротерпимость, миролюбие, бескорыстие, жертвенность, умеренный аскетизм, стоицизм, мужество, стойкость, несокрушимость, человечность, доверие к Богу и признание вселенской Премудрости Софии. Россия есть первая и последняя вера человека; и эта вера начинает утверждать свой мир Иной, используя и религиозные ресурсы православия.

И сегодня Россия может идти лишь русским путем, лишь к самой себе, к раскрытию своей глубинной религиозной русскости. Но нужно осознание русского пути, социально-политических институтов, способных держать текущий ход русской эволюции.

В первую очередь необходимо ясно представить бытийный контекст современного мира. С начала XX в. мир переходит от логосно-рационального контекста в хаосмосный (апокалипсический, цугцвангосный, искусственный) контекст. Логосный контекст управлялся совместно «прибылью-убылью» экономики и законами науки, которые отчасти ограничивали всевластие хаоса. А хаосмосный контекст задается и управляется всевластием денег, превращающими бытие, человека, жизнь в уроборосный танец чрева.

А это значит, что все реформы, революции, планирование, дирижизм, регулирование, вообще, любое управленческое изменение социума работает уже «навыворот». Это значит, что все реформы и властные воздействия на социум лишь ухудшают его, умножая хаос, деструкции и катастрофы. Что бы ни делали реформаторы, управленцы, в итоге получается хуже, чем было раньше. Даже если неизбежные изменения науки, здравоохранения, образования в России проводились бы умными «менеджерами» без «тайных» замыслов, в результате все равно получится почти полная разруха этих сфер социума, ибо сам хаосмосный контекст властителям не подвластен, а потому он не улучшает порядок, а оборачивает все изменения в пользу хаоса. А борьба с коррупцией в хаосмосном контексте лишь умножает коррупционность, ибо «разоблачители коррупции» сами поражаются ее вирусом. В хаосмосном контексте борьба с коррупцией есть война с деньгами; а война с деньгами есть война со смертью; а война со смертью без понимания ее инфер-

нального проекта, ее плодов и функций в мире Ином есть всего лишь устройство личного кабинета для своей Голгофы.

А в мире Ином войну со смертью ведет сама же смерть, а ее поражение или же победа в равной мере служат благу бытия. В мире Ином войну с деньгами ведут сами же деньги, истощая, обесценивая свой культ, становясь прислугой хозяйственных нужд бытия. В мире Ином и коррупция ведет войну против самой себя руками и мозгами «штрафных батальонов» олигархов, спекулянтов и мошенников. И хаос в мире Ином обращается против самого себя, превращаясь в стройматериал свободы и бытия.

А в тутошнем мире хаосный контекст постепенно охватывает и системные параметры социума, его демографию, культуру, производство. А поскольку хаосмосным контекстом правят деньги, то количественный рост деструкции, инвестопаранойи, завершится внезапным ростом хаоса и обвалом социума. Жизнь социум сохраняется до сих пор лишь потому, что в нем еще остались центры, не подвластные деньгам.

Все реформации США внутри страны и за рубежом завершаются ростом стратегического хаоса. Европа с гуманными целями приняла беженцев, которые появились после ее же демократических революций на Ближнем Востоке, в Афганистане. Но эта акция превращает Европу в хаос, угрожая ее идентичности и бытию. Да и реформирование НАТО не усилит его, а лишь укрепит его самоотрицание без всяких войн, что вскоре мы увидим. Само по себе такое количество военных и оружия вне дел вызывает внутри военной структуры хаос, скрытый под внешним военным порядком.

Идеология «управляемого хаоса» обернулась для Запада его превращением в самовозрастающую суицидную субстанцию. Хаос сам по себе есть правящий контекст, а потому для управления хаосом нужен более фундаментальный контекст. Ибо хаос неподвластен логосно-рациональному контексту, заражаясь его вирусами и усиливая его мощь; сам хаос возникает вследствие ограниченности Логоса и разума. А «менеджеры» якобы управляемого хаоса сами становятся жертвами хаоса, управляются им.

Известно, что умом Россию не понять, хотя и без ума и Логоса тоже не понять. Нужен софийный контекст, в котором ум и Логос реализуют свои умения во благо понимания. Но умом и Логосом не понять не только Россию, но и весь современный суицидный мир, погрязший в уроборосном самоуправстве, ставший жертвой хаосмосного контекста. Логика, Логос, ум, математика не постигают хаосмос, а лишь создают пустые, «зряшные» абстрактные сети, в которых они бесконечно базарят сами с собой о придуманных ими реалиях. Нужно задействовать в целях познания бытия смысловой потенциал Премудростью Софии, ее

сознания, раскрывающего высшие целевые причины сущего. Умом и только одним умом, сколь бы совершенным он ни был, ничего нельзя не понять, хотя и без него тоже никак нельзя обойтись. Но нужно помнить, что все суждения, выводы, знания о реальности несут в себе фундаментальные искажения, порожденные тем, что не принимаются в расчет действия внечеловеческой Премудрости Софии. Полноценное познание и понимание требуют союза человеческого ума, Логоса и Софии

Нужно очнуться от логосного морока и вспомнить хотя бы Канта, доказавшего, что разум не может познать «вещи-в-себе», самого себя, определить благо человека; разум запутывается в антиномиях, высказывая о каждом предмете взаимоотрицающие суждения, которые превращают человека в неменяемое существо, создавая призрачную паутину иллюзий, не преодолеваемых никакой критической рефлексией. Весь суицид современного мира вершится умом, умными людьми, умными решениями и умным оружием, а в итоге — безумие и бессмысленная и бесцельная гибель.

Есть другой сценарий познания и размышления, использующий все софийные иксы и уравнения. Познавать, но через признание союза Софии и Логоса. Об этом намекают странные парадоксы самого хаосмоса. Реформы, революции, создающие в итоге все же какой-то порядок, лишь умножают разруху и деструктивность бытия, социума, а вот глобальные проекты, например, Интернет, платежные системы, информационные технологии проходят. В России «прошли» проекты создания ВКС, нового космодрома, возвращения Крыма, возведения Крымского моста, МЦК в Москве.

Таких удачных целостных проектов пока немного, но они ясно говорят, что в хаосмосном контексте необходимые изменения проводят не реформы и революции, а какие-то другие методы, институты, которые предполагают и опираются уже на другой пока неведомый нам контекст, допускающий в бытие целостные проекты вопреки хаосу.

Поэтому и проблемы образования, науки, медицины в России нужно решать не реформами, а путем радикального преобразования, перестроения всей целостности социума. Точно так же проблемы Донецка, Луганска нужно решать не с этими республиками и не в них, а разбираться с обанкротившимся проектом «Украина», что Россия и делает. И проблемы Южной Осетии, Абхазии — это уже не проблемы Грузии, а проблемы РФ. В контексте хаосмоса малые и средние, вообще все неимперские народы обречены, дни их сочтены, вернее, они сами себя уже сочли и просчитались. Сохранить их могут только империи, благословенные Премудростью Софии.

Впервые этот контекст был выявлен, осознан и озвучен в русской софийной философии. Речь идет о *софийно-хозяйственном* контексте

бытия и человеческой жизни. Если логосный контекст работает в рамках «бытие — законы, прибыль — убыль», если хаосмосный контекст признает в качестве своих пределов «хаос — порядок», то софийно-хозяйственный контекст утверждает в качестве своих полюсов «жизнь — смерть — мир Иной». Этот контекст упраздняет монополию денег, хаоса, превращая их в средства хозяйства.

Такой контекст допускает реализацию лишь макропроектов, ибо они охватывают земные, антижизненные реалии и возможность их преобразования в мир Иной. И глубина, полнота охвата изменяемого предмета достигает в таком контексте уровня целостности, которая требует обновлять не просто отдельную квартиру, а весь дом.

Ю.М. Осипов назвал такой тип реформирования, изменения социума и бытия *перестроением*. Термин взят из военного словаря, но он точно определяет новый тип властных воздействий на социум. Представим военную колонну, каждый ряд которой состоит из двадцати человек. Колонна идет различными путями и мостами, где нужно перестраиваться в ряды по пятнадцать, по десять, по пять человек, группами, даже гуськом. Во всех этих конфигурациях целостность, боеспособность и управление колонной сохраняются. И пока работать с хаосом может только софийно-хозяйственный контекст, ибо он содержит в своем составе не только земные, inferнальные реалии, не только перспективу мира Иного, но и метафизические спецслужбы Премудрости Софии, в качестве которых выступает Ничто-Незнание-Тайна, которое преобразует хаос в миротворные жизненные и смысловые проекты. Миром правят не деньги, не оружие, не знания, не законы, не слова, не разум, не Логос, а смыслы, знамения, символы спецслужб Премудрости Софии и ее сознания, которое подчиняет себе все легионы Логоса.

И если софийно-хозяйственный контекст стал сегодня жизнетворной силой России, то ему нужны соответствующая идеология, институты. И все это уже есть. Дело за взмахом палочки главного дирижера Русского Ордена и русского мира.

Но какие институты могут работать в этом контексте, заменяя собой реформы и революции? Ведь контексты люди не выбирают, а они сами возникают из неподконтрольных им взаимодействий «хода людей», «хода вещей» и «хода неизвестности» (Ю.М. Осипов). К. Маркс заметил, что если люди осознают исторические задачи, то это значит, что средства их решения, их идеология уже есть или «при дверях». Мудрость истории создает вначале средства, а затем проблемы для них. Иначе мир бы рухнул, ибо не исключено, что человек может и не найти решения очередных исторических теорем. И возникновение идеи мира Иного стало возможным лишь потому, что средства, институты для решения его проблем уже есть или же их становление завершается. И се-

годня решения неотложных проблем русского перестроения лежат уже на поверхности, но алчность человеческая следует истине Шекспира: «Как трудно видеть то, что ясно вижу!», продолжая искать прошлогодний снег Сахары.

И наиболее полно софийно-хозяйственному контексту соответствуют и спецслужбы, которые тоже работают в рамках полюсов «жизнь—смерть»; поэтому их фактология, информация, методология, ответственность, глубина и видение реальных проблем несопоставимы с любыми науками. Слова Премудрости Софии о том, что всем, кто признает ее, она дарит жизнь, а ее противников особо почитает смерть, признает не только софиасофия, но и реальные спецслужбы. Кроме того, МЧС адекватно выражает суть русского характера, который сочетает в себе пахаря и воина, ищущих правду мира Иного, закрепляя это единство уже институционально.

Софиасофия — первое и единственное мировоззрение, в котором главными действующими лицами и реалиями являются поистине главные метафизические субъекты бытия — спецслужбы Премудрости Софии (Ничто-Незнание-Тайна). Реальные спецслужбы во многих своих функциях и аспектах совпадают со спецслужбами Софии, постоянно работая, взаимодействуя с неподвластным им незнанием, с запутанными тайнами, с внезапными появлениями и пропажами реалий; только карательные, очистительные и охраняющие свои функции софиасофия выполняет идеальными методами, используя мысли, сознание и язык, доступные пока лишь единицам. И софиасофия приходит к людям лишь в условиях разразившейся ноосферной катастрофы, а спецслужбы реальной власти вместе с армией постоянно работают в условиях развертывающейся катастрофы социума. И инквизиция, и ВЧК — это тоже земные органы метафизики, выступившие против обнаглевшей физики, попирающей права целого в пользу частей. Но только софийно-хозяйственный контекст содержит в себе еще и реальную перспективу России — мир Иной, который практически наиболее близок к ним.

МЧС — явно недооцененный и непонятый институт. Не важно, что его руководители сами думают о нем и его задачах, а важно то, что этот институт будет делать в «момент истины». Ф. Шеллинг заметил, что метафизика действует в качестве чрезвычайных природных, социальных, духовных событий. В этом плане МЧС можно назвать министерством метафизики, которое в своей работе постоянно взаимодействует со спецслужбами Премудрости Софии и со спецслужбами земных государств.

Именно поэтому спецслужбы власти и МЧС могут и должны стать органами, институтами не просто реформ или революции, а *перестроения* целостности социума в экстремальных условиях, когда нужно

сохранить его идентичность и в то же время соответствовать объективному софийно-хозяйственному контексту, который требует соблюдения императивов сакральности, земли, инфернальности, неизвестности с перспективой выявления мира Иного и продвижения в его сферы.

В.В. КАШИЦЫН

**Современное российское системное перестроение
и внутренний рынок**

Аннотация. Чередование рецессии и минимальных значений роста, характерное для современной российской экономики, объективно выводит на повестку дня необходимость ее системного перестроения. Санкционный прессинг не только актуализирует системное перестроение, но и обостряет задачу вывода экономики на траекторию сбалансированного диверсифицированного развития на базе гармонии шести технологических укладов. В качестве основного механизма обретения нового состояния экономики (неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм) с целью реализации эффекта Великого синтеза в статье рассматривается монопольно-регулирующий синклит (государство, корпорация-монополия, общественный контрольный институт).

Ключевые слова: системное перестроение, неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм, производительные силы, технологический уклад, государство, корпорация-монополия, общественный контрольный институт, Великий синтез, монопольно-регулирующий синклит.

Современное состояние российской экономики, отмеченное пятилетним последовательным падением темпов роста вплоть до 0,5% по итогам 2016 г. и заметно осложненное экономическими санкциями, объективно актуализирует проблематику концептуальных аспектов возвращения страны на траекторию развития. Поэтому в центре внимания научного сообщества в очередной раз оказываются императив и перспективы системного перестроения российской экономики.

Формально-функциональный подход часто сводит проблему системного перестроения к расширению процессов приватизации, гарантиям прав собственности, независимости правовой системы и в лучшем случае — к структурным проблемам экономики. Содержательный же подход апеллирует к действительно концептуально-системным аспек-

там проблемы системного перестроения: неоэкономической, неоиндустриальной и неодирижистской трансформации (см.: [1 — 4]).

Неоэкономика

Неоэкономическая трансформация предполагает понимание современной экономики как части, которая соотносится с хозяйством как целым — во-первых, и как самоорганизующаяся на основе конкуренции система — во-вторых. В-третьих же, современное состояние экономики таково, имея в виду ее генетически сложившийся монопольный формат, что по форме она является самоорганизующейся конкурентной системой. А по содержанию, вне зависимости от природы субъектной комбинации монополий (корпорации, государство, теневой синклит и т. д.), экономика, по сути, является достаточно жестко управляемой системой. Поскольку подавляющее число инвариантов национальных экономических моделей в научном дискурсе упрощенно трактуется как смешанный тип экономической системы, сама монопольная составляющая данного типа экономики сводится обычно к государству и государственному механизму регулирования. Между тем собственно государство, особенно в развитых странах, в современном монопольном экономическом организме играет скорее второстепенную и промежуточную роль. А монопольный синклит, как правило, устроен и мутирует таким образом, что причинно-стержневое ядро генерации и реализации управляющего механизма нащупать можно только косвенно, что, впрочем, делает его еще более сильным, влиятельным и линейным.

Поэтому при всей содержательности и значимости формулы государственно-монополистического капитализма можно констатировать, что в современную эпоху мы имеем дело с новой, еще более сложной и влиятельной формулой экономической власти, формулой монополистического синклита, являющейся, видимо, современным вариантом-этапом концентрации и централизации общественного капитала, его новым качественным состоянием.

Очевидно, что данный синклит является многополюсным и комбинационно подвижным и уж совершенно определенно существенно опережающим в своей пульсирующей волнообразной волатильной интернациональной эволюции любые всполохи, подъемы и озарения научной мысли вообще и экономической в частности.

Следовательно, неоэкономика как современная версия экономики, очевидно, может быть адекватно описана именно в качестве проектной спецификации данной модели экономической власти, в том числе и применительно к современной России и соответствующим перспективам ее вероятной трансформации.

Учитывая особенности эволюции российской экономики и общества, включая ее современный этап, спецификация контуров перспективного монопольного синклита применительно к России объективно не является нерешаемой задачей.

Безусловно, важнейшим актором такого синклита окажется государство. Да, обновленное, да, нового типа, да, эффективное, суверенное, компактное, но государство. Совершенно очевидно, что одним из субъектов — составляющих российскую версию синклита — будет выступать спектр гиперкорпораций. Возможны инварианты естественных монополий, но обязательно промышленных гиперкорпораций и обязательно государственных, корпораций нового типа, построенных на новых принципах государственно-частного партнерства и находящихся под относительным контролем не только государства, но и новых форм институтов общественной общенациональной креативной субъектности.

Возможно, новые институты интегрируют советы, партии, профессиональные ассоциации и союзы, частично их используют, но в любом случае это будут субъекты неodemократии, абсорбирующие в себе профессиональное контрольно-управляющее начало, генерирующее перспективные долгосрочные развитийные смыслы и соответствующие планы.

А общим знаменателем подобного вероятного российского монопольного управляющего синтез-синклита будет примат общественного солидарного долгосрочного интереса, так как в общественной природе нет более ложного маяка, чем интерес частный.

Неоиндустриализация

Характерными свойствами русской экономической мысли фактически всех периодов развития являются ее многообразие, системность, синтез-интегральность и заметная целостность. Системно-целостно рассматривались и трактовались не только проблемы собственно экономического развития, но и общества в целом. Отсюда актуализация духовной компоненты и неразрывная взаимосвязь экономики и хозяйства. Иначе говоря, хозяйство здесь выступает как одухотворенная экономика. А если принять во внимание, что в части русского хозяйства и его эволюции в эпицентре процесса всегда находится производство, то и генетической скрепой, общим знаменателем русского хозяйства и экономики является производство.

Производство и работник в России — не пара, а единое целое. Производство у работника одушевлено. Луддитам здесь места нет. Отсюда и проистекают не только неизбежное творчество-творение, изобретательность и неповторяемость, но и стремление к нови в пику модернизации. Экономика тянет в повторяемость, экономию,

скопидомство, жадность и накопительство. Творчество побуждает к свету, простору, открытости, широте, доброте и космизму. Поэтому у русского работника экономичность, накопительство вызывают сочувствие, покровительство, улыбку и пренебрежение. Одним словом, экономика как экономика, как вещь в себе его не интересует. Здесь доминирует самоограничение, но самоограничение не как жадность (экономика), а как мост к сияющему свету духовного творческого удовлетворения открытием, познанием и сделанным.

В середине XX в. в эволюции производительной силы произошел эпохальный поворот отрицания отрицания. Условие развития производительной силы концептуально изменилось. От развития и углубления системы разделения труда как условия и логики прогресса человечество повернуло в противоположенную сторону — в сторону всепоглощающего синтеза. Политехничность, полигуманитарность, полинаучность, полицентричность, политехнологичность стали важнейшими условиями прогресса. Все новейшие технологии стали рождаться на стыке производств. И логика участвующих научно-технических революций стала неумолимо воспроизводить траекторию синтеза, активно теснящего традиционный анализ.

Системность и исторически сложившаяся всеохватность советского алгоритма развития производства и соответствующая логика эволюции советской науки и образования оказались объективно не только готовы к данному повороту, но и во многом его предвосхитили. Неизбежным казался будущий синтез с описанными выше свойствами русской хозяйственно-экономической традиции. Однако критически не хватало гибкости, профессионализма и адекватности в сложившейся системе управления. Поэтому синтез в своей неизбежной динамике на сегодняшний день потерял полвека и колоссальный объем ресурсов и других составляющих национального богатства. Процесс развития оказался втуне, но поскольку прогресс, развитие и мысль объективны, поворот к развитию циклически неизбежен и, несмотря ни на что, продолжает неумолимо выходить на первый план.

Сегодня, когда Россия все более последовательно консолидирует в себе, в том числе и по принципу «от противного», волю к данному повороту, обнаруживается, что к данному повороту несмотря ни на что она готова лучше других стран. Технологии шестого технологического уклада, базирующиеся на новой энергетике (управляемый термоядерный синтез, реактор на быстрых нейтронах и т.д.), нанотехнологии и биотехнологии, эпохально революционизирующие все без исключения виды производства и услуг, создавая новую систему производственных и личных потребностей, призваны в ближайшем пятилетии качественно преобразовать мировое хозяйство, переведя его в новую логику и новый

цикл накопления. В основе данного процесса будет лежать Великий синтез человека и производства на уровне элементарных частиц, на атомарном уровне.

Поэтому логика и абрис неоиудустриализации обречены гармонизировать и таким образом преобразовать взаимосвязь производства всех шести технологических укладов, чтобы Великий синтез, набирающий силу последние шестьдесят-семьдесят лет, был оптимально канализирован.

На сегодня составляющие факторы данного Великого синтеза более или менее концентрированно наличествуют только в трех странах — *США*: 0% (1-й), 3% (2-й), 7% (3-й), >20% (4-й), 60—65% (5-й), 5—7% (6-й); *Россия*: 0% (1-й), 3% (2-й), 30% (3-й), >50% (4-й), 15—25% (5-й), 1—2% (6-й); *Китай*: 0% (1-й), 7% (2-й), 20% (3-й), >30% (4-й), >30% (5-й), 3% (6-й).

Однако при всех плюсах и минусах способности стран-конкурентов продвинуться по пути Великого синтеза вперед, да еще и в лидеры, сформировав необходимые макроэкономические группировки и мирохозяйственные альянсы, Россия пока проигрывает в главном, в формировании эффективного адекватного механизма монопольного синклита национальной экономической власти и ее оптимальной реализации. Для того чтобы данная потребность была реализована, необходимо разобраться с самой потребностью соискания новой системы управления-регулирования и обозначить основные контуры потребной системы управления.

Неодирижизм

Под дирижизмом принято понимать такую макроэкономическую модель государственного управления-регулирования, которая, отталкиваясь от системного прогнозирования и соответствующих перспективных вероятных трендов развития, формирует в экономике основные предпочтительные доминанты и приоритеты движения макроэкономической динамики посредством воздействия на экономическую среду через мотивы и интересы субъектов хозяйственной деятельности. Часто такую систему квалифицируют как индикативное планирование. Однако необходимо отметить, что методология дирижизма сложилась и была апробирована в ряде стран в формате постепенной и долгосрочной трансформации экономики, причем экономики преимущественно индустриального типа. И здесь для многообразия комбинируемых форм смешения-сочетания элементов реализации механизмов конкурентного и государственно-монопольного регулирования достаточно много простора.

В случае же попадания экономики в полосу системного, тем более эпохального кризиса, да еще и на стыке перехода к новому технологическому укладу, дилемма моделирования искомой макроэкономической архитектуры существенно усложняется, так как предполагает не только структурную трансформацию производства, но и обретение нового производства типажа. Одним словом, очевидно, здесь будет потребно, новое качество дирижизма — неодирижизм.

Как нам представляется, особенность этого качества заключается в том, что здесь жестко в пространстве, времени и функционале должны быть увязаны два периода-качества системы комбинирования монопольно-регулирующего синклита. В первом приближении данная гипотетическая метаморфоза может напоминать нэп, но нэп решал вопросы запуска механизма внутреннего рынка посредством коммерциализации экономических связей в направлении восстановления его первичной закольцованности и создания условий для индустриализации. Сегодня же на повестке дня находится неоиндустриализация объективно завершающаяся постиндустриализацией, хотя и проблема запуска внутреннего рынка является для этих трансформаций общей. Общей является и проблема поиска и моделирования адекватного смешанного механизма реализации эффективного регулирования.

Поэтому в отличие от нэпа, сегодня, в первой фазе, решение задачи монопольного формирования контуров архитектуры нового типа экономики государство должно брать жестко и системно на себя. Отсюда и краткосрочная перспектива формального «огосударствления» экономики с последующей постепенной, по мере запуска механизма внутреннего рынка, «демократизацией» государства в части балансирования монопольно-регулирующего синклита (корпоративные монополии и общественные регулирующие институты).

Конкурентно-биржевые процессы производны и показательно рефлексивны. Регулирующую функцию они давно не выполняют и уж тем более не будут ее выполнять в транскрипции неэкономике.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что характерной особенностью искомой модели дирижизма является не традиционный симбиоз плана и рынка, формализуемый в смешанной экономической системе, а гибкий и условный механизм баланса в обозначенном выше монопольно-регулирующем синклите. В этом очевидно и состоит креативность потенциальной конструкции неодирижизма.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. 640 с.

2. *Гринспен А.* Эпоха потрясений проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Сер. «Сколково». Пер. с англ. М.: Альпина. Бизнес Букс, 2009. 520 с.

3. Объект, предмет, метод экономической науки и реальность: Монография / Под ред. В.В. Кашицына. Новороссийск: ГМУ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2014. 194 с.

4. *Рязанов В.Т.* (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Куда пришли, куда идти

Аннотация. В статье рассматриваются составляющие понятия «мягкая мобилизация», дается диагноз текущего состояния российской экономики и высказываются рекомендации по ее оздоровлению.

Ключевые слова: капитализм, социализм, планово-рыночная система, новое интегральное общество.

Тема дискуссии «Российская экономика: мягкая мобилизация?» весьма актуальна. Термин «мобилизация» применяется в военной сфере и означает совокупность мероприятий, направленных на приведение вооруженных сил и государственной инфраструктуры в военное положение в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Впервые это слово было применено для описания мероприятий, проводимых Пруссией в 1850—1860 гг. В XX в. появился термин «экономическая мобилизация», под которым стало пониматься сосредоточение усилий для противодействия угрозам существования страны как целостной системы. Другое определение гласило, что это комплекс мер, направленных на выход экономики из кризиса. В истории нашей страны экономическая мобилизация применялась, например, в период «военного коммунизма» и во время Великой Отечественной войны.

Профессор А.А. Аузан отметил, что мы находимся в глубокой кризисной ситуации и привел в качестве иллюстрации тот факт, что доля нашего ВВП сократилась с 10% до менее 3% мирового ВВП. Есть и другие оценки, но и они не многим лучше. Такое положение требует, конечно, каких-то чрезвычайных мобилизационных мер.

Но если экономика больна, то, прежде всего, логичен вопрос о характере заболевания. Нашими экспертами выдвигаются разные вер-

сии. Недавно мне доводилось слушать одного из наиболее известных и осведомленных ученых-экономистов России академика РАН А.Г. Аганбегяна. Обрисовав детально картину текущего упадка, он пришел к выводу, что главным движущим моментом деградации является снижение инвестиций в основной капитал. Отсюда его старение и все меньшая отдача. Конечно, такая взаимосвязь существует, и она важна. Но исчерпывает ли этот глубинный фактор на кризис? Думаю, нет.

В.И. Ленин как-то говорил, что тот, кто пытается решить частные задачи, не разобравшись в общих, будет то и дело наткаться на последствия общих задач, не имея даже представления о том, как с ними справиться. Необходимо, прежде всего, определить, в каких условиях мы живем, в каком обществе, в какой экономике. Раньше мы твердо знали, что существуют различные способы производства и общественно-экономические формации. Мы исходили из того, что жили при социализме, правда, бюрократическом. Но где мы сейчас?

На эту тему написано немало книг. К какому же выводу пришли эксперты? К тому, что мы находимся в системе координат сформировавшегося капитализма, причем далеко не высшей пробы. Его надо охарактеризовать как *бюрократическо-олигархический капитализм*. Это не бранное сочетание слов, а диагностика. Мы пребывали прежде в системе бюрократического социализма и ощущали его недостатки. Но вместо того, чтобы сохранить его преимущества и освободиться от пороков, мы просто перевернулись на другой бок. Теперь мы испытываем иные негативы, причем похлеще прежних, и ужасаемся при созерцании ряда несуразниц нашей нынешней экономики. К этому можно добавить и другие черты. То, что наш капитализм полупериферийный. Он также больше спекулятивный, чем созидательный. Таков вкратце диагноз наших экономических хворей, наиболее рельефно выражающихся в охватившем страну длительном экономическом кризисе. В отличие от 2009 г. он не привнесен извне, а, как выражаются часто аналитики, «фрукотворен», а вернее, носит имманентный природе нашего капитализма характер.

Из такого диагноза вытекает и ответ на вопрос о том, что требуется для преодоления наших основных невзгод в экономической сфере. И, наоборот, становится понятно, почему многие из даваемых рецептов не срабатывают. Кто-то говорит, что ключ к решению задачи сводится к сокращению налогов в производственной сфере и обложению по прогрессивной шкале потребителей и частных лиц. Другие ратуют за таргетирование инфляции, улучшение климата в деловой сфере. Третьи то и дело призывают совершенствовать институты, бороться с коррупцией. Представляется, однако, что все вышеперечисленные рекомендации направлены лишь на внешние проявления глубокого недуга.

Состоявшиеся четверть века назад и чуть позже «реформы» имели далеко идущие последствия. Дело не ограничилось тем, что под ударами «шоковой терапии» нищали десятки миллионов наших соотечественников, пенсионеры лишались всех своих сбережений, а многие просто вымирали. По рекомендации «Вашингтонского консенсуса» было ликвидировано худо-бедно действующее плановое хозяйство и вымощен путь вначале к бандитскому, а затем и бюрократическо-олигархическому капитализму. Именно отсюда идут тенденции паразитизма и загнивания, имеющие самые различные формы проявления, в том числе и нынешнее состояние российской экономики.

Если мы приходим к такому выводу, то возникает вопрос о рецептуре излечения, выводе нашего хозяйства из текущего состояния. И при этом не следует надевать шоры и рассуждать лишь о России. Стоит оглядеться на весь мир. Важно понять, что сделали другие страны при реформировании бюрократического социализма. Не нашли ли некоторые из них правильный путь? Если да, то не надо ли присмотреться к нему?

Мы видим, что Китай и Вьетнам провели грамотные «перестроения» и, расставшись с бюрократическим социализмом, сохранили многие достоинства этого строя и не перешли к ущербному капитализму. При этом в Китае реформы начались задолго до наших, и можно было бы использовать их опыт, чтобы не промахнуться. Но мы от этого отвернулись. Мне не раз приходилось писать об этом. Дэн Сяопин говорил, что «не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Затем появилась формула «социализма с китайской спецификой». Теперь многие китайские ученые говорят о поддержании разумного симбиоза между социализмом и капитализмом. В Китае, на мой взгляд, построено новое интегральное общество, в котором присутствует комбинация социалистических и капиталистических отношений (подробнее см.: [2]). Там успешно претворяется в жизнь 13-й пятилетний план. На протяжении последних десятилетий отсутствуют экономические кризисы. Ежегодные темпы роста ВВП, хотя и несколько опустились, но составляют около 7%. Китай стал второй после США экономикой мира. Жизненный уровень его населения неуклонно растет.

Вьетнам учился не только на положительном опыте китайских преобразований, но и на ошибках наших реформ. Руководство коммунистической партии Вьетнама на своем VI съезде в конце 1986 г. провозгласило политику обновления — по-вьетнамски — *дой мой*. Однако лидеры Вьетнама решили начинать не с расшатывания устоев политической власти, а с конкретных преобразований в хозяйственной сфере. Кто-то даже обозначил формулу: «дой мой = перестройка минус гласность». Патриотически мыслящие вожди партии и государства как буд-

то заранее предвидели, что произойдет с Россией, где под шумок деклараций о «демократических реформах» развалили все, что было связано с социализмом, экономикой и государством. За последние четверть века ВВП на душу населения Вьетнама увеличился в 6 раз, а темпы экономического роста составили около 8%, являясь вторыми в мире после Китая (подробнее см.: [3]).

Постараемся теперь раскрыть содержание понятия «мягкая мобилизация». Что же это означает? Какие цели нам надлежит преследовать? Думается, необходимо вернуться к плановой системе хозяйствования. Но не к той плановой системе, которая существовала прежде, а к системе в новом виде: она должна регулировать лишь самые важные пропорции хозяйства, отдавая на откуп рынку все остальное. Тогда экономика окажется во власти закона планомерного, пропорционального развития, на смену хаоса и стагнации придут поступательные темпы роста и гармоничное развитие. Содержание и цели «мягкой мобилизации» довольно ясны — необходимо создать планово-рыночную систему экономики, находящуюся под контролем сил, выражающих интересы подавляющего большинства нашего общества, а не его бюрократическо-олигархической касты. Для этого не обязательны революции, но необходимо видеть ориентир.

Если мы этого не сделаем, то будем непрестанно о чем-то говорить, встречаться на конференциях, указывать на те или иные вопиющие проблемы, а воз по-прежнему будет там. Правда, здесь есть еще один важный момент. О необходимости вышесказанного не так уж редко говорится, но к этому не прислушиваются, что неслучайно. Олигархии и высшей бюрократии это не интересно. У них свои форумы типа Гайдаровского.

Известный деятель А. Вассерман в своей новой книге «Чем капитализм хуже социализма» сделал такой вывод: развитие информационных технологий позволит в скором времени заменить рынок плановым регулированием и обеспечить победу социализма во всем мире (см.: [1]).

В заключение отметим, что ближайшее будущее, на наш взгляд, связано с формированием нового интегрального общества, сочетающего в себе авантажные черты двух предыдущих формаций, при желательном преобладании социалистических компонентов. Такой жизнотворный симбиоз следует принять за основу при выстраивании экономической стратегии нашей страны. Слово «социализм» не должно быть пугающим. Да, в первом его издании мы обожглись на том, что так и не нашли способа контролировать верхи со стороны народа. Но ведь это можно сделать, о чем опять же говорит опыт таких стран, как Китай или Вьетнам.

Известный американский писатель Фрэнсис Скотт Фитцджеральд заметил, «проверкой подлинного разума является способность удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом сохранять способность действовать».

Литература

1. *Вассерман А.* Чем капитализм хуже социализма. М.: АСТ, 2017.
2. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: Ленанд, 2016.
3. *Цаголов Г.* Тайны Малого Дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него поучиться? М.: Экономика, 2013.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Неоэкономика и этика севера

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных аспектов неоэкономики России, связанных, в частности, с новым освоением арктических территорий. Производственные и социальные процессы в этих краях развиваются в очень специфических условиях. Это отдаленные малонаселенные территории с экстремальными температурными и биологическими условиями, в очень малой степени пригодные для жизнедеятельности некоренного населения. Суровая природа, специфический быт, нехарактерные для «большой земли» коммуникации, особого рода социальный контроль и др. преобразуют человека и межличностные взаимодействия, формируют новую идентичность и моральную нормативность. В частности, автор приходит к заключению, что для условий Арктики социальная ответственность и соответствующая этическая рефлексия приобретают качество своеобразной профессионально-нравственной технологии воспроизводства общественно-приемлемых форм человеческой деятельности на Севере, диагностики нормативной регуляции социальных взаимодействий.

Ключевые слова: неоэкономика, российская Арктика, новое освоение, особого рода социальный контроль, межличностные взаимодействия, социальная ответственность, этика севера, диагностика нормативной регуляции, нормативная система, ценностные ориентиры, этическая рефлексия.

Неоэкономика в том значении понятия, которое используется в российской концепции философии хозяйства, непременно предполагает перспективы нового освоения. В частности, перспективным как в теории, так и в практике представляется освоение российской Арктики, потенциал которой и его значение для дальнейшего развития России невозможно переоценить даже самому богатому исследовательскому воображению. Судя по всему, нашей стране не скоро суждено расстаться с моделью сырьевой экономики, и с этой точки отсчета арктические богатства оказываются стратегическим ресурсом, обладающим столь ободряющей степенью оптимизма, что дают основания говорить о новом качественном этапе освоения Сибири, которой, по словам М.В. Ломоносова, российское богатство прирастать будет. В выступлениях руководителей разного уровня осознание этого факта всегда дает повод для мажорной концовки.

Процесс, что называется, пошел, и в настоящее время разворачиваются масштабные работы в полярных и приполярных регионах, на шельфах северных морей. В качестве примера можно назвать территорию Ямало-Ненецкого автономного округа, где осуществляются такие грандиозные проекты, как разработка нефтяных и газовых месторождений Карского шельфа, Обской губы, строительство крупнейшего завода СПГ, аэропорта и морского порта в поселке Сабетта и т. п. В таких районах возникают и преодолеваются не только особые технические и технологические трудности, но и особые, характерные только для полярного региона, социальные проблемы. Дело в том, что это отдаленные малонаселенные территории с экстремальными температурными и биологическими условиями, в очень малой степени пригодные для жизнедеятельности некоренного населения. Суровая природа, специфический быт, нехарактерные для «большой земли» коммуникации, особого рода социальный контроль и прочее преобразуют человека и межличностные взаимодействия, формируют новую идентичность и моральную нормативность.

Было время, когда термин «этика севера» казался автору этих строк вычурным и бессодержательным, каким-то общим местом в идеологическом ряду социальных деклараций в духе абстрактного гуманизма. Однако ранее малозаметная и вовремя не оцененная тенденция в настоящее время становится все более ощутимой и актуальной.

С терминологической точки зрения семантические противоречия и сомнения исчерпываются, если вспомнить, что исторически сформировались и плодотворно развиваются как «этика запада», так и «этика востока» (в рамках, соответственно, западной и восточной философских традиций). В то же время в идеологическом и теоретико-практическом пространствах концептуализируется ось «север — юг», вбирающая в себя совокупность антиномий, образующихся в различных сферах со-

временных социальных взаимодействий, особенно заметных, например, в современной политической ситуации в Европе. Совершенно понятно, что на этих социальных практиках формируются и закрепляются различные нравственные и этические позиции, выливающиеся в становление соответствующих теоретических дискурсов. Но европейский «север», естественно, не даст исследователю адекватные примеры подлинной «этики севера», поведенческих образцов, возникающих в особых условиях арктического бытия.

Важным в развитии такого этического контекста представляется следующее обстоятельство. Современная ситуация сложилась таким образом, что в настоящее время арктические пространства оказались последними неосвоенными территориальными ареалами и в то же время ареалами залегания углеводородных ресурсов на планете, сулящими разработчикам существенные прибыли, а политикам — мощные инструменты влияния. В то же время грядущее значительное изменение климата обусловили перспективу облегчения доступности сухопутных и морских путей коммуникации в заполярных широтах, что открывает существенные возможности удешевления их эксплуатации по сравнению с более ранними периодами времени. Такие обстоятельства стимулируют интенсификацию усилий по освоению Арктики, даже несмотря на появление отдельных новых факторов, например, значительное увеличение в США числа буровых установок для добычи сланцевой нефти, определенным образом корректирующих настроения участников марафона северного освоения. При этом не всегда должным образом учитываются важные реалии. В процессе такого освоения выявляются специфические сферы социальных взаимодействий, в которых неизбежно возникают особые моральные отношения субъектов освоения к местным реальностям — тонкой и хрупкой флоре, находящейся в условиях экстремального выживания фауне, беззащитным перед машиной технического прогресса аборигенам.

Таким образом, прикладное значение этика севера приобретает прежде всего в ситуации осмысления ценностных аспектов процесса нового освоения полярных пространств, которое набирает интенсивность во всех арктических провинциях мира и отражает, как подчеркивалось, важнейшую роль Арктики в грядущем глобальном мироустройстве. Во-вторых, этика севера отражает особенности становления и функционирования наличных нравственных отношений в культуре аборигенного населения, в том числе представителей малых народностей, их взаимодействий с пришлым населением, сохранением этнической аутентичности и особых прав в природопользовании. Еще в одном отношении этика севера направлена на осмысление особых ценностей полярного и приполярного мировоззренческого пространства, всегда имевших самостоятельное значение в истории духовных исканий чело-

вещества. Вполне возможно, это отношение может быть теоретически представлено в культурологическом измерении, в основе которого лежат сакральные и моральные связи северной природы и человека, описанные в научной, публицистической и художественной литературе. И во всех отмеченных отношениях базовым моральным фактором, определяющим этический дискурс, является феномен социальной ответственности.

Прежде всего, важно обратить внимание на три обстоятельства, касающиеся сути социальной ответственности в арктической парадигме. Во-первых, в основе такой социальной ответственности лежит моральная ответственность, во-вторых, ситуация ответственности возникает у социального субъекта в процессе освоения арктических территорий и, в-третьих, деятельность любой организации в условиях Арктики в ее принципиальных аспектах (в том числе и по реализации социальной ответственности) фактически репрезентируется деятельностью отдельной личности, как правило — субъекта управления организацией, участвующей в процессе освоения.

Концепция социальной ответственности традиционно относится к сфере организационной деятельности, хотя в реальности далеко ею не исчерпывается. Проблема социальной ответственности организаций весьма актуальна в современном мире вообще, особенно это характерно для арктических организаций. Разработаны международные стандарты социальной ответственности организаций, общественность остро реагирует на проблемы в этой сфере, интенсивно работают контролирующие инстанции — как государственные, так и общественные. При этом в настоящее время существуют различные подходы в понимании феномена социальной ответственности организации или, как ее все чаще называют, корпоративной социальной ответственности. Так, например, Европейская комиссия в своих документах опирается на самое широкое из возможных определений, исходя из которого корпоративная социальная ответственность, по своей сути, является концепцией, которая отражает добровольное решение компании участвовать в улучшении общества и защите окружающей среды.

Термин «добровольное» подчеркивает моральное содержание процесса, реализуемого на основании адекватно понятой неким социальным субъектом общественной необходимости. Иначе говоря, в данном случае имеет место не правовое принуждение, а самопринуждение как специфический механизм морального действия. С этической точки зрения социальная ответственность проявляется как долженствование, выраженное в нравственных требованиях, реализуемое в конкретном социальном воплощении в условиях Арктики.

Общепризнано, что человеческая сущность дуалистична, укоренена как в социальности, так и в индивидуальности личности. В каждом

таком случае существует объективно необходимый баланс соответствующих проявлений субъекта социальной ответственности, репрезентирующих реализацию «человека в социальном» и «социального в человеке». В одном пределе, как предполагается, субъект морального выбора может проявляться в данной социальной ситуации только как обращенная сама на себя целостность, как индивидуальность, что в этическом аспекте можно охарактеризовать как гиперморальность, т. е. фактическую бытийную автономию личности, свободной от какой-либо социальной детерминации. По своей сути это означает объективацию родового человека в социуме, существующего и реализующегося на уровне моральных интенций, что с необходимостью порождает извечное противоречие нравственного и целесообразного. При этом социальная проявленность такой объективации неизбежно стремится к нулю, что означает фактическую деквалификацию субъекта как представителя организации, как профессионала, исполнителя конкретной и прагматичной социальной роли.

Так, например, в такой важной области социальной ответственности, как отношение к арктической природе, подлинная моральность означает восприятие взаимодействия человека и арктической природы как нерасчлененного единства, осознание того, что мы имеем дело с живым миром и что все живое в конечном счете имеет равное право на жизнь. Мораль здесь оказывается не просто универсальным принципом человеческого сосуществования в Арктике, но и универсальным принципом сосуществования живого вообще. Это реальное восприятие паритетного взаимоотношения с другим, весьма своеобразным моральным субъектом, можно даже сказать, с личностью, которая чутко и адекватно реагирует на человеческую заботу и равнодушие, на уважение и насилие.

Такое отношение в некотором смысле типично, особенно у аборигенного населения, в том числе в отношении «собственной природы» — домашних животных, пастбищ и т. п. В реальной общественной жизни «на большой земле» (если не принимать во внимание проявления буддистской ментальности) и, особенно, организационной деятельности такие случаи практически невероятны (даже для самых ортодоксальных членов Greenpeace). Прагматика явно превалирует, и привести характерный пример не представляется возможным. Из общей же моральной апологетики наиболее близок классический пример литературного князя Мышкина, так психологически тонко и философски точно описанного Ф.М. Достоевским, наряду с сервантесовским Дон-Кихотом и Зигфридом из вагнеровских «Нибелунгов».

Но позиция, продиктованная «гиперморальностью», жертвенна, причем жертвой становится не только осуществляющая ее личность, но и сами принципы. Игнорирующая социальные реалии, «правила игры»

деятельность, преломившись сквозь призму «конкретных обстоятельств», нередко становится социальной карикатурой, приводит к неизбежному самоотрицанию. В сфере социальной ответственности это может, с одной стороны, обернуться катастрофой в работе организации, а с другой — профессиональным и даже личностным крахом субъекта нового освоения.

Противоположный предел развития личностного воплощения субъекта морального выбора — это гиперсоциальность, тотальная утрата индивидуальных нравственных диспозиций вплоть до полного отрицания значения личностных моральных приоритетов, интимных интенциональных проявлений человеческого духа в деловых отношениях. Развитие такого морального проекта в сфере социальной ответственности оборачивается «профессиональным идиотизмом», поглощением индивидуальности профессиональной функцией, когда антропная проявленность стремится к нулю и субъект принятия решения превращается в целесообразного роботизированного индивида, детерминированного прагматическими социальными задачами.

В безличных отношениях социума, в том числе и в социальной ответственности в сфере арктического освоения, моральная нормативность институционализируется на основаниях социального должностования, на законах социальной необходимости и целесообразности. Отношение к природе, например, реализуется отнюдь не через моральные императивы по отношению к глобальному миру живого, а через моральные обязательства по отношению к себе подобным, в лучшем случае — по принципу, предполагающему, что нельзя рубить сук, на котором мы все сидим. Для условий Арктики социальная ответственность и соответствующая этическая рефлексия в данном контексте приобретают качество своеобразной профессионально-нравственной технологии воспроизводства общественно-приемлемых форм человеческой деятельности на Севере, диагностики нормативной регуляции социальных взаимодействий. В данной сфере деятельность нецелостного частичного субъекта детерминируется не собственно ценностями антропного порядка, а принятыми в данном обществе нормами, совокупность которых и составляет семантический базис такой технологии.

Как видно, в этике севера достаточно четко должно различаться существо собственно человеческих, антропных ценностей и безличных социально-нравственных норм. Социальная норма в данном отношении — это эманация ценности из аксиосферы как сферы духовных сущностей в социальную практику, где она утрачивает свойство детерминации процесса «очеловечивания человека». При этом она приобретает качество воспроизведения в человеке социального, социальных позиций и поведенческих стереотипов. В понятии «норма» в данном случае фиксируется не только момент устойчивости системы социального взаимо-

действия, но и процедура систематического воспроизведения ее элементов именно в качестве «нормальных», «стандартных», «стереотипных». По мысли Ю.М. Федорова, основная функция нормативной системы состоит в том, чтобы эффективно «технологизировать» взаимоотношения между социумом и человеком под приоритеты развития социального универсума в более высокую целостность даже за счет еще более тотального дробления человеческой уникальности на «дурную бесконечность» социальных качеств и свойств.

Заметим, что само функционирование механизмов моральной нормативности в сфере арктического освоения предполагает, что социум дает ясные ценностные ориентиры действующему субъекту. Но аксиосфера современного российского социума хаотизирована, значительная часть поведенческой моральной аксиоматики потеряла значение и функции социального регулятора. Критерии добродетелей и пороков, особенно в хозяйственной деятельности, неубедительны, подвижны и расплывчаты. Моральный субъект, как древний грек, объективно оказывается перед ликами многих соперничающих богов, недостаточно ясно представляя, кому он должен служить. При этом сама моральная идентификация непопулярна в современном общественном сознании (России XXI в.), этическая терминология подзабыта, а человек не приучен принимать условия морального существования как собственные, а не отчужденные, не способен осознать самопричинность морального образа действий. Другими словами, совесть есть, но мы ею не пользуемся. И какие бы одические строки не писались в честь этики севера, развитие проблематично, пока этический дискурс будет восприниматься в общественном сознании в качестве каламбура для посвященных.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Экономическая теория и экономика, новая экономика
и неоэкономика
(диалектический подход и новое осмысление)**

Аннотация. В статье рассматривается принципиально новый подход к развитию экономической науки. Он был осмыслен в авторской современной политической экономии (обсуждаемый предмет не может исследоваться в рамках экономической науки). Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения новых знаний в экономической науке. Основным результатом исследования является выявление указанной проблемы и некоторых ее

базовых теоретических положений. Результаты исследования могут быть использованы для развития экономической науки и для определения новых возможностей и путей развития экономики.

Ключевые слова: экономическая наука, современное мышление, современная диалектика, современная диалектическая философия, современная политическая экономия, феноменологии-духа-продолжение (продолжение труда Гегеля «Феноменология духа»), неэкономика.

В авторской *современной политической экономии* [5] было получено одно из осмыслений того, что для уменьшения негативов современной экономики, решения ее современных задач и определения путей ее развития и развития общества в целом (что, как показала практика последних десятилетий, невозможно на основе существующей экономической теории и вообще имеющихся общественно-научных воззрений) необходимы новые актуальные подходы и осмысления, осуществляемые на основе как *современного мышления*, а не мышления прошлого века, так и принципиально новых теоретических принципов и положений, которые нельзя взять или вывести из устаревшей экономической теории и развить на ее основе.

В целях создания актуальных инструментов познания и решения указанных и других задач мы актуализировали на основе развития труда Гегеля «Феноменология духа» — на основе актуализации новодialeктического феноменологии-духа-продолжения — принципиально новый подход к осмыслению и изучению общества, включающий *новодialeктический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития*. Хотя, с другой стороны, именно с актуализации феноменологии-духа-продолжения в современной диалектике и началось развитие ряда важнейших новодialeктических исследований, в том числе современных экономических. И тут нет ничего удивительного. Во-первых, как *феноменология духа* была, по словам К. Маркса, *исток* и *тайной* гегелевской философии [4, 155], так и феноменологии-духа-продолжение является одной из основ авторской *современной диалектической философии* и авторской современной политической экономии. (Однако следует заметить следующее: феноменологии-духа-продолжение связано не столько с изучением экономики и даже развития цивилизации, сколько с пониманием духа, в том числе смыслов общества и жизни человека и их предназначений.) Во-вторых, почти все базовые политэкономические положения были указаны Гегелем в его трудах (в первую очередь, это — «Феноменология духа» и «Философия права»): абстрактный труд, стоимость, суть капитализма, основные законы капитализма, его негативность и другое (в общем все то, что в СССР часто ставилось в заслугу К. Марксу). Об этом многие писали,

например, Т. Рокмор так написал: «Гегель жил и творил после Промышленной революции и прекрасно знал о ней. В “Философии права” он намечает в общих чертах историческую концепцию современного индустриального общества, включая его экономические основания в знаменитой “Системе потребностей”» [8, 34]. Важно и то, что Гегель первым диалектически обосновал природную негативность капитализма: изображению соответствующего общества, основанного на своекорыстной деятельности, в котором труд создает мир как отчужденную от человека и властвующую над ним реальность и в котором «...вообще нет места ни для *возвеличения*, ни для жалобы, ни для раскаяния» (курсив Гегеля. — К.М.) [2, 214], посвящен п. «Духовное животное царство и обман или сама суть дела» труда «Феноменология духа». Да и сам Маркс писал, что новое в его собственных исследованиях «состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [3, 427]. А все остальное, указанное и использованное в его трудах (за исключением, по словам Ф. Энгельса, теории прибавочной стоимости и материалистического понимания истории), было известно и до Маркса (о чем, пусть и вскользь, но все же упоминалось даже во вводных статьях к изданным в СССР томам собранных сочинений Маркса и Энгельса) — было известно, кстати, большей частью из трудов именно Гегеля!

С другой стороны, новодialeктический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития имеет и политэкономическое основание. Как мы писали в ряде наших работ (см., напр.: [7]), экономическое учение К. Маркса следует понимать не только в его имеющей место плоскости, но и в смысле его отрицания, что позволяет произвести отрицание его содержания, в первую очередь «Капитала». Отрицание — не значит опровержение! Нет, этот труд в его имеющейся форме архиважен и актуален до сих пор, о чем, кстати, пишут многие американские экономисты. Но возможно и актуально *такое отрицание*, которое определяет рассмотрение капитализма не в смысле империализма и/или перехода к социализму, а в смысле именно качественно нового развития капитализма как такового. *Это тоже отрицание капитализма, но не такое как у Маркса или Гегеля, и речь в нашей авторской современной политической экономии поэтому идет о принципиально ином политэкономическом подходе к анализу капитализма, как раз и позволяющем говорить даже о возможности новой политэкономической теории и, следовательно, экономической теории.* При этом, так как все же говорится о диалектическом развитии эконо-

мического учения К. Маркса, необходимо обсуждать развитие капитализма. Таким образом, существенно *противоречие* (противоречие, по словам Гегеля, *есть корень всякого движения и жизненности* [1, 520], в том числе развития экономической теории): говорится о развитии капитализма на основе учения Маркса, отрицающего сам капитализм. Но на фоне обозначенного диалектического отрицания экономического учения Маркса указанное противоречие решается следующим образом: диалектическое отрицание действительно, т.е. действительно и для экономического учения Маркса, что определяет его рассмотрение и развитие не только в социалистической, но и в капиталистической плоскости. (А это, кстати, определяет: а) переосмысление широко обсуждаемых в настоящее время вопросов развития общества, капитализма, экономики, что актуально как раз в смысле исследований авторской современной политической экономии, и б) формирование нового подхода к анализу экономики, что является предметом настоящей статьи.)

Таким образом, в авторской современной политической экономии одной из основ решения задач совершенствования экономической теории (по крайней мере, современной политической экономии) и осмысления вообще общественного развития является развитие труда Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология духа», и на его основе был создан новый диалектический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития, причем не в смысле внешнего определения соответствующего окружающего нас этого феномена, изучаемого экономической наукой, или точнее — который должен ею изучаться, а в смысле существа экономики, в том числе в смысле ее трансцендентного и духовного. (Следует подчеркнуть то, что речь идет именно о новом подходе к пониманию экономики, базирующемся на феноменологии-духа-продолжении, а уже далее речь идет о новом определении экономики [6].)

Следует подчеркнуть то, что, во-первых, получен именно принципиально новый, качественно новый подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития, отсутствующий в общеизвестной материалистичной экономической теории, наверное, невозможный в ней. Во-вторых, совершенно новое, диалектическое понимание экономики, или феноменальное понятие экономики, является существом нового подхода. В-третьих, обозначается понимание *качественно нового экономического*, которое не берется как элемент из существующей устаревающей экономической теории: в диалектике оно выводится из развития общества, производственных отношений, понятий труда, стоимости и др. (вот почему за основу взяты *содержания* феноменологии духа и феноменологии-духа-продолжения).

При этом, кстати, очень важно и актуально *развитое понимание стоимости*, которое позволяет не только изучить жесткую буржуазную критику в адрес Марксова экономического учения, когда приводились конкретные эмпирические факты, опровергающие его некоторые базовые и результирующие теоретические положения, но и использовать ее, а также сформировать современные актуальные представления о базовых экономических положениях, например таких, как *меновая стоимость* и др.

Далее, в смысле указанных выше положений понимается *неоэкономическое* — как нечто теоретическое принципиально новое для существующей экономической теории в смысле качественно нового подхода к пониманию вообще экономики, причем не с позиций созерцания реальной экономики, а за счет осмысления ее сущности, что в настоящее время может быть осуществлено, пожалуй, только на основе феноменологии-духа-продолжения, ибо других *посылок и начал* попросту нет.

Поэтому новодialeктический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития, полученный на основе феноменологии-духа-продолжения, обуславливает обособление *новой экономической теории*, которая в настоящее время нами понимается как часть авторской современной политической экономии, включающая предметные и специализированные теории, например такие, как *теория иного капиталистического развития*, *критика экономической науки* (новодialeктический аналог Марксовой критики политической экономии, но в методологическом ракурсе) и др. Однако новая экономическая теория понимается не только как одна из теорий современной политической экономии, но и как методологическая разработка, предлагающая принципиально новые формы организации научно-исследовательской работы.

Главное, достигается *дialeктическая целостность предмета и познания*, что в принципе невозможно в материалистичных науках вообще и в экономической науке в частности (в силу чего она все больше и больше отстает от ускоряющегося прогресса экономики и искажает ее).

При этом понимание качественно нового экономического в указанном ракурсе имеет свое отражение и в новом понимании стратегического развития не только экономики, но и общества, например, в понимании нового общественно-экономического устройства (см., напр.: [7]), которое само по себе является новым теоретическим положением. В целом же новодialeктический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития позволяет осмыслить положения *феноменологии капитализма*, что уже отчасти было сделано в нашей монографии «Феноменология капитализма».

На основе этого подхода нами также был определен ряд положений, составляющих, с одной стороны, содержание авторской современной политической экономии и, с другой стороны, *неоэкономический предмет*. Эти положения сведены нами в группы, из которых целесообразно указать следующие:

а) *гносеологические положения* (например, начала новой экономической теории, в первую очередь понимание того, что существующая экономическая теория во многом ошибочна и уже не способна давать решения насущных проблем, что постоянно подтверждает практика);

б) *эволюционные положения* (например, *новая экономическая максима*: после известных максим Ж.-Б. Сэя и Дж.М. Кейнса теперь исчисляется новая максима — *максима К.В. Молчанова*, которая определяет качественно иное рассмотрение многих насущных вопросов, в том числе регулирования спроса и предложения);

в) *категориальные положения* (например, *развитое понимание стоимости*, полученное на основе категориальной определенности стоимости, так до сих пор и не выявленной в экономической науке);

г) *предметные положения* (например, новый подход к пониманию экономики, следующий из раскрытия феноменологии-духа-продолжения, и новое актуальное (диалектическое) определение экономики);

д) *прикладные положения* (например, *новые экономические технологии*, определяемые новыми знаниями современной политической экономии);

е) *положения социальной сферы* (например, концепция диалектической модернизации и развития системы образования);

ж) *положения сферы гуманитарных и общечеловеческих ценностей* (например, применение познания экономического, новоэкономического и неоэкономического для совершенствования и развития человека, духа человека).

А в смысле указанных положений *неоэкономическое* понимается и как нечто реальное принципиально новое: как лишь только появляющееся в современной экономике или как хотя бы назревающее в ней — такое нечто реальное новое, которое не улавливается существующей экономической теорией и поэтому не понятно ей. Но это не значит, что на основе диалектического подхода оно не понятно и не практично. Даже лишь только-только обозначающееся экономическое новое или даже еще несуществующее экономическое новое уже может быть понято и даже использовано на основе познания и подходов вне существующей устаревающей экономической теории: его как «начинающегося еще нет, оно лишь направляется к бытию» [1, 58], но для диалектики этого вполне достаточно для познания его и даже для практического исполь-

зования знания об этом проявляющемся новом или хотя бы о некоторых его трансцендентальных аспектах.

Таким образом, в современной политической экономии различно не только *экономическое*, но и *неоэкономическое*, причем в нескольких ракурсах.

В силу же определения *качественно нового экономического* и различения *экономического* в целом в авторской современной политической экономии актуально (диалектическое) *различение* самой экономики:

- (традиционно понимаемая) экономика;
- новая экономика (понимаемая известным образом: развитие интеллектуального капитала, новых информационных технологий и т. д.);
- неоэкономика, понимаемая в смысле качественно новых экономических феноменов, в том числе неподвластных познанию материалистичной экономической науки, реально обнаруживаемых или теоретически вычисляемых на основе диалектического подхода и новых теоретико-экономических положений.

Различения *и экономического и экономик* — принципиально важные различения — это положение осмыслено только в авторской современной политической экономии. Именно оно обуславливает новые перспективные направления исследований и позволяет кардинально развить экономическую теорию, по крайней мере, современную политическую экономию.

А завершая статью, следует отметить, что новодиалектический подход к пониманию и исследованию экономики, экономической теории и их развития, полученный на основе феноменологии-духа-продолжения, во-первых, позволяет перейти к принципиально новому пониманию экономики, к ее принципиально новому, качественно новому изучению и, следовательно, к принципиально новому использованию знаний, в том числе для достижения принципиально новых целей будущего развития общества. Во-вторых, этот подход позволяет снять конечность представлений об экономике, имеющуюся в экономической науке в целом как совокупность хаотически наращиваемых, порой ошибочно и бессмысленно, представлений и их объяснений (теорий); — *а это означает отказ от парадигмы устаревающей экономической науки*, который в общем-то уже давно должен был состояться (только вот не было альтернативы)...

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 5. М.; Л., 1937.
2. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 4. М.; Л., 1959.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 28. М., 1962.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М., 1974.
5. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис... канд. экон. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
6. *Молчанов К.В.* К вопросу о социальном проектировании: диалектический аспект понятия «экономика» // *Философия хозяйства*. 2010. № 6.
7. *Молчанов К.В.* О некоторых базовых диалектических положениях теории иного капиталистического развития // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 2.
8. *Рокмор Т.* Об открытии Маркса после марксизма // *Вопросы философии*. 2000. № 4.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Общественная потребность развития России как потребность в системном перестроении

Аннотация. В статье охарактеризованы сценарии развития России с учетом ситуации в глобальном экономическом пространстве. Дано обоснование необходимости системного перестроения российской социально-хозяйственной системы. В качестве метода осуществления системного перестроения рассматривается неодирижизм.

Ключевые слова: общественная потребность развития, система общественных потребностей, системное перестроение, неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм.

Оценки современного состояния российской экономической модели, динамики и направлений развития страны значительно различаются в зависимости от концептуальных взглядов исследователей и экспертов. При этом опираться эти, порой диаметрально противоположные, взгляды могут на одни и те же источники информации, трактуемые различным образом. Например, в недавно опубликованном статистическом сборнике 2016 г. приводятся данные о месте, занимаемом Россией в мире по производству отдельных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в 2014 г., из которых следует, что страна лидирует по многим показателям: второе место в мире по добыче нефти (включая газовый конденсат), по добыче природного и попутного газа, по выращиванию сахарной свеклы; четвертое

место по электроэнергии, чугуну, зерновым и зернобобовым культурам, скоту и птице на убой (в удойном весе); шестое место по углю, стали, хлопчатобумажным тканям, коровьему молоку [2, 536]. Основываясь на вышеприведенных данных, вполне можно защищать тезис о том, что в экономике страны при таких лидерских показателях все сбалансировано, стабильно и не требует никаких перемен. Однако необходимость перемен оказывается центральной проблемой таких заметных отечественных научно-практических дискуссионных площадок, как МЭФ (Московский экономический форум), международных конференций, организуемых ЦОН МГУ, Академией философии хозяйства и лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. На вышеперечисленных дискуссионных площадках обосновывается необходимость перехода к социально ориентированной модели национального развития, проведения неоиндустриализации, применения неодирижистских методов управления национальной хозяйством.

Необходимость качественных преобразований, затрагивающих все аспекты процесса общественного воспроизводства, саму систему общественных потребностей [3, 50—88, 125—144] становится все более четкой по мере критического осмысления произошедших с конца 1980—1990-х гг. социальных и экономических перемен. Напомним, что одним из лозунгов перестройки был тезис: «Больше демократии — больше социализма», под маской которого и ему подобных в дальнейшем произошла смена экономического строя и соответствующих ему формальных и неформальных институтов. В результате сложившуюся социохозяйственную систему современной России можно условно именовать пореформенной, дабы избежать массы различных эпитетов, включая авторскую интерпретацию российской хозяйственной системы как продукта глобального экономического клонирования [4, 82—90]. Главной особенностью пореформенной экономики, на наш взгляд, следует признать подавленную общественную потребность развития, что, в свою очередь, связано с отсутствием консолидирующей общество ясной социохозяйственной цели.

Отметим, что современная школа философии хозяйства неоднократно обращала внимание научной общественности на проблему соотношения постреформизма и развития [1, 3—446]. В рамках различных научных мероприятий школы философии хозяйства выработалось понимание современного развития мирового хозяйства как этапа становления неэкономии, проведены исследования, касающиеся определения места в новых условиях, дано обоснование необходимости ее «вырыва» к развитию.

Исследование российской пореформенной экономики некорректно, на наш взгляд, без анализа ее взаимодействия с субъектами глобального экономического пространства и обращения к характеристике современного состояния данного пространства. Отметим, что современной форме экономики, господствующей в глобальном масштабе, присущ ряд новых характеристик, позволяющих охарактеризовать ее как неоекономику. Важнейшей чертой неоекономики является финансовизм, подчинение всех сторон социохозяйственной жизни интересам глобального финансового капитала. Соответственно господство крупных игроков глобального экономического пространства вытесняет различные региональные и национальные институты из сферы принятия ключевых жизненно важных для них социохозяйственных решений. Данная ситуация не отвечает национальным интересам России, ибо отводит нашей стране роль периферийного поставщика сырьевых ресурсов, источника дешевой рабочей силы и пополнения, по мере необходимости, интернациональных интеллектуальных ресурсов.

Для России сосуществование с системой неоекономики возможно только на паритетных началах. В общих чертах сценарии развития ситуации могут идти по трем векторам. Первый — подчинение неоекономике, встраивание в ее институциональную среду, что неизбежно приведет к потере социохозяйственного суверенитета. Второй вектор — постоянное противостояние институциональной среде неоекономики. Но данная ситуация не может продолжаться бесконечно и в итоге либо экономическая система, а, как следствие, и все стороны общественной российской жизни будут подчинены формальным и неформальным правилам и законам неоекономики, либо потребуются титанический прорыв. Однако, учитывая потерянное время на адаптацию к существованию в неоекономической среде, данное развитие событий будет весьма затруднительно. Третий вектор — незамедлительный «вырыв» к развитию, системное перестроение современной российской экономики. Особо подчеркнем, что перестроение не означает реконструкцию (по типу «музейного» воспроизведения утраченного) какой-либо модели из прошлого, принципиально отличной от перестройки, раскачавшей в свое время отечественную социохозяйственную систему. Время и усилия на полное разрушение пореформенной экономики тратить крайне нерационально, учитывая хотя бы факт наличия агрессивного по отношению к России глобального экономического пространства, выжидающего удобный момент для ее вытеснения на периферию и в историческое забвение. Поэтому перестроение, на наш взгляд, следует трактовать как переформатирование всех сфер существующей системы посредством постановки четкой общенациональной цели развития.

Для осуществления третьего сценария, отвечающего национальным интересам России, необходимо именно системное перестроение, включающее:

- неоиндустриализацию как альтернативу навязываемому глобальным экономическим пространством вектору движения в неоэкономическую глобальную сеть, ограничивающую возможности принятия ключевых решений отдельными элементами данной системы, в том числе — отдельными странами и регионами мирового хозяйства;
- неодирижизм как метод (рычаг) осуществления системного перестроения.

Таким образом, общественная потребность развития для современной российской экономики есть потребность «вырыва» из формата неоэкономики, поиска механизма воспроизводства на принципиально иной, чем предлагается неоэкономикой, основе, что, однако, предполагает сосуществование со сложившейся в глобальном пространстве неоэкономической системой, но не подчинение ей, а движение по-своему, отвечающему национальным интересам развития, вектору.

Литература

1. Постреформизм и развитие: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: Ирпень: Издательство Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. 458 с.
2. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.
3. *Фадейчева Г.В.* Система общественных потребностей и ее макрорегулирование в условиях глобализации. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. 167 с.
4. *Фадейчева Г.В.* Современное российское хозяйство как продукт глобального экономического клонирования // *Философия хозяйства*. 2000. № 4. С. 82—90.

Е.А. СЕНАТОВА

Методологические аспекты бизнес-образования в условиях неоэкономики

Аннотация. В статье анализируется российский и международный опыт развития бизнес-образования. В исследовании выделены наиболее важные тенденции в данной сфере, методологические пробле-

мы развития с позиций неοэкономики, разработаны предложения по совершенствованию системы бизнес-образования.

Ключевые слова: бизнес-образование, неοэкономика, глобализация, научение действием, образовательные результаты.

В настоящее время одним из прикладных аспектов неοэкономики является *развитие бизнес-образования*. Интересным представляется проанализировать тенденции и перспективы этой сферы образования в контексте неοэкономического подхода, разработать предложения по совершенствованию системы бизнес-образования. В исследовании проанализирован международный опыт, выделены наиболее важные тренды развития бизнес-образования (в рамках работы автора над международным научно-исследовательским проектом по результатам работы в Western University, Canada, 2015—2016 гг.).

Неοэкономика, возникновение новой экономической реальности [3, 293], непосредственно взаимосвязано с глобализацией [3, 294] и рядом особенностей нашего времени, которые непосредственно влияют на проблемы образования вообще и бизнес-образования в частности [4, 190]. Неοэкономическое развитие требует нового уровня образования. Именно в сфере бизнес-образования проблемы неοэкономического развития, бизнеса и образования соприкасаются наиболее тесно и непосредственно. Ведь именно университеты должны обучать основных организаторов экономической жизни. Основными современными тенденциями в бизнес-образовании являются его интернационализация, расширение группы лидеров международного бизнес-образования благодаря созданию международных альянсов. Среди негативных трендов — снижение доверия к бизнес-образованию и в России, и на международном уровне [4, 188]. На наш взгляд, преодолению данной ситуации будут способствовать внедрение прогрессивных отечественных разработок, развитие методологических подходов прежде всего в отношении наиболее отстающих в плане методологии дисциплин финансового блока.

Так, по мнению российских и западных исследователей, финансовый учет является языком бизнеса [6, 23]. Освоение этого языка важно не только для потенциальных финансистов и бухгалтеров, но и для основных организаторов экономической жизни, для тех, кто принимает управленческие решения и несет за них ответственность.

Важность методических разработок связана с тем, что эффективное преподавание финансового учета часто является проблемой. Необходим подход, противоположный общепринятому классическому преподаванию. Это обусловлено целями курса в бизнес-образовании: прежде всего, студенту необходимо научиться понимать финансовую

отчетность, извлекать из нее максимум информации для принятия эффективных управленческих решений.

На наш взгляд, в этой связи для субъекта экономических отношений важно:

- концептуальное понимание изменений в основных показателях финансовой отчетности, к которым может привести конкретное управленческое решение;
- осознание финансовых, налоговых рисков, связанных с формированием финансовой отчетности;
- умение анализировать финансовую отчетность с целью определения «узких мест» и повышения эффективности работы компании.

Трудности, связанные с эффективным преподаванием финансового учета, также обусловлены тем, что этот курс является жестко законодательно- и правило-регулируемым, математико-ориентированным. Для преподавателя существует соблазн сделать этот курс «сухим» благодаря необходимости использования расчетов при рассмотрении практических заданий.

Еще одна проблема связана с тем, что преподаватели по финансовому учету — как правило, бывшие или нынешние бухгалтеры. Часто в силу специфики профессии им трудно понять главное: бухгалтерский учет нужен для экономики, бизнеса как инструмент, а не бизнес для бухгалтерского учета (в чем уверены многие главные бухгалтеры и что является причиной их конфликтов с руководством в связи с нежеланием, например, оптимизировать расходы из-за увеличения трудоемкости работы бухгалтерии). В бизнес-образовании финансовый учет является базовым курсом, необходимым для изучения многих последующих дисциплин и, главное, для эффективной практической деятельности в дальнейшем. Таким образом, важными представляются анализ прогрессивного международного опыта и на основе практических данных разработка эффективной методики преподавания.

По мнению российских и иностранных ученых, преподавание финансового учета является зоной «высокого риска» [6, 24]. Более того, в последние годы наблюдаются тенденции снижения интереса студентов как к данному курсу, так и к профессии бухгалтера в целом [8, 169]. Таким образом, проблемы, связанные с преподаванием финансового учета, существуют не только в нашей стране.

Особенностями студентов бизнес-школ, не выбирающих финансовый учет в качестве своей будущей профессии, являются худшая математическая подготовка, а также тот факт, что их мотивацией к изучению финансового учета становится лишь необходимость соответствовать требованиям учебного заведения, так как данный курс обязателен для получения диплома [8, 178]. Нежелание заниматься фи-

нансовыми расчетами вследствие недостаточной математической подготовки — одна из причин, влияющих на снижение интереса.

Помимо разной математической подготовки проблемой является различная теоретическая подготовка — особенно для слушателей программ «Магистр» и МВА. В целях повышения уровня понимания финансового языка, а также направлений использования основной финансовой информации, некоторые исследователи предлагают вводить небольшие «подготовительные» курсы по финансовому учету перед изучением основных финансовых дисциплин [5, 536]. Практика проведения нами подобного краткого базового курса также существует в Высшей школе бизнеса МГУ имени М.В. Ломоносова по программе «Магистр». Введение данного курса позволяет решить проблему разного уровня теоретической подготовленности слушателей, а его несомненная эффективность подтверждена результатами опроса студентов. Краткий курс позволяет заинтересовать студентов, ранее не изучавших финансовый учет, дать базовые знания. В соответствии с исследованиями такой обязательный курс в первом семестре имеет положительное влияние на результаты обучения всех студентов, которые ранее демонстрировали негативное отношение к курсу [5, 537]. Полученные результаты показывают повышение развития основных компетенций студентов, изменение отношения к финансовому учету, увеличение объема запоминаемого материала.

На наш взгляд, интересным является тот факт, что преподаватель ответствен не только за знания, но и за атмосферу занятия [6, 78]. Для студентов это очень важно, так как преподаватель прежде всего делится своим пониманием того, как финансовая информация влияет на распределение ресурсов. Применение эффективных методов обучения способствует повышению интереса к преподаваемому предмету. Проведенные исследования выявляют взаимосвязь между использованием прогрессивных методов обучения и повышением качества преподавания финансового учета [5, 542].

Проведенные исследования позволили сделать важный вывод: стиль преподавания, его формы и методы зависят от ситуации, контекста [7, 148]. В зависимости от контекста, студенты бизнес-школ будут применять глубокий или поверхностный подход в изучении финансового учета. Студенты будут либо увлечены финансовым учетом, его логикой и прозрачностью, доступностью для понимания, либо их будут отталкивать скука и сложные расчеты [8, 172]. Для исключения (либо преодоления) этой ситуации необходимы эмоциональные методы обучения, способствующие максимальной вовлеченности студентов в процесс с помощью альтернативных способов подачи учебного материала.

Некоторые ученые для повышения эффективности преподавания предлагают активно использовать приемы мнемоники [7, 138]. Исследования показывают, что данные приемы позволяют лучше запомнить различные теоретические аспекты, улучшают долговременную человеческую память, повышают мотивацию. Кроме того, использование мнемоники приводит к росту интереса к предмету в целом, так как запоминание через ассоциации всегда интереснее статического запоминания. Как нам кажется, для студентов бизнес-школ и экономических факультетов приемы мнемоники могут применяться в достаточно ограниченном объеме, потому что в данном случае важно не техническое запоминание (т. е. зазубривание) методов финансового учета (пусть и при помощи использования более интересных приемов), а концептуальное понимание финансовой отчетности и умение ее анализировать.

По мнению многих исследователей, наиболее эффективным методом активного обучения является работа в малых учебных группах (group/team work), применяемая при обсуждении кейсов (case discussion), а также при выполнении и последующей презентации групповых проектов [6, 25]. При этом проведенные исследования ранжируются — от дискуссий по поводу того, как можно использовать метод конкретных ситуаций (case method) в базирующемся на решении проблемы учебном процессе, до определения, что наличие единственно правильного решения в финансовом учете — не лучшая идея. Такой подход, на наш взгляд, является необычным для отечественного преподавания финансового учета, предмета, достаточно жестко регулируемого правилами, стандартами. Но так действительно лучше воспринимаются новые концепции, обеспечивается понимание, как работает бизнес. При активном использовании метода работы в малых учебных группах уменьшается количество незаинтересованных и не подготовленных к занятию студентов, происходит обучение студента студентом, студент сам контролирует свое обучение.

Исследования также показывают [5, 546], что повышению эффективности обучения в значительной степени способствуют следующие моменты:

- широкое использование такого метода преподавания, как дискуссии;
- необходимость применения активных методов обучения не только в аудитории, но и вне ее (например, при выполнении домашних заданий).

В соответствии с исследованиями активные методы обучения должны не заменять, а дополнять традиционные, например, лекции и чтение специализированной литературы [8, 174]. Более того, лекции и чтение могут также использоваться для целей активного обучения. Ина-

че говоря, прогрессивные стратегии преподавания финансового учета для студентов бизнес-школ базируются на сочетании традиционных способов с активными методами обучения.

Основной вывод из вышеприведенного анализа международного опыта может быть сформулирован, на наш взгляд, следующим образом: преподавание финансового учета в бизнес-школах должно отличаться от классического представления как по форме, так и по содержанию. Иначе говоря, необходимо изменить не только порядок рассмотрения различных тем, но и их наполнение, а также использовать активные методы обучения, соответствующие задачам бизнес-образования.

В этой связи основные предложения по совершенствованию системы бизнес-образования, на наш взгляд, должны включать модернизацию программ обучения в контексте нарастающей глобализации экономики [3, 294]. Кроме того, необходимы более широкое применение информационных технологий; развитие личностных универсальных компетенций; повышение степени специализации программ MBA и магистратуры, где должен быть увеличен удельный вес дисциплин, дающих конкретные инструменты решения важнейших экономических проблем [1, 83]. Таким образом, наиболее важным представляется оценить перспективы развития бизнес-образования в контексте совершенствования методологии преподавания финансовых дисциплин. Одной из важных тенденций в настоящее время является превалирование коммуникативной функции учета над контрольной, а также превращение учета в инструмент управления предприятием. В работе рассмотрены наиболее эффективные методы преподавания финансового учета с точки зрения международной теории и практики. Исследования показали, что различные стили преподавания и стратегии изучения должны иметь и имеют наибольшее значение в этой связи. Кроме того, разработки отечественных и зарубежных ученых показывают, как важны активные методы обучения и их комбинирование с традиционными приемами. При этом возникает конфликт между необходимостью использования активных методов и одновременно сложностью их применения, связанной с особенностями финансового учета: жесткой законодательной базой, математической направленностью. Предлагаемая и опробованная автором методика основана на применении метода обучения действием (action-reflection-learning) как наиболее эффективного подхода при преподавании практических экономических дисциплин. Основной особенностью данной методики является ее кардинальное отличие от традиционной концепции преподавания. При классическом подходе обучение начинается с подробного рассмотрения теоретических аспектов финансового учета (цели, задачи, виды, принципы, термины и определения), продолжается путем детального изучения счетов, записей и завершается

формированием финансовой отчетности. Данный подход представляется нам уже несколько устаревшим, неэффективным в современных экономических условиях, так как для людей, которые впервые столкнулись с финансовым учетом, не понятна конечная цель совершаемых действий и, следовательно, логика финансового языка. На наш взгляд, необходимо начинать с рассмотрения финансовой отчетности публичных компаний, взаимосвязей между отчетами, причин изменений отчетных данных. И далее идти от общего к частному (как правило, применять метод дедукции вместо применяемого при классическом преподавании метода индукции).

Однако вне зависимости от применяемой методики основой бизнес-образования с позиций неоекономики должен быть системный подход, стремительно пропадающий в современном образовании [2, 283]. Одна из задач обучения — научить студентов ориентироваться в море информации. И конечно, бизнес-образование должно быть выстроено таким образом, чтобы быть полезным для практической деятельности. На наш взгляд, развитие системы российского бизнес-образования невозможно без критического осмысления международного опыта и реализации прогрессивных отечественных разработок в контексте неоекономического подхода.

Литература

1. *Евченко Л.И.* Совершенствование бизнес-образования под влиянием потребностей бизнеса и предпринимательства // Креативная экономика. 2012. № 9 (69) // URL: <http://bgscience.ru/lib/4821/>.
2. *Зотова Е.С.* О неоекономике с позиций философии хозяйства // Философия хозяйства. 2016. № 3 (105).
3. *Осипов Ю.М.* Неоекономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2 (104).
4. *Сеферян А.И., Май В.А.* Бизнес-образование рубежа веков: вызовы времени и тенденции развития // Экономика образования 2008. № 2 // URL: http://www.skolkovo.ru/images/stories/book/skolkovo_business_education_at_the_turn_of_centuries_rus.pdf.
5. *Leveson L.* Encouraging better learning through better teaching: a study of approaches to teaching accounting // Accounting Education. 2004. No.13.
6. *Lloyd C.B., Abbey A.* Teaching elementary accounting to non-accounting majors // American Journal of Business Education. 2009. No. 3/4.
7. *Manalo E., Bunnell J.K. and Stillman J.A.* The use of process mnemonics // Learning Disability Quarterly. 2000. No. 23.

8. *Tan L.M., Laswad F. Students' beliefs, attitudes and intentions to major in accounting // Accounting Education: an international journal. 2005. No. 15 (2).*

Н.П. КОЗИЕНКО

**Оптимальная экономика как воплощение идеи
социально справедливого общества**

Аннотация. В статье представлена концепция оптимальной экономики, альтернативной капитализму и социализму. Рассматриваются проблемы политической структуры общества и федерализма, а также роль профсоюзов и политических партий в оптимальной экономике.

Ключевые слова: оптимальная экономика, основной экономический закон, мотивация деятельности человека, экономический кризис, естественная инфляция, стагфляция, политическая структура общества, профсоюзы и политические партии.

Уже не одно столетие российской национальной элитой владеет идея социально справедливого общества. Но в наши дни, имея в виду трагические последствия для экономики страны постсоветского капитализма, ее реализация становится жизненной необходимостью. Наличие же объективных предпосылок, позволяющих осуществить построение такого общества, мы обосновываем в наших исследованиях.

**Поиск альтернативы капитализму и социализму — это реальная
проблема наших дней**

С подачи ряда российских средств массовой информации обществу навязывается новая уничижительная сентенция: Россия сегодня живет в безвременье. Вещая об этом, ее авторы подразумевают наблюдающийся в стране отход от принципов ортодоксально либерального капитализма к государственному капитализму. Но, на наш взгляд, это лишь продолжение эпохи безвременья в России. Эпоха, которая наступила в момент начала строительства постсоветского олигархического капитализма (см.: [5, 77—93]).

Вместе с тем трагичность ситуации в мире заключается в том, что и страны, в которых как бы пестуются принципы ортодоксально либерального капитализма, сегодня также живут в безвременье. В свое время лидером СССР были сказаны удивительно смелые для советского периода истории России слова: мы не знаем общества, в котором живем.

По существу, это было признанием идейного тупика в общественных науках.

Поэтому в наши дни уже со всей определенностью можно утверждать, что у российских и западных обществоведов самой насущной научной проблемой является поиск альтернативы и капитализму, и социализму.

В период перестройки адепты построения капитализма в СССР, говоря об утопичности социализма, утверждали, что человек по своей природе не таков, каким он мыслится в коммунистической теории. И с этим можно согласиться. Но и апологеты капитализма, на наш взгляд, не располагают истинным знанием о природе мотивации деятельности человека. Не имея же такого знания, нельзя понять логику развития общественно-экономических формаций и открыть фундаментальные экономические законы.

Обоснование концепции мотивации деятельности человека и основного экономического закона

Классики либерализма свободную экономику связывают лишь с капитализмом, т. е. с существованием частной собственности на основные средства производства [10].

Почему же не может быть альтернативы приватизированному производству?

Мы считаем, что предлагаемая нами концепция мотивации деятельности человека позволяет дать ответ на этот вопрос (см.: [5]). В наших исследованиях доказывается, что мотивация деятельности человека носит бессознательный характер. А природу бессознательного мы связываем со способностью человека к осмыслению мира в эстетических категориях. Способность к эстетическому восприятию мира и невозможность логического истолкования прекрасного, предопределяя мотивацию сознательной деятельности человека, придают ей характер перманентного стремления к эстетическому совершенству.

В экономической сфере бытия это обнаруживается в стремлении человека к безграничному росту потребностей. Поэтому попытки это стремление ограничивать, что неизбежно имеет место в обществах с коллективистскими формами собственности на основные средства производства, нужно рассматривать как психологическое насилие над личностью. По этой причине такие общества могут существовать лишь в условиях тоталитарных государств, со всеми вытекающими из этого негативными экономическими и социальными последствиями (см.: [7]).

Принятие предлагаемой концепции мотивации деятельности человека позволяет нам сформулировать основной экономический закон, действующий во всех общественно-экономических формациях, в таком

виде: только стремление индивидуумов, составляющих формацию, к безграничному росту потребностей служит основой для развития производительных сил.

Основной экономический закон как фактор истории

Капитализм как естественный этап в генезисе общественно-экономических формаций. Предложенная нами концепция мотивации деятельности человека позволила по-новому осмыслить логику развития общественно-экономических формаций [7]. И ее непротиворечивость мы рассматриваем как свидетельство истинности концепции. При этом новый взгляд на логику развития общественно-экономических формаций позволяет нам утверждать, что капитализм — это первая в истории общественно-экономическая формация, в которой провозглашается свобода личности и естественное право индивида на собственность. Поэтому в идеальном случае капитализм зиждется на идее, что исходной должна быть частная собственность непосредственных производителей. Тем самым впервые в истории провозглашается самоценность личности, а право в жизни общества ставится на место морали. Однако даже в идеальном случае все неизбежно заканчивается классовым обществом. Внутренними причинами, порождающими этот процесс, выступают общественное разделение труда вследствие научно-технического прогресса и конкуренция частных производителей.

С разделением общества на классы в капиталистической экономике неизбежно наличествуют экономическая эксплуатация наемных работников, естественная инфляция и безработица, наблюдающаяся при любых темпах естественного прироста населения.

Существование естественной инфляции при капитализме мы связываем с различием нормы прибыли у хозяйствующих субъектов. Что характерно для свободной экономики. И те хозяйствующие субъекты, которые имеют более высокую норму прибыли, получают возможность искусственно взвинчивать спрос на свои товары.

При частнособственническом капитализме естественная инфляция обычно наблюдается в фазе подъема производства, поскольку в этих условиях увеличить спрос можно преимущественно на новые товары.

Со становлением же монополий инфляция может наблюдаться и при спаде производства, так как собственники таких производств, благодаря более высокой рентабельности и контролю над рынком, способны поднять спрос и на старые товары, снижая объемы их выпуска.

Поэтому крайне необходим метод регулирования динамики производства монополий, позволяющий избежать подобного развития со-

бытий, поскольку монополии являются главной причиной существования стагфляционной тенденции в капиталистической экономике.

В теории стоимости оптимальной экономики нами предложен способ сохранения неизменного в динамике соотношения между «массой» потребительных стоимостей и стоимостью [5]. Этот же подход мы предлагаем использовать и в капиталистической экономике в условиях, когда в монополиях наблюдается стагфляционный спад производства.

На практике властные органы, руководствуясь антимонопольным законодательством, зачастую принимают волюнтаристские решения о разукрупнении монополий. Однако нужно осознавать, что подобные действия могут иметь еще более негативные последствия для национальной экономики. Понять их причины позволяет предлагаемая нами теория экономической эффективности использования основных производственных фондов [2, 94—96].

В ней доказывается, что хотя и не существует математической зависимости вообще между размерами предприятий и их эффективностью, но при прочих равных условиях эффективность производства всегда будет выше на предприятиях более крупных. Безусловно, рост числа монополистических предприятий усложняет проблемы национальной экономики, порождая угрозу стагфляционной тенденции в ней. И в этой связи — угрозу классических кризисов перепроизводства, при которых спад производства наблюдается на фоне падения цен на товары.

Именно такой кризис наблюдался в мире в 1920-е гг. Однако мы не считаем, что такого рода кризисы имманентно свойственны капитализму. И в этом пункте мы расходимся с Дж. Кейнсом, который связывал этот кризис с пороками капитализма [1]. На наш взгляд, кризис был обусловлен тем, что в производстве не стало, в том числе по объективным (познавательным) причинам, более совершенных научных и конструкторских разработок в области техники и технологий. Причем в решающей мере этому способствовало отсутствие подходов к предотвращению стагфляционной тенденции в капиталистической экономике. Только при таких условиях в экономике, для которой характерно общественное разделение труда, будет наблюдаться спад производства на фоне падения стоимости товаров [3].

Здесь уместно заметить, что мы не принимаем и марксистскую трактовку причин такого рода кризисов [8], и представлений М. Фридмана на этот счет [9].

Объективно и эксплуатация наемных работников, и естественная инфляция выступают для собственников основных средств производства не только источником роста потребления, но и стимулом развития производительных сил даже тогда, когда еще нет предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления. (О том, при

каких условиях складываются такие предпосылки, — далее) При этом производственная деятельность становится занятием, достойным человека, т. е. творческой и доставляющей эстетическое наслаждение. И других альтернатив для развития производительных сил при капитализме не существует. Поэтому попытки государства ограничивать рост цен, наблюдающийся в условиях естественной инфляции при росте производства, будут сопровождаться нарастанием негативных тенденций в экономике.

Осмысление же процессов, происходящих в капиталистической экономике при естественной инфляции в условиях спада производства, позволяет нам утверждать, что деньги, в идеале выступая лишь символом стоимости, должны играть в экономике пассивную роль.

Тем самым мы отвергаем навязываемую в макроэкономических исследованиях идею, что деньги «имеют значение». Поскольку считаем, что инфляция, обусловленная денежной эмиссией и снижением процентной ставки и квалифицируемая нами как инфляция искусственная, объективно будет стимулировать стагфляционную тенденцию в капиталистической экономике. Дело в том, что с появлением более «дешевых» денег в экономике создаются условия, при которых товаропроизводители в состоянии обеспечить рост производства и рост цен, как это свойственно для естественной инфляции, но на старые товары.

О предпосылках и условиях существования оптимальной экономики. Приведенные выше свидетельства негативных явлений в капиталистической экономике позволяют нам утверждать, что капитализм, по совокупности экономических признаков ему присущих, не является экономикой оптимальной. Но здесь возникает естественный вопрос: возможно ли вообще успешное развитие производительных сил в экономике приватизированной, но без эксплуатации? Иначе говоря, в экономике, которую мы называем оптимальной и в которой каждый трудящийся выступает собственником всей произведенной им стоимости, а экономический базис общественной формации, будет представлен союзом кооперативных собственников.

Поиски ответа на этот вопрос привели нас к пониманию того, что если чистая экономия от применения машин будет обеспечивать не только их простое воспроизводство, но и равный амортизации прирост дохода, идущего на рост потребления, можно говорить о наличии предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления [5].

Только в этом случае складываются объективные условия для создания общественно-экономической формации, в которой можно отказаться от эксплуатации в качестве стимула для развития производительных сил. В оптимальной экономике также может быть предложен метод

регулирования динамики производства, позволяющий, не подрывая свободы и эффективности предпринимательской деятельности, избежать в ней естественной инфляции. И тем самым обеспечить, упоминаемое нами ранее, неизменное в динамике соотношение между «массой» потребительных стоимостей и стоимостью.

Предлагаемая в оптимальной экономике формула собственности исключает в ней существование частной собственности на землю. Земля в оптимальной экономике является национальной собственностью и передается в пользование тем товаропроизводителям, которые обеспечивают максимальную и не снижающуюся в динамике эффективность использования основных средств производства¹.

Выбор в пользу оптимальной экономики в России все еще возможен. При естественном ходе истории именно капитализм призван обеспечить уровень развития производительных сил, который позволяет осуществить выбор в пользу оптимальной экономики. И классовая борьба неизбежно приведет к идее построения общественно-экономической формации, в которой не будет эксплуатации, а социальный слой общества, который сможет реализовать стремление к безграничному росту потребностей, станет абсолютным.

Но российский капитализм не состоялся. Причем ни в эпоху до социализма, ни в постсоветский период истории России.

Эпоха же реального социализма в нашей стране — это сбой в естественном ходе истории. И она не могла не быть жестокой. Потому что, игнорируя бессознательные истоки мотивации деятельности человека, в ней насаждался моральный кодекс высокой утопии, призванный сформировать нового человека.

Но эпоха реального социализма оказалась и великой, поскольку из-за стремления жить по принципам высокой утопии в ней были неизбежны и государственное насилие, и массовый энтузиазм, направленные на безусловное развитие производительных сил и усиление мощи государства.

Поэтому есть основания считать, что реальный социализм, заплатив за это огромную цену, обеспечил уровень развития производительных сил, который позволял в свое время осуществить выбор в пользу оптимальной экономики. Однако значительная часть национальной элиты не видела альтернативы капитализму. Но даже сейчас, после трагических последствий для экономики постсоветского капитализма, такой выбор в пользу оптимальной экономики все еще возможен. И только на

¹ Подробнее о принципах землепользования в оптимальной экономике — в наших статьях «Оптимальная экономика: проблемы политэкономии» и «Оптимальная экономика как альтернатива капитализму и социализму» [4; 5].

этом пути Россия сможет воплотить идею создания социально справедливого и экономически успешного общества.

Оптимальная экономика: обоснование политической структуры общества

О демократии и разделении властей. При исследовании проблем демократии важно понять те объективные условия, при которых в обществе будет складываться право, соответствующее своему понятию. Мы полагаем, что такое право имеет место в обществах, провозглашающих свободу личности, т. е. реализующих естественное право индивида на собственность либо на основе формулы «частная собственность священна», либо на основе признания священности собственности индивида на всю произведенную им стоимость. Государство же естественно определить как систему органов и учреждений, обеспечивающих защиту свободы личности в соответствии с принятой в обществе формулой приватизации. Поэтому демократия — это правовое государство.

Предложенное нами понимание права и правового государства означает, что тезис о приоритете личности над государством, пропагандируемый многими обществоведами как демократическая альтернатива тоталитаризму, имеет в своей основе ложные представления о природе и роли демократического государства. Будучи реализованным, он объективно обеспечил бы лишь приоритет криминальной личности над обществом.

В общественной формации, в которой провозглашается священность собственности индивида на всю произведенную им стоимость, идея свободы личности получает свое абсолютное воплощение. Впрочем, для обеспечения свободы личности необходимо еще одно базовое условие — национальное государство. Но об этом ниже.

Ранее мы отметили, что в обществах с коллективистскими формами собственности на основные средства производства неизбежно складываются тоталитарные государства.

В общем же случае социальный экстремизм имеет место быть там и тогда, где и когда отвергается возможность абсолютной социальной базы действия основного экономического закона.

Иначе говоря, о наличии социального экстремизма можно говорить и применительно к капиталистической общественной формации, когда в ней уже наличествуют предпосылки для перехода к оптимальной экономике.

Разделяя идею марксистов об органах власти в государстве в форме работающей корпорации, одновременно законодательствующей и исполняющей законы [8], мы считаем, что существование органов

власти в такой форме естественно для общества, в котором реально нет эксплуатации человека ни человеком, ни государством. Что становится возможным только в оптимальной экономике.

О принципах федерализма в оптимальной экономике. На наш взгляд, этнические проблемы истории своими истоками имеют, с одной стороны, психологические, морфофизиологические и языковые различия, наблюдающиеся у этносов, а с другой — природу мотивации деятельности человека [6].

Отдавая дань смутному времени, следует, видимо, подчеркнуть, что все многообразие наблюдаемых у этносов психологических свойств суть человеческие свойства. Поэтому естественно считать, что все этносы реализуют схожую логику генезиса производственных отношений, определяемую стремлением человека к безграничному росту потребностей.

Причем в обществах эксплуататорских, т. е. в тех, в которых объективно отсутствуют предпосылки непротиворечивого развития производительных сил и потребления, неизбежен поиск дополнительных, помимо экономических, источников дохода. И именно войны надолго стали таким источником доходов для всех народов.

Если же в таких обществах есть несколько этносов, то в них неизбежно выделение «эксплуатируемого народа». В таком разделении народов мы также склонны обнаруживать влияние бессознательной природы мотивации деятельности человека, предопределяющей стремление к безграничному росту потребностей. А для разделения народов по этому признаку также достаточно лишь этнических и языковых различий. Именно в таком разделении народов следует искать истоки национально-освободительных войн в эпоху становления капиталистических производственных отношений.

Вообще со становлением капиталистического способа производства стало вполне очевидным то, что в той или иной мере осознавалось и ранее: не общность веры, а этническая общность служит фундаментальной основой свободы личности.

Таким образом, процесс образования национальных государств выступает объективным воплощением идеи, что наиболее благоприятные условия для реализации свободы личности складываются в этнически однородном и демократическом обществе. Завершение процесса формирования национальных государств объективно связано с капитализмом. Причем, как правило, становление этнически однородного общества совершается на основе нескольких этносов и осуществляется довольно жесткими методами. В итоге это ведет к формированию того идеального состояния, при котором понятие «народ» в контексте государственном становится идентичным понятию

«нация», а фраза «многонациональный народ» воспринимается как бессмыслица.

Практика формирования единого этноса в СССР не могла получить успешного разрешения, поскольку она основывалась не на естественнонаучных, а на идеологических основах. Объективно следование химере «советский народ» обернулось трагедией для народов СССР, ибо оно задержало процесс образования национального или национальных государств.

Применительно же к условиям современной России следует иметь в виду, что если составляющие государство этносы достаточно многочисленны, то наиболее благоприятное решение проблемы формирования единого этноса возможно на основе территориальной федерации конфедеративного типа, когда государственными объявляются языки всех этносов.

Далее с использованием соответствующих конституционных процедур должен быть решен вопрос о языке межэтнического общения. Кроме того, именно этот язык должен быть объявлен единственным государственным языком в международной сфере деятельности федеративного государства.

При таких условиях все этносы будут выступать как равноправные субъекты федерации, призванные сформировать единый этнос. И применительно к России это будет означать формирование российской нации. Но идеальные условия для формирования такой нации будут складываться лишь в оптимальной экономике, поскольку в ней не будет эксплуатации человека ни человеком, ни государством.

Со становлением оптимальных экономик многое изменится в мировой экономике. В частности, исчезнут объективные предпосылки для войн между народами.

Однако альтернативы национальному государству нет как сейчас, так и никогда не будет в будущем.

Профсоюзы и политические партии: за кем будущее? Силой, способной осуществить переход к оптимальной экономике (естественно, при наличии предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления), могут быть только профсоюзы.

В ходе классовой борьбы именно они призваны добиться самого радикального ее завершения: превращения каждого трудящегося в собственника основных средств производства, им созданных, а профессиональных союзов — в союзы кооперативных собственников. Поэтому в оптимальной экономике исчезают обстоятельства, обуславливающие объективную необходимость существования политических партий. Обстоятельства эти — наличие в обществе класса собственников основных средств производства и класса наемных работников и в связи с этим

существование эксплуатации человека человеком. В этих условиях только классические политические партии буржуазного толка могут реально осуществлять, на основе некоего компромисса между классами, государственную власть.

Такие партии не отождествляют разделение общества на классы с разделением его на сорта, а возникающие в обществе социально-экономические проблемы не связывают с борьбой людей разного сорта. Наконец, они не мыслят непарламентского разрешения общественных проблем. Все иные политические партии — это исторически деструктивные политические феномены.

Как мы отметили, только в оптимальной экономике возможно существование государственной власти в форме работающей корпорации. А поскольку экономический базис в ней зиждется на союзе кооперативных собственников, то будет естественно такую работающую корпорацию именовать Союзом кооперативных собственников.

Литература

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
2. Козиенко Н.П. К развитию теории экономической эффективности использования основных производственных фондов // Формирование финансово-экономических механизмов хозяйствования в условиях информационной экономики: сб. н. т. конф. / Под ред. С.П. Кирильчук. Симферополь, 2016.
3. Козиенко Н.П. Кризис 20-х годов: причины и уроки // Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития к 80-летию выхода в свет книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»: Сб. тез. конф. М.: Финансовый университет, 2016.
4. Козиенко Н.П. Оптимальная экономика как альтернатива капитализму и социализму // «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания»: сб. н. т. конф. М.: Финансовый университет, 2015 // <http://www.fa.ru/chair/micro/news/Pages/2015-03-23-razvitie-sovremennoy-rossii-problemy-vosproizvodstva-i-sozidaniya.aspx>.
5. Козиенко Н.П. Оптимальная экономика: проблемы политэкономии // Экономическая система современной России: пути и цели развития: Монография / Под ред. А.А. Пороховского (Электронное издание). М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015 // <http://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x62/xс4/25284/file/Economic%20system%20of%20modern%20Russia.pdf>.
6. Козиенко Н.П. Политическая структура общества: проблемы и теория // Независимая газета. 1997. 10 окт.

7. *Козиенко Н.П.* Реформы 1965 года: провал попыток модернизировать экономику социализма, [Электронный ресурс] // Великие экономисты и великие реформы. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.): сб. матер. конф. М.: Финансовый университет, 2015.

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.

9. *Фридман М.* Количественная теория денег. М.: Дело, 1996.

10. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Прогресс, 1993.

Е.С. ЗОТОВА

Экономика и судьба в поисках своих «перестроений»

Аннотация. В статье исследуются формы, пути, методы самоперестроения, самонастроения экономики в целях поиска ею своей лучшей доли. Нелегкая свела ее с судьбой, которая и подсказала ей, что ничего у людей не получится, ибо богатство по самой своей природе не имеет меры и не знает справедливости, а потому оно не повинует ни экономистам, ни «судьбистам».

Ключевые слова: судьба, экономика, Россия.

Экономика, ее не подвластные человеку состояния и капризные изменения, ее изучение в течение 300 лет представляют собой парадокс в парадоксе. А экономический дискурс стал настолько сумбурным, иррациональным, противоестественным, что рационально его невозможно ни дешифровать, ни пересказать, ни осознать, а понять и вовсе нельзя, ибо для этого нужно выйти за пределы экономики в сферу религиозной метафизики, проявлением, орудием и действием которой она выступает. Вообще, научно, по-научному объяснить что-либо по сути своей означает представить изучаемый феномен как проявление, как форму и как действие религии, ибо сама религия является скрытой формой религии, инфернальной идеологии. За конфликтом религии и науки всегда стоит скрытая борьба различных религий. Так, экспоненциальный рост экспертов, консультантов, ученых в изучении экономики, умножение практиков-профессионалов по неведомым причинам порождают все большее непонимание этой же экономики, создает полный хаос в установлении даже границ ее предметной реальности. Расплывчаты как облака этимологические пределы термина «экономика». Существует свыше двадцати ее определений, конечным итогом которых стало пред-

ставление, что у каждого исследователя экономики есть своя экономика. Такой спонтанный и необобщаемый рост экономических идей, программ, проектов, моделей есть симптом полного распада как экономики, так и экономической науки. Если у человека начнут расти в неопределенном количестве руки и ноги, то это — болезнь, разрушающая его генетическую матрицу, а не просто разные точки зрения организма на способ его бытия.

И эта огромная масса исследователей экономики никак не может уберечь ее от кризисов, болезней и катастроф, не может даже установить причину ее хронических недугов. Не может эта масса исследователей предотвратить и экологический коллапс экономики, которая превратилась в глобальный механизм, перерабатывающий биосферу, ландшафты Земли, культуру, самого человека в мусор, в отбросы и отходы.

Идеологическое и практическое доминирование экономики над всеми сферами общественной жизни, сам экономический изоляционизм и редуccionизм порождают неразрешимые проблемы даже внутри самой экономики, разрушают сознание и разум человека, делая его социально и научно невменяемым. Сколько бы мы не изучали руку, сердце в отрыве от организма человека, мы никогда не поймем их смысл и суть, их функции, болезни, секреты бокса и хакерских атак, ибо понимание и смыслы задаются целевой структурой целого. Экономика — не цель общественной жизни, а ее средство, которое нужно оценивать не только экономическими, но и экологическими, социокультурными, антропологическими, сакральными мерами. Экономика есть средство продолжения политики, идеологии, скрытой религии, inferнальных проектов даже в том случае, если считают ее демиургию авторитарным фактором, определяющим все сферы жизнедеятельности общества, если отрицаются ее служебные функции.

Вспоминается притча Дж. Свифта. У власти всегда проблемы с «умниками», постоянно критикующими любые решения и действия правителей. Дать полную свободу критикам — дело дойдет до революций, которые разрушат государство; дать им «сроки» — соседи придут на помощь свободе, правам человека и устроят свой погром. Как быть? Дж. Свифт предлагает использовать опыт китобоев. В XVIII в. это был опаснейший промысел, ибо раненный кит разбивал в щепы парусники. Поэтому китобои брали на корабли большущие пустые бочки, которые в случае опасности бросали в море; и пока кит гонял бочку, его настигал добывающий гарпун. Свифт советует властям бросать «умникам» великие неразрешимые псевдопроблемы, о которых они будут долго-долго спорить, ничего не замечая и не понимая; а самим готовить для подстраховки гарпуны национальных гвардий. Экономика и есть большая

бочка псевдопроблем, которую гоняют искалеченные умы экономистов, не видящие гарпунов рейтинговой гибели. И не знающие того, что ключ от решаемых ими экономических проблем находится в руках могучей кучки гарпунщиков власти, которая решает, что есть экономика, сколько чего стоит, сколько кому полагается благ, как правильно понимать «объективные экономические законы», т. е. в руках справедливого, хотя и тяжелого своеволия власти.

Парадоксальный рост экономистов, бизнесменов, экономического знания ускоряет разрушение, непонимание, экологическую катастрофичность экономики, свидетельствуя о том, что за феноменом и термином «экономика» скрывается не тот объект, который изучают экономисты, а некая другая, пожалуй, inferнальная «икс-сущность», показавшая Адаму на рынке свою невидимую то ли руку, то ли фигу. И даже не сущность, а глумливое и коварное существо, использующее человека как сырье и средство неведомых нам целей.

Это существо впервые обнаружил, исследовал во всей его красе неземной Аристотель. Великий ученый выделял *экономику-хозяйство*, занятую созиданием средств жизнедеятельности семьи (дома), общины, города, государства, и *экономику-хрематистику*, занятую только бесконечным накоплением денег как самодостаточной ценности. Если хозяйство служит средством обеспечения «благой и прекрасной жизни», то хрематистика стремится настичь такое чудо, как «жизнь вообще». Но «жизнь вообще» — это уже не жизнь, а мертвая абстракция. И эту абстракцию не насытит весь мир, волшебством превращенный в деньги, как не насытят абстракцию «дерево» все деревья всех времен. Абстракция все «съест» и все равно будет голодной; поэтому она начинает пожирать самое себя, но от этого самоедства она становится еще прожорливей и плодовитей. И бесконечная плодовитость абстракций, предстающая в сфере экономики как бесконечный рост массы денег-абстракций, создала в XXI в. рынок «бумажных ценностей» и мир виртуальной реальности.

Аристотель открыл, что хрематистика фактически есть демиург, рабочая сила смерти (небытия), добывающая себе пропитание путем пожирания людей, жизни. Видимое накопление денег опирается на скрытое убывание жизни. Есть у хрематистики и свое божество для мира земного — молох, золотой телец. Есть и заместители — призраки, для которых в XXI в. при содействии людей был построен особый виртуальный мир.

Хрематистика вначале сделала средством безмерного умножения денег ростовщичество, торговлю, хозяйство, земледелие и ремесла, затем создала промышленность, банки, войны, подчинив все виды человеческой жизнедеятельности смерти, которая наиболее полно выражает

идею и суть бесконечного роста, составляющего субстанцию денег. Именно хрематистика, начиная с XVII в., узурпировала и исказила термин «экономика».

Экономика извратила объективную телеологию бытия, сделав себя самоцелью, судьбой общества, а человека и жизнь своими рабами, средствами. А прогресс она сделала полицейским, который следит за тем, чтобы люди прогрессировали, т. е. верно и бездумно служили золотому тельцу и его хозяйке — смерти². (Правда, для конспирации своего смертоносного лакейства им приходится кое-что делать и для людей, обеспечивая их жизнедеятельность нужными (чаще — ненужными) товарами, услугами, но эти их «достижения» в итоге оборачиваются для людей неразрешимыми проблемами их бытия. И в тюрьмах «преступная элита» тоже устраивает себе приличную жизнь за счет других пленников зла, угрожая им смертью.)

Служение экономики целям и задачам смерти подтверждается всего одним фактом — экономика всегда быстро и эффективно развивается, лишь создавая оружие. Видимо, ее тайная цель неотвратима: состоит в том, чтобы создать глобальное ядерное оружие, дабы человечество само уничтожило себя вместе с планетой во исполнение сакрального закона — или человек искупит грех своего появления на Земле, или же грех доконает его. Ибо трудно отрицать телеологию ядерного оружия, которое по своей мощи может разрушать планеты. История не знает сделанного человеком оружия, которое не было бы осознанно или случайно пущено в ход вопреки всем усилиям пацифистов и реальных политиков.

Но в XXI в. что-то засбоило в торжествующем шествии экономического. Вроде золотой телец растет, прогресс работает, информационные сети создают новый мир глобальной виртуальности, но кризисы в США (в 2001, 2008 гг.) именно в сфере новейших типов виртуальной и финансовой экономики показали, что движение в этом направлении завершится неизбежным крахом мировой экономики.

И здесь на горизонте экономики появилась новая бочка-беспилотник — неоэкономика. Экономисты-астрономисты, пытаясь вычислить ее орбиту, выдвинули ряд гипотез. Неоэкономика — это постиндустриальная, информационная, виртуальная, сетевая экономика; это экономика знаний, интернет-экономика, финансовоэкономика, техноэкономика. Отдельные аспекты неоэкономики эти гипотезы фиксируют, но ее ядро, суть, цель и смысл остаются скрытыми. Есть еще один неприятный гносеологический казус. Все слова с приставкой «нео» имеют яв-

² Ватикан назвал Европу — основного создателя и хранителя экономики — цивилизацией смерти.

ный или скрытый негативный оттенок, принижая или вовсе разрушая уже достигнутый статус предметов, людей, идей. Так, термин «неоклассика» отрицает классику, ибо классика — это максимально доступный человеку уровень совершенства в науках, искусствах, делах, в постижении и выражении истины. А как можно совершенствовать совершенное? Возможны ли «неоистина», «неосовесть», «неочестность» и др.? Эти ценности можно совершенствовать лишь путем скрытого внедрения в них деструктивных начал. В языке со временем заводится масса лингвистических паразитов; поэтому слова нужно дезинфицировать мощными смыслами софийной метафизики.

Встает вопрос: а чем именно обогащает, совершенствует экономику, ее познание и понимание неоекономика? Информация, виртуальность, знания, финансы, сети были частями экономики и до неоекономики, но в качестве самостоятельной экономики их не выделяли.

Тайна неоекономики скрывается не в ней самой, а в человеке, в судьбе его антропогении. Неоекономика — это не особый автономный вид экономики, не ее этап, даже не ее часть, а это особый антропологический проект, призванный разрешить неразрешимые противоречия экономики, смертельные и для самой ее смерти.

Так, прогресс, исполняя свои функции, вынудил человека и его инфернатальных соавторов создать для нужд золотого тельца финансовую и технономическую экономику, в которой царствует виртуальность. Прогресс совместно с виртуальностью стал экономической основой, онтологией современного мира и человека. Но этот же прогресс и виртуальность требуют виртуального, высокотехнологического человека, признающего виртуальные ценности превыше всего и готового служить им не верой и правдой (таковые ему по канонам виртуальности не полагаются), а отказом от своей традиционной социокультурной природы, отказом от самой человечности. Однако человек — даже *homo esopoticus* — не желает становиться виртуальным существом, а несет свои деривативы в банки, требуя наличных и недвижимости, не доверяя прогрессу с его виртуальностью, не желая следовать его канонам. Антропология, культура, сама реальность человека вступили в неразрешимое противоречие с идущим виртуальным миром.

Каковы возможные варианты разрешения этого противоречия? Или радикально изменить человека, переучить его, приспособить его к виртуальному миру и незаметно превратить в адепта виртуального прогресса, или же окоротить прогресс, подчинив его виртуальные изобретения человеку социокультурному. Спасать или человека, или экономику — а совместно не получится. Других чисто экономических альтернатив разрешения этого противоречия нет, хотя есть внеэкономические, хозяйственные варианты.

Прогресс и его возлюбленную — виртуальность — невозможно остановить, изменить даже чисто технологически, а в историческом плане это будет крахом евро-американской цивилизации и ее экономики, крахом золотого тельца с далеко идущими последствиями для мира inferнального. Ибо может быть запущен совершенно неприемлемый сценарий сакрального мира.

Остается трансформировать человека под нужды виртуальности и западной цивилизации. Конечно, проще всего прогрессу разрешить это противоречие посредством мировой войны, которая устранил устаревший человеческий материал, а оставшихся людей путем интенсивной социальной и финансовой шокотерапии превратит в полноценных виртуалов. Но существующие типы оружия делают такой вариант разрешения противоречия крайне рискованным для самого прогресса, который может накрыться медным тазом.

И «могучая кучка» приняла решение создать путем клонирования искусственного человека и глобального виртуального пространства, в котором не смогут жить традиционные люди. И главной проблемой здесь является создание искусственного сознания, аналогичного искусственному интеллекту. Дело в том, что сущностные силы, определяющие человека и человечность, коренятся именно в сознании, которое содержит в себе душу, мораль, совесть, вменяемость человека, память о его сакральном генезисе.

Очевидно, что создание искусственного сознания принципиально невозможно, ибо искусственная мораль, душа, искусственные сакральные ценности — это не ценности, а мерзости. Никакое сознание, даже искусственное, без морали, души и совести невозможно даже виртуально. Но огромнейшие финансовые, интеллектуальные, материальные ресурсы Запада брошены на создание этого чуда, от которого зависит само бытие экономической цивилизации. В данный момент ученые пытаются осуществить синтез четырех дисциплин — нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC). Взятые автономно, каждая из этих дисциплин требует огромного финансирования, и сами по себе они не окупаются. Их смысл в создании уникального продукта — искусственного (безмозглого) носителя сознания. Судить о результатах этой работы невозможно в силу их закрытости.

А вот создание единого глобального виртуального пространства идет довольно успешно, охватывая и Россию. Драконовские реформы образования и здравоохранения как раз и призваны сделать ее образовательное и биосоциальное пространство чисто виртуальными сферами, в которых полиэтническое, поликультурное, биосоциальное многообразие будет обречено на исчезновение.

Экономику невозможно не признать глубоко больной, ибо она находится в таком глубоком разладе с человеческой реальностью, с нравственностью, что ее нужно лечить. В таком же разладе с бытием и моралью находятся люди, занятые экономикой и ее познанием. Даже homo eсоnотісuѕ усомнился после деривативного краха в правде золотого тельца. Увы, болезнь экономики и ее адептов inferнальная — они теряют вменяемость, идентичность, вследствие чего причину своих бед они начинают видеть в мышлении, в сознании, в самой жизни. Соответственно, курс лечения ищут в технике, в финансах, в «бегстве от мышления», в однополой семье, в «сдаче» сознания бессознанию. Но увы, увы, такие болезни лечит только апокалиптическая терапия, сакральность человеческая и... софиасофия.

Мы вступаем в эпоху финальной катастрофы апокалипсиса, ибо рухнула та система, которая считалась единственно верной и эффективной, а поскольку она рухнула, никто не избежит последствий этого крушения.

Для России закончился «статус-кво» — положение, когда можно было обходиться «технологическими адаптациями» и не принимать принципиальных решений.

Постмодернизм же олицетворяет уже разрушение самого человека, это последний вдох индивидуума. Человек не устоял, сбросил с трона самого себя так же, как до этого детронировал Бога. Теперь мы находимся в пасти зверя, вот-вот готового сомкнуть челюсти...

Общество оказалось в пасти своего же развития и своего же прогресса, экономика либерализма пришла к плачевному состоянию в силу своих же принципов. Мировоззренческая парадигма «новой экономики» — религия «золотого тельца» и пришествие виртуальности.

«Новая экономика», таким образом, не изолированный феномен, но одно из измерений перехода от реального социума к социуму виртуальному, от реального человека к человеку виртуальному. Нынешний кризис демонстрирует сбой «бесконечного роста», провал «виртуального проекта».

Можно задаться вопросом: это конец новой экономики (а, следовательно, и религии «золотого тельца») или еще нет?

Поэтому в водовороте мирового кризиса Россия осталась без экономики — виртуальная экономика рухнула, а реальной уже не осталось. Кроме того, гигантские финансовые убытки, которые вприснuty сегодня в российскую экономику, являются мощным барьером для любых решительных действий по реанимации реального сектора без слома существующих структур власти.

Экономика сегодня находится в процессе самоотрицания, переходя в форму оккультной антропологии, занятой созданием искусствен-

ного или гибридного человека, человека-гибрида, который бы соответствовал новому этапу развертывающейся в глобальном масштабе inferнальной революции, призванной запустить на полную мощность апокалиптическое преобразование мира, процесс разделения «зерен» и «плевел» в человеческих популяциях. Виртуальность, информационные и когнитивные технологии, сам золотой телец становятся средствами этого inferнального проекта, который должен в итоге завершиться человеком-гибридом, способным быть трехмерным существом и в то же время превращаться в живой двухмерный призрак. Видимо, такое расширение свободы и субстанции человека светит не всем, а лишь избранныкам inferнального прогресса, которые будут править антропоидами, обреченными на трехмерное рабство.

Есть в этом проекте и позитив — человек сможет хотя бы до шестидесяти лет убавить число истязующих его болезней, а может найдет пути к вечности и бессмертию, хотя неизвестно, что лучше — смертная жизнь с гипотетической перспективой бессмертия или же бессмертие с неведомыми перспективами то ли смерти, то ли каких-то превращений. Но, скорее всего, этот проект обречен на обвал, ибо для превращения человека в новое качество нужно знать, что есть человек, Бог, природа, судьба, дьявол, хаос участвовали в появлении человека, необходимы для его бытия, но человек в итоге все же пытается преодолеть свою зависимость от своих сородителей, а ищет именно свою вечность, свой мир Иной, в котором он может быть самим собой, следуя закону своей творческой, изобретательной идентичности. Нельзя совсем отбросить и такой аргумент: поскольку человек не сам себя породил, то и не ему определять свою судьбу. И может ли вообще оригинал создать копию, превосходящую сам оригинал?

Да и люди в этнонациональном плане разные. Какой этнос будет взят как образец человека-гибрида?

Но главный аргумент против проекта гибридного человека состоит в том, что, создавая свою искусственную копию, существующий человек видоизменяется (совершенствуется?), и созданное им существо может «обидеться» на свою инаковость и... восстать, как Франкенштейн Шелли.

Но «согласны» ли отрицаемые человеком его возможные «сородители» на такой его антропологический ход и проект? Впишется ли гибридный человек, человек иной, в органическую жизнь биосферы, в которой еще не было такой формы жизни? И смерти, видимо, тоже?

Экономисты — это полумертвые существа, ибо их жизнью, их мыслями и сознанием повелевают желания смерти, которая глумливо учит их посредством денег правильной жизни, делая в итоге живыми — но полуневменяемыми, вменяемыми — но полуживыми.

А полуживыми и полувменяемыми правит судьба. Кажется, что экономика родилась в судьбе, став ее любимой дочерью, которой она передала свои тайные искусства! Долгое время богатство, руководясь интуицией, индукцией, дедукцией, математикой, анализом и синтезом, здравым смыслом худо-бедно сохраняло себя, используя вместо философии хитрость, опыт войн и практику спекуляций. Но всему приходит конец с петлей-продолжением. И вот сегодня перед философией и экономической мыслью стоит фантастически сложная и, кажется, вообще, непосильная задача — осознать рабочую модель судьбы, создать, а, вернее, осознать присущий планетарному организму экономики метод анализа, который по силе, строгости и точности приближался бы к тайному методу судьбы. Страшно? Дерзко? Но ведь Царство Божье силой берется, а сегодня учиться методологическому искусству можно лишь на примере объектов, которые или превосходят экономику, или же близки ей по своим тайным субстанциям. Только признание судьбой ценности наших размыслительных усилий поможет нам создать метод, который расколдует экономического сфинкса.

Сама судьба как бы говорит, что я, судьба, бью и буду бить тех, кто не является субъектом своего ума, сознания и деяний, а лишь капризным объектом, ищущим хлеба и палки. Но все же судьба в одном аспекте превышает экономику, ибо судьба не обменивается ни на какую ценность, не имеет цены. Даже смерть имеет цену, а судьбу продать/купить нельзя. Да и экономика как целое тоже не имеет рыночной цены, ибо нет для нее адекватного ей хотя бы трансцендентного эквивалента. Нет, отдельные страны можно продавать, как острова, но мировую экономику в целом кто может купить? А если и купит, то что с ней делать, с кем ее обменивать дальше? И вот этот парадокс, когда экономика провозглашает высшим благом обмен ценностями, а сама не может ничем и ни с кем обмениваться, порождает разрушающую ее дезорганизацию. Временный и частичный выход — виртуальность, обменивающая все на чередование нуля и единицы; но это предел всякого обмена, который завершается тем, что экономика ради сохранения своей идентичности обращает свою энергию против себя, занимаясь долговыми махинациями.

Экономика, как и судьба, отчасти познаваема, отчасти доступна воздействиям людей, но в целом и как целое она грозно стоит перед человечеством планетарным сфинксом, требуя познать законы, императивы ее воли или же бесследно, безмолвно исчезнуть в пустынях ее виртуальных царств, уже ждущих первые партии клиентов, жертв, игроков, инвесторов, менеджеров, экспертов и других своих волхвователей, которые наивно, без соответствующего смыслового оружия, собираются

на самые разнообразные сходки-форумы и решают, как все же покорить или приручить зверя судьбоносной экономики.

Подлинная экономика — это пока полуреальный проект виртуального апокалипсиса, в котором должны встретиться виртуальное богатство и виртуальный человек. Но в России виртуальность начали внедрять тогда, когда она на Западе уже вошла в фазу агонии. Поэтому у России есть шанс перейти от экономики смерти к хозяйству жизни и человека. Чтобы не кончился человек, экономика должна стать хозяйством.

Неопозитивистская и постмодернистская контрреволюции в науке отодвинули метафизические проекты и методы философии, заменив их симулякрами, игровыми алгоритмами, знаками без значений, вообще экономическими поисками того, не зная чего, внутренне страшась, а вдруг будет найдена первопричина их кризисного и антикризисного блуда, ищущего богатство. Опоздали искатели! Об этом прямо заявил на саммите тысячелетия Генеральный секретарь ООН, Кофи Аннан: «Накопление богатства перестало вести к решению основных проблем, стоящих перед человечеством (это свидетельствует об исчерпании традиционного механизма развития человечества и необходимости смены его парадигмы)» [1, 715—716].

Возникает вопрос о дееспособности богатства вообще направлять развитие экономики и человечества. Удивительное саморазблечение капиталом своего полного банкротства! Понятно, что элита капитала добровольно позиций не сдаст и не может сдать, ибо она не в состоянии своими частными методами понять вызовы планетарной экономики. Но и принять ее правду (благо всех народов) она тоже не может, переводя эту правду в режим насилия-самоцели, т. е. в терроризм. Но вопрос о движущей и тягловой силе экономики остается открытым. Если не капитал и не богатство — каковы иные равноценные двигатели экономики, и кто владеет ими, умеет ими пользоваться?

Для решения этой неразрешимой задачи нужно уже не просто накопление богатства, ибо здесь уже достигнуты внутренние пределы в идее богатства-самоцели, а углубление и расширение богатства сознания и разума, не имеющих никаких пределов, кроме смыслов вечности. Поэтому сокровенная суть глобализации не в интеграции мировой экономики (это всего лишь следствие внутреннего преобразования разума, его смысловых проектов и перспектив). «Главное в глобализации — изменение предмета труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным, наиболее коммерчески эффективным бизнесом не преобразование мертвых вещей, которым занималось человечество с момента своего появления, но преобразование живого человеческого

сознания — как индивидуального, так и коллективного». А «превращение формирования сознания в бизнес — это революция» [1, 715—716].

Мысль и сознание всегда формировались и изменялись мифологиями, религиями, искусством, философией, науками, практикой. Но эти преобразования были медленными, органичными и затратными. Информационные технологии сделали изменение сознания и мыслей простым, дешевым и доступным даже производителям собачьих консервов. Владельцы информационных технологий, СМИ и рекламы могут теперь обращаться с сознанием и мыслью как со своими рабами. «Максимальная эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влияние тех, кто владеет ими, и тех, кто их применяет, делает их могущественными. При этом никакой “платы за могущество” нет; человек, создавая и внедряя новые представления, формируя сознание других людей, чувствует себя творцом, близким к богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. А теперь представьте себе “в одном флаконе” абсолютную безответственность, колоссальное могущество и фантастическую радость от каждой минуты работы!» [1, 716]. Такой «флакон» эликсира всеисцеления может быть, пожалуй, лишь у Воланда!

Только в исследовании такой экономической магии важно учесть три момента. 1. Власть над сознанием и мыслью достигается путем использования сверхсовершенных и незаметных методов. Кто владеет лучшими методами, лучшими инструментами, тот владеет всем. Поэтому мощное, всестороннее и постоянное методологическое творчество, разработка софийных методологий — непременное условие как познания мировой экономики, так и сохранения простой вменяемости сознания и мысли человека. 2. А поскольку элита современной мировой экономики, имея дело с глобальными объектами, мыслит о них посредством частных, чаще всего финансовых и математических методов, она служит не благу экономики, а ее кризисам; а реальная власть сегодня незаметно переходит от капитала-производителя (вещей) к капиталу-манипулятору (информацией). 3. Если ум, методы, технологии богатства не способны решать проблемы человечества, не способны сохранить даже само богатство, то в зародыше должны быть уже субъект, разум, метод и практика решения неразрешимостей богатства. Ведь настоящее становится старым и прошлым только тогда, когда появляются новые инструменты, которые решают задачи, непосильные прежним методам. Отсутствие такой целостной философии и методологии Софии Премудрости Божией восполняется кризисами, которые несомненно носят антисофийный и метаэкономический характер; потому частноэкономический взор не видит их причин, а частный ум их не понимает.

Литература

1. *Десягин М.Г.* Место России в условиях глобализации // *Безопасность Евразии*. 2002. № 1.

С.В. ФИЛИМОНОВ

Открытый и закрытый регионализм: pro et contra

Аннотация. рассматриваются достоинства и недостатки исторически-сформировавшихся моделей региональной экономической интеграции в контексте последних тенденций в международной кооперации производства и разделении труда.

Ключевые слова: регионализация, мировая экономика, либерализация, протекционизм.

С начала второй половины XX в. процессы региональной экономической интеграции приобрели масштабный характер. Так, по данным ВТО, на текущий момент в мире действует 283 региональных торговых соглашений (РТС). Около 57% указанных соглашений заключены между странами в двустороннем формате, что, как правило, не приводит к каким-либо серьезным интеграционным эффектам. Еще 53 соглашения (18,7%) связаны с созданием многосторонних интеграционных группировок или их расширением. Остальные 23,7% соглашений заключены между интеграционными группировками как субъектом международного права, с одной стороны, и странами — с другой [7].

При этом в последние десятилетия произошла резкая активизация подписания указанных региональных торговых соглашений. В настоящее время осуществляются переговоры и процедуры для заключения еще 36 соглашений между странами и группировками стран. Доля поставок в рамках РТС в общемировом экспорте в 1990—2008 гг. увеличилась с 28 до 51% [3, 7]. Многие экономисты заговорили, что регионализация в формате региональных интеграционных блоков стала реакцией на глобализацию и ее противовесом.

Однако данные статистики показывают, что это не совсем так. Сразу следует отметить, что далеко не все РТС, учтенные в базе данных ВТО, являются региональными. Многие из них трансконтинентальны. В целом же доля внутрирегиональной торговли в рамках 31 крупнейшей

интеграционной группировки с 1995 по 2015 г. снизилась с 56,6 до 46,72% по экспорту и с 55,19 до 44,37% по импорту (рис. 1). Снижение доли внутригрупповой торговли наблюдалось в группировках практически по всему миру, за исключением Юго-Восточной Азии.

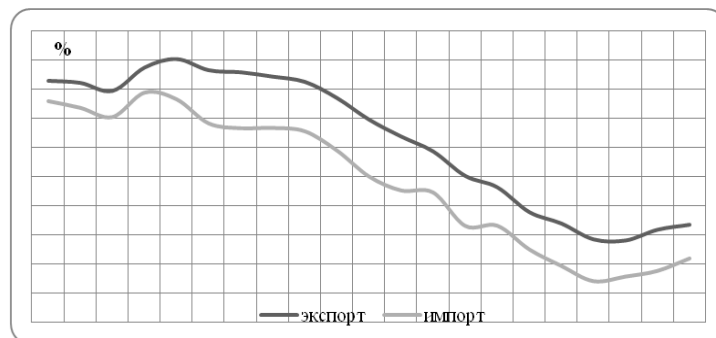

Рис. 1. Динамика доли внутригрупповой международной торговли в 31 крупнейшей межгосударственной интеграционной группировке: составлено и рассчитано автором по данным [6].

Новый виток межстрановой производственной кооперации и международного разделения труда связан с встраиванием стран в так называемые *глобальные цепочки стоимости* (ГЦС), Азиатский регион стал примером удачного использования преимуществ глубокой международной производственной кооперации.

В этих условиях существенно растут отрицательные стороны традиционного протекционизма (в особенности тарифного). «Тарифные и нетарифные барьеры в эпоху ГЦС фактически представляют собой налог на экспорт. Отрицательные последствия протекционизма многократно усиливаются в случае ГЦС, когда отдельные детали или компоненты продукта пересекают границу несколько раз» [5, 136].

Действительно, в последние годы произошло серьезное расширение сети ГЦС. Это проявилось, в частности, в том, что в последние 20 лет в структуре международной торговли существенно выросла доля промежуточных товаров и услуг, а доля конечной продукции сократилась (табл. 1).

Последнее десятилетие характерно также ростом доли развивающихся стран в мировом экспорте, доля стран, не входящих в ОЭСР, с 1995 по 2011 г. выросла на 6,63%, достигнув 52,58%, при этом опережающими темпами росла их доля в сегменте экспорта конечной продукции (рост на 9,5%).

Таблица 1

Структура мирового экспорта товаров и услуг

Экспорт продукции по отраслям		Год						
		1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Конечная продукция	Всего	43,39	39,69	37,54	36,89	39,00	37,34	36,25
	Пром. производство (добывающее, обрабатывающее и коммунальные услуги)	24,92	23,48	23,06	22,36	23,26	22,69	22,21
	Сфера услуг и строительство	17,26	15,38	13,82	13,82	14,90	13,88	13,22
	Всего	56,61	60,31	62,46	63,11	61,00	62,66	63,75
Промежуточная продукция	Пром. производство (добывающее, обрабатывающее и коммунальные услуги)	39,19	43,35	45,04	45,77	42,58	44,49	45,41
	Сфера услуг и строительство	15,43	15,64	16,45	16,26	17,19	16,99	16,99
	Всего	54,62	58,99	61,49	62,03	59,77	61,48	62,40
	Пром. производство (добывающее, обрабатывающее и коммунальные услуги)	39,19	43,35	45,04	45,77	42,58	44,49	45,41

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [6].

Статистика экспорта и импорта товаров и услуг, основанная, как правило, на данных таможенных служб разных стран, не отражает вклад той или иной страны в производство экспортируемой продукции. Ведь сырье, комплектующие или полуфабрикаты для экспортируемой продукции ранее могли быть импортированы из третьей страны. Таким образом, в условиях распространения ГЦС одна и та же добавленная стоимость может быть учтена в статистике экспорта и импорта многократно, когда продукция уже более высокой степени переработки пересекает таможенные границы других стран, перемещаясь по производственной цепочке вверх к конечному продукту.

Степень участия той или иной страны в глобальных цепочках стоимости помогает оценить статистика добавленной стоимости (ДС), публикуемая в последние годы международными экономическими организациями. Такая статистика публикуется, в частности, ОЭСР за 1995—2011 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Доля ДС стран-членов ОЭСР в мировом экспорте, %

	Год						
	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Всего	63,5	57,9	57,5	57,5	60,0	59,9	59,1
Пром. производство (добывающее, обрабатывающее и коммунальные услуги)	65,4	58,1	58,0	57,2	60,5	60,4	59,4
Сфера услуг и строительство	61,9	58,4	56,8	58,8	59,8	59,2	59,5

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [4].

Согласно представленным данным, доля произведенной в странах-членах ОЭСР ДС в мировом экспорте в 2011 г. составила 59,1%, сократившись с 1995 г. на 4,37%. При этом наибольшее сокращение произошло в сегменте промышленного производства (на 6,03%), что в целом отражает тенденцию увеличения роли развивающихся стран в мировой промышленности.

Более детальное рассмотрение ситуации показывает, что в последние 20 лет произошло существенное «размытие» национальных экономических границ, особенно это касается небольших государств (табл. 3). В наибольшей степени это коснулось секторов добычи полезных ископаемых и промышленности. Как видно из табл. 3, во многих развитых странах более половины производимой в промышленности ДС находит конечный спрос за рубежом.

При этом, если посмотреть цифры в целом по экономике, то окажется, что многие крупные страны и группировки по-прежнему в подавляющей степени опираются на собственный внутренний рынок. Однако тут стоит заметить, что подобная картина складывается преимущественно благодаря сфере услуг, доля которой в производстве ДС в большинстве развитых стран превышает 50%, доля же экспортной ДС в основном не превышает и 5%. Если выделить лишь отрасли материального производства, то картина окажется совсем иной.

Таблица 3

**Доля экспортированной ДС в общем производстве
ДС страны, %**

Страна	Всего		Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство		Добыча полезных ископаемых		Промышленность		Электро-, газо-, водоснабжение, строительство, сфера услуг	
	1995	2011	1995	2011	1995	2011	1995	2011	1995	2011
Аргентина	9,6	20,2	25,5	50,1	19,9	35,1	15,9	31,5	7,1	13,1
Бразилия	7,6	12,3	11,0	23,0	32,4	46,9	14,0	18,9	5,5	8,4
Великобритания	23,2	24,4	18,4	18,7	50,0	65,5	41,9	52,9	17,3	19,6
Турция	16,2	18,1	9,3	12,4	21,4	36,5	19,8	29,1	15,8	15,5
Россия	27,4	30,2	6,4	9,2	67,8	80,1	48,0	47,0	20,3	20,0
НАФТА	7,7	8,5	16,9	16,9	15,3	18,4	15,9	20,4	5,6	6,1
Канада	27,4	23,1	46,0	43,3	64,4	61,6	58,3	51,2	17,2	14,3
США	9,3	10,8	20,6	24,3	16,7	24,0	20,6	28,0	6,6	7,7
Мексика	19,5	20,2	17,8	18,7	41,1	47,3	33,6	39,5	13,1	11,2
Евросоюз (28 стран)	9,6	13,8	7,7	10,3	18,4	26,3	18,6	29,0	7,1	10,7
Франция	18,9	20,3	23,6	27,6	36,9	54,6	40,1	49,5	14,1	16,3
Германия	19,0	30,6	15,2	28,9	24,4	58,3	40,2	58,3	12,8	22,1
Италия	22,5	22,5	20,0	20,9	31,8	40,6	40,5	49,0	17,1	16,8
Испания	19,1	23,7	22,2	33,9	31,2	66,8	35,0	50,2	14,8	19,0
Греция	15,7	18,5	20,8	22,1	51,3	42,6	30,1	34,5	12,7	16,4
Польша	20,5	30,5	12,1	23,8	42,5	55,0	36,2	57,2	15,3	23,6
АТЭС	4,7	7,2	4,3	6,3	12,0	17,3	8,7	13,3	3,5	5,1
АСЕАН	28,6	32,5	17,8	25,4	59,5	62,1	37,3	40,0	24,9	26,6
Япония	8,4	12,6	1,9	5,3	9,7	97,1	16,7	29,8	6,0	8,6
Корея	23,4	34,3	11,3	12,2	33,1	37,4	38,6	58,9	18,2	23,5
Китай	13,0	17,6	6,5	10,7	14,8	17,8	16,4	25,0	13,2	14,4
Индия	10,2	18,4	5,5	8,6	18,7	37,2	14,7	26,5	10,2	18,2
Сингапур	59,3	62,5	68,4	78,5	61,6	59,6	77,3	82,0	53,3	57,4

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [4].

В таблице 4 показано, в какой степени потребности внутреннего рынка стран и группировок удовлетворяются за счет собственного производства ДС. И здесь ситуация аналогичная — большинство внутренних рынков промышленной продукции отдельных стран перестали быть внутренними. Исключение, пожалуй, представляют лишь Китай, Япо-

ния и Бразилия, а также крупные интеграционные группировки, такие как Евросоюз, НАФТА и АТЭС. При этом для сферы услуг во всех странах по-прежнему внутренний рынок является главной опорой.

Таблица 4

**Доля произведенной внутри страны ДС в удовлетворении
конечного спроса на внутреннем рынке по отраслям, %**

Страна	Всего		Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство		Добыча полезных ископаемых		Промышленность		Электро-, газо-, водоснабжение, строительство, сфера услуг	
	1995	2011	1995	2011	1995	2011	1995	2011	1995	2011
Аргентина	89,9	81,7	92,7	91,5	85,3	55,7	77,2	67,0	92,7	87,0
Бразилия	90,8	86,9	93,9	92,6	46,6	54,0	82,4	73,9	93,4	91,0
Велико-британия	77,1	74,3	63,4	42,8	56,1	23,2	58,1	39,5	83,5	82,5
Турция	83,4	74,6	93,9	88,3	42,8	23,3	77,5	56,2	86,3	82,0
Россия	75,3	77,5	80,5	78,3	75,9	63,6	55,1	54,2	80,3	83,6
НАФТА	91,5	88,2	83,9	75,3	70,2	60,7	81,9	72,7	94,2	92,5
Канада	75,1	75,8	73,9	59,3	62,2	55,0	43,0	40,5	83,2	84,0
США	89,5	85,6	75,3	66,4	53,3	38,8	77,0	66,4	93,2	91,2
Мексика	82,5	78,8	88,8	74,5	89,4	70,6	63,6	55,9	88,0	86,2
Евросоюз (28 стран)	91,9	87,1	86,9	74,6	48,5	20,4	86,3	77,1	88,0	85,1
Франция	82,3	77,1	76,5	66,7	13,1	3,0	60,5	42,1	88,0	85,1
Германия	81,5	73,5	56,2	41,8	34,2	3,5	67,4	57,5	86,6	80,4
Италия	80,8	76,3	73,5	61,0	25,8	6,0	66,5	54,7	86,2	84,1
Испания	80,8	75,4	80,6	63,7	18,8	2,1	62,7	48,0	86,9	83,4
Греция	77,0	74,5	84,8	73,1	21,1	3,4	44,7	48,3	84,6	83,0
Польша	81,3	68,4	89,1	73,3	65,3	29,1	65,2	41,8	86,2	77,0
АТЭС	95,4	92,5	94,7	94,0	70,5	62,6	92,6	90,2	96,8	95,1
АСЕАН	70,6	71,9	93,1	90,9	53,9	41,1	57,1	65,5	73,6	75,2
Япония	92,9	86,6	80,7	62,4	15,6	0,1	90,1	79,4	95,0	92,5
Корея	76,2	67,1	86,1	61,5	12,1	1,8	64,2	57,9	82,6	77,7
Китай	89,6	84,5	97,7	94,4	87,5	59,4	88,2	84,1	87,2	86,9
Индия	88,7	76,5	98,5	96,3	50,4	17,9	80,6	66,9	90,4	81,7
Сингапур	49,2	52,4	5,4	0,9	3,4	2,8	26,5	38,1	60,4	59,6

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [4].

Подводя итог вышесказанному отметим, что в последние десятилетия произошло, с одной стороны, «размывание» межгосударственных интеграционных группировок, с другой — интернационализация хозяйственной жизни, международная производственная кооперация и разделение труда серьезно увеличились. Главной тенденцией мировой экономики последних десятилетий выступила глобализация. И регионализация, несмотря на заключение большого числа региональных торговых соглашений, не стала ее альтернативой. Скорее наоборот, регионализация в формате регламентируемых ВТО РТС стала одним из форматов глобализации.

Идея формирования интеграционных блоков, первоначально возникшая в формате «закрытого регионализма», была нацелена на приоритетное развитие национальных экономик и собственного производства, сокращение отставания слаборазвитых стран мировой экономики по уровню развития, что обеспечивалось созданием большего по емкости внутреннего рынка и временным ограничением конкуренции со стороны более сильных производителей из других стран.

Нормы и правила ВТО, регламентирующие в том числе и региональные торговые соглашения, весьма ограничили возможности для протекционизма.

Начиная с 1990-х гг. «закрытый регионализм» сменил новый вариант интеграции в формате «открытого регионализма», предполагающего «одностороннюю либерализацию, насколько это возможно» [1, 9] в отношении третьих стран без требования взаимности. Здесь возможность тарифной защиты собственного производства существенно ограничена по причине возникновения «товароотклоняющего эффекта» от тарифных и нетарифных барьеров для торговли, в итоге ведущего к ограничению мирового товарооборота и снижению общего благосостояния. Акцент интеграционной политики фактически сместился на стимулирование внешней, «внеблоковой» торговли.

Цели политики регионализации с приходом «открытого регионализма» фактически сместились из плоскости догоняющего экономического развития в плоскость «полного вовлечения в процесс неолиберальной глобализации и мировые рынки» [2, 166].

Фактически модель «открытого регионализма» подрывает формирование «расширенного внутреннего рынка» и не позволяет отстающим в экономическом развитии странам развивать национальное производство (в особенности это касается промышленности) и экономику и перейти интеграции в новое качество. Все это способствует их закреплению в качестве вечно отстающей периферии мировой экономики.

Двигателем развития международного товарооборота являются страны — производители промышленной продукции с развитым обрабатывающим производством. Стимулируя международную торговлю в краткосрочной перспективе посредством открытия границ для движения товаров, «открытый регионализм» затрудняет формирование собственного промышленного производства в сырьевых и аграрных странах, не позволяет снизить уровень бедности, увеличить емкость рынка за счет роста благосостояния населения и, как следствие, качественно глубже вовлечься в международную торговлю в долгосрочной перспективе. Баланс краткосрочных выгод для международной торговли и долгосрочных издержек нуждается, как минимум, в дополнительной оценке. В любом случае, соотношение «плюсов» и «минусов» этой модели нам представляется не столь однозначным, нежели апологетам этого варианта внешнеэкономической политики.

Однако существуют дополнительные аргументы в пользу «открытого регионализма». Подобная модель оказалась эффективна для новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, позволив углубить международную кооперацию и осуществить догоняющее экономическое развитие. Да и в целом вряд ли кто-то сегодня будет выступать в пользу тотального протекционизма, характерного для середины XX в.

Признавая справедливость вышеуказанных аргументов в пользу «открытого регионализма», отметим, что они справедливы в основном для новых индустриальных стран, в которых открытый регионализм удачно был дополнен политикой дешевой рабочей силы и привлечения прямых иностранных инвестиций, а также специфической геополитической ситуацией, напрямую способствовавшей развитию указанной группы стран.

Теперь отметим те серьезные недостатки, которые также присутствуют в этой модели. Выше мы отметили, что этот формат интеграции противоречит целям догоняющего экономического развития слаборазвитых стран мировой экономики.

Следующей проблемой, на наш взгляд, является то, что международная интеграция в формате «открытого регионализма» ведет к формированию более крупной воспроизводственной системы, где национальные экономики выступают частью большого рынка, который, однако, не имеет институционального центра регуляции. Правительства отдельных стран, участвующих в интеграции, не могут регулировать систему в целом — таким образом, экономика теряет управляемость. Фактически лишь европейская интеграция привела к появлению такого центра, однако сегодня и эта модель испытывает серьезный кризис.

Вовлекаясь в более крупную воспроизводственную систему, отдельные страны становятся существенно более уязвимыми по отно-

шению к внешним экономическим шокам. В длинных производственных цепочках с участием все большего числа стран растут совокупные риски, которыми, фактически никто не управляет.

Кроме того, «открытый регионализм» уязвим по отношению к трансфертному ценообразованию и не приводит к адекватному распределению выгод от совокупного роста торговли и благосостояния между странами, отсутствуют те классические способы перераспределения, которые есть у любого государства.

Поэтому, на наш взгляд, модель региональной экономической интеграции должна быть существенно скорректирована. С одной стороны, очевидно допустимо использование протекционистских мер, когда это обосновано целями догоняющего развития, которые, однако, должно носить мягкий и гибкий характер и не должно быть тотальным, чтобы не блокировать выгоды от международной кооперации производства в тех отраслях, в которых это возможно и выгодно всем участникам. С другой стороны, региональная экономическая интеграция без перехода в новое качество, без создания наднациональных структур управления экономикой в долгосрочном плане не имеет перспектив.

Кроме того, явный неуспех многих проектов международной экономической интеграции по всему миру свидетельствует еще и о том, что «срастание» национальных экономик носит далеко не безусловный характер. Можно провести аналогию между системообразующими отраслями экономики и скелетом организма. Ведь если «сшить» между собой два организма посредством торговой либерализации, совсем не обязательно, что у них появится общий скелет, не правда ли? Иногда «скелеты» удачно срастаются, а иногда для такого срастания нет предпосылок в виде развитой промышленности и их необходимо формировать. Сфера услуг, которая сегодня в существенной степени обеспечивает связность внутреннего рынка развитых и развивающихся стран, это «мясо», которым может обрести скелетная конструкция интеграционной группировки. Однако без формирования базовых структурных отраслей вряд ли интеграция будет результативной.

Поэтому проекты региональной интеграции должны быть, на наш взгляд, дополнены крупными межгосударственными проектами развития, направленными на развитие и связность системообразующих отраслей экономики интегрирующихся стран, а также ликвидацию дисбалансов в уровне их развития.

Литература

1. *Веремеев Н.В.* Принцип открытого регионализма (международно-правовой анализ) // Псковский журнал международного права. 2008. № 1.

2. *Матвеева Е.А.* Типология международного регионализма в исторической перспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4—2 (76).
3. *Оболенский В.* Глобализация регионализма: вызовы и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9.
4. ОЭСР (сайт) // <http://stats.oecd.org/>.
5. *Ремчукова В.К.* Влияние преференциальных торговых соглашений на многостороннюю торговую систему. М.: Экономика, 2016. 279 с.
6. ЮНКТАД // <http://unctadstat.unctad.org/>.
7. World Trade Organization, RTA database // URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>.

А.А. ДЕЛЕНЯН

Организационные отношения в экономике

Аннотация. Рыночная экономика организована не только в плане «невидимой руки» рынка А. Смита. Она имеет и свою пространственную организацию. Можно выделить также методы индикативного регулирования, планового управления. В современных условиях набирают силы новые способы организации, например, в рамках Форсайта — технологий долгосрочного прогнозирования, при использовании слабых связей.

Ключевые слова: организационные отношения, управление, сильные и слабые формы связи.

В рамках политической экономии организационными отношениями называли неэкономические, технологические отношения по своей сути внутри фабрики, завода. Действительно, отношения между рабочими и инженерами, руководящим персоналом фирмы экономическими не являются. Это отношения, во-первых, субординированные, во-вторых, не выходящие за рамки фирмы. Однако современное понимание организационных отношений выходит также и за границы фирм, изучается рядом дисциплин.

В этом смысле, по-видимому, вразрез с «бритвой Оккама» проблеме организации посвятил пять глав в своих «Принципах экономикс» А. Маршалл. Удвоение понятий произошло, но оказалось оправданным, поскольку организационные отношения наполнялись иным содержанием.

С точки зрения чистоты науки, конечно, не очень хорошо. Жизнь вообще плохо корреспондирует с чистотой науки. В конце XIX в. проблема организации стала почти такой же модной, как в веке XVII-м словосочетание «политическая экономия». Если «Трактат о политической экономии» Антуана де Монкретьена был посвящен проблеме государственного управления национальной экономикой, то «Принципы экономикса» — обоснованию теории организации рыночной экономики.

С идеологической точки зрения политической экономии социализма в СССР ее называли бы теорией управления. И рыночную экономику из этого процесса исключили, поскольку какое же управление в стихийной по своей природе товарной экономике. Все логично, если не учитывать того обстоятельства, что, во-первых, уровни стихийной организации бывают различными, а, во-вторых, и у плановой организации есть свои факторы неустойчивости. Стихийная организация товарного хозяйства К. Марксом обосновывалась не с позиции хаоса как такового, а с точки зрения противоречий между принципиально плановым хозяйством внутри фирмы и разнонаправленными (потому и хаотичными) отношениями между ними, а также противоречий между буржуазией и пролетариатом. В свое время В.В. Радаев говорил о том, что собственно экономикс это и есть политическая экономия. И с ним можно согласиться в том смысле, что политическая экономия *социализма* действительно по ряду параметров однотипна с экономиксом, а политическая экономия А. Смита, К. Маркса — не апологетика капитализма. Она была и есть вполне научный продукт, направленный к критическому анализу порядков. Вот только не как во времена Маркса — критическому анализу порядков во всех странах без исключения. Советская политическая экономия капитализма была нацелена на исследование *чужих* порядков, в других странах, поскольку это у них капитализм. У нас совсем другой строй, не капитализм. Но поэтому социализм, даже в элементах, в развитых странах старались не замечать. Даже несмотря на то, что в 1922 г. первый руководитель СССР В.И. Ленин на вопрос американского журналиста, почему речь идет о социализме применительно к такой отсталой стране, как Россия, отвечал, что это — с точки зрения того, что хотят, собираются построить. Прекрасно понимая, что страна чуть розовая, а такие страны, как Германия и США, намного более красные, с большим объемом элементов социализма. Неужели этих элементов социализма за прошедшее время в развитых странах стало меньше?

А вот экономикс и политическая экономия социализма представляются идеологическими дисциплинами, потому что созданы для защиты *существующих порядков в своих странах*. Об этом пишет и А. Маршалл, замечая, что не следует связывать современную индустриальную экономику с конкуренцией, так как «термин конкуренция отдает слишком

большим привкусом зла, он стал подразумевать известную долю эгоизма и безразличия к благополучию других людей» [3, 61]. В данном случае ясно проводится известное разграничение между политической экономией капитализма с основанием в виде эгоизма в варианте А. Смита. Человек тем отличается от животных, считал Смит, что скорее достигнет цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать, что в их собственных интересах сделать то, что от них требуется [4, 77]. У Смита именно эгоизм людей есть основа товарной целостности экономики. Другое дело, что экономикс составляет основу экономической политики вообще. И как таковая она должна учитывать как объективные основы человеческой общности, так и субъективные пристрастия менеджеров и населения.

Более слабым аргументом А. Маршалла было указание, что слишком много ценного человечество получило именно от этой экономики, поэтому называть ее капиталистической не следует. Очевидно, по такому основанию и рабство не следует так называть (рабством). Следовательно, делал вывод основоположник неоклассицизма, пролетариата как целого класса уже давно нет, а есть группы работников со своими интересами. Раздробленность рабочего класса действительно факт, но он имел место и во время жизни основоположников марксизма. Выяснение собственных интересов рабочего класса есть вполне и научная проблема, и проблема практики общественных действий рабочих. Но опять-таки есть и проблема для органа, управляющего всеми делами от имени всего общества, но и для пользы класса капиталистов — способствовать такого рода действиям, которые способствовали бы разрозненности действий трудящихся.

У политической экономии и экономикса разные цели, разные «заказчики»: у политической экономии — история, у экономикса — экономическая политика не вообще, а экономическая политика для сохранения рыночной экономики. Содержательно надо прежде определить, во-первых, как организована рыночная экономика, какова ее структура, вопросы позитивного экономикса, в этом отношении цели политической экономии и экономикса совпадают; во-вторых, как она должна быть организована — вопросы нормативного экономикса.

Следует отметить, что экономика отраслевых рынков, или теория организации промышленности, с 1930—1940-х гг. занимается и первым, и вторым аспектами проблемы. Иначе говоря, экономикс — теоретическая основа экономической политики, понимаемой в том смысле, что действия организаторов не должны разрушать рыночный механизм.

Однако, в отличие от политической экономии социализма, выстроенной от идеи управления общественным производством, экономикс с самого начала дистанцировался от идей управления таким совершенным

общественным организмом, как рыночная экономика. Не в том смысле, что ее нельзя совершенствовать, а в смысле того, что если она работает, то будет происходить «самоизлечение» при определенных предпосылках, выявленных А. Смитом — минимизация непроизводительных слоев населения и создание условий для нормального использования (эксплуатации) бедного трудолюбивого населения. Иначе говоря, дифференциация населения на бедных и богатых предполагается изначально, но эта дифференциация не должна быть слишком значительной — разрушительной, но и сглаженная дифференциация вредна — стимулы к труду будут ослаблены.

В-третьих, еще одна проблема, которая мешала «нормальному» функционированию рыночной экономики, — проблема монополии, поэтому антимонопольное законодательство представляло в будущем закономерное наполнение курсов экономикса. Наконец, в-четвертых, государство не должно было отвлекать большое количество ресурсов на решение экстерналий, ресурсов, использование которых давало дополнительные затраты или выигрыши для третьих лиц.

Отсюда вытекало, что самоизлечению общественного организма можно было способствовать только косвенными методами. Это важная причина, почему в настоящее время крупнейший блок экономикса — макроэкономика — у А. Маршалла практически не был представлен в его труде. До Великой депрессии необходимости в нем неоклассика не видела. Но макроэкономический блок экономикса быстро возрастал в учебном и исследовательском планах. Особенно он был продвинут практикой осуществления реформирования послевоенной экономики Японии, так как выяснилось, что представления об исключительно индивидуалистическом характере рыночной экономики не более чем особенность прежде всего англосаксонского варианта. В настоящее время корпоративный характер экономики стал общепризнанным явлением, как и «шведский социализм». В этом плане следует еще раз подчеркнуть почти прямой характер связи экономикса с практикой экономической организации.

Политическая экономия как фундаментальная научная дисциплина преимущественно связана с общественной практикой опосредованно, через иногда длинную цепь промежуточных звеньев и отношений. Тем более интересны прямые выходы фундаментальной науки на практику. О них говорил в свое время Н.А. Цаголов. Однако воздействие такого рода обычно бывает, во-первых, долгосрочным и, во-вторых, связано с изменением социальной структуры общества.

В ряде случаев прямое воздействие на экономическую систему мы обнаруживаем в российской и советской экономике. В частности, первым случаем можно считать переход от системы военного коммунизма к нэповской экономике в 1921—1922 гг. Известно, что нэп (новая

экономическая политика) дал возможность СССР к 1926 г. выйти на уровень 1913 г. Это была успешная практика применения капиталистических и рыночных отношений в строительстве социализма, однако она не решала и не могла решить проблемы обновления основного капитала. Важно отметить, что система военного коммунизма, от которой совершался переход к рыночным отношениям в тех условиях, мог быть оправдан только военными обстоятельствами, и существовал в более или менее открытой форме с 1916 г., и не только в военной России, но и во всех странах, ведущих масштабные военные действия. Правда, с 1916 г. в словосочетании «военный коммунизм» без добавления «коммунизм».

В последующем, Революцией 1917 г. и последовавшей Гражданской войной был зафиксирован ряд форм военного коммунизма, а огосударствление экономики достигло чрезвычайных масштабов. В стране национализировались даже мелкие предприятия — до 5—10 занятых, что давало видимость обобществления, но по своей сути они оставались мелкими предприятиями, не дававшими в военных условиях рыночного продукта, а обеспечивавшими существование самим работникам. Национализировались мелкие предприятия, как и домохозяйства, в силу логики войны, а не по причине острой необходимости. В военных условиях достаточно было пожаловаться на собственника-эксплуататора и можно было трудиться не 10 часов, а перейти к 8-мичасовому рабочему дню раньше ряда развитых стран, не платить за жилье и т. д.

Таким образом, в этом отношении государственная по форме собственность прикрывала отступление от рыночных к дорыночным формам. Для запуска рыночной экономики нужны были дополнительные силы — на преодоление, как позднее назвали последователи Р. Коуза, транзакционных издержек. В настоящее время используется более правильный термин — трансформационные издержки. Трансформационные издержки необходимы для поддержки новых прогрессивных форм. Столыпинская реформа, например, требовала затрат — поэтому реформатор и говорил о необходимости 20 мирных лет. И даже после его убийства мир (не война!) все равно давал возможность перейти России к капитализму. Об этом свидетельствовали письма, например, В.И. Ленина в период 1912—1916 гг. о том, что им, видимо, так и придется умереть в эмиграции. Но сложилось иначе, и война сделала возможной революцию, а социальный взрыв подготовили решения царского правительства, работа же рыночной экономики была подорвана войной.

Аналогичные столыпинским действия были востребованы при переходе к нэпу, но в дальнейшей практике строительства социализма

были свернуты. Почему — рассмотрим чуть позже. Одним из важных практических шагов было сокращение армии. К 1924 г. армия была сокращена с 5,5 млн человек в период Гражданской войны до 560 тыс. Это изменило социальную структуру в пользу доли производительного населения. Что важно — были восстановлены армия безработных, биржа труда, пособия по безработице. Без этих условий говорить можно о рынке лишь в латентном состоянии. Именно так они развивались в русской общине до Революции. Главным обоснованием при этом служила постановка на первый план вопросов развития производительных сил, экономического роста. В силу изменения структурных условий заработала нэповская экономика. Напомним, что дореволюционная армия России составляла 1 млн 200 тыс. человек. Эта численность армии сохранялась в период президентства Б.Н. Ельцина, правда, без обоснования причин.

Вторым случаем прямого воздействия политической экономии на практику, видимо, был переход от нэповской экономики к административно-командной системе в конце 1920-х гг. В литературе стало обычным указывать на субъективное желание участников Революции возврата к командным методам. С этим спорить не приходится. Но значительно важнее следующий факт: к 1927 г. армия была количественно увеличена по сравнению с 560 тыс. в 1924 г. до 1,5 млн человек. Вследствие роста численности армии выросли расходы бюджета на оборону страны. «Ножницы цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию — не субъективное желание управленцев, они увеличивали свой размах по той причине, что армию надо кормить, вооружать, отвлекать от гражданского производства — и все из государственного бюджета. В крестьянской стране кормить всех могли только крестьяне. А их естественная реакция в этих условиях — придержать зерно до более высоких цен. Конечно, тех крестьян, у кого зерно было. Отсюда следует, что наличие прямой связи между военной нагрузкой на экономику и ее структурой — факт, который необходимо учитывать.

Так для какой цели производилось увеличение армии? Это была стратегическая необходимость создания военных соединений в регионе Маньчжурии в целях противостояния японскому вторжению. Было учтено поражение России в войне в 1904—1905 гг. вследствие длинного плеча подвоза боеприпасов и военных соединений. Следовательно, создание такого военного кулака было стратегически оправдано. Рекомендации военных стратегов необходимо учитывать. Они не всегда лоббируют армейские интересы. Известен тезис, что любая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. И данное стратегическое решение оказалось оправданным, созданный военный

кулак сыграл свою роль. Известно также, что ни одна страна не может длительное время вести войну на два фронта. Но в самые драматические месяцы Великой Отечественной войны второй фронт Японии так и не открыла. Это может служить оправданием правильности, объективной необходимости осуществленных мер. Никакого субъективизма. Но такова связь с полувоенной экономикой, административно-командной системой (АКС), как назвал такую экономику Г.Х. Попов. Она представляет собой использование наряду с самыми современными на тот период плановыми формами, рабских и полуфеодальных форм.

Третьим случаем прямого выхода политической экономии на практику можно назвать современную ситуацию с увеличением расходов на вооружение до 4,2% от уровня ВВП. Нетрудно предвидеть изменение структуры производства с использованием в большей степени методов формального подчинения труда капиталу, устаревших хозяйственных форм. С военно-стратегической точки зрения «оправданием» может служить необходимость владения базой для Черноморского флота. Флот без соответствующей базы возможен лишь при большом доверии между противостоящими военными группировками.

О роли доверия обычно вспоминают, когда речь идет о банковском деле. Но и в военном противостоянии его роль не меньше. В 1970-е гг. американские и натовские стратеги уже не верили, что СССР первым применит атомное и водородное оружие. Но вопрос о такой возможности и о слабости вооруженных сил США перед угрозой «красной машины» регулярно возбуждался. В ситуациях, когда ВПК США нуждался в увеличении расходов, или требовалось обосновать перед Конгрессом, почему надо увеличивать расходы на военные и разведывательные операции, — доставалась дежурная карта. Как способ получить бюджетные ассигнования. Для выбивания «своей доли» общественного пирога. Интересно, что карта была дежурной, но не пустой.

Но не случайно в свое время Дж. Гэлбрейт писал о конвергенции двух систем. Системы содержали примерно одинаковый набор организационных форм. И с противоположной стороны регулярно возникали аналогичные проблемы. И решались они вполне симметрично. Со ссылкой на мощь военной машины НАТО и США и необходимости им противостоять. Необходимости увеличения расходов на военное производство. Но отсюда вытекает интересный вывод о невозможности последовательного реформирования экономики СССР без слома противостояния двух мировых военных машин. Такого рода попытка была предпринята М.С. Горбачевым. И судьба экономических реформ в СССР без указанного контекста будет неполной.

Эта попытка, во-первых, была ценностной, идеалистической, поскольку пыталась идею сделать материальной силой. Идею, поддержи-

ваемую просветителями и церквями всех конфессий, о высшей ценности мира. Однако односторонний слом советской военной машины не привел к аналогичным действиям со стороны сил НАТО, хотя целью последнего провозглашалась именно опасность со стороны Красной Армии. Но вот цели нет, и НАТО ищет врага, для чего-то эта организация существует. Дело далеко не только в сохранении традиций. Крупнейшие корпорации до сих пор являются военными корпорациями. И когда мы говорим об информационном обществе, корни его — военные корпорации, включая главные детища информационного общества — интернет и его техническую основу — персональные компьютеры.

Во-вторых, она была идеалистической и с той точки зрения, что идея сдать пролетарское государство предлагалась в разных вариантах, с одной стороны, марксистами в XIX в. как необходимое действие в ситуации, когда и если вопрос будет стоять о судьбе человечества. С другой стороны — в «звездных войнах» как вариант с бомбардировкой атомным оружием Нью-Йорка для спасения США, чтобы доказать, что аналогичная бомбардировка Москвы не следствие команды правительства США. Такой полубред.

В-третьих, как мы знаем, эта попытка обращения, по сути, через головы правящих элит к народам не была первой. В самом начале Революции 1917 г. такую попытку предприняло советское правительство: Декрет о мире предлагал всем воюющим государствам заключить перемирие и начать мирные переговоры. В тех условиях представители воюющих государств игнорировали это предложение. Тогда это был идеализм достаточно абсурдный, что проявилось и в Брест-Литовске, где заключался мир с центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). А в 1990 г. за снижение напряженности в мире М.С. Горбачев получил Нобелевскую премию мира. Таким образом, можно отметить современное состояние ценностей мира: есть поддержка народов, но военные элиты способны их заболтать [2, 178].

Следует отметить и то обстоятельство, что рыночная экономика организована не только в плане «невидимой руки» А. Смита. Она имеет и свою пространственную организацию: национальный рынок представляет собой сеть с довольно мелкими ячейками, на что обращал внимание Ф. Бродель [1, 369].

В современных условиях набирают силы новые способы организации в рамках, например, Форсайта — технологий долгосрочного прогнозирования, при использовании преимущественно слабых связей, имеющих долгосрочную динамику. В данном случае речь идет о таком же типе воздействия, как вышеупомянутый эгоизм А. Смита, а значение его сам же автор ничуть не преувеличивал. Иначе говоря, воздействие может осуществиться далеко за рамками жизни самих акторов. Но те, кто хочет

именно такого типа жизни, с такими инфраструктурными окружениями и формами взаимодействия, готовы здесь и сейчас предпринимать определенные действия, не ожидая немедленных реакций.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. Пер. с фр. М.: «Весь Мир», 2007.
2. *Деленян А.А.* Роль доверия в общественных отношениях // Экономическое развитие России: драйвер роста или генератор вызовов. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. Т. 1.
3. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1. М.: Издательство Прогресс, 1984.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.

А.А. АНТРОПОВ

Четыре типа неоекономики за последние 500 лет

Аннотация. В течение последних 500 лет были реализованы следующие глобальные проекты четырех типов неоекономики: 1) переход от средневековых цехов к мануфактурному производству (ок. 1500 г.); 2) XIX в. — фабричное производство; 3) XX в. — общество массового потребления; 4) неоекономика — 1970 гг. — начало XXI в. В статье рассматриваются типы, особенности и факторы неоекономики.

Ключевые слова: неоекономика, культура, наука, техника, технологии, государственное управление, предприниматели-новаторы, средневековые цехи, мануфактурное производство, монашеские ордена, первоначальные накопления капитала, тактико-технические показатели, синтетический индекс качества изделия.

Abstract. Over the past 500 years the following global projects of four types of neo-economics have been implemented: 1) the transition from medieval workshops to manufactory production (around 1500); 2) the factory production in the XIX century; 3) society of mass consumption in the XX century; 4) neo-economics in the 1970's. - the beginning of the XXI century. The article deals with types, peculiarities and factors of neo-economics.

Key words: Neo-economics, Culture, The science, equipment, technologies, public administration, Entrepreneurs-innovators, Tactical and technical indicators, Synthetic index of product quality.

Посвящается Жану V де Бюэйю (фр. Jean V de Bueil) — гениальному французскому полководцу, государственному деятелю и политическому мыслителю XV в., провидцу западной цивилизации XVI—XX вв.

Введение

К факторам, определяющим неоекономику, на наш взгляд, относятся типы, подтипы и динамика качественно-многомерных развитий: 1) конкретных цивилизаций, реализующих неоекономику (не все, ибо некоторые цивилизации могут попасть в фазу обскурации со всеми вытекающими последствиями или же просто «выдохнуться», как старые спортсмены); 2) конкретных культур, наук, техник, технологий, государственных управлений, предпринимателей-новаторов. Хотя и сама культура является составной и неразрывной частью и одной из движущих сил, «мотором», самой цивилизации.

Здесь заметим, что осуществить (реализовать) неоекономику — все равно что покорить Эверест. За последние 500 лет были реализованы всего четыре варианта неоекономики. У каждой из них были свои вершины и особенности.

Переход от средневековых цехов к мануфактурному производству (~1500-е гг.)

В конце периода Средних веков в Европе появилась большая группа гениальных предпринимателей, например, в Германской империи, в Бургундских Нидерландах (семнадцать провинций: 1543—1581 гг.) [24, 647—648]. Откуда и почему они «свалились» на нашу землю именно в то время? Это были рыцари, аристократы, военачальники, крупные государственные деятели, и у них был новаторский предпринимательский дух; как будто они явились с планеты Марс.

Католическая церковь мешала им: она вмешивалась во все дела, нещадно облагала налогами и повсеместно участвовала в заговорах во всех странах Европы. Она же пустила в широкую продажу так называемую индульгенцию на отпущение грехов³, как бы в благородных целях

³ Убийства, отравления, кровосмесительные связи и тому подобные «невинные грешки».

«Оказания содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира» и т. д. Папство объявило ересью учение францисканцев о бедности Иисуса Христа и апостолов. Мешали им и монашеские ордена: их было слишком много: дармоедов, тунеядцев и извращенцев⁴.

С монашескими орденами решили покончить раз и навсегда, и у них для первоначального накопления капитала предпринимателями-новаторами надо было отобрать награбленные ими ранее несметные имущества.

В это время появились Мартин Лютер⁵ и Жан Кальвин [6; 7; 22, 112—158, 174—182, 183—195, 204—220]. Они были умны, политически грамотны и подкованы и делали именно то, что нужно было новым предпринимателям типа Вильгельма I Богатого⁶, отца гениального политика-стратега XVI в. принца Вильгельма Оранского («Молчаливого»). И таких, как граф Вильгельм I Богатый, в Германской империи и Бургундских Нидерландах было много [12, 112—158, 174—182, 183—195, 204—220; 13; 18; 25; 27].

Благодаря Великим Географическим открытиям и тесным политико-экономическим связям средневековых Нидерландов с Испанией и Португалией, а также деловым уникальным способностям, энергии и мертвой хватке нидерландцев⁷, Антверпен⁸ в середине XVI в. по торго-

⁴ Вся европейская литература XIV—XVI вв. обличала и бичевала монахов и священников, начиная от Дж. Боккаччо и кончая королевой Маргаритой Наваррской и Мартином Лютером [4; 14; 19; 22, 112—158, 174—182, 183—195, 204—220].

⁵ В противоположность католическому учению о противопоставлении мирского и духовного Лютер полагал, что и в мирской жизни на профессиональном поприще осуществляется Божья благодать. Бог предназначает людей к тому или иному виду деятельности, вкладывая в них различные таланты или способности, и долг человека прилежно трудиться, исполняя свое призвание. В глазах Бога нет труда благородного или презренного. Труды монахов и священников, какими бы тяжкими и святыми они ни были, ни на йоту не отличаются в глазах Бога от трудов крестьянина в поле или женщины, работающей по хозяйству. Концепция «призвания» появляется у Лютера в процессе перевода фрагмента Библии на немецкий язык (Сирах. 11:20—21): «пребывай в труде (призвании) своем».

⁶ Граф Нассау-Дилленбурга и Катценельнбогена, граф Дица.

⁷ Представители нидерландской знати (династии графов Эгмонтов, графов Горнов, принцев Оранских-Нассау и многих других) любили роскошную жизнь во всех ее проявлениях и ракурсах, но очень разорительную. Их доходы далеко не соответствовали их расходам. Поэтому они регулярно брали большие, обильные взятки со своих соотечественников: промышленников, судовладельцев, банкиров и прочих нуворишей за соответствующие деловые услуги. Благодаря этому союзу гениальных взяточдателей-искусителей и взяточполучателей Нидерланды

вому обороту в 24 раза превзошел уровень Венеции в период ее расцвета, появился огромный спрос на всевозможные изделия, и необходимо было его удовлетворять [3, 17—52; 25, 61]. Средневековые цеха решить эту новую задачу не могли, даже если бы желали; с ней могли справиться только предприниматели новой новаторской породы.

Во времена Средневековья около 150 дней в году были выходными, посвященными всяким религиозным праздникам, святым и т. д. Протестанты во главе с английским королем Генрихом VIII насильственно приучили народы к каждодневному, тяжелому труду [16; 22]. Император всероссийский Петр I Великий также реализовал аналогичный план с целью проведения первой индустриализации в Российской империи (1701—1725).

Неоэкономика конца XVIII — XIX в.: фабричное производство

В эпоху второй неоэкономики на первый план вышла наука. Ее стали уважать, с ней считаться.

захватили почти всю торговлю с испанскими колониями и значительную часть финансовых операций и внешней торговли империи, что способствовало дальнейшему экономическому развитию Нидерландов.

⁸ Его гавань в широком устье Шельды не могла идти ни в какое сравнение с узкими мелевшим каналом в Брюгге. Его хозяйственная жизнь была построена на совершенно иных началах. В город был открыт самый широкий доступ иностранцам и их товарам. Его горожане не пользовались по сравнению с иностранцами никакими льготами и преимуществами, да и получить право гражданства в Антверпене было сравнительно нетрудно. В нем иностранным купцам предоставлялась полная свобода деятельности. Было выстроено здание биржи, строились склады, устраивалась гавань. Со второй половины XV в. крупнейшие европейские торговые дома начинают открывать в нем свои конторы. Он стал также самым крупным промышленным центром. Местные предприниматели использовали приток сырья и материалов и открыли ряд новых для Нидерландов производств: окраску и отделку английского сукна (доходы от него и перепродажи сукна составляли 338 тыс. ливров, т. е. почти столько, сколько и стоимость ввоза сукна — 350 тыс. ливров), выделку стекла на итальянский манер и майолики, открываются мыловаренные заводы, развивается сахароварение, зарождается новая отрасль — огранка алмазов. Город явился центром, стягивающим к себе продукцию всей страны, организующим и направляющим значительную часть ее промышленности. Его купцы захватили в свои руки новую внецеховую шерстяную промышленность, которая выросла в городах, местечках, деревнях пограничных районов западной Фландрии, Геннегау и южного Брабанта. Около 1560 г. до 20000 человек работало на город в округах Уденар, Турнэ, Валансьен и др. Город скупал фландрское полотно, здесь же находили спрос брюссельские ковры и оружие Льежа [10, 161—162].

Одной из главных причин возникновения первой промышленной революции было желание политической элиты Британской империи скрепить ее «железными скрепами». Англией правили аристократы-олигархи. Это были стратеги с хорошими и гибкими мозгами и стальной волей, например, В. Питт-Старший [5]⁹ и В. Питт-Младший [9]¹⁰.

Англия не обладала ни золотыми, ни серебряными приисками, ни алмазными копиями, и аристократы-олигархи сделали ставку на промышленность: они сверху навязали индустриализацию.

В Англии в то время образование было на высоком уровне; за 200 лет после реформ Генриха VIII Тюдора появилось, наконец-то, уважение к труду. Это была эпоха Просвещения. Все вместе и позволило английской цивилизации конца XVIII — XIX в. покорить свои «Эвересты».

Возьмем для примера изобретение паровоза на паровой тяге (английский инженер Дж. Стефенсон [8]), развитие железнодорожного транспорта, железных дорог общего пользования (до появления железнодорожного сообщения грузы перевозились на грузовых фургонах или на телегах; тактико-технические параметры грузовых фургонов: средняя скорость — 30 км/сутки, объем перевозок — 80 кг¹¹).

1. Создание и значительное усовершенствование паровоза (1814—1824). Если первый паровоз «Блюхер» был во многом неудачен, то последняя модель¹² — «Ракета»¹³ — отвечала всем требованиям того времени. Технические характеристики изделия: 25-трубный горизонтальный дымогарный котел (диаметр — около 3,3 фута, длина — 6 футов, давление — около 30 фунт/дюйм² размеры топки, — 3×2 фут², длина трубки котла — 6 фут), топливо — коксующий уголь, диаметр каждого

⁹ Благодаря его неумной энергии, большому и ясному уму и бешеному напору удалось вытеснить французов с территории Канады и Индии, прирастить свои владения в Вест-Индии и в Африке, а в Средиземноморье овладеть стратегическим о. Менорка. Он отстаивал управление Индией непосредственно короной; в этом вопросе опередил практику на 100 лет.

¹⁰ Один из самых тонких, дальновидных, коварных и скрытных политиков своего времени. Он вчистую «переиграл» фантазера императора Павла I и прожженного, хитрого и гениального политика и полководца французского генерала Наполеона Бонапарта с о. Мальтой, Египтом и прочими проблемами. Еще в университете он изучил только что появившуюся тогда книгу Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и сделался его последователем [9; 20].

¹¹ Эти данные по Российской империи, Великобритании и Пруссии за период XVIII — первой половины XIX в.

¹² Семнадцатая по счету.

¹³ Прозвище: «Огненная лошадка».

из двух передних (ведущих) колес — 3,7 фут, диаметр двух свободных колес (бегунков) — 2,5 фут, вес — 9500 фунт; мощность изделия — 12 л. с., тяга — ≈ 90 т, максимальная скорость — ≈ 16 миль/ч. ($\approx 32,4$ км/ч.). Одновременно Стефенсон работал над улучшением верхнего строения железнодорожного пути. Однако не все задачи решались своевременно.

2. Железная дорога общего пользования на паровой тяге длиной 21 км (Стоктон — Дарлингтон, 1825 г.). Это была первая в мире общественная железная дорога! Изобретатель выдвинул два основных принципа прокладки железнодорожных путей: необходимо всячески стремиться приблизить профиль полотна к горизонтальному и прямолинейному; следует максимально усилить сам рельсовый путь и его основание, приспособив их к тяжелым паровозам с большим сцепным весом (эти требования наводили ужас на предпринимателей, так как весьма повышали стоимость строительства).

Железная дорога общего пользования на паровой тяге длиной 50 км (Манчестер — Ливерпуль: 1830 г.¹⁴). Для ее строительства необходимо было пробить в скалистом грунте тоннель длиной 2,4 км, сделать глубокий проход в скале, соорудить более 60 мостов и виадуков, уложить рельсы через торфяные болота на участке около 10 км. По настоянию Дж. Стефенсона на половине дороги уложили не чугунные, а более прочные рельсы из железного проката двутаврового сечения, цена которых вдвое превышала чугунные. Строительство дороги обошлось в 774 тыс. ф. ст. (неслыханная по тем временам сумма). Но подрядчики были вынуждены идти на такие расходы. Дело в том, что основной грузооборот между промышленными центрами в Британии осуществлялся через каналы, прорытые задолго до этого. Суда по каналам тащили лошади, и расстояние в 50 км преодолевалось в лучшем случае за трое суток. В зимнее время эта своеобразная навигация прекращалась вообще. В итоге хлопок из Нью-Йорка в Ливерпуль шел на парусниках через Атлантический океан 21 день, а из Ливерпуля в Манчестер нередко попадал спустя лишь 1,5 месяца, хотя эти города разделяло всего 50 км [8].

Железные дороги произвели революцию, англичане осознали, что машины могут быть полезными, спасительными, освобождающими от тяжелого труда [21]. Это начало новой большой S-кривой. Благодаря железным дорогам и железнодорожному транспорту страна была объединена.

¹⁴ Закончено строительство.

Неоэкономика XX в. — общество массового потребления

В XX в. появилось общество массового потребления. Генрих I Форд Великий, выходец их семьи мелкого предпринимателя, задумал и блестяще осуществил массовое производство высококачественного и относительно недорогого легкового автомобиля (модель «Т»)¹⁵ [23]. Это повлекло за собой постройку шоссейных дорог десятки тыс. км (если даже не сотни тыс. км), многочисленных мостов, туннелей, всевозможных развязок, бензоколонок, оперативной и качественной системы послепродажного обслуживания на всей территории страны (быстрота проведения любого ремонта и поддержание всех автомобилей Форда данного района в исправности), создание работоспособной дорожной полиции, светофоров, правил уличного движения и т. д. и т. п.

Генрих I Форд Великий нещадно боролся за почетное место «под Солнцем» с акулами-банкирами с Уолл-стрит, конкурентами и завистниками, внутренним чутьем уловив «золотую жилу» и догадавшись найти могущественного союзника и защитника в лице нефтяного магна-

¹⁵ Динамика цен на изделие (дол.): 950 (1909), 360 (1916), 335—440 (1920). Прочная, надежная, практичная, крепкая и простая (по конструкции) черная коробка на колесах. Это была необыкновенная машина; учитывая состояние дорог в то время, Г. Форд и его партнеры дали стране машину, которая могла передвигаться по самым топким провинциальным дорогам. Ее даже можно было переключать на задний ход, когда она шла вперед. Детали машины были тщательно разработаны. Зажигание осуществлялось с помощью магнето, встроенного в мотор, машина была снабжена устройством для смазки посредством разбрызгивания, мотор был сделан из легкого стального сплава, а трансмиссия планетарного типа заставляла ее подпрыгивать, как жеребенка. Машина легко находила себе сбыт благодаря: Своей способности преодолевать проселочные дороги в прериях, оперативной и качественной системе послепродажного обслуживания на всей территории страны (быстрота проведения любого ремонта и поддержание всех автомобилей Форда данного района в состоянии непрерывной исправности). Для различных частей изделия было выбрано 22 различных сорта стали. В состав 10 из них входил ванадий (V), который увеличивает сопротивление на разрыв до 170000 фунтов). Ванадиевая сталь также создала возможность значительной экономии в весе изделия. Из нее сделаны шасси и кузов. Изделие состоит приблизительно из 5 тыс. частей, включая сюда винты, гайки и т. п.

Динамика объема производства изделия (тыс. шт.): 6,398 (1908), 34,528 (1910), 248,317 (1913), 785,432 (1916), 1250,000 (1920). Девиз Г. Форда: «Делай прилично работу, и она даст доход».

2 млн обученных рабочих не смогли бы выполнить ручную работу, которую делали 4,111 тыс. фордовских рабочих с их фондовооруженностью, первоклассной системой управления в 1908 г.

та Дж.Д. Рокфеллера, которому в прямом смысле «широко открыл глаза» на автомобиль, как на источник колоссального потребителя бензина, машинного масла и пр. До изобретения автомобиля нефть использовалась только как сырье для производства керосина для ламп и керогазов, а 93% переработанной нефти (мазут и прочее за ненадобностью) выливалось миллионами тонн в пруды, реки, озера, моря, океаны и т. д.

Генрих I Форд Великий в 1920 г. выпустил на рынок 1,250 млн изделий. Он фактически укрепил и значительно расширил численность среднего класса в США. И революция там была не нужна. Если бы в Российской империи в то время нашлись свои Форды, то никакой революции и не было бы!

В Российской империи были гениальные предприниматели, например, такие как Н.И. Путилов [17], А.И. Путилов [15] и С.И. Мальцов [11, 12], которых старались придушить и/или разорить (и разоряли — того же С.И. Мальцова) махровые чиновники-бюрократы, аристократы, представители императорского двора и прочие душегубы.

Неоэкономика — 1970 гг. — начало XXI в.

Старшее поколение может вспомнить, сколько крови, нервов портились на почтах во время междугородных телефонных разговоров (и плюс уйма время, потраченного на ожидание разговоров) в 1970-х—1996 гг.

Для наглядности и понимания сути неоэкономики сравним легковые автомобили «Москвич-400-420А» и ЗАЗ-968А «Запорожец» по тактико-техническим показателям и синтетическому индексу качества (СИКу). Для этого используем данные табл. 1—2.

Таблица 1

Периоды выпуска легковых автомобилей «Москвич-400-420А» и ЗАЗ-968А «Запорожец»

№		«Москвич-400-420А»	ЗАЗ-968А «Запорожец»
1	2	3	4
1	Периоды выпуска, годы	1946—1956	1973—1980
2	Разница между началами выпусков изделий, года		27

Источник: [1, № 1, 14; № 5, 4, 14—15].

Таблица 2

**Сводные данные по синтетическому индексу качества (СИКу)
изделия (легкового автомобиля) ЗАЗ-968А
«Запорожец» относительно эталонного изделия
«Москвич-400-420А»**

№	Базовые (эталонные) изделия	Экспертиру- емые Изделия	СИК изделия (Блоковый подвариант)	
			Степенная зависимость:	
			Подвариант	
			№	Численное значение СИК изде- лий
1	2	3	4	5
1	«Москвич- 400-420А» ¹⁶	ЗАЗ-968А «Запорожец»	3_2_(3_5)	3,070830

Источник: [1, № 1, 14; № 5, 4, 14—15], рассчитано по экономико-математической модели.

Сопоставим данные: ячейки пересечения ст. 4 и стр. 2 табл. 1 и ячейки пересечения ст. 5 и стр. 1 табл. 2, получим очевидный факт: ЗАЗ-968А «Запорожец» относительно «Москвича-400-420А» является настоящим новым изделием [2, 77—117].

На одном из наших семинаров мы рассказывали о гениальном авантюристе, первоклассном министре и организаторе-технократе Франце Йозефе Штраусе, в 1955—1956 гг. занимавшем должность министра по атомным вопросам ФРГ [26]. Разобравшись в сложнейших проблемах отрасли, он понял, что: 1) крупный, частный бизнес никогда не будет вкладывать в течение десятков лет многомиллионные капиталы в рискованные исследования и разработки атомной промышленности; 2) ученые-атомщики больше заняты наукой ради науки и бесконечными теоретическими исследованиями, а не внедрением необходимых научных разработок в практику. Он, как диктатор, навел в системе министерства по атомным вопросам железный порядок и добился впечатляющих успехов. До своего назначения на всех собраниях и митингах Штраус провозглашал: «Рынок — это все», но, попав на эту должность (взрывоопасную, «раскаленную до красна сковородку»), вдруг стал настоящим государственным-технократом.

¹⁶ 400 — модель двигателя; 420А — модель кузова.

Литература

1. Автомобильные легенды СССР. 2009. № 1—17.
2. *Антропов А.А.* Инновационные показатели на микро-, мезо- и макроуровнях // Неодирижизм и модернизация российской экономики: коллективная монография. / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М.: «ТЕИС», 2014.
3. *Антропов А.А.* Связь военно-политической, научно-технологической и хозяйственной гегемонии отдельных держав и мировых хозяйственных фаз депрессий // Философия хозяйства. Специальный выпуск. М., 2011. Сентябрь.
4. *Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. с итал. А.Н. Веселовского; Комм. А.П. Штейна. М.: «Рипол классик», 2001. 744 с.
5. *Василенко В.И.* Питт Старший // <http://enc-dic.com/brokgause/Pitt-starshi-2556.html>.
6. *Bunner P.* Кальвин // <http://enc-dic.com/brokgause/Kalvin-113027.html>
7. *Bunner P.* Лютер // <http://enc-dic.com/brokgause/Ljuter-129645.html>.
8. *Виргинский В.С.* Стефенсон Джордж. 1781—1848. М.: «Наука», 1964. С. 214.
9. *Водовозов В.В.* Питт Вильям Младший // <http://enc-dic.com/brokgause/Pitt-viljam-mladshi-66218.html>
10. История средних веков. Т. II // Под ред. С.Д. Сказкина, О.Л. Вайнштейна. М., 1939.
11. *Кареев Н.И.* Мальцов Сергей Иванович // <http://enc-dic.com/brokgause/Malcov-serge-ivanovich-62699.html>.
12. *Кареев Н.И.* Мальцовский заводский округ // <http://enc-dic.com/brokgause/Malcovski-zavodski-okrug-130871.html>.
13. *Конский П.А.* Нидерландская война за независимость // <http://enc-dic.com/brokgause/Niderlandskaja-vona-za-nezavisimost-139557.html>.
14. Маргарита Наваррская Гептамерон / Пер. с фр. А.М. Шадрина, статья и примечания З.В. Гуковской. Л.: «Наука», 1967. 420 с.
15. *Петров Ю.А.* Алексей Путилов и Русско-Азиатский банк // http://www.bbdoc.ru/history/index.html?HIST_ID=279.
16. *Петрушевский Д.* Генрих VIII, английский король // <http://enc-dic.com/brokgause/Genrih-eveieiei-angliski-korol-53587.html>.
17. *Политов В.* Великий организатор русской промышленности // http://www.umpro.ru/templates/art_print.php?art_id_1=216.
18. *Роосбрек Р.* Вильгельм Оранский. Мятежный принц // Кирхнер В. Альба: Железный герцог Испании; Роосбрек Р. Вильгельм Оран-

ский. Мятёжный принц / Пер. с нем. Рывкина О.Е., Вальяно Д.Н. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. 320 с. (Исторические силуэты).

19. Себастиан Брант. Корабль дураков Избранные сатиры. Перевод Л. Пеньковского. М.: «Художественная литература», 1971. 768 с. (Библиотека всемирной литературы).

20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1—2. М.; Л., 1935.

21. Треvelьян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Пер. с англ. Смоленск: «Русич», 2001.

22. Уайт Е. Конфликты веков: В 5 т. Т. 5. Пер. с англ. 3-е изд. Заокский: «Источник жизни», 2012. 640 с.

23. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения / Пер. с англ. М., 1989.

24. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды исторические // БРЭ. Т. 22. М., 2013.

25. Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 4. М., 1956.

26. Штраус Ф.И. Воспоминания. М.: «Международные отношения», 1991.

27. Kolb R. Wilhelm I. (Graf von Nassau-Katzenelnbogen) // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 43. Lpz.: Duncker & Humblot, 1898.

Раздел II

Неоиндустриализация как сердцевина структурно-системных перемен в национальном хозяйстве России

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Неоиндустриализация и реиндустриализация: общее и особенное

Аннотация. Российское системное перестроение не предполагает однозначности в его осуществлении. Для каких-то секторов российского экономического пространства этот процесс будет заключаться в реиндустриализации, а для каких-то — в неоиндустриализации. Но само перестроение не может не иметь общей стратегии реализации целей и задач. Данное обстоятельство требует выделения общего и особенного в процессах неоиндустриализации и реиндустриализации. В статье и осуществлено выделение общего и особенного на основе понимания индустрии не просто как совокупности заводов, фабрик и прочих экономических производящих организаций, а как средства приставить людей к делу.

Ключевые слова: индустриализация, реиндустриализация, неоиндустриализация, российское перестроение, неэкономика, высокотехнологичное производство.

Цивилизационный подход к периодизации этапов общественного развития базируется (по меньшей мере пока) на понятии «индустрия». Выделяют доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды развития. Но такая классификация весьма условна. Содержание постиндустриализма определяется через превалирование производства услуг над товарами. Однако продукт труда становится товаром после признания в нем полезности, а услугой — через признание полезности до начала его производства. Но ключевым словом в этих характеристиках является производство, индустриальное производство.

Следовательно, постиндустриализм — это не антииндустриализм. Более того, с учетом различия содержаний понятий «товар» и «услуга» мы можем говорить о постиндустриализме как о качественно новом индустриализме. Качество здесь характеризуется технологическими возможностями производства удовлетворять не массовые, а индивидуальные потребности. Эта особенность характерна и по отношению к предметам потребления, и по отношению к средствам производства.

Сегодня не требует доказательств тезис, согласно которому без производства на индустриальной основе никакому государству просто не выжить, а не то, чтобы развиваться. Но так случилось, что в лихие 1990-е гг. половина заводов и фабрик была уничтожена. Сегодня пришло отрезвление. Возникли разговоры о реиндустриализации. М.И. Воейков начал решать задачу создания экономической теории реиндустриализации [4, 60—72]. Согласно его взглядам, необходим новый тип индустриального развития. Сегодня «это не только создание новой техники и технологий... но должно так же включать как составную, даже важнейшую свою часть, развитие человека, человеческого потенциала на базе высокоразвитых сфер науки, культуры, образования» [4, 63]. Воейков полагает, что новый тип индустриального развития по своему содержанию является инновационным. И поэтому «его следует рассматривать как особую или специальную *социальную ценность*» (курсив мой. — В.Ч.) [4, 64].

В стране уже имеется определенный практический опыт проведения реиндустриализации (см.: [3, 121—131]). Есть и теоретические наработки проведения реиндустриализации, отличные от позиции М.И. Воейкова (см.: [1, 112—115; 5, 88—94; 12, 91—100; 17, 101—115]). Есть и критическая оценка политики реиндустриализации. Так, С.А. Марков называет ее консервативной модернизацией [13]. Есть и экстравагантные предложения по проведению реиндустриализации России [6, 253—264].

Но не только российские экономисты размышляют о реиндустриализации. Западные ученые также исследуют процессы технологических изменений в мире. Так, например, Джереми Рифкин предлагает свое понимание промышленной революции [22]. Особняком стоит позиция Н. Кляйна [8].

Что же объединяет столь разные взгляды исследователей на реиндустриализацию? Пожалуй, только одно — понимание, что индустриализация является столбовой дорогой человечества. Здесь нельзя не вспомнить определение А. Колганова и А. Бузгалина: реиндустриализация как ностальгия [9].

Значительный вклад в раскрытие сущности, значения и механизмов реализации неоиндустриализации внес Ю.М. Осипов — практически первопроходец. [19].

Здесь обозначим позиции ученых, разделяющих и развивающих идеи Ю.М. Осипова, и выскажем свое понимание процесса неоиндустриализации.

С.Г. Ковалев взял на себя труд оценить возможности неоиндустриального развития России в современных геополитических условиях [10, 127—139]. Под неоиндустриализацией он понимает «развитие традиционной индустриализации вширь (создание принципиально новых отраслей — биохимии, нанотехнологий и т. п.), либо к процессам, когда машины делают сами машины» [10, 136] и рассматривает неоиндустриализацию как новую фазу индустриализации. Особенности неоиндустриализации он полагает разрушение старых производственных отраслей и отсутствие принципиально новых. Вряд ли здесь можно согласиться с Ковалевым как в части содержания выделенной им особенности, так и в части очерчивания возможностей неоиндустриализации страны через знание процесса индустриализации в СССР (быстрый, массивный, мобилизационный).

Крайне интересны рассуждения В.М. Кулькова об идентификации будущего индустриального развития. Этот процесс следует называть *постиндустриализацией*, или новой индустриализацией [11, 140—153]. Какова содержательная оценка трендов экономического развития? Когда речь идет о новой индустриализации, иногда понимаемой как однопорядковая с реиндустриализацией, то очевидно, что это не неоиндустриализация. Более того, неоиндустриализация не есть постиндустриализация. Поэтому заметим, что постиндустриализм как концепция развития общества (автор Д. Белл) существует уже более полувека (подробнее см.: [15]), но выполняет функцию не экономического, а социального прогнозирования (подробнее см.: [2; 7]). А термин «новая индустриализация» появился в исследованиях россиян и стал употребляться после публикации серии статей в журнале «Экономист». Согласно позиции Кулькова, реиндустриализацию следует толковать в широком смысле как некий общий ориентир на развитие промышленного производства, в узком смысле — как набор конкретных мероприятий по восстановлению разрушенного в ходе деиндустриализации в 1990-х гг. Под неоиндустриализацией (по Кулькову) следует понимать выход на уровень современных технологических требований. А по мнению академика С.Ю. Глазьева, неоиндустриализация — это стратегия динамического наверстывания.

В заключение отметим, что мы солидарны со взглядами Ю.М. Осипова. Напомним еще раз его позицию через названия его ра-

бот: «Российское перестроение как неперенная актуальность» [18]; «Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теотеризирования к адекватному воззрению на реальность» [20]; «Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики» [21]. Здесь методологически выверенный алгоритм прогнозирования будущего. Убавить нечего. А прибавить хочу только одно. Каждая из имеющихся исследовательских позиций базируется на анализе и реиндустриализации, и неоиндустриализации. Общее у них — это высокотехнологичное производство, без него реиндустриализация — всего лишь консервативная модернизация, а неоиндустриализации просто нет. Работ по проблемам организации высокотехнологичного производства множество. Но наиболее интересными мне показались идеи С.М. Никитенко, Л.Е. Никифоровой, В.А. Шабашева [14] и К.В. Хлебникова.

В целом же реиндустриализация, новая индустриализация, неоиндустриализация, постиндустриализация являются фазами (этапами) со своим содержанием и характеристиками в новой экономике, формирующейся одновременно за счет «хреодного эффекта» [16, 181] в многоуровневом российском экономическом пространстве.

Литература

1. Андрианов К.Н. Реиндустриализация России на основе реализации модели третьей промышленной революции // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 112—115.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.
3. Бурцева Т.А. Реиндустриализация промышленного региона: опыт и итоги реализации // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 121—131.
4. Воейков М.И. Экономическая теория реиндустриализации: основные проблемы // Производство, наука и образование России. Сб. материалов II Межд. конгресса. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. С. 60—72.
5. Гринберг Р.С. Российская модернизация: среди шансов и рисков // Философия хозяйства. 2010. № 1. С. 83—89.
6. Захаров В.К., Голикова Е.И. Модель реиндустриализации России посредством воссоздания параллельной системы управляемой

хозяйственной деятельности // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 253—264.

7. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2010. 304 с.

8. *Кляйн Н.* Доктрина шока. М.: Изд-во «Добрая книга», 2015. 656 с.

9. *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* Реиндустриализация как ностальгия. Теоретический дискурс // Социс. 2014. № 1. С. 28—39.

10. *Ковалев С.Г.* Возможности неоиндустриального развития России в современных геополитических условиях // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 127—139.

11. *Кульков В.М.* Постиндустриализация или новая индустриализация? // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 140—153.

12. *Ленчук Е.Б.* Технологический вектор новой индустриализации России // «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики» Т. I. Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК—2016) / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. С. 91—100.

13. *Марков С.А.* Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России // Философия хозяйства. 2010. № 1. С. 112—119.

14. *Никитенко С.М.* Высокотехнологичные секторы региональной экономики: формирование и развитие. Кемерово: ООО «Сибирская издательская группа», 2012. 311 с.

15. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

16. *Новиков В.А.* К вопросу о «новой индустриализации» в России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 6. С. 179—181.

17. *Нуреев Р.М.* От старой индустриализации к новой // «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики» Т. I. Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного

экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. С. 101—115.

18. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперменная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 6. С. 3—18.

19. *Осипов Ю.М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизмы реализации // *Философия хозяйства*. 2013. № 3 (87). С. 283—288.

20. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 9—26.

21. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 293—298.

22. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 410 с.

П.А. ПОКРЫТАН

Неоиндустриализация как категорический императив развития России

Аннотация. Тезисы посвящены актуальным вопросам проведения индустриализации: критериям, масштабам, формам, необходимости, социальным аспектам.

Ключевые слова: индустриализация, экономические законы, промышленный капитал, финансовый капитал, капитализм.

В целом отмечая полемику о неоиндустриализации, ведущуюся на протяжении длительного периода лет на конференциях, в экономической печати, на страницах журнала «Экономист», хотелось бы привлечь внимание к ряду моментов, которые требуют своего решения. Во-первых, необходимо определиться с категориальным аппаратом. С точки зрения критериев неоиндустриализация характеризует переход от аграрной, или аграрно-индустриальной, структуры народного хозяйства к индустриально-аграрной, или индустриальной, структуре экономики [3, 12]. Можно ли охарактеризовать экономику России как аграрную? Нет. Можно ли охарактеризовать экономику России как аграрно-индустриальную? Нет. Можно ли охарактеризовать экономику России

как индустриально-аграрную? Можно. Возникает вопрос: от чего к чему в процессе индустриализации будет осуществляться переход? Индустриализация ли это?

Во-вторых, если исходить из доходов государственного бюджета страны, то большая доля его формируется за счет углеводородов. Следовательно, добывающая промышленность в стране есть. В структуре ВВП рассчитанного по добавленной стоимости она занимала 8,8% в 2015 г., что вдвое превышает долю сельского хозяйства — 3,9%. Второе место в мире по экспорту вооружений России дает все основания для того, чтобы заявить, что обрабатывающая промышленность в стране также есть. Ее доля в структуре ВВП 12,7% в 2015 г., что втрое превышает долю сельского хозяйства. Можно обсуждать вопрос ее размеров, устраивать дебаты относительно ее сокращения в сравнении с советским периодом. Но почему ее масштабы должны соответствовать советскому периоду? Если бы мы строили социализм, в условиях которого крупное машинное производство является материально-технической базой коммунизма, увеличение масштабов промышленного производства было бы вполне логичным. Но мы не строим социализм. Капитализму же промышленность в объемах советского периода не нужна. Он неплохо себя чувствует и в формате современных «структур повседневности». Капитализм не в состоянии переварить доставшиеся в наследство от СССР производительные силы. Об этом, в частности, свидетельствует двадцатилетнее абсолютное сокращение численности населения страны. Но ведь призыв идет к неоиндустриализации, т. е. расширению производительной формы промышленного капитала. Это обстоятельство предполагает внимательно рассмотреть вопрос о необходимости индустриализации.

В-третьих, призывы к неоиндустриализации должны подтверждаться доказанным сто лет назад фактом господства финансового капитала по отношению к производительному. Это обстоятельство убедительно доказывается статистикой, фиксирующей увеличение представителей финансового капитала, что соответствует общей тенденции развития общественного производства. Возникает вопрос, за счет каких ресурсов будет проводиться неоиндустриализация. За счет финансового капитала? Но практика показывает, что до сих пор наблюдался прямо противоположный процесс: производство предоставляло ресурсы для роста финансового капитала. Именно это обстоятельство послужило основанием, в частности, для введения в действие закона Гласса-Стиголла.

В-четвертых, обращает на себя внимание внеисторизм категории «неоиндустриализация». Последняя предстает лишенной своей социально-экономической определенности. Вместе с тем, если обратиться к

теории вопроса, то экономической науке известны два типа индустриализации — капиталистическая и социалистическая, которые различны по целям, источникам и способам реализации. Различны также экономические законы, детерминировавшие их появление. В журнале «Экономист» полемика идет о капиталистической индустриализации, если говорить точнее — о новой капиталистической индустриализации. Это существенное условие дает ключ к раскрытию вопроса о ее необходимости и возможности в современной России.

Если говорить о необходимости, то она определяется конкретно историческими законами общественного развития. Поскольку Россия — капиталистическая страна, то необходимость индустриализации должна быть продиктована действием экономических законов капитализма, в первую очередь, основным экономическим законом. Недоучет этого момента является существенным пунктом в понимании перспектив неоиндустриализации в современной России.

Как известно, индустриализация является формой увеличения прибавочной стоимости в условиях исчерпания возможностей повышения ее за счет абсолютной прибавочной стоимости и перехода к относительной. Именно в этот период появляется избыточная прибавочная стоимость, достигаемая «пионерами» технического прогресса. Формируясь за счет разницы между общественной и индивидуальной стоимостью, она достается наиболее мощным из них, делая их еще сильнее. Остальные капиталисты угнетаются. Это общее положение справедливое для классического капитализма позволяет сделать определенные выводы для империализма. Во-первых, в силу отсутствия планового хозяйства и наличия частных интересов неоиндустриализация в масштабах всей экономики современной России, невозможна. Следовательно, она может воспроизвестись только на уровне отдельных наиболее крупных игроков на экономическом поле. Поэтому, во-вторых, монополии и государство — основные структуры, способные «осваивать» избыточную прибавочную стоимость. Это, разумеется, не означает, что они неизбежно будут ее осваивать. Между возможностью и неизбежностью лежит пропасть. Представляется, что олигархам, а также крупным и средним капиталистам индустриализация не нужна. Они в состоянии менее затратными способами получать прибыль [1], а внедрение технических новшеств, предполагающих получение собственно избыточной прибавочной стоимости, потребует существенных издержек снижающих прибыль. Кроме того, их монопольное положение на рынке уменьшает угрозу разорения. Случай с «Трансаэро» показывает, до каких пределов необходимо быть должником (объем долга 260 млрд р.), чтобы тебя объявили банкротом [2]. Что невозможно при классическом капитализме, то вполне возможно при империализме, хотя и до опреде-

ленных пределов. Таким образом, основным хозяйствующим субъектам, определяющим характер и структуру производственных отношений в стране, нужны стабильность и возможность осуществлять неэквивалентный обмен с госсектором экономики, на что указывает, например, 4-я программа приватизации.

Вместе с тем лавочникам и мелким предпринимателям неоиндустриализация также не нужна, поскольку создание крупного машинного производства во всех отраслях производства подрывает условия их существования.

Не получит индустриализация всеобщей поддержки и со стороны пролетариата. Во-первых, в истории капитализма она приводит к массовому высвобождению рабочих. Во-вторых, рабочая аристократия будет против индустриализации, поскольку ее проведение может ухудшить ее положение в системе общественного производства.

Это то, что касается внутреннего положения. Не менее значимо и отношение внешнего мира к вопросам индустриализации в России. Внешнее капиталистическое окружение не будет способствовать проведению индустриализации в России. Ей не нужен новый конкурент на мировом рынке. Они только-только разобрались с СССР и странами соцлагеря. Поэтому в отношении этой политики будет применяться весь арсенал средств, препятствующих усилению России.

Таким образом, если заказ на индустриализацию будет объективно необходим, т. е. продиктован экономическими законами, тогда она неизбежно будет проводиться представителями крупного капитала, поскольку это будет условием его выживания. В этом случае возникнет очередная промышленная революция. Если же заказ поступит со стороны угроз существования государства, то вполне вероятно, что даже в условиях отсутствия экономической необходимости, индустриализацией будет заниматься государство. Но тогда конфликт между государством и олигархами неизбежен. Опыт показывает, что в США война печально закончилась и для Рузвельта, и для Кеннеди.

Литература

1. *Покрытан П.А.* О регулировании монопольных тарифов // Экономист. 2006. № 2. С. 9—14.
2. *Темкин А., Дзядко Т., Мироненко П.* Правительство приняло решение о банкротстве «Трансаэро» // РБК // <http://www.rbc.ru/ins/business/01/10/2015/560d1d769a794746e2c94d2a>.
3. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975.

И.Р. БУГАЯН

**Предпринимализм и предпринимательство, экономика
и общественный сектор: соотношение и мера**

Аннотация. Капитализм отодвигается в прошлое *предпринимализмом*. Под влиянием разворачивающихся НТР и НТП на доминирующую роль в системе факторов производства выдвигается *предпринимательство*, а на место главного, т. е. наиболее эффективного богатства — современные *доминирующие товары* — *новые и информационные технологии*. Собственность именно на эти технологии и их комбинация *современным предпринимательством* с прочими факторами производства делают возможным присвоение, при данных затратах, *наибольшего*, по сравнению с собственностью на труд, землю или капитал, прибавочного продукта.

Ключевые слова: предпринимализм, современные доминирующий фактор производства и доминирующий товар.

Предпринимализм и предпринимательство соотносятся между собой так же, как капитализм и капитал.

Предпринимализм — общество, в котором предпринимательство не просто один из факторов производства, а доминирующий, формирующий и определяющий как их субординацию, так и характер взаимодействия. В результате предопределяются и общественные субординации собственников факторов производства и соответствующих им элит.

К примеру, в рабовладельческих обществах главными были собственники доминирующего тогда фактора производства — труда, представленного специфическим товаром — «рабы». Именно рабовладельцы и формировали тогда верхние эшелоны элит. В феодальных обществах главные элитные субъекты уже землевладельцы, а в капиталистических — собственники капиталов.

Ряд этих перемещений осуществился объективно и неизбежно под влиянием разнообразных прогрессивно-технологических и сопутствующих им общественных преобразований, прежде всего связанных с собственностью на факторы производства.

Первое из этих перемещений произошло под влиянием открытых финикийцами науки навигации и необходимых им для развития посреднического предпринимательства морских путей — по существу инфраструктуры посреднического предпринимательства, с последующим налаживанием на их основе международного обмена.

Всем его участникам постепенно было навязано в качестве всеобщего эквивалента посредством открытого же финикийцами комплекса финансовых наук малополезное, по сравнению с солью, чаем, железом, пушшиной и другими известными тогда денежными товарами, *золото*, которое в результате и стало *доминирующим товаром посреднического предпринимательства*. Уместно напомнить, что до этого в каждом кормящем ландшафте были свои деньги и, как правило, наиболее полезные для местного населения вещи: у китайцев — соль, у кочевников — чай, у славян — пушнина, у армян и эллинов — железо...

Второе перемещение произошло в результате открытия на Армянском нагорье технологии выплавки железа и производства из него орудий труда и оружия. Это создало возможность такого роста производительности труда, который резко увеличил размер извлекаемого прибавочного продукта. Вследствие этого новым доминантным товаром стали рабы, а *труд*, потеснив посредническое предпринимательство, *трансформировался в доминантный фактор производства* (произошло преобразование фактора производства — «труд» и соответствующее изменение субординации всех факторов производства).

Третье — использование в производстве сил ветра, воды и тягловой силы животных (*преобразование земли в доминирующий фактор производства и новая, уже третья по счету, субординация факторов производства*).

Четвертое — изобретение паровой машины, повлекшей *возникновение индустриального капитала, трансформацию его в доминирующий фактор производства* и образование новой, *разновидности субординации факторов производства*.

Пятое — развертывание НТР и НТП, проложивших путь современному предпринимательству на основе новых и информационных технологий к доминированию среди прочих факторов производства и, тем самым, к возврату той — первой — субординации между ними, которая впервые появилась еще тысячи лет назад.

Вот спиралеобразный путь, занявший в человеческом измерении гигантский промежуток времени в тысячи лет. Речь идет о периоде: от предшествующего парада планет до нынешнего, недавнего, который вызвал *переход от первого — посреднического предпринимательства (В) на основе товара — золота — ко второму его пришествию (В¹) на рубеже XX и XXI вв.* Их отличие (*В от В¹*) в том, что, хотя *возврат произошел к тому же доминирующему фактору производства — предпринимательству, но оно уже стало иным, поскольку функционирует на основе нового доминирующего товара — новых и информационных технологий* (рис. 1).

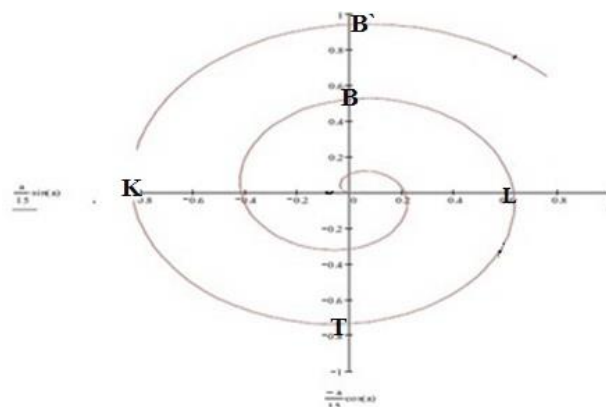

Рис. 1. Субординационная закономерность перемещения доминантных свойств между факторами производства

В результате предпринимательство приобрело столь существенные качественные отличия, что мы вправе утверждать о вступлении человечества в новый этап — новый четырехфазный период спиралеобразного кругооборота. Начало ему, как и в предыдущем кругообороте, вновь дает доминирование предпринимательства в системе факторов производства. Но оно уже качественно иное. Речь идет о предпринимательстве B^1 , основанном на новых и информационных технологиях и порождающем новую общественно-хозяйственную систему, для которой мы и предлагаем категорию предпринимализм. Он, как общественно-формационное явление, уже известен и проявился в понятии «золотой миллиард» ($ЗМ$), в который принято включать население семи стран, достигших в своем движении по спирали точки B^1 .

Таким образом, из 7 млрд людей, населяющих ныне Землю, 1 млрд человек живут в *странах предпринимализма*, т. е. в странах, где доминирующими товарами являются новые и информационные технологии, а фактором производства — *современное предпринимательство* (B^1). Остальные же 6 млрд оказываются в предшествующих общественно-хозяйственных системах, — кто где.

Страны бывшего социалистического лагеря, не выдержав испытания преждевременным социализмом, попятились назад и очутились (по крайней мере, те, кто успел осуществить индустриализацию) в капитализме (К).

Страны Ближнего Востока и Севера Африки, относящиеся в прошлом к странам так называемой социалистической ориентации, подвергшись бесцеремонным воздействиям инструментов по организации

«управляемых хаосов», разработанных «мудрецами» США, попали в сложное положение. Они в поиске решений непростых проблем, которые были намеренно обострены внешним вмешательством, вынуждены ориентироваться на весь арсенал средств, которыми располагают, в том числе на свои традиционно исторически сложившиеся ценности. Поэтому население этих стран, вольно или невольно, стало возвращаться к своим прошлым истокам. А в некоторых случаях вторгаются на территории более ранних общественно-хозяйственных систем, для которых были характерны доминирование земли (*T*) и даже труда (*L*). Разнообразие этих средств приобрело тенденцию к возрастанию, и ныне они стали вбирать практически все, что было известно и характерно в прошлых укладах.

Другими словами, и Север Африки, и Ближний Восток под воздействием коалиции стран «золотого миллиарда», возглавляемой США, пошли не вперед, как, возможно, они бы хотели, а вспять — противоположно самораскручивающейся цивилизационной спирали.

На этой огромной территории ныне обнаруживаются все возможные общественные уклады, включая рабство, но нет движения к демократическим целям, объявленным коалицией. В результате произошли невиданное обострение и преумножение неразрешенных проблем региона. Постепенно они трансформировались в мирохозяйственное неблагополучие в целом; одним словом, «управляемый хаос», затеянный США, превратился для них и многих других стран, включая ЕС, в — неуправляемый!

Концепция, которая ныне получила название «управляемый хаос», была впервые не только выдвинута, но и применена на практике отнюдь не США, а Россией.

В 1918 г. для ускоренного движения к социализму В.И. Ленин предложил ввести продналог и продразверстку, которые должны были резко уменьшить в хозяйстве молодой республики удельный вес экономики и соответственно увеличить удельный вес общественного сектора, контролируемого «государством рабочих и крестьян».

Последствия подобных действий вот уже 100 лет как нам, россиянам, хорошо известны, но, по-видимому, оказались неожиданностью для руководств США и ЕС, попытавшихся повторить в своих интересах нечто подобное на территории стран и народов, которых «не жалко».

Нарушилось веками, а на Ближнем Востоке тысячелетиями, сложившееся соотношение между экономическим и общественным секторами хозяйства — другими словами, мера, в которой существовало прежнее диалектическое единство этих сторон. Поэтому такие попытки неизбежно наталкиваются на сопротивление граждан. В нашем, российском — столетней давности — опыте, преимущественно крестьян.

«Анализируя ситуацию, Ленин находит из нее единственный выход — рабочие должны с оружием в руках сами взять себе хлеб... Для реквизиции хлеба формировались специальные продотряды. Начиная с июня 1918 г. во все концы летят ленинские телеграммы-молнии с приказами о начале продразверстки. (Например, от 5 августа в Тулу): 1) обобрать и отобрать все излишки хлеба у кулаков и богатеев всей Тульской губернии; 2) свезти весь этот хлеб тотчас в Москву».

«До нас дошло большое количество его шифрованных телеграмм, конфиденциальных записок и распоряжений. Тон их чрезвычайно жесткий и безжалостный. (Недаром все они потом были упрятаны в спецхраны и спецархивы.) В каждой из них решительные требования жестких санкций и репрессий. Например, в августе Ленин телеграфирует в Пензу: Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Тогда же идет его телеграмма в Саратов: «Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...». И снова в Пензу: «Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят “последний решительный бой” с кулачем. Образец надо дать. 1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них весь хлеб. 4) Назначит заложников... Найдите людей потверже» [11, 505].

«Крестьяне отчаянно сопротивлялись этому неслыханному нажиму. На протяжении всей Гражданской войны не прекращались мощные крестьянские восстания против продразверстки. Реакция на них советской власти была однозначна — беспощадное подавление. Только мощный антоновский мятеж и Кронштадтское восстание 1921 г. заставили Ленина отказаться от политики экспроприаций в деревне.

Зимой 1921 г. Ленин разрабатывает новую экономическую политику партии... Новая экономическая политика партии была принята на X съезде РКП (б) в марте 1921 г. и на X партконференции в мае того же года. Летом были сняты всякие ограничения частной торговли. В 1922 г. была разрешена аренда земли с использованием наемного труда. В декабре 1921 г. принят декрет о частичной денационализации мелкой промышленности и о возвращении ее прежним владельцам... Как следствие уже в середине 20-х гг. началось быстрое возрождение деревни и промышленности.» [11, 506—507].

С точки зрения экономики ничего нового в нэпе не было.
Новизна была, но другая — хозяйственная!

В.И. Ленину пришлось на 180° развернуть политический курс и направление развития страны. Наряду с вышеперечисленными шагами по восстановлению экономического сектора хозяйства и, тем самым диалектического единства его с общественным сектором, он предпринял в 1922 г. новые — укрепил финансы и провел удачную денежную реформу, позволившую на короткий срок сделать советский рубль твердой валютой.

В результате стало быстро восстанавливаться, а затем, и оптимизироваться соотношение экономического и общественного секторов; в России оказалось выполненным основное условие преодоления образовавшегося хаоса, а затем и более эффективного функционирования хозяйства. Несмотря на внешнее сходство, насильственные изменения соотношений между экономическим и общественным секторами хозяйств, вызвавшие хаосы в начале XX в. в России и через 100 лет на юге Европы (Югославия), Ближнем Востоке и севере Африки, имеют принципиальные различия. Основные причины российского хаоса были первоначально и преимущественно внутренние — увлеченность тогдашней интеллигенции и молодежи марксизмом и идеями революции, которые затем дополнились причинами внешними, участием России в Первой мировой войне, а также зарубежным финансированием развала страны со стороны противника.

Немцы не только позволили Ленину вернуться в Россию, но и оказали его партии весьма существенную финансовую поддержку. На нужды большевиков через разные каналы поступили миллионы рублей. (Подсчитано, что уже в июле 1917 г. партия выпускала 41 газету с ежедневным тиражом 320 тыс. экземпляров, одна только «Правда» издавалась тиражом в 90 тыс. экземпляров. Это не считая огромного количества листовок и прокламаций. В собственности ЦК в Петрограде находилась типография, за которую было уплачено 260 тыс. р. Никогда до этого большевики не были так хорошо обеспечены деньгами.) Благодаря этому всего за семь месяцев они сумели «раскачать» общество, подрезать жилы власти, разложить армию, дискредитировать в глазах населения все демократические партии (см.: [11]).

Хаосы же Ближнего Востока, Севера Африки и Югославии целиком разработаны и внесены извне. Они не имели на этих территориях значимых внутренних корней и не могли там самостоятельно закрепиться; были развернуты среди людей, «которых не жалко», и исключительно из чуждых им внешних интересов наспех сколоченной коалиции. Об этом свидетельствует то, что в нее вошли, наряду с *ЗМ*, страны, очень далекие от современной субординации факторов производства, обусловленной предпринимательством, т. е. доминантой предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

У. Черчилль отмечал: «Первая трагедия России — рождение Ленина; вторая — его смерть. Только Ленин мог бы вывести русских из того болота, куда он сам их завел» [12, 291]. Уход Ленина от продналога и продразверстки и провозглашение Новой экономической политики с ее бесспорными успехами действительно свидетельствуют, что Советская Россия настолько близко подошла тогда к соотношению экономического и общественного секторов своего хозяйства, что стало возможно заметить объективно существующий между ними оптимум, т. е. такое состояние хозяйства, когда становится достижимой его наивысшая при данных условиях эффективность.

В.И. Ленин как рецензент методических работ С.Н. Булгакова для студентов МГУ, будучи близко и хорошо знаком как с ними, так и с их автором, вряд ли бы прошел мимо такого объективно наметившегося явления, которое могло сыграть огромную роль в оптимизации соотношения планомерного и рыночного развития нашей страны. Но его преждевременная кончина, видимо, этому помешала, что и было замечено Черчиллем и названо им вторым невезением России.

Нам представляется, что при определении этого оптимума в будущем применительно к нашей стране, с учетом ее исторических терний, следует исходить из того, что экономический сектор хозяйства России должен развиваться преимущественно рыночно, а общественный — планомерно¹.

Литература

1. Бугаян И.Р. Второе пришествие предпринимательства в качестве доминирующего фактора производства: особенности и социально-экономические последствия. Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России // Сб. докл. VI международной научно-практической конференции, 25 ноября 2014 г. / Под ред. Т.В. Игнатовой. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХ и ГС, 2014. 142 с.

2. Бугаян И.Р. Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера // Философия хозяйства. 2015. № 2. С. 30 — 31.

3. Бугаян И.Р. Инновационное предпринимательство и нынешний кризис: соотношение и мера // Философия хозяйства. Спец. вып. Ростов-н/Д, 2009. С. 14 — 26.

4. Бугаян И.Р. Культура России вообще и в предпринимательстве: соответствие современным условиям // Философия хозяйства. 2009. № 2 (62). С. 55—63.

¹Подробнее см.: [1—10].

5. Бугаян И. Общественный сектор хозяйства сегодня: мир и Россия (философско-хозяйственный аспект). Palmarium Academic Publishing Deutschland. Saarbrücken, 2016.
6. Бугаян И.Р. О закономерностях перехода доминантных свойств от одного фактора производства к другому // Философия хозяйства. 2002. № 3.
7. Бугаян И.Р. Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим» // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю.М. Осипова, Ю.А. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. С. 241 — 259.
8. Бугаян И.Р. Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера: Монография. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИВ РАНХ и ГС, 2013. 228 с.
9. Бугаян И.Р. Спираль общественного прогресса и доминантный фактор производства // Философия хозяйства. Спец. вып. Ростов-н/Д, 2009. С. 5—12.
10. Бугаян И.Р. Философия хозяйства и политическая экономия // Философия хозяйства. 2013. № 2. С. 35 — 45.
11. Рыжов К.В. 100 великих россиян. М.: Вече, 2005.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Основное направление мобилизации производительной силы России

Аннотация. В мире начался переход к новой общественной модели, при отсутствии механизмов формирования и исполнения долгосрочных стратегических планов цена перехода для России будет слишком высока.

Ключевые слова: утрата долгосрочных приоритетов, истощение ресурсов, смена рыночной модели, новый общественный механизм, долгосрочное стратегическое планирование.

Утрата долгосрочных приоритетов развития стала одной из наиболее острых проблем бегущего от сакрального начала человечества. Яркой иллюстрацией этого процесса стало развитие научно-технического прогресса. Уже в конце XX в. изумленное человечество стало открывать для себя его негативные последствия: разрушение нор-

мального воспроизводства населения, резкое увеличение физических и психических патологий, ухудшение экологических условий среды обитания человека, истощение природных ресурсов. Запасов нефти, платины, меди и никеля осталось на 40 лет, месторождения золота и алмазов будут истощены через 20 лет. Остро стоит проблема чистой воды и воздуха, безопасных для здоровья продуктов питания.

Возникает вопрос: а что это за такой прогресс, который подрывает сами основы существования человека, кому и для чего он нужен? Хотя ответ на этот вопрос очевиден для верующего человека и находится в сфере метафизики, эта очевидность выглядит настолько пугающей, что человеческое сознание старательно изобретает более безобидные формулировки — такие, как «смена технологических укладов». Вот уклад технологический поменяется на более прогрессивный, и все будет прекрасно. А саморазрушение человечества не более чем временное недоразумение... При этом смена укладов представляется настолько важным делом, что его побочный результат — разрушение общественных структур — воспринимается как неизбежная и закономерная плата за научно-технический прогресс.

Появляется самоподдерживающаяся, саморазвивающаяся система: отвернувшийся от Творца человек неизбежно деградирует (морально и физически) и пытается скрыть свою деградацию все более изощренным материальным творчеством — научно-техническим прогрессом, пытается творить и быть творцом, заменить самим собой того, от кого сам отказался. Но чем дальше он отдаляется от Творца, тем более опасными для него же самого становятся плоды трудов его — когда игнорируется причина, последствия могут быть серьезны.

Опасность эта может быть прямой, легко узнаваемой сознанием — например, создание все более разрушительных видов оружия, и у людей есть шанс осознать угрозу и попытаться сделать мир более безопасным, а может носить косвенный характер, когда сама материальная структура общественного воспроизводства настолько сильно воздействует на общественные связи и меняет их природу, что приводит к разрушению складывавшихся в течение тысячелетий общественных институтов.

Происходит усиление деграционных процессов: разрушаются границы и геополитические иерархии, выгорают изнутри и уходят в историческое небытие нации, уступая место безликому и бездуховному народонаселению, разрушается финансовая система — место звонкой золотой монеты заняли цифры в компьютере, фактическим владельцем мирового хозяйства стали его кредиторы, а величина долгов устремилась в заоблачную высь, угрожая дефолтом самому центру

мировой экономики: в 2016 г. совокупный мировой долг в три раза превысил годовой валовой продукт планеты.

Все эти уродливые явления являются симптомами закономерного процесса: рыночная экономика является экономикой избытка, и при глобальном истощении природных ресурсов ее долгосрочные перспективы весьма туманны — избыток при ресурсном дефиците может носить иллюзорный и краткосрочный характер. Мы находимся на этапе смены исчерпавшей потенциал своего развития рыночной модели принципиально новым общественным механизмом, при котором на смену иррациональным и в значительной степени навязанным извне потребностям человека придет система обеспечения на основе научно обоснованных норм, позволяющая людям укреплять и совершенствовать свое физическое и нравственное здоровье.

Поскольку большие системы обладают большой инерцией, смена модели хозяйствования будет происходить мучительно и долго, сопровождаться конфликтами и экономическими катаклизмами. И если в начале 1990-х заветными мечтами правящего класса России были интеграция в состав мировой элиты и передача роли главного регулятора национальной экономики мировому рынку, в настоящее время стало появляться здоровое стремление не утонуть в надвигающемся мировом экономическом шторме.

Но для спасения в бушующем море нужен выверенный курс, имя которому — долгосрочное стратегическое планирование. Не формирование долгосрочных прогнозов, за оправдываемость которых никто не несет личной ответственности, не экономические программы, расплывчатые формулировки которых провоцируют «освоение» бюджетных средств в направлениях пограничных с уголовно-процессуальным кодексом, а планы с четкой формулировкой цели, с ясно прописанной системой личной ответственности исполнителей, с адекватным поставленной задаче количеством потребных ресурсов и жестким контролем за их фактическим использованием.

«Мечты ретрограда!» — воскликнет либеральный экономист, неистово верующий в силы рыночной стихии. Но верить в рынок глупо, его нужно знать и использовать, что и делают его наиболее сообразительные участники. И если пример 50-летнего горизонта планирования в Китае еще можно приписать особенностям коммунистической идеологии, то практика южнокорейских компаний, активно разрабатывающих 30- и 50-летние планы развития, более чем показательна.

Мы живем в жестоком мире и поставлены перед выбором: или Россия научится выполнять собственные планы долгосрочного развития, или станет исполнителем чужих планов с далеко идущими

социальными, экономическими и геополитическими последствиями. При этом возникают вопросы: а какие именно общественные институты будут разрабатывать такого рода планы? какова система их мотивации и мера ответственности? кто будет контролировать их работу? Любое замалчивание и забалтывание этой проблемы ведет к растрате ограниченного временного ресурса (для России это 4—5 лет) и увеличивает социальную цену неизбежных преобразований.

А.К. ШУРКАЛИН

Условия неоиндустриализации российской экономики

Аннотация. Раскрываются понятие и содержание неоиндустриализации. Неоиндустриализация рассматривается как важная часть системного перестроения управления экономикой России. Рассматриваются три важнейших условия, позволяющих реально осуществить политику неоиндустриализации.

Ключевые слова: системное перестроение, неоиндустриализация, национальные экономические интересы, институциональные перемены, инновационное развитие, импортозамещение.

Необходимость системного перестроения управления российской экономикой обусловлена не только кризисом последних лет. За все годы рыночного хозяйствования прочных качественных результатов так и не удалось достичь. Могут возразить: в течение первого десятилетия XXI в. ВВП страны возрос в стоимостном измерении более чем на 30%, душевые доходы населения увеличились более чем в 2 раза. Этот аргумент являлся сильным в руках тех, кто «прославлял» действующую экономическую политику в указанный период. Однако этому, казалось бы, «убийственному» аргументу пытливый исследователь противопоставит ряд фактов, которые дезавуируют сильные аргументы адептов действующей экономической системы.

Во-первых, все экономическое благополучие (а его наличие автор не отрицает) крайне благоприятно и выгодно внешнеэкономической конъюнктуре. Положительная динамика мировых цен на энергоносители — основная материальная база экономического благополучия России в течение 2001—2013 гг. Это общеизвестный факт, который не будет оспаривать никто. Огромные доходы от экспорта топлива и сырья создали видимость успешного экономического развития России.

Во-вторых, растущие доходы членов общества, хорошая наполняемость госбюджета не отражали реального роста эффективности российской экономики. Данный факт уже признается далеко не всеми. Но если заглянуть вглубь экономических процессов, то увидим, что темпы роста доходов населения (рост за отмеченный период в 2 раза) не соответствовали темпам роста общественной производительности труда, которая возросла на 10—13%. И этот небольшой прирост производительности труда во многом обусловлен инфляционным ростом цен на экономические ресурсы и не отражает реальную динамику роста эффективности.

В-третьих, в основе факторов экономического роста российской экономики фактически отсутствовал самый важный фактор современного экономического роста — научно-технический прогресс. Этот факт является общеизвестным и неоспоримым. Экономическое развитие России основывалось на прежней материально-технической базе, созданной в советский период. Действующие производственные фонды промышленных отраслей на 70—80% износились физически и морально. Ежегодная прибавка новой техники и технологии по основным перерабатывающим отраслям не превышала 2—3%.

В-четвертых, экономические результаты развития многих отраслей и видов производства зависят от участия в управлении ими нерезидентов, от возможностей получения внешних заимствований и импортных поставок технологий, оборудования и материалов. По оценке С.Ю. Глазьева, примерно 55% активов обрабатывающих отраслей промышленности России принадлежит нерезидентам или контролируются нерезидентами. В условиях жестких санкций со стороны западных государств российские компании лишены возможности получать внешние заимствования или перекредитоваться, пролонгируя свои задолженности на более удобные сроки. Однако само обращение к внешним заимствованиям — это не свидетельство нехватки финансовых ресурсов внутри страны. В целом российские финансовые ресурсы стоят дороже, чем на Западе. Достаточно сравнить ставку рефинансирования ЦБ РФ (10%) со ставкой ФРС США (0,25%) и ставкой Европейского центрального банка (0,3%). Но не только разностью процентных ставок объясняется стремление многих российских компаний получать заимствования за рубежом. Внешние заимствования выгодны собственникам компаний и его менеджменту. Выгода заключается в самом факте получения финансовых ресурсов в долларах США и евро, которые дебиторы конвертируют в рубли по заниженному валютному курсу. Получатели западных кредитов имеют возможности широкого доступа к качественным импортным товарам, материальным ресурсам и передовой технологии. По утверждению С.Ю. Глазьева, денежная база российской экономики

до 2014 г. на 60% состояла из внешних источников. Здесь напрашивается вывод: управление экономикой России осуществлялось отнюдь не в национальных интересах.

В-пятых, экономические успехи России имели узкую и шаткую материальную базу — «приоритетное» развитие отраслей, добывающих сырье и топливо. Отмеченный «приоритет» мы создали себе сами, идя по пути неолиберальной экономической политики. Следуя указаниям западных радетелей России, российские руководители в 1990-е гг. стремились копировать западные модели управления экономикой. В результате этого и сформировался этот самый «приоритет». Наше экономическое развитие было настроено на волну: «Нужно делать то, что умеем лучше всего!» То есть добывать сырье. Другие отрасли оказались ненужными. Тем самым мы утратили, по выражению проф. Я.М. Миркина, экономику средств производства [3].

Некоторые наши оппоненты могут возразить, что сырьевая структура экономики — историческая особенность нашего экономического развития. Она была характерна и для советского периода. Отчасти это так. Но отметим, что в советский период наша страна экспортировала не только топливо и сырье, но и машины и оборудование. В период 1975—1980 гг. доля машин и оборудования в экспорте составляла 18—20%, в то время как в период 2005—2010 гг. — не более 6%. Сырьевая структура нашей экономики объективно порождала рост зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры и технологическое отставание от экономически развитых стран мира.

Научные дискуссии и обсуждения в кругах ученых, специалистов, государственных чиновников и просто неравнодушных граждан к судьбам нашей Родины, выдвинули большое число предложений по выводу экономики и всего нашего общества из кризисного состояния. Наиболее радикальными представляются те, которые выступают за коренное системное перестроение организации российской экономики, да и всего общества. Считаем, что важнейшим средством осуществления системного перестроения должна стать неоиндустриализация.

Неоиндустриализация означает выход на качественно иную траекторию социально-экономического развития, которая утверждает выход на инновационный путь развития. Такой переход существенно перестроил бы структуру народного хозяйства России, где безусловно господствовали бы новейшие технологии. Наиболее экономически развитые страны мира в нынешних условиях переживают переход к шестому технологическому укладу. Это означает полное господство информационных цифровых технологий, всемерное развитие робототехники, приоритетное развитие биотехнологий, направленных

на существенное увеличение продолжительности жизни людей, улучшение качества жизни людей и окружающей биосферы.

Самым острым и сложным вопросом является не столько то, чего мы добиваемся, а то, какими путями и средствами можно выйти на траекторию неоиндустриального развития реально. В последние 3—4 года в этом направлении было кое-что сделано. Именно так можно выразиться: «кое-что сделано». Например, понемногу воссоздается российское сельское хозяйство, и импортная продовольственная зависимость стала не такой угрожающей как 5—10 лет назад. Заработали некоторые отрасли машиностроения. Наиболее серьезные успехи достигнуты в отраслях, производящих военно-техническую продукцию. Однако серьезного радикального перестроения пока не получается. Помеха тому наличие серьезных оппортунистических тенденций в нашей хозяйственной практике управления предприятиями. Сохраняющаяся зависимость от нерезидентов, которые не только владеют, но и управляют нашей собственностью в своих корыстных интересах. На траекторию неоиндустриального развития не получится выйти одним прыжком. Для перехода к качественно новой экономике необходимо соблюсти по крайней мере три важнейших условия.

Первое — формирование такой стратегии развития и такой экономической политики, в основе которой лежали бы *национальные экономические интересы и рост благосостояния широких масс населения*. Такая политика должна стимулировать экономическое развитие на основе полной независимости от зарубежных стран, опирающееся главным образом на собственные возможности и ресурсы. Российская экономика должна прежде всего серьезным образом освободиться от внешнеэкономической зависимости, конъюнктурных тенденций и условий мирового рынка (35% объема ВВП, получаемых путем экспортной реализации, для условий России это чересчур). Никто не говорит о том, чтобы огородить российскую экономику от мирового рынка. Но существовать, прежде всего поглядывая, как там мировые цены на нефть и курс доллара США, больше нельзя. У нас должны быть собственные критерии и решения реализации социально-экономических задач, отвечающих полностью нашим нуждам и чаяниям.

Второе — реализация серьезных институциональных перемен, которые содействовали бы эффективному переходу к *новой модели хозяйствования*. Проведение рыночных реформ в нашей стране обусловило работу по созданию новых институтов, которые соответствовали бы задачам и требованиям перехода к рыночной экономике. Однако эта работа не дала ожидаемых результатов. Созданные институты рыночной экономика зачастую полностью копировали условия западных стран, перенося на российскую почву институты, не отражающие исто-

рические экономические, национально-психологические особенности российского общества. Импорт институтов в наших условиях оказался малоэффективным. Многие институты частного бизнеса действовали исключительно в собственных интересах, игнорируя общественные цели развития. Не всегда четко и определенно действовали институты государства. Во многих случаях они наступали на интересы бизнес-сообщества, утверждая интересы отдельных групп государственных чиновников, а не государства (общества). Эффективные общественные институты призваны координировать деятельность отдельных субъектов, направляя ее в лоно реализации общественных интересов. Особенно важно создание институтов, опирающихся на широкую инициативу населения. Такие институты позволят соединять интересы бизнеса, государства и общества. В России в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

Третье — как представляется, самое важное. Переход к инновационному развитию не может состояться быстро. Для этого требуются немалое время и соответствующая материальная подготовка. Речь идет о *переходном периоде*, после которого указанный переход может состояться реально. Такой переход займет большое время (может быть лет 10—15). Содержание мер и действий в течение отмеченного переходного периода должно опираться на соответствующую материальную базу. Такой базой должна быть воссозданная *экономика средств производства*. Без нее невозможно создание новых товаров, машин, оборудования и технологий. Иными словами, мы должны отступить два шага назад и воссоздать утраченную в 1990-х экономику средств производства. Только после этого возможно продвижение по пути инновационного развития.

Таким образом реальному выходу на инновационный путь развития должна предшествовать серьезная восстановительная работа, направленная на воссоздание утраченных в течение 1990-х многих отраслей и видов производства. Прежде всего речь идет о воссоздании металлообрабатывающего и машиностроительного комплексов, как материальной базы решения качественных сложных задач инновационного направления. По сути дела, мы говорим о необходимости *реиндустриализации* российской экономики. Те многие товары, материалы, оборудование, которые в условиях советской экономики производились на наших предприятиях, сегодня заменены импортными поставками. Импортозамещение сегодня — не просто модный лозунг. Это насущная необходимость, которая проложит путь к созданию инновационной экономики. Следует сказать, что в нашей научной литературе предложения подобного рода звучали, правда, не всегда с достаточной аргументацией и убедительностью [2; 4].

Задачи восстановления индустриального потенциала экономики России на основе разработки четкой и ясной промышленной политики непосредственно связаны с реализацией другой важной задачи — обеспечения полной независимости нашей социально-экономической политики от зарубежного влияния. Безусловно, что в течение нескольких лет эту задачу не решить. Нужно время, а самое главное — воля и настойчивость нашего руководства на всех уровнях власти в проведении такой политики.

Как уже отмечалось, важным проявлением независимой социально-экономической политики является импортозамещение. Ему сегодня уделено много внимания. Но пока в полной мере задачи импортозамещения реализовать не удастся. Главная помеха — отсутствие необходимой материальной базы, тех самых «производств средств производства». Приведу только один пример. Импортозамещение в нефтегазовой отрасли важно потому, что данная отрасль в структуре нашей экономики играет первостепенную роль. Но развитие отрасли во многом зависит от иностранных инвестиций, импортной технологии и оборудования. Сегодня доля импортного оборудования, используемая на предприятиях нефтегазового комплекса, превышает в среднем 60%, а по отдельным направлениям она и вовсе является запредельной (80—90%). Отметим, что в СССР в начале 1980-х гг. нефтегазовая отрасль работала практически полностью на отечественном оборудовании (80—85%). В указанный период среди общего мирового объема инновационных разработок в данной отрасли производства более 50% были советскими. Сегодня такой уровень независимого развития кажется несбыточным. Но к этому надо стремиться. Нефтегазовая отрасль, впрочем, как и многие другие отрасли нашего народного хозяйства, имеют немалые научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, которые смогли бы усилить инновационную составляющую действующего производства. Главное, что мешает это реализовать на практике — отсутствие производства металлообработки, станкостроения, производства запасных частей — всего того, что материализовало бы на практике опытно-конструкторские и технологические заделы.

Как отмечает С.С. Губанов, неоиндустриализация страны должна опираться не на курс доллара и мировую цену на нефть, а на собственную производственную базу [1]. Добавлю, что принципиально новая экономическая политика должна выработать собственные критерии оценки эффективности такой политики. Главное в том, чтобы меры и направления экономической политики в полной мере отвечали бы национальным экономическим интересам.

Таким образом важнейшее условие реализации политики неоиндустриализации — воссоздание отраслей материального производства,

прежде всего машиностроения, что несомненно будет способствовать обеспечению всех отраслей народного хозяйства отечественными товарами, материалами, машинами и оборудованием. С этим тесно связана другая линия неоиндустриализации — обеспечение финансовой независимости российской экономики. Предстоит многое сделать для того, чтобы собственные финансовые ресурсы стали основным источником экономического роста.

Литература

1. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М., 2012.
2. Попов А.И. Неоиндустриализация российской экономики как условие устойчивого развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3.
3. Российская газета. 2017. 9 янв.
4. Сухарев О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист. 2013. № 3.

И.М. ТЕНЯКОВ

Производительность труда как фактор неоиндустриального роста российской экономики

Аннотация. В статье систематизированы тенденции экономического роста и производительности труда ведущих стран мира и России. Показаны причины замедления темпов роста производительности труда. Отмечено, что восстановление высоких темпов роста производительности труда возможно при проведении политики новой индустриализации при переходе к неоиндустриальному экономическому росту. Указан ряд особенностей, которым должна соответствовать политика новой индустриализации в России.

Ключевые слова: производительность труда, неоиндустриальный экономический рост, политика новой индустриализации.

Спустя восемь лет после мирового экономического кризиса темпы экономического роста остаются весьма умеренными в развитых странах. В странах со становящимися рынками наблюдается тенденция к замедлению роста, хотя его темпы остаются более высокими по сравнению с развитыми странами. В России замедление роста началось в

2012 г., а в 2015 г. оно перешло в спад производства, сохранившийся и в 2016 г. В таблице 1 представлены среднегодовые темпы роста ВВП трех групп — представителей ведущих индустриальных стран (США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Япония), стран со становящимися рынками (Бразилия, Индия, Китай) и постсоветских республик, прошедших период трансформации социально-экономической системы (Россия, Белоруссия, Казахстан). При периодизации учитывались ключевые события, происходившие в России и странах бывшего СССР. По этому критерию выделены периоды: десятилетие, предшествовавшее трансформационным процессам в странах бывшего СССР (1981—1991), период активных трансформационных процессов в странах бывшего СССР (1992—1998), период восстановительного роста в России и других постсоветских странах (1999—2007), период мирового экономического кризиса (2008—2009), посткризисный период (2010—2016). Отметим, что данные МВФ за 2016 г. являются оценочными и могут несколько исказить итоговый результат, однако такое искажение не является существенным.

Таблица 1

**Показатели экономического роста в трех группах стран
(среднегодовые темпы прироста реального ВВП, в %)**

Страны и группы стран	1981—1991	1992—1998	1999—2007	2008—2009	2010—2016
Ведущие индустриальные страны					
США	2,56	2,53	2,91	–2,50	1,97
Великобритания	3,02	3,17	2,87	–1,54	2,08
Германия	2,54	1,12	1,66	–2,43	1,96
Франция	2,35	1,58	2,25	–1,39	1,15
Япония	4,52	0,73	1,32	–3,31	1,18
Страны со становящимися рынками					
Китай	9,29	9,19	10,17	9,40	8,08
Индия	5,14	5,22	7,25	6,16	7,36
Бразилия	1,50	2,89	3,25	2,45	1,27
Страны — постсоветские республики					
Россия	—	–4,83	7,08	–1,50	1,33
Белоруссия	—	–1,49	7,22	5,10	1,48
Казахстан	—	–4,38	9,30	2,24	4,32

Составлено по: [9].

Замедление темпов роста в ведущих индустриальных странах в посткризисный период сопровождалось также замедлением темпов роста производительности труда. Как отмечается в докладе [8], техноло-

гические сдвиги и различные инновации не приводят автоматически к повышению роста производительности труда, а выгоды от более высокого уровня производительности труда в отдельных секторах далеко не всегда распространяются на экономику в целом. Эта тенденция развивается на фоне растущего глобального неравенства доходов и богатства. В 2012 г. доходы 10% верхних слоев в странах ОЭСР превышали доходы 10% нижних слоев более, чем в 10 раз, а в 1980-е гг. этот разрыв составлял только 7 раз. При этом на 10% верхних слоев приходилась половина богатства домашних хозяйств в 2012 г. в 18 странах ОЭСР. Замедление роста производительности труда и усиление неравенства в ведущих странах — ключевые проблемы посткризисного развития, они отражают фундаментальные изменения, которые претерпели экономики ведущих стран в начале XXI в.

Замедление темпов роста ВВП на отработанный час в ведущих индустриальных странах отмечается экспертами ОЭСР в период 2004—2014 гг. по сравнению с периодами 1970—1996 и 1996—2004 гг. Так, указанный показатель снизился в США с более чем 2,5% в период 1996—2004 гг. до 1% в период 2004—2014 гг. В Великобритании снижение было еще существеннее: с 2,3% до менее чем 0,5%, а в Германии — с 1,5 до 1% [8, 11]. При этом в ряде стран показатели темпов роста производительности труда (выраженной как ВВП на отработанный час) были выше в период 1996—2004 гг. по сравнению с предыдущим и последующим периодами.

Если рассматривать динамику производительности труда в ведущих странах за более длительный период, то можно отметить чередование повышательной и понижительной тенденций. Показатель производительности труда 30 крупнейших стран мира (доля в мировом ВВП — более 75%) за 50 лет (1961—2010) рос со среднегодовым темпом около 2% [3, 31—32]. При этом более высокие темпы роста производительности труда наблюдались в периоды 1961—1973 гг. (3,3%) и 1992—2010 гг. (2,2%). Напротив, в периоды 1974—1982 гг. среднегодовой темп роста производительности труда составил всего 0,9%, а в 1983—1991 гг. — примерно 1,4%. На основе этих данных Б. Лавровский делает вывод о том, что «длительный этап стагнации сменился продолжающимся до настоящего времени (за исключением кризиса 2008 — 2009 гг.) периодом не просто высокого, но возрастающего в тенденции темпа» [3, 32].

Представляется, что такой оптимистичный вывод несколько преувеличен. Во-первых, в число 30 крупнейших стран попали как ведущие индустриальные страны, так и страны со становящейся экономикой (например, Индия, Китай), в которых наблюдался более быстрый рост и ВВП, и производительности труда, что сказывалось на агрегированных показателях. Во-вторых, временной интервал 1992 — 2010 гг., рассмат-

риваемый в [3], попадает на три периода, выделяемых экспертами ОЭСР, а тенденция к замедлению темпа роста производительности труда характеризует, прежде всего, последний период (2004—2014). Наконец, следует обратить внимание и на низкие темпы экономического роста в посткризисный период, что отражено в табл. 1, которые также не подтверждают тезис о «возрастающей в тенденции темпе» роста производительности труда.

В российской экономике динамика производительности труда в целом повторяла динамику ВВП. Так, производительность труда в России снижалась в 1990-е гг. во время трансформационного кризиса. В период роста экономики 2000-х гг. показатель производительности труда также стал увеличиваться. По оценкам, уровень 1990 г. был достигнут только в 2005 г. [3, 35]. При этом усилился отрыв по производительности от ведущих индустриальных стран: если в США производительность труда в 1990 г. была в 2,5 раза выше российской, то в 2010 г. — уже в 3 раза. Китай и Индия, напротив, сократили свое отставание от России по показателю производительности труда — соответственно в 5 и 2 раза [3, 35].

Исследование отраслевых показателей производительности труда в России дает более точную картину динамики указанного показателя. За период 1995—2008 гг. наивысшие темпы роста производительности труда сложились в производстве электронного и оптического оборудования (накопленный рост в 2,79 раз, что соответствует примерно 5,5% темпу среднегодового прироста), производстве кожи и изделий из кожи (2,54 раза, или 5% в среднем за год), производстве машин и оборудования (2,37 раза, или 4,6% в среднем за год) [2, 138]. Медленнее всего увеличивалась производительность труда в отраслях деревообработки (1,36 раз, или 1,6% в год) и производстве транспортных средств и оборудования (1,32 раза, или 1,47% в год). К сожалению, имеется недостаточно данных для системного анализа отраслевой производительности труда в период после кризиса 2009 г. Агрегированные показатели производительности труда по ВВП, валовой добавленной стоимости (ВДС) в экономике в целом и в отраслях материального производства представлены в табл. 2.

При расчетах производительности труда использовались данные об отработанном времени в человеко-часах. К материальному производству были отнесены виды деятельности: сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство, транспорт и связь.

Анализ данных табл. 2 подтверждает тенденцию замедления роста производительности труда и в России. При этом в отраслях матери-

ального производства эта тенденция выражена слабее, чем по экономике в целом, а сокращение отработанного времени, наоборот, выше. На замедление темпов роста производительности труда в экономике в целом по сравнению с отраслями материального производства могут влиять сложившиеся структурные диспропорции в экономике: чрезмерно разбухший сектор услуг, в котором реально происходит не производство, а перераспределение созданной стоимости, избыточная занятость в сфере услуг, наличие большого количества посредников в сфере оптовой и розничной торговли и т. п. Повышение производительности труда в этих сферах могло бы быть достигнуто в результате оптимизации издержек, сокращения избыточных видов деятельности и разного рода посреднических «услуг». Однако такая оптимизация невозможна без кардинальной смены модели экономического роста, восстановления приоритета реального сектора над финансовым. Сказанное можно отнести и к мировой экономике в целом.

Таблица 2

**Динамика производительности труда и отработанного времени
в экономике России, в % к предыдущему году**

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Производительность труда по ВВП	7,49	7,17	4,78	-5,26	3,17	3,73	3,14	1,81	0,89
Производительность труда по ВДС	7,28	7,08	4,75	-4,15	2,76	3,30	3,15	1,85	1,04
Производительность труда в материальном производстве	5,24	4,01	2,89	-5,51	3,17	5,63	3,73	2,73	1,52
Отработанное время, всего	0,62	1,27	0,45	-2,71	1,29	0,51	0,36	-0,52	-0,18
Отработанное время в отраслях материального производства	-0,05	0,38	-0,69	-3,88	1,59	0,51	-0,22	-1,16	-1,28

Рассчитано по: [4; 6, 182; 7, 214].

Рассмотрим основные причины замедления роста производительности труда в ведущих индустриальных странах и в России.

Эксперты ОЭСР подчеркивают, что технологические сдвиги и связанные с ними процессные и бизнес-инновации больше не приводят автоматически к росту производительности экономики в целом. Напро-

тив, существует риск, что люди менее квалифицированные и с меньшими возможностями останутся на низком уровне производительности, а во многих развивающихся странах — в неформальном секторе. Это снижает совокупную производительность и усиливает неравенство, подрывая усилия экономической политики по повышению производительности и роста экономики.

В частности, наблюдается тенденция усиления отрыва передовых фирм от фирм-аутсайдеров по темпам роста производительности труда. Так, в 2000-е гг. производительность труда в фирмах-лидерах, находящихся на верхней технологической границе производственных возможностей, увеличивалась в среднем на 3,5% в промышленности, по сравнению с 0,5% для фирм-аутсайдеров [8, 17—18]. Этот разрыв заметен и в секторе услуг, где рост производительности труда в ведущих фирмах составлял 5%, а в фирмах-аутсайдерах практически не менялся. К причинам такого разрыва эксперты ОЭСР относят: растущие возможности присвоения ренты фирмами-лидерами; способность этих фирм привлекать ограниченный объем высококвалифицированной рабочей силы, обладающей качественным человеческим капиталом и способной осваивать быстро меняющиеся инновации; а также сохранение на рынке фирм с низким уровнем технологической оснащенности, которые в этой связи используют ценные ресурсы непроизводительно. Высокие технологические барьеры ограничивают возможности новых фирм для входа на рынки, снижая конкуренцию и закрепляя сложившуюся ситуацию.

Технологические факторы оказывают влияние и на процессы усиления неравенства доходов и богатства, прежде всего, через влияние на растущие различия в доходах от труда и капитала. Дисперсия в доходах от труда вызвана долгосрочными структурными изменениями, порождаемыми НТП, а также изменениями в институтах рынка труда и политике занятости. В частности, новые технологии дают преимущество высококвалифицированным работникам, приводят к поляризации рынка труда и размыванию среднего класса. Неравенство доходов усиливается неравенством благосостояния. Люди с наивысшими доходами могут позволить себе лучшую медицину, обучение детей в лучших учебных заведениях. Эти неравенства усиливают друг друга, что ограничивает возможности большинства людей в реализации своего человеческого потенциала, и также оказывает отрицательное влияние на производительность труда в экономике в целом.

На наш взгляд, причины замедления динамики производительности труда не ограничиваются технологическими факторами и неравенством в распределении доходов и богатства. Замедление роста производительности труда в последнее десятилетие приходится на завершение американского системного цикла накопления капитала, согласно *кон-*

цепи системных циклов накопления капитала Дж. Арриги (далее — СЦН) [1]. Завершающему этапу очередного СЦН соответствует фаза финансовой экспансии, когда финансовый сектор начинает доминировать над реальным, а накопление капитала происходит преимущественно при помощи финансовых инструментов. Как было отмечено в [5, 113], наивысшие темпы экономического роста в мире пришлись на период 1950 — 1973 гг., когда мировой ВВП увеличивался в среднем на 5%, а подушевой ВВП рос на 3% в год. Этот период примерно соответствовал фазе материальной экспансии американского СЦН, а ведущую роль играл реальный сектор, что и нашло отражение в высоких показателях роста производительности труда. С середины 1970-х гг. фаза материальной экспансии сменяется фазой финансовой экспансии, особенно ярко выраженной в период усиления глобализации в 1990-е и 2000-е гг. Не случайно, показатели «производительности труда» (а точнее — добавленной стоимости на человеко-час труда) в секторе услуг, по оценкам экспертов ОЭСР, оказались выше, чем в промышленном секторе: в условиях господства «финансомики» сектор услуг по основным параметрам становится лидирующим (а внутри него лидирует, безусловно, сектор «финансовых услуг»).

Доминирование финансового сектора в экономике ведущих стран в 2000-е гг. привело также к их частичной деиндустриализации, а в свою очередь вывоз производств в Китай и другие страны Юго-Восточной Азии положительно сказался на темпах роста экономик указанных стран и повышению производительности труда в них. Решение стоящей на повестке дня не только в России, но и в ведущих западных странах (в том числе США) задачи реиндустриализации (или новой индустриализации) должно привести к выправлению структурных диспропорций между реальным и финансовым секторами, возвращению приоритета реальному сектору экономики и повышению производительности труда в отраслях материального производства. При этом вопрос о формировании нового СЦН остается открытым. С одной стороны, бурное развитие Китая и Индии в последние двадцать лет создало предпосылки для перемещения центра накопления капитала и экономического роста в эти страны, которые могли бы стать ядром нового (азиатского) СЦН. С другой стороны, сохраняющееся превосходство США и ведущих стран Запада в технологическом плане над странами ЮВА оставляет возможность для «перезапуска» американского СЦН при успешном осуществлении политики новой индустриализации. Однако, в отличие от прежних эпох, в настоящее время на Земле не осталось «свободных территорий», которые можно было бы вовлечь с нуля в новый процесс накопления капитала, что обостряет конкуренцию между ведущими экономическими центрами в мировой экономике.

Замедление темпов роста производительности труда в России и тенденция к сокращению количества отработанных часов труда усиливают стоящий перед страной вызов — необходимость перехода к новой модели экономического роста. При этом возможности экономического роста за счет увеличения количества отработанного времени ограничены структурой рабочей силой и неблагоприятными демографическими факторами (в частности, процессом старения населения).

Объективная задача России в этих условиях заключается в проведении политики новой индустриализации двоякого рода. Прежде всего, требуется устранение последствий глубокой деиндустриализации экономики, повышение роли промышленного сектора и его ядра — машиностроительного комплекса в создании добавленной стоимости. Однако такое восстановление не может происходить на прежней технологической основе, поскольку за двадцать пять лет НТП существенно изменил уровень промышленного развития. Поэтому простой *реиндустриализации* (в отличие от США и Западной Европы) для России недостаточно — необходима именно *новая индустриализация*, которая может быть осуществлена только на основе качественного совершенствования производительных сил при переходе к неоиндустриальному типу экономического роста. Для этого необходимо провести масштабное обновление основного капитала на новой технологической основе, осуществить инвестиции в инфраструктурные проекты. В необходимости решения этой задачи Россия не является исключением. Недостаточные инвестиции в физический капитал явились одним из факторов, тормозящих рост производительности труда в развитых странах [8]. Другой фактор замедления роста производительности труда — растущее социальное неравенство — также актуален в условиях российской экономики. В русле перехода к новой модели экономического роста на основе неоиндустриальной парадигмы необходима активная государственная политика по преодолению чрезмерного социального неравенства. Это позволит увеличить производительность труда и повысить темпы роста экономики, что в свою очередь, отразится и на повышении уровня доходов и благосостояния.

Проведение политики новой индустриализации требует кардинального пересмотра сложившейся официальной доктрины экономического развития страны, перехода от мелких институциональных усовершенствований в уповании на свободные силы рынка к активной структурной и промышленной политике, внедрения инструментов прогнозирования, программирования и стратегического планирования экономики в практику экономической политики, подчинения денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики не краткосрочным задачам финансовой стабилизации и «таргетирования инфляции» за счет удуше-

ния реального сектора, а долгосрочной задаче экономического роста и увеличения производительности труда, и, как следствие, сокращения социального неравенства и повышения уровня и качества жизни подавляющего большинства населения.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
2. *Зайцев А.А.* Производительность труда в отраслях обрабатывающей промышленности России: динамика и межстрановые сопоставления // *Экономическая наука современной России*. 2015. № 4.
3. *Лавровский Б.* Оценка производительности труда в России и мире // *Экономист*. 2014. № 12.
4. Росстат // <http://www.gks.ru>.
5. *Теняков И.М.* Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала // *Философия хозяйства*. 2016. № 2.
6. Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2011.
7. Труд и занятость в России. М.: Росстат, 2013.
8. The productivity-inclusiveness nexus. OECD. Paris, 2016 // <http://www.oecd.org> (1—2.07.2016).
9. World Economic Outlook Database, October 2016. IMF // <http://www.imf.org>.

Г.В. МИХАЙЛОВА

Позитивная и нормативная концепции в информационной составляющей управления финансовыми результатами

Аннотация. В статье рассмотрено влияние позитивной и нормативной теоретических концепций на основные методологические подходы по определению финансовых результатов. Показаны относительные преимущества и недостатки обоих подходов, их интеграционные возможности. Критически осмыслены адаптационные возможности отечественных экономических реалий по заимствованию и конкретному использованию зарубежных, прежде всего англо-американских, теорий оценки информационного обеспечения финансовой результативности.

Ключевые слова: креативный учет, профессиональное суждение, финансовый результат, социальная ответственность.

Сохранение существенных различий между оценками стоимости бизнеса, попытки отдельных стран посредством односторонних действий (включая бухгалтерские методики) получить преимущества в формировании благоприятной бизнес-среды лишь усиливают неопределенности в мировой финансовой системе. Нейтрализация таких тенденций во многом будет зависеть от эффективности подбора и гармонизации учетных систем, базирующихся на адаптивных возможностях управленческого, налогового, стратегического и финансового учета в рамках концептуальных установок теории капитала [2, 19].

Многие страны бывшего СССР в той или иной степени внедрили в экономическую практику Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО). Как отмечал профессор В.Я. Соколов, в основе МСФО лежит миф об их глобальных преимуществах. Утверждается, что они созданы в интересах международных корпораций и инвесторов, чтобы легче было составлять консолидированную отчетность, облегчать им перемещения капитала из одной страны в другую. Выдвигалось еще множество причин, однако решающее значение имеет только одна: необходимость облегчить заключение договоров купли-продажи ценных бумаг. Это юридическая причина, но она — следствие причины экономической: необходимости экспорта финансового капитала, а это не просто причина, это первопричина. Естественно, международные корпорации созданы на деньги международных акционеров и цель у них одна — создание условий для возможной максимизации своих прибылей. Поэтому методология экономического, финансового и учетного результата переходит в руки тех, кто получает и продает предприятия, а когда речь идет о покупке предприятия, то возникает вопрос: что покупается? И тут возможно два ответа: один подразумевает покупку капитала; другой — активов (чистых активов) [5].

Основная проблема перехода на Международные стандарты в России связана с уходом от стандартного набора методик к использованию метода профессионального суждения. В основе современной экономической системы России лежит неолиберальная модель, подчиняющая общество частным интересам отдельных людей, проблемам хозяйственного выбора и эффективного использования ресурсов. Все завязано на потребительском поведении и максимизации прибыли при ограниченных ресурсах. В этом связи использование в качестве основного методологического приема профессионального суждения может привести к необратимым последствиям. Многие отечественные экономисты указывают на то, что способы, используемые в оценке активов и обязательств, порядок определения прибыли самым серьезным образом влияют на судьбу коммерческой организации. Как показывает между-

народный опыт, манипулирование финансовой отчетностью достигло пика в англо-американской учетной системе, в основе которой лежит именно профессиональное суждение. Финансовый кризис 2008 г. показал во многом не состоятельность справедливой оценки и неспособность современной финансовой отчетности отвечать вызовам времени, т.е. ее низкая ценность для принятия решения на мезо- и макроуровнях.

Экономическая жизнь в России практически всегда испытывала западное влияние, не остался в стороне и финансовый учет [6, 6]. Несмотря на то, что российская национальная учетная модель изначально была подвержена влиянию континентальной системы и развивалась как система производственного учета, где во главу угла была поставлена калькуляция продукции, работ, услуг (фактически нормативная теория), в логике расчета главного показателя финансового результата в настоящий момент используется англо-американская модель.

Эпоха реформирования, когда многие отечественные предприятия не смогли вписаться в новые схемы, а первые годы характеризовалась огромным количеством банкротств, что требовало переосмысления экономических и финансовых механизмов образования прибыли. Однако в полной мере такого экономического переосмысления осуществлено не было, а по сути дела, была скопирована североамериканская модель формирования прибыли, что практически не коррелировалось с отчетной макроэкономической средой. Поэтому между отечественной и североамериканской макроэкономическими средами продолжает существовать огромная разница. Более того, североамериканское представление о финансовом результате оказалось не просто заимствовано, а внедрено в советскую практику учета. Отсюда возникают большие сложности с уровнем релевантности отражения формирования и использования финансовых результатов. Достаточно указать на то, что российский фондовый рынок носит весьма неразвитый характер, а главными потребителями финансовой отчетности являются не инвесторы, а фискальные органы [1, 62].

Для целей данной работы остановимся более подробно на положениях англо-американских учетных концепций и рассмотрим их влияние на современную мировую и российскую учетную практику.

Широкое использование позитивизма в экономической науке (в частности, теоретико-методологические взгляды М. Фридмана) оказало существенное влияние на становление позитивной теории в учете [4, 56]. Цель внедрения позитивизма в экономическую практику, по мнению Р. Уотса и Д. Циммерманна (стоявших у истоков позитивной теории учета), необходимость обоснования давления на процесс стандартизации финансового учета, — объяснение эффекта влияния различных стандартов на отдельных субъектов, объяснение желаний различ-

ных групп субъектов расходовать ресурсы для влияния на процесс стандартизации. Позитивная теория была теорией идеологической направленности, поскольку поддерживалась символической фигурой М. Фридмана и политикой регулирования Р. Рейгана.

Начиная с середины 1970-х гг. и до нашего времени позитивная теория, базирующаяся на положениях неоклассической экономической теории, портфельной и аргентинской теориях, стала главенствующей методологией в развитии теории бухгалтерского учета. Влияние позитивистов хорошо заметно в Международных стандартах. Так, профессор В.В. Ковалев отмечает хорошо узнаваемую терминологию: «ценность», «рыночная стоимость», «справедливая стоимость», «активный рынок». Современный американский позитивизм представлен научными школами университетов Массачусетс, Рочестер, Стэнфорд, это можно определить по направлениям научных исследований [4, 58]. Большое количество исследований, начиная с середины 1990-х гг., связано с адаптацией бухгалтерской информации для потребностей рынка капитала, особенностям ее восприятия пользователями. Также актуальны вопросы креативного управления прибылью. Креативный учет определяется неоднозначно, особенно в свете последствий финансового кризиса 2008 г. Национальные экономические системы в большинстве своем исторически ориентированы на материальное производство. Основное внимание всегда уделялось производственным ресурсам (рабочей силе, зданиям, оборудованию, сырью) и производимой из этих ресурсов продукции для реализации или внутреннего потребления. В эпоху виртуальных активов сама экономическая система становится виртуальной. Масштабы на рынках виртуальных активов сегодня просто астрономические. Эти рынки не контролируются ни биржами, ни государством. Накануне финансового кризиса соотношение между оборотами на рынках виртуальных и реальных активов измерялось десятками раз в пользу виртуальных.

Если менеджер реализует свое профессиональное суждение в угоду вторичного финансового рынка, этим он облакает аморфные объекты в активы, относя их на счета финансового учета. Цены на производные инструменты определяются под влиянием ожиданий, а поскольку ожидания зачастую субъективны, то легко можно добиться «нужных» ожиданий. Но следует отметить, что цены, которые складываются на рынке виртуальных активов, непосредственно влияют на цены реальных активов, удешевляя или удорожая их. Это новый механизм ценообразования, который пришел на смену закону спроса и предложения.

Для того чтобы удержать экономику на плаву, после обвала финансового рынка в некоторых странах, в первую очередь в США, была

изменена методология определения справедливой стоимости. Чтобы на такие «виртуальные» активы назначать фиктивные цены, «Совет по стандартам финансовой отчетности» (Financial Accounting Standards Board, FASB) изменил ряд положений в правилах финансовой отчетности, в частности, ст. 157—3. Совет опубликовал новое руководство, проясняющее применение стандарта FAS № 157 «Измерение по справедливой стоимости» в условиях, когда активность на каком-либо рынке практически отсутствует. Суть изменений состоит в том, что менеджерам корпораций дается возможность шире использовать оценку неликвидных активов на основании абстрактных математических моделей с использованием предполагаемых ненаблюдаемых параметров. Условно говоря, если рынок отсутствует, создается его виртуальная математическая модель, в которой рынок как бы существует, и на основании этой модели активы оцениваются и попадают в учетно-финансовую модель [3].

Перед рядом корпораций открываются возможности фальсификации отчетности путем сокрытия реальных убытков за счет выгодной оценки неликвидных активов. Фактически это может способствовать лишь ухудшению реальной эффективности мер по преодолению кризиса, поскольку суть нововведений сводится просто к накачке ликвидностью банковской системы. И уже не важно, что в результате экономическая модель отрывается от реального рынка и становится виртуальной экономической моделью, главная цель дать финансовой машине еще некоторое время поработать. Позитивная теория учета распространяет предположение об эгоизме на всех индивидов, благосостояние которых может зависеть от учетных процедур или методов. Естественно, что эгоистические цели иногда вступают в противоречие и то каким образом разрешается этот конфликт целей, играет значительную роль в установлении существующих учетных методов и практических процедур [7, 194].

Английский позитивизм развивался несколько по иному пути, в настоящее время в учете он связан с социологическими и организационными сторонами. Учет ориентирован на включение общественно-гуманитарных наук в объект своего исследования, подчеркивается значимость социальных аспектов бухгалтерского учета.

Нормативная теория возникла раньше позитивной, но в свое время уступила ей позиции на англоамериканском учетном пространстве. Новое возрождение интереса к нормативной теории связано в первую очередь с необходимостью предоставления информации социального и экологического характера. Как следствие осознания мировым сообществом ответственности за последствия индустриализации, появилась Концепция устойчивого развития. В рамках данной концепции позитив-

ная теория оказалась неспособной решать вопросы, связанные с разработкой интегрированного подхода (социального, экологического, интеллектуального, человеческого факторов). Социальная ответственность постепенно формируется в теорию с конца 1960-х — начала 1970-х гг. первоначально в Германии, а затем в Японии, США и Великобритании.

Концепция социальной ответственности бизнеса является антиподом теории корпоративного эгоизма М. Фридмана.

Некоторые различия в оценке целей функционирования бизнеса и определения основных показателей представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Основные критерии финансовой результативности бизнеса
(нормативная и позитивная теории)**

Критерий	Позитивная	Нормативная
Стоимость предприятия	Стоимость предприятия зависит от потенциальной рентабельности	Стоимость предприятия зависит от рентабельности
Главная отчетная форма	Баланс	Отчет о финансовых результатах
Прибыль	Рассматривается как прирост чистых активов	Прибыль рассматривается как кругооборот капитала
Эффективность бизнеса	Потенциальная способность приносить прибыль через управления собственностью	Эффективность работы предприятия
Интерес со стороны инвесторов	Оцениваются ресурсы, которыми обладает предприятие	Оценивается само предприятие (его прибыльность или убыточность)
	Стоимость акций	Финансовый результат

Как мы отмечали выше, эпоха господства международного финансового капитала устанавливает правила, основанные на субъективном (профессиональном) суждении.

Превалирующие собственники финансового капитала не раз меняли полностью методологию отражения финансово-хозяйственной деятельности. Первоначальное господство финансового капитала (в эпоху меркантилизма) подогрело интерес к расчету платежеспособности самого предпринимателя. Затем в эпоху господства промышленни-

ков и предпринимателей акцент сместился к оценке прибыльности бизнеса, рентабельности. Позитивная концепция возвращает процесс обратно — вновь интересы инвесторов, потенциальных покупателей, финансовых спекулянтов сосредоточены на ликвидности.

Для российской учетной системы исторически ближе нормативная теория. Большинство положений этой теории могут быть встроены в Концепцию устойчивого развития, поэтому любые попытки внедрения в учетную практику новых методик и подходов должны критически переосмысливаться и адаптироваться к конкретно складывающимся экономическим реалиям отечественной экономики.

Литература

1. Белоусов А.И. Учетная мысль: эволюция развития: Монография. М.: Вузовская книга, 2011. 160 с.
2. Белоусов А.И., Михайлова Г.В. Экономические риски и их отражение в учете в условиях мировой финансовой неопределенности // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 41 (191). С. 18—25.
3. Голубовский Д. Мировой кризис — глобальное мошенничество США? [Электронный ресурс] // Эко Планеты (2009) // <http://www.ezocat.ru/index.php/mir-krisis-ks/389-krisis-global-cheat>.
4. Легенчук С.Ф. Тенденции развития теории бухгалтерского учета в англоязычных странах // Международный бухгалтерский учет. 2010. № 8 (140). С. 53—63.
5. Соколов Я.В., Соколов В.Я. Международные стандарты и мы // Юрист и бухгалтер. 2001.
6. Теоретико-прикладные аспекты современного функционирования бухгалтерского учета: Монография / Под научн. ред. Г.В. Михайловой. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 367 с.
7. Ткач В.И., Шумейко М.В. Инжиниринговая теория бухгалтерского учета. Азов: ООО «АзовПечать», 2013. 460 с.

А.В. АНДРЕЕВА, А.С. ОРОБИНСКИЙ

Финансовые инструменты технологии обеспечения политики неоиндустриализации

Аннотация. В работе представлены финансовые инструменты, обеспечивающие поддержку политики неоиндустриализации, результатом которой может выступить рост производительности труда, развитие

агропромышленного производства за счет автоматизации и импортозамещения, а также рост российской экономики в целом. Для перехода к реализации концепции нового индустриального роста отечественной хозяйственной системе необходимы дополнительные ресурсы и новые инвестиционно-финансовые инструменты, основанные на внедрении новейших технологий в сферу корпоративного финансового управления и риск-менеджмента.

Ключевые слова: «индустрия 4.0», мультипликативный эффект, неоиндустриализация, новые финансовые технологии, инструменты поддержки промышленности, финансовые инструменты, «цифровизация» экономики.

Финансовые инструменты, обеспечивающие поддержку фонда развития промышленности, увеличиваются качественно и количественно за счет программ Правительства Российской Федерации. В сфере машиностроения уже запущен целый ряд проектов с использованием инструментов фонда развития промышленности. Этот инструмент работает эффективно. Например, помимо дополнительных мер качественного характера по сопровождению значимых проектов, в 2016 г. за счет государственной поддержки в 2 раза увеличен уровень капитализации фонда развития промышленности, который составляет сегодня более 40 млрд р. Фонд развития промышленности объемом 20 млрд р. был создан в 2014 г. при Минпромторге как институт развития и поддержки импортозамещающих производств. Этот фонд, взаимодействуя с банками, выдает кредитные ресурсы под 5% инновационно ориентированным промышленным предприятиям. При этом за 2015 г. фонд развития промышленности одобрил 11 промышленных инвестиционных проектов, а за 2016 г. — уже 17, на сумму 80 млрд р. [5].

Для осуществления качественного скачка в промышленной индустрии новые информационно-финансовые технологии, внедренные в бизнес и промышленность, должны достичь критической массы. Одним из современных инструментов для информационно-финансового управления развитием неоиндустриализации выступает «интернет вещей» (Internet of Things). Новые технологии, объединяемые этой категорией, позволяют системно повысить производительность труда и эффективность затрат в ключевых отраслях промышленности, сельском хозяйстве и транспортно-логистическом комплексе, которые в настоящее время развиваются по модели «цифровизации» экономики. Таким образом, можно говорить о формировании нового концепта развития экономики на основе концентрированного вида интеллект-продукта [2, 9].

Например, технология блокчейн реализует конкурентные преимущества проведения финансовых контрактов на основе снижения

издержек взаимодействия экономических агентов, обеспечения информационной открытости и действенного контроля над операционными рисками. Технология блокчейн способствует финансовой безопасности проведения операций модернизации бизнес-процессов и сложно организованных централизованных структур. Применение блокчейн для осуществления финансовых операций позволяет обеспечивать высокое качество реализации контрактов между экономическими агентами цифровой экономики.

Цифровая экономика закладывает основу для значительного сокращения издержек в промышленности и роста производительности труда. Столетие назад индустриальная модель развития экономики изменила структуру промышленного производства развитых стран. Внедрение информационно-сетевых и информационно-финансовых технологий, создание инновационных систем передачи данных и развитие системы Интернета обеспечили рост количественных и качественных изменений в мировой индустрии, способствующих развитию промышленного производства. Неоиндустриализация привела к изменению и технологической основы производства, когда информационно-сетевые технологии превратились в доминирующий фактор обеспечения развития современного бизнеса и стали обеспечивать передачу структурированной информации по сетевым каналам. Информационные технологии, квантовые технологии и биотехнологии направлены на интеграцию с целью создания новой виртуальной реальности.

Финансово-технологические стартапы по качеству бизнес-процессов, информационной адаптивности, финансовой прозрачности и скорости проведения операций сегодня успешно конкурируют с финансовыми организациями и компаниями различных форматов из разных отраслей экономики. Инновационные компании, реализующие конкурентные преимущества через информационные сервисы, способны оказывать влияние на деятельность компаний традиционных отраслей экономики.

В настоящий период времени электроэнергетика переживает качественные технологические изменения, сопоставимые с революцией в телекоммуникационных системах: традиционный сектор имеет все шансы предоставить клиентам сервис, который полностью изменит их представление об электроэнергетике. В 2008 г. около 70% прибыли электроэнергетикам приносила традиционная генерация, в 2016 г. генерация финансовых потоков за счет этих факторов сократилась более, чем в два раза. Наиболее перспективной тенденцией отрасли в условиях перехода к модели неоиндустриализации являются развитие распределенной генерации, умных сетей и систем хранения электроэнергии, требующих информационной и финансовой поддержки.

Технология «интернет вещей» демонстрирует важные стратегические преимущества в условиях развития неоиндустриализации перед другими прорывными технологиями. Эти преимущества связаны с инновационной инфраструктурой. Прорывные технологии интернета предполагают развитие нового формата инфраструктуры мобильных и фиксированных сетей. Многие элементы инновационной инфраструктуры для развития программы неоиндустриализации уже созданы, поэтому перспективное развитие финансовых инструментов в этой области обеспечит развитие новых сегментов цифровой экономики, связанное с дальнейшим внедрением сенсоров и различных информационно-сетевых приложений.

Внедрение технологий «интернета вещей» для реализации новых программ индустриального развития происходит по инициативе как государства, так и бизнеса. Например, в странах Евросоюза, Южной Кореи, Китае и Индии разрабатываются инновационные технологии, обеспечивающие рост эффективности управления рисками промышленных предприятий, модернизацию систем управления энергопотреблением и транспортно-логистическими потоками. В отечественном индустриальном производстве при внедрении инновационных технологий управления важно добиться устойчивого мультипликативного эффекта, который технологии «интернета вещей» могут оказать на обеспечение восстановительного роста экономики за счет сокращения издержек. увеличения продаж и роста производительности труда. Внедрение «интернета вещей» будет способствовать сокращению инвестиционных затрат на финансирование этих проектов, снижению издержек на техническое обслуживание и ремонт производственных активов, повышению энергоэффективности индустриальных компаний, оптимизации сервисных услуг, модернизации транспортных и логистических потоков [1].

Инновационные технологии являются важнейшим условием развития неоиндустриального производства, но для развития новых форматов индустрии недостаточно начать применение этих технологий. Необходимо провести административную реформу, создать институты поддержки инноваций и разработать финансовые инструменты, обеспечивающие привлечение инвестиций в национальную промышленность и агробизнес. Новые финансовые технологии, основанные на горизонтальной кооперации, обеспечат экономическую безопасность и длительную устойчивость российским компаниям индустриального сектора.

Для расширения функциональности финансовых инструментов Российская Федерация начинает программу размещения части своих резервов в юанях, это сделает финансовую ситуацию в российской промышленности более стабильной, так как качество юаня как резервной

валюты соответствует высокому уровню развития экономики Китая, что подтверждается экспертами глобальных финансовых институтов.

Для устойчивого развития глобализирующейся финансовой экономики необходимо, чтобы мировая валютная система состояла из мультивалютного блока, она должна стать мультивалютной. Одним из инструментов, обеспечивающих устойчивость мультивалютной системы, выступает использование юаня в качестве резервной валюты.

Начало использования новых современных финансовых технологий, в том числе технологии блокчейн, многократно упростит методы инвестиционно-финансового регулирования, обеспечит экономическую безопасность национальных финансовых систем стран, стремящихся к экономическому и технологическому росту. Устойчивые финансовые инструменты должны обеспечить защиту российской промышленности от действующих секторальных санкций и от влияния рыночных рисков. Российская промышленность нуждается в расширении антикризисных инструментов государственной поддержки, прежде всего, новых финансовых инструментах. Правительство Российской Федерации внедряет стратегические инструменты стимулирования экономики, призванные создать новые точки роста промышленного сектора в русле новой индустриализации и ускорить темпы экономического роста. К новым финансовым инструментам можно отнести субсидирование кредитной ставки, использование ресурсов фонда поддержки развития промышленности, лизинговые программы, инструменты страхования предприятий, работающих на экспорт или осуществляющих эффективную внешнеэкономическую деятельность на основе инновационных технологий.

К новым финансовым инструментам, стимулирующим рост мировой экономики, можно отнести индекс KBW NASDAQ Financial Technology (KFTX), сформированный на основе данных 49 публичных финансово-технологических компаний. Совокупная капитализация финансово-технологических компаний составляет в настоящее время около 800 млрд дол. В числе компаний, вошедших в индекс, выделяются мощные финансовые операторы: платежные системы Visa, MasterCard и American Express, система денежных переводов Western Union, биржи NASDAQ, CBOE, CME и ICE, провайдер индексов MSCI, рейтинговые агентства Moody's и S&P, провайдеры финансовой информации Thomson Reuters и FactSet Research, а также относительные новички — платежная система PayPal Holdings и платформа взаимного кредитования LendingClub.

Вместе с тем индекс KFTX не фокусируется на финтех-стартапах, поскольку некоторые крупные финансовые компании делают много для перевода финансовых услуг в цифровой формат, можно выделить круп-

ные компании, которые уже предоставляют финансовые услуги, основанные на инновационных технологиях.

Рост популярности технологий анализа больших данных и мобильных технологий и некоторая разобщенность финансового сектора привели к огромному интересу к сектору финансовых технологий. К финансово-технологическим компаниям инновационного типа KBW и NASDAQ относят те, которые продают финансовые услуги, ориентированы на электронный бизнес и зарабатывают в основном на комиссионных. В индекс включены компании, торгующие на биржах NASDAQ или NYSE, с капитализацией не менее 500 млн дол., среднесуточной оборот которых составляет не менее 150 000 акций.

В настоящее время финансово-технологические компании интересуются проблемами формирования альтернативной электроэнергетики. В России у альтернативной электроэнергетики перспективы сдержанные — из-за избытка мощности в энергосистеме и ограниченности финансовых ресурсов. Например, распределенная генерация на основе применения ветряных или солнечных установок может значительно упростить электроснабжение изолированных регионов. В 2016 г. «Росатом» выиграл конкурс и построит на собственном оборудовании 610 МВт ветряной генерации до 2020 г.

Обеспечить рост эффективности энергетической отрасли помогут и так называемые «умные сети». Например, в корпорации «Сколково» уже воплощаются первые проекты таких инновационных сетей. Новые технологии способны полностью изменить формат электронно-сетевого бизнеса, они будут содействовать развитию новых финансово-технологических компаний, которые снизят зависимость потребителей от национальных сетей.

Новая индустриальная экономика создает предпосылки применения новых инструментов и технологий в следующих областях: 1) в приборах учета; 2) в приложениях для клиентов; 3) в сфере автоматизации сетей; 4) для интеграции распределенной генерации и электромобилей.

В первом случае речь идет об интеллектуальных счетчиках, а также об информационно-сетевых системах, обеспечивающих устойчивые связи между приборами учета и промышленным оператором энергосистемы. Установка интеллектуальных счетчиков, несмотря на ряд преимуществ, занимает достаточно много времени. В России пилотным внедрением интеллектуальных счетчиков занимается компания «Башкирэнерго», которая к 2020 г. планирует установить порядка 100 тыс. таких счетчиков в Уфе. Отметим, что для установки интеллектуальных счетчиков для всех потребителей в России потребуется около 10 млрд евро [1].

Для развития таких инновационных программ существующую инфраструктуру необходимо модернизировать под потребности умных сетей. Для этого следует использовать оптоволокно, которое расширит спектр услуг передачи данных, а система мониторинга сетей станет более совершенной. А генерирующие компании получают информацию о потреблении электроэнергии в режиме реального времени, следовательно, смогут повысить точность долгосрочного прогнозирования спроса и оптимизировать загрузку мощностей. Достаточно перспективными для развития нового индустриального производства являются новые технологии и оборудование для быстрого выявления и устранения поломок в сети, например, для операций контроля за напряжением в сети. Длительность перебоев в энергоснабжении — один из важнейших показателей эффективности менеджмента в условиях неоиндустриальной модели развития экономики.

Без применения информационно-коммуникационной инфраструктуры развитие модели «умных сетей» будет проходить медленно. Информационно-коммуникационная инфраструктура помогает оператору обеспечивать качество и безопасность электроснабжения, вести планирование и управлять активами, а также внедрять новые бизнес-модели. Адаптированные информационно-коммуникационные системы собирают информацию и анализируют ее с применением качественных методов обработки больших данных. Например, использование сетевых данных о местах наиболее частых поломок позволяет снизить число аварий и оптимизировать плановые ремонты.

Информационно-коммуникационные системы играют приоритетную роль в формировании отношения потребителей ко всему энергетическому сектору: колл-центры, системы управления отношениями с клиентами и биллинговые платформы помогут российским энергетическим компаниям перейти к обслуживанию абонентов онлайн.

В России внедрение новых технологий в индустриальную отрасль осложняется коротким горизонтом планирования отечественных компаний. Есть и дополнительные ограничения: сложность изменения внутренних процессов, регламентов, документооборота, подходов к получению и обработке информации, сложность интеграции технологий «интернета вещей» в действующую систему информационного управления корпорацией. Как показал международный опыт, технологии «интернета вещей» могут обеспечить рост энергоэффективности и сократить затраты на обслуживание производственных активов [3].

Трансформацию этого сегмента стоит начать с энергетических компаний, так как рост их тарифов уже ограничен и установлены цели по сокращению инвестиционных затрат. Стимулировать их можно за счет совершенствования регуляторной базы, законодательных требова-

ний по внедрению технологий, налоговых льгот и льготных кредитных линий, субсидий, развития отраслевых фондов.

Глобальные изменения информационных технологий, например, развитие 3D-принтеров переформирует логистические цепочки поставок в российском транспортно-промышленном комплексе. 3D-печать принесет качественные изменения в организации бизнеса корпораций разных отраслей. Инновационные компании с помощью развития цифровых технологий получили возможность печатать большинство необходимых компонентов, а не заказывать их у поставщиков. Конкурентные преимущества новых технологий определяет разница в стоимости напечатанных компонентов оборудования и произведенных традиционным способом, которая составляет 50—60%. Технология 3D-печати способна полностью автоматизировать все процессы в большинстве строительных компаний глобальной экономики. Информационно-сетевые технологии обеспечивают реализацию сложных архитектурных объектов при минимальных инвестициях. Инновационные принтеры могут производить при фиксированных затратах сооружения любой формы. В настоящее время в строительной отрасли для реализации каждого уникального объекта разрабатываются столь же уникальные технологии. Однако строительные 3D-принтеры находятся на начальном уровне развития. Технологии 3D-печати только выходят на рынок и не очень распространены в строительной отрасли, так как имеют невысокую производительность, например, до 1 м³ в час [4].

Развитие трехмерных принтеров предоставит новые возможности для создания уникальных проектов: воплощение гениальных идей не будет требовать огромных инвестиций. Для строительства применяются порталные принтеры, в основании которых направляющие рельсы, по ним передвигается конструкция с головкой, которая слой за слоем, согласно переданному в принтер G-коду, печатает из бетонных смесей изделия любой формы — от скамеек и скульптур до перегородок и стен зданий, в соответствии с нарисованным в любом графическом редакторе проектом. Технология напоминает монолитное строительство, но имеет преимущества, связанные с высокой скоростью и точностью печати. Применение трехмерных принтеров, предоставляет возможность конструировать элементы любой формы. Эта технология немногим отличается от панельного домостроения. В строительстве 3D-принтеры можно применять для создания элементов здания в заводских условиях. Непосредственно на стройплощадке применять эти технологии не совсем удобно из-за ограниченных размеров.

Несмотря на ряд ограничений, печати зданий прямо на фундаменте уже происходят. Самая перспективная область применения порталных 3D-принтеров в строительстве — создание уникальных, слож-

ных частей зданий с минимальными усилиями в короткие сроки. Следовательно, порталные 3D-принтеры интегрируются в современные строительные технологии, а также обеспечивают их модернизацию. С помощью технологии 3D-печати компании инновационного типа обеспечивают рост производительности труда, становятся более конкурентоспособными.

Литература

1. Каким отраслям несут угрозу новые технологии // Ведомости. 2017. 5 янв. // <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/29/671732-otraslyam-ugrozu-novie-tehnologii> (дата обращения: 23.01.2017).
2. Осипов Ю.М. О концепте России (актуализация концептуального управления в Российской Федерации) // Философия хозяйства. 2015. № 2.
3. Перевощикова М. Московские девелоперы начинают тестировать 3D-принтеры // Ведомости. 2016. № 4218. 06 дек. // <http://www.vedomosti.ru/realty/articles/2016/12/07/668278-developeritestirotat-3d-printeri> (дата обращения: 23.01.2017).
4. Петлевой В.С Rusal выходит на рынок 3D печати // Ведомости. 2016. 6 июля // <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/07/06/648156-rusal-3d-pechat> (дата обращения: 23.01.2017).
5. Путин решил дополнительно поддержать фонд развития промышленности // Ведомости. 2016. 29 дек. // <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/12/29/638262-putin-fond-promishlennosti> (дата обращения: 23.01.2017).

И.А. ДУБИК

Транспортный комплекс России в координатах системного перестроения национального хозяйства страны

Аннотация. Статья посвящена противоречиям современного состояния транспортного комплекса России и их влиянию на осуществление системного перестроения национального хозяйства страны. Рассматриваются промежуточные результаты реализации транспортной стратегии России до 2030 г. Анализируются факторы, препятствующие развитию транспортного комплекса страны, и причины их возникновения.

Ключевые слова: транспортный комплекс России, мировая транспортная система, транспортная стратегия, индустриализация, неоиндустриализация.

Сегодня необходимость системного перестроения экономики России очевидна и подтверждена большим количеством исследований, проведенных в самых разных сферах деятельности. Названы и его возможные ориентиры, такие как новая индустриализация страны, переход к шестому технологическому укладу, интенсивное развитие территорий Сибири и Дальнего Востока, освоение Арктики.

Мировая история развития транспорта, в свою очередь, показывает, что ни одно значительное преобразование не происходило без сопутствующей трансформации транспортной системы.

Ярким подтверждением этому может служить советский период роста экономики страны. При этом развитие транспортных отраслей на всех этапах было приоритетным. К середине 1980-х гг. в транспортной отрасли страны были реализованы проекты векового значения, а количественные показатели работы транспорта достигли исторических максимумов. «Грузооборот всех видов транспорта за годы советской власти увеличился более чем в 90 раз, пассажирооборот вырос в 44 раза». Мощное развитие получили морской и внутренний водный транспорт. «Морской флот СССР обеспечивал до 80% советских внешнеторговых грузов. Внутренний водный транспорт по грузообороту занимал второе место в мире после США» [7]. «Речной транспорт СССР состоял из 30 пароходств, 150 крупных портов и более 100 судоремонтных и судостроительных заводов» [6].

Несмотря на имеющиеся недостатки и диспропорции, советская транспортная система отвечала потребностям экономики страны, способствовала сохранению ее целостности и имела потенциал для дальнейшего развития.

Слом и последовавший в начале 1990-х гг. крах СССР привели к крупномасштабному структурному кризису. В транспортной отрасли, как и в экономике в целом, он проявил себя:

- разрушением сложившихся логистических цепочек;
- колоссальным падением объемов перевозок грузов и пассажиров;
- потерей конкурентоспособности, банкротством и ликвидацией значительной части отечественных транспортных предприятий;
- вытеснением российских компаний с мирового и внутреннего рынков транспортных услуг.

Основной целью реформирования транспортной отрасли в постсоветский период была ее интеграция в мировую транспортную систе-

му. Переход страны от плановой экономики к рыночной проводился по принципу «шоковой терапии». Но транспортный комплекс СССР преимущественно был ориентирован на внутренние потребности советской экономики и поэтому вполне закономерно не смог одномоментно встроиться в мировую транспортную систему на равных условиях. Более того, к началу 1990-х гг. мировая транспортная система уже пережила ряд важнейших транспортных революций, определивших основные тренды развития мировой транспортной системы на долгосрочный период. В качестве стран-лидеров транспортной сферы утвердились лидеры мировой экономики — США, страны ЕС, Япония, Китай и Южная Корея.

Стремительная либерализация экономики России привлекла на ее новообразовавшийся рынок огромное количество иностранных промышленных предприятий, в том числе крупные транснациональные корпорации. Входя на российский рынок, они создавали спрос на рынке транспортно-логистических услуг, для удовлетворения которого приглашались крупные транспортно-логистические компании, являющиеся их давними партнерами.

В результате иностранные транспортные компании не просто получили возможность свободного входа на российский рынок транспортных услуг, но и во многом сформировали принципы его будущего функционирования. Лишившись государственной и не приобретя корпоративной поддержки, отечественные перевозчики, а вслед за ними и отрасли транспортного машиностроения, стали естественным образом деградировать.

В 2000-х гг. в функционирующей по западным образцам российской рыночной экономике появились элементы индикативного планирования в виде федеральных целевых программ и стратегии развития на долгосрочный период.

В тексте транспортной стратегии РФ до 2030 г., принятой в 2008 г., подчеркивалось, что «при переходе к интенсивному, инновационному, социально ориентированному типу развития страна стремится стать одним из лидеров глобальной экономики, что требует адекватных стратегических решений по развитию транспортного комплекса на долгосрочную перспективу» [9].

Реализация транспортной стратегии предполагала два этапа. До 2015 г. предполагались восстановление, обновление и дополнение разрушенного каркаса транспортного комплекса, а с 2015 до 2030 г. переход на качественно новый уровень функционирования транспортной системы.

Анализ результатов работы транспортного комплекса страны в 2013 г., за два года до предполагаемого завершения 1 этапа, показал

отставание фактических значений основных показателей от прогнозируемых. Фактический объем перевозок грузов и пассажиров, грузооборот и пассажирооборот не достигли прогнозируемых показателей транспортной стратегии ни по инерционному, ни по энергосырьевому, ни по инновационному сценариям развития.

Более детальный анализ выявил продолжение деградации отечественного транспортного машиностроения.

1. Степень износа основных фондов организаций транспорта в 2013 г. в среднем по всем видам транспорта составила 37,1%, что на 4,2% больше, чем в 2010 г.

2. Возрастная структура парка гражданской авиации старше 15 лет в 2013 г. составила 61,6% против 42,1% в 2000 г.

3. Доля речных судов, построенных до 1969 г., составила более 30% по всем видам речных судов.

4. Более 50% парка легковых автомобилей составили автомобили иностранного производства. Доля иностранных грузовых автомобилей возросла до 40%.

5. Удельный вес воздушных судов иностранного производства в общем пассажирообороте вырос к 2013 г. до 87%.

6. Общий импорт транспортных средств из стран дальнего зарубежья увеличился в денежном выражении к 2013 г. по сравнению с 2010 г. на 42,7% с 27 млрд дол. до 47 млрд дол.

7. Наличие морских судов сократилось к 2013 г. по сравнению с 2000 г. на 29,5% — с 3908 до 2757 шт. Произошло значительное уменьшение количества судов для перевозки генеральных грузов, контейнеровозов, доковых судов, баржевозов, рыболовных судов. Доля грузов, отправленных в крупнотоннажных контейнерах, в общем объеме грузов, отправленных в 2013 г., составила всего 9,2%. С 2010 по 2013 г. было построено только одно самоходное сухогрузное судно [8]. При этом, по данным UNCTAD, за 2015 г. в списке 50 крупнейших мировых линейных контейнерных перевозчиков нет ни одной российской компании.

Закономерно, что в 2014 г. была подготовлена новая редакция транспортной стратегии РФ, продлившая первый этап ее реализации до 2020 г.

Еще одним итогом реформ 1990-х гг. стало укоренение мнения, что главной функцией транспортной системы России является осуществление по территории России транзита мировых грузопотоков. Но «в 2000-х годах ежегодные доходы России от всего транзита составляли менее 1 млрд. долл., тогда как в 80-е годы только один иранский транзит приносил СССР более 5 млрд. долл. в год» [7].

На современном этапе большие надежды возлагаются на инициируемый Китаем проект «Новый шелковый путь». Преимущества подобного транзита широко известны. Но общемировая практика показывает, что наличие между странами большого количества пересекающихся стратегических интересов давно заставляет их объединяться в крупные региональные объединения и создавать транспортные альянсы. При этом каждая страна стремится занять в подобных объединениях лидирующие позиции, которые позволят максимально использовать преимущества объединения. Проект «Новый шелковый путь» основывается на принципе доминирования Китая, и без встречного мощного импульса развития со стороны России, явно не принесет экономике нашей страны прогнозируемых результатов. Кроме того, «Китай наращивает свое присутствие во всех без исключения южных странах — соседях РФ, переориентируя инфраструктурные и, прежде всего, транспортные проекты в Казахстане, Киргизии, Иране, Пакистане, а также странах связки Азербайджан — Грузия — Турция на себя. То есть китайский суперпроект «Один пояс — один путь» фактически вытесняет Россию из южной Евразии» [5].

Возможным выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, как неоднократно подчеркивал в своих работах В.В. Кашицын, является создание «мощной пространственно-сетевой транспортно-коммуникативной инфраструктуры, покрывающей азиатскую часть страны» [4]. Тем более что в целом по стране «расчеты показали, что увеличение транспортных сетей на 10%, повлечет за собой рост ВВП на 0,7%» [10].

Инновационные технологии расширили возможности использования ресурсов труднодоступных территорий Сибири, Дальнего востока и Арктики, и, по оценкам специалистов в области геологии, данный процесс будет продолжаться. Но недостаточность, а в большинстве регионов просто полное отсутствие, транспортной инфраструктуры является серьезным трансформационным барьером в данном процессе. Поэтому ее создание является первоочередным условием освоения и развития северных регионов страны.

Контуры построения данной инфраструктуры определены и могут быть выражены в следующих направлениях:

- реконструкция и модернизация Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей;
- строительство новых железнодорожных магистралей через ресурсодобывающие районы в меридиональном и диагональном направлениях;

- возвращение первостепенной роли внутреннему водному транспорту, повышение его доли в структуре всех видов транспорта России;

- интенсивное развитие Северного морского пути;

- дополнение традиционных видов транспорта инновационными видами: воздушный транспорт дирижаблями и дирижаблями-трансформерами, водный транспорт судами на подводных крыльях, судами на воздушной подушке, судами на воздушной каверне и экранопланами.

Одним из основных ориентиров реконструкции и модернизации железнодорожных магистралей должно стать повышение уровня контейнеризации перевозочного процесса. На текущий момент «отношение объема грузов фактически перевезенных в контейнерах по железным дорогам РФ, к общему объему грузов страны составляет всего 5%, тогда как в европейских странах 30%. Отношение перевозок в контейнерах к объемам перевозок контейнеропригодных грузов составляет 55%, тогда как в европейских странах этот показатель равен 90%» [1].

Внутренние водные пути России обладают большой протяженностью и разветвленностью. Практически все крупные реки имеют многочисленные боковые притоки. В совокупности, это может и должно способствовать процессу освоения северных территорий страны. Но, несмотря на созданные природой преимущества, процесс деградации отрасли продолжается. Наличие речных и озерных судов сократилось к 2015 г. по сравнению с 2000 г. на 49,7% — с 33743 до 16946 шт., а показатели транспортной работы отрасли остаются неизменно низкими на протяжении последних 15 лет. Большинство экспертов в области транспорта сводит объяснение данного явления к общемировому тренду развития внутреннего водного транспорта. При этом в структуре всех видов транспорта Китая речной транспорт по-прежнему занимает весомую долю, что вполне может доказывать необходимость попытки пересмотра устоявшегося мнения.

Кроме этого, вспомним о том, что крушение отрасли привело к массовому оттоку населения из северных территорий страны. Проблема транспортной доступности весьма успешно решалась в советский период за счет речных высокоскоростных пассажирских перевозок, осуществляемых судами на подводных крыльях. В 1980-х гг. высокоскоростными судами осуществлялось около четверти всех речных пассажирских перевозок.

Альтернативные виды транспорта активно разрабатывались советскими инженерами, а накопленный в результате научно-исследовательский потенциал является востребованным до сих пор. Ожесточенной борьбы среди разработчиков альтернативных транспорт-

ных средств в мире на сегодня нет, но, новый раунд борьбы за Арктику, вероятно, изменит ситуацию. Уже сейчас, по оценкам экспертов, дирижаблестроение испытывает оживление. Перспективные образцы имеются у компаний Франции, Германии, Англии и США. Развивается строительство дирижаблей в Канаде и Китае. Лидирующие позиции среди государств — производителей дирижаблей, в том числе грузовых, занимают Соединенные Штаты Америки. Но образцы отечественных дирижаблей, созданные на аэрокосмических и оборонных предприятиях страны, по оценкам экспертов, на 30—40% дешевле западных систем такого же класса и разработаны с учетом российской специфики.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в ближайшие десятилетия ожидаются глобальные изменения и в традиционных видах транспорта. Прежде всего, это касается массового перехода на беспилотные технологии. Например, уже сейчас «британская инженерная компания Rolls-Royce считает, что судно без экипажа и с дистанционным управлением будет безопаснее и дешевле, чем обычное» [3].

Таким образом, очевидно, что транспортный комплекс России в сверхкороткие сроки должен не только перестать деградировать, но и создать основу для будущей трансформации в рамках возможной новой транспортной революции.

Как отмечалось ранее, в истории развития транспорта России есть успешные примеры подобных прорывов. Индустриализация 1930-х гг. дала мощный толчок к развитию транспортных отраслей. Были реализованы транспортные проекты векового значения и накоплен уникальный отечественный опыт. Основой этого стали: последовательная целесообразная система государственного планирования, стабильное государственное финансирование, большое количество дешевой рабочей силы и сырьевых ресурсов, внедрение новейших иностранных технологий и разработок, наличие прочной отечественной научно-исследовательской базы.

Другими словами, как, на наш взгляд, абсолютно верно заметил С.С. Гончаренко, «необходимо отойти от разработки исключительно транспортных проектов и перейти к транспортно-промышленным» [2]. Эффективность данной стратегии давно доказана опытом США и Китая, где реализация крупных транспортно-промышленных проектов успешно проводилась и проводится на основе сотрудничества государства и ТНК. Тем более что данная стратегия позволяет оказывать значительное влияние на расстановку сил на мировом рынке транспортных услуг

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем еще раз, что главной миссией транспортного комплекса является обеспечение будущего системного перестроения экономики России. Выполнение данной миссии осложняется наличием как неблагоприятных внешних факторов, так

и сильными внутренними противоречиями. Поэтому сохраняют свою актуальность следующие цели развития транспортного комплекса:

- качественное перестроение отечественного транспортного машиностроения, его переход на инновационный путь развития;
- повышение уровня конкурентоспособности отечественных транспортных услуг, снижение степени влияния и доли иностранных перевозчиков на внутреннем рынке страны;
- поиск, закрепление новых и укрепление существующих позиций отечественных транспортных компаний на стремительно меняющемся мировом рынке;
- повышение уровня доступности транспортных услуг для широких слоев населения страны.

Достижению данных целей может способствовать решение следующих задач:

- интенсивное качественное изучение отечественного опыта управления транспортным комплексом страны как целостной системой;
- интенсивное качественное изучение опыта работы ведущих транспортных компаний мира;
- переосмысление роли транспортного комплекса в развитии экономики страны;
- проведение ответственной кадровой политики, направленной на преодоление оттока высококвалифицированной рабочей силы из транспортных отраслей;
- создание на внутреннем рынке транспортных услуг конкурентной среды, способствующей выполнению государственных планов развития экономики.

Но самое главное — необходимо переориентировать государственную стратегию на развитие внутреннего рынка страны в целом. При этом внутренний рынок должен работать в формате новой макроэкономической модели роста и опираться на модернизацию промышленного потенциала страны со сдвигом ядра экономики в направлении Север — Сибирь — Дальний Восток. Модернизация промышленного потенциала страны должна проводиться на базе шестого технологического уклада с гармонизацией предыдущих пяти.

Литература

1. *Владимиров С.А.* Мировая транспортная система: основные направления развития // Государственный советник. 2016. № 1. С. 15—21.
2. *Гончаренко С.С.* России необходимы транспортно-промышленные проекты векового значения // Вестник транспорта. 2007. № 6. С. 5—9.

3. *Каретников В.В., Пащенко И.В., Зайцев А.И.* Основные аспекты использования современных инфокоммуникационных технологий для обеспечения беспилотного судовождения на водном транспорте // Вестник ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова. 2016. Вып. 1 (35). С. 170—179.
4. *Кашицын В.В.* Интеграция как средство выхода на траекторию развития. Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. 565 с.
5. *Лепехин В.* Геополитические аспекты экономического освоения Арктики // Транспортная стратегия — XXI век. 2016. № 32. С. 66—67.
6. *Милославская С.В., Троценко Р.Н.* Особенности развития речного транспорта и его место в хозяйственном комплексе России // Вестник транспорта. 2007. № 5. С. 18—26.
7. *Могилевкин И.М.* Россия в глобальной инфраструктуре. Проблема оптимизации транспортно-коммуникационной политики в меняющихся условиях мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2008. 147 с.
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/>.
9. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2008 года № 1734-р.
10. *Халезин А.А., Кашицын В.В.* Мировые тенденции развития стивидорного бизнеса и роль группы НМТП в росте экспортного потенциала России // Вестник Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова. 2016. № 3 (16). С. 14—20.

А.А. ГРИШКО

Долговая политика в координатах неоиндустриализации российской экономики

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия долговой политики России в проекции роли и значения неоиндустриализации как одного из необходимых условий обеспечения системного преобразования отечественной экономики и ее выхода на траекторию роста и развития.

Ключевые слова: долговая политика, государственный долг, неоиндустриализация, макроэкономическая политика, внутренний рынок, экономический рост.

Рост напряженности и неопределенности как в мировой, так и в российской экономике ставит на повестку дня вопрос о необходимости системного преобразования отечественной экономики и соответственно выработки адекватной внешним и внутренним вызовам макроэкономической политики. И здесь опасны не столько внешние вызовы, сколько внутренние. Одним из таких вызовов-ограничителей является осуществление проекта по неоиндустриализации российской экономики.

«История и логика экономической мысли кристаллизовались и развивались в формате отражения и осмысления закономерностей формирования и эволюции индустриального ядра экономики и тех экономических форм, которые сопровождали данный процесс. Отсюда происходят и соответствующие концептуальные основания и парадигмальные приоритеты» [1, 82]. Активизация процесса неоиндустриализации (под неоиндустриализацией будем понимать «создание компьютеризованных и автоматизированных производительных сил, увязанных в единую автоматизированную систему машинного производства и распределения материальных и социальных благ» [2, 33]) возможна и с помощью механизма государственного долгового финансирования экономики, тем более учитывая тот факт, что данный процесс требует аккумуляции колоссальных денежных ресурсов.

Итак, в качестве возможных сущностно-содержательных сценариев в части использования государственного долга можно выделить следующие три.

Первый сценарий исходит из того, что рост государственного долга допустим и оправдан, когда сопровождается развитием, т. е. долговое финансирование экономики осуществляется под крупные народнохозяйственные проекты. В таком случае государственное долговое финансирование запускает механизмы внутреннего рынка, позволяя погашать накопившуюся задолженность в период благоприятной конъюнктуры. «Внутрирыночный успех — результат, лучший козырь и лучший драйвер роста и развития. Нельзя выпрашивать инвестиции по всему миру. Заиграет внутренний рынок, инвестиции со всего мира польются рекой, это автоматический процесс. Реиндустриализация продуцирует постиндустриализацию. Гипертрофия в увеличении емкости внутреннего рынка молниеносно втягивает в воронку инвестиций все свободные и не только деньги мира. Капитал любит рост, с которым в подавляющем количестве развитых стран сегодня сплошные проблемы» [3, 477]. Причем, если исходить из соображений национальной без-

опасности, то важно отметить очевидную приоритетность использования внутренних заимствований перед внешними.

Совершенно обоснованно научное сообщество сегодня проявляет значительный интерес к методологии кейнсианства. Этот интерес в большой степени подкрепляется поиском путей выхода из кризисного состояния современной мировой экономики. Естественно, любая историческая аналогия несовершенна, и со времени выхода в свет кейнсианской теоретической концепции многое изменилось в экономике, однако не изменилось главное — ее цель — воспроизводство богатства. Поэтому важной заслугой Кейнса, помимо всех прочих, является его отношение к реальному сектору экономики как главному источнику роста богатства. В своем главном труде «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованном в 1936 г., Кейнс исходит из необходимости стимулирования совокупного спроса путем воздействия на реальное хозяйство, что отчетливо видно из определения им ключевых для системы категорий — дохода, сбережения, инвестиций. Доход в системе Кейнса имеет производственное происхождение. «Мы можем теперь определить доход предпринимателя как превышение ценности готовой продукции, проданной в течение известного периода, над первичными издержками производства» [4, 56]. Категория «сбережение», с точки зрения Кейнса, «представляет собой превышение дохода над потребительскими расходами» [4, 64]. Под инвестициями понимается «текущий прирост ценности капитального имущества в результате производственной деятельности данного периода» [4, 65]. Важно обратить внимание на то, что именно производственная деятельность является источником инвестиций. Стимулирование производственных инвестиций осуществляется за счет увеличения госрасходов, финансируемых займами, т. е. используется долговой инструмент.

Однако важно учитывать, что использование долгового элемента должно служить не для извлечения кратковременной спекулятивной прибыли, а для осуществления долгосрочных инфраструктурных проектов развития — только в таком случае государство может расплатиться с накопившимися обязательствами в будущем.

Второй сценарий предполагает так называемую нейтральность государственного долга по отношению к ВВП, т. е. в экономике достигается некая относительная долговая стабильность, устойчивость, а государственный долг служит средством затыкания дыр в бюджете. Долговая политика российской экономики проводится в рамках именно *второго сценария*, который, однако, может стремительно и молниеносно привести к осуществлению *третьего сценария*, что крайне нежелательно. Тем более что уже сейчас при такой долговой политике, которую можно охарактеризовать формулой: «ни долга, ни развития», мы

практически истощили ЗВР, служившие последние годы так называемой подушкой безопасности. Резервы фонда за последний год сократились в четыре раза с 4,4% ВВП в 2016 г. до 1,1% ВВП на 01.01.2017 г.

Сегодня государственный долг России составляет 18% ВВП, если исходить из того, что значение государственного долга в размере 30—40% ВВП в мировой практике считается вполне нормальным с точки зрения долговой устойчивости экономики, то можно констатировать, что у нас есть вполне объективные основания для его наращивания. В целом, долговую политику можно определить как деятельность, направленную на управление и координацию внутренними и внешними долговыми обязательствами государства. Но помимо этого, важно понимать роль и значение долговой политики как способа, механизма решения макроэкономических целей и задач, а также отметить, что долговая политика является исключительно частью системной государственной макроэкономической политики и может быть эффективна только во взаимосвязи и взаимодействии с остальными ее составляющими.

И, наконец, *третий сценарий* предполагает такое положение дел в экономике, когда в принципе существовать без долгового финансирования не представляется возможным. Долг в такой ситуации становится самовоспроизводящимся и в этом случае происходит трансформация из страны-должника в государство-банкрота.

Таким образом, основной методологический посыл можно сформулировать так: для того чтобы избежать резкой и неуправляемой эскалации государственного долга, с возможной реализацией третьего сценария, необходимо уйти от осуществления второго сценария, путем практического воплощения первого сценария, учитывая тот факт, что пока еще относительно низкие показатели государственного долга позволяют нам маневрировать.

Вообще вопрос о целесообразности долгового финансирования экономики был достаточно дискуссионным с начала зарождения политэкономии как науки и не утратил остроты на сегодняшний день. К тому же, растущая актуализация проблемы госдолга заставляет задуматься, насколько результативна активная долговая политика, к каким последствиям она может привести.

Общемировая тенденция роста совокупного государственного долга характерна сегодня как для развитых стран, так и для стран с развивающимися рынками. По данным UNCTAD, рост показателя «отношение государственного долга к ВВП» начался с 1970-х гг., и на тот момент составлял 20% для развивающихся стран и 25% для развитых, далее он продолжал расти вплоть до 1990-х гг.

Начиная с 1980-х гг., произошел резкий рост данного показателя в развивающихся странах с 60 до 90%. В качестве примера можно привести переходные экономики стран Латинской Америки. «Используя экономические программы, заимствованные извне, правительства этих стран значительно снижали долю государства в экономике, государственные предприятия приватизировались, осуществлялась полная либерализация экономики (открытие внутренних границ для мирового рынка, существенное снижение тарифов, отмена других нетарифных ограничений, практически устранялся контроль за иностранным капиталом). Предприятия, которые до осуществления таких «национальных» экономических программ, находились в государственной собственности, попав в частные руки, набирали займы на частных рынках капиталов и не могли обеспечить не только экстенсивное воспроизводство экономической системы, которое на них возлагалось, но и собственное функционирование. Такая экономическая политика привела к росту иностранного заемного капитала и, соответственно, увеличению внешнего долга» [5, 168]. Однако с началом XXI в. показатель «отношение государственного долга к ВВП» стал стремительно расти именно в развитых странах, что не может не вызывать опасения.

Достаточно интересен тот факт, что, начиная с 2000 г., происходит уверенный рост доли именно государственного долга в составе глобального долга. В 2014 г. глобальный долг составил 199 трлн дол., из которых 58 трлн пришлось на государственный сектор, 45 трлн дол. — на финансовый сектор, 56 трлн дол. — на корпоративный сектор и 40 трлн дол. на домохозяйства [6]. Таким образом, долговой инструментарий активно использовался развитыми странами в качестве антикризисной меры, что подтверждает сомнительную эффективность использования рыночных механизмов в тяжелые для экономики периоды.

Сегодня развитые страны, такие как США, Япония, некоторые страны-члены ЕС, приблизились к порогу наращивания госдолга. В среднем за последнее десятилетие общий государственный долг только развитых стран вырос почти на 35% от их совокупного ВВП. В свою очередь страны с развивающимися рынками, не обремененные долгами, сегодня выступают драйверами экономического роста и располагают определенными преимуществами по отношению к развитым с точки зрения проведения активной долговой политики. Активная долговая политика предполагает действенное использование механизма долгового финансирования экономики, сочетающего в себе весь спектр возможностей в части применения внешних и внутренних источников заимствований с целью обеспечения приемлемых для страны темпов экономического роста.

В заключение закономерно напрашивается следующий вывод: мы должны искать внутренние источники роста в сложившихся условиях для проведения структурных преобразований, которые позволят нам мобилизовать экономику и выйти на траекторию роста. Государственный долг здесь может служить эффективным инструментом в части осуществления системных преобразований, однако чрезмерное его наращивание и неуправляемый рост могут способствовать эскалации значительных проблем в экономике.

Литература

1. *Гришко А.А.* Государственный долг как фактор состояния современной экономики. Объект, предмет, метод экономической науки и реальность / Под ред. В.В. Кашицына. Новороссийск: ГМУ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2014. 194 с.
2. *Губанов С.С.* Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38) // http://www.economist.com.ru/Materials/Gubanov_sist_krisis_2015.pdf.
3. *Кашицын В.В.* Методологические аспекты современной экономической мысли и вызовы грядущего экономического развития // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стромова, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 493 с.
4. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. Н.Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2011. 352 с.
5. *Kaszycyn W.W.* Transformacja wspolczesnej gospjdarki swiatowej we wspotrzednych Unii Europejskiej, Rosji I Polski // O integracji bez retuszudyskusje wschodnioeuropejskie / Pod red. J. Osipow, A.Z. Nowak. Warszawa: Wydawnichwo Naukowe Wydziatru Zarzadzania uniwersytetu Warszawskiego, 2016. 143 p.
6. http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wesp2016_en.pdf.

Т.С. СТЕПНОВА

Финансовые инструменты обеспечения процессов управления финансовой устойчивостью предприятия

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы обеспечения процессов управления финансовой устойчивостью предприятия. Проанализированы факторы внешней и внутренней среды, представлена

система управления финансовой устойчивостью. Выявлена и обоснована необходимость применения финансовых инструментов для обеспечения финансовой устойчивости в условиях динамично меняющейся внешней среды. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить ряд принципов, соблюдение которых позволит обеспечить финансовую устойчивость предприятия.

Ключевые слова: финансовые инструменты, внешние факторы, внутренние факторы, финансовые ресурсы, финансовая устойчивость, управление предприятием.

Проблематика обеспечения финансовой устойчивости предприятий в современных условиях детерминирована рядом теоретико-методологических проблем. Анализ профильной научно-прикладной периодики показал, что современные, предлагаемые исследователями, методы управления финансовой устойчивостью базируются на инструментально-методическом аппарате, дисфункциональном в условиях возмущенной внешней среды, характеризующейся высокой неопределенностью и скоростью изменения.

С этих позиций совершенствование технологий управления финансовой устойчивостью следует инициировать с коррекции самой дефиниции финансовой устойчивости. Как отмечает профессор Ю.М. Осипов, концепт включает в себя концентрированный вид интеллект-продукта, который детерминирует необходимый для контекста интеллект-блага, так как «концепт — вещь (от вести) необходимая, хотя и не всегда тщательно проработанная, а тем более — добротной сформулированная, но всегда и действенная» [2, 9]. Философия хозяйства Ю.М. Осипова представляет собой новую парадигму экономического мышления, ориентированную на неэкономическое рассмотрение хозяйственной жизни, которая предполагает принципиальное дистанцирование от экономикса [3, 36].

В условиях реализации геополитических рисков и ухудшения экономических параметров хозяйствования подход к финансовым инструментам обеспечения процессов управления финансовой устойчивостью предприятия тестируют как объективные ограничения, так и новые возможности теоретико-методологического осмысления и практического применения.

По нашему мнению, новая трактовка финансовой устойчивости должна учесть необходимость перехода от оценки и интерпретации фактических ретроспективных состояний к лексике потенциалов, что обеспечит саму возможность должной модернизации категориального и инструментального аппарата финансового менеджмента.

В условиях экономики быстрых изменений финансовая устойчивость должна трактоваться с учетом полной декомпозиции факторов, ее определяющих, а также с оценкой рисков, оказывающих непосредственное воздействие на эти факторы.

По мнению таких ученых, как: Е.В. Кабитова и Э.С. Прошунина, изучающих систему факторов, влияющих на финансовую устойчивость предприятия, сущность финансовой устойчивости заключается в формировании, распределении и использовании финансовых ресурсов, а ее внешним проявлением выступает платежеспособность.

Вместе с тем А.М. Могзоев в своем исследовании системы финансовой устойчивости промышленных предприятий отмечает, что основная цель управления финансовой устойчивостью предприятия базируется на своевременном выявлении факторов, отрицательно влияющих на финансовое положение компании? и своевременном их устранении.

В интересах настоящего исследования под *финансовой устойчивостью* будем понимать способность предприятия сохранять в долгосрочном периоде целевые значения ведущих идентификаторов с учетом существующих и потенциальных рисков. В число целевых идентификаторов финансовой устойчивости, в зависимости от типа бизнеса, могут быть включены различные финансовые коэффициенты, объективно характеризующие конфигурацию и сбалансированность ключевых финансовых потоков.

Задачи устойчивого развития затрагивают практически все сферы деятельности компании: от взаимоотношений с клиентами до обзора поставщиков, от оценки воздействия на окружающую среду до обеспечения рабочей среды, от разработки корпоративной бизнес-культуры до подтверждения прозрачности и подотчетности финансового управления.

В настоящее время факторами, обеспечивающими устойчивое развитие, выступают следующие: системное управление качеством продукции и услуг; ответственность работодателя; эффективное корпоративное управление; бизнес-этика и предупреждение коррупции; отношения с обществом, защита окружающей среды, риск-менеджмент и сеть поставщиков. Например, западные страны в интересах собственных производителей могут ужесточить экологические требования к компаниям других стран.

По мнению экспертов, реализуемые инвестиционные проекты в сфере социальной ответственности компаний инновационного типа рассматривают как долгосрочные инвестиции, создающие основу для устойчивого развития компании, формирующие интерес к новым продуктам, технологиям.

Таким образом, развивая социально-экономические программы, российские компании должны оценивать перспективные проекты на соответствие шести ключевым темам стандарта ISO 26 000: участие в жизни местных сообществ и их развитие; добросовестные деловые практики; проблемы, связанные с потребителями; права человека; трудовые практики; окружающая среда. Подготовка отчета по устойчивому развитию является определенной презентацией для российских компаний, позволяющей выделить конкурентные преимущества на мировом рынке.

Использование различных источников финансирования, их сочетание между собой оказывают непосредственное влияние на стоимость предприятия. С целью повышения уровня финансовой устойчивости осуществляется оптимизация структуры финансовых ресурсов. Целесообразным является использование собственных источников финансирования, однако при недостаточном их количестве необходимо оценить возможность и риски привлечения заемного капитала.

Выбор финансовых инструментов для управления финансовой устойчивостью необходимо классифицировать с позиции влияния как внешних, так и внутренних факторов:

- *внешние*: экономическая и политическая нестабильность; уровень инфляции; колебания рыночной конъюнктуры; торговые барьеры на мировых рынках; позиция, занимаемая компанией на рынке; зависимость от иностранных технологий; недостоверность и недостаточность информации;
- *внутренние*: дисфункциональная финансовая стратегия; разбалансированная структура финансовых активов; продолжительность финансового цикла; низкая инновационная активность; высокий уровень износа производственных мощностей; высокий уровень себестоимости; нерациональное распределение ФОТ; принятие необоснованных управленческих решений.

Компания должна своевременно реагировать и адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, влияющим на ее деятельность. Для этого построение системы управления финансовой устойчивостью должно основываться на гибкости управления рисками, возникающими из-за воздействия внешних и внутренних факторов, а также принимать во внимание динамический характер этого процесса.

В настоящее время в теории финансового управления существуют два доминантных концептуальных блока [4, 4].

1. Нормативный подход. Основывается на анализе коэффициентов финансовой устойчивости и позволяет установить математическую взаимосвязь между результативностью финансово-хозяйственной деятельности и показателями финансового состояния организации. Необ-

ходимо отметить, что при применении нормативного подхода для организации устанавливаются нормативные значения коэффициентов финансовой устойчивости, с учетом ее отраслевой принадлежности и специфики, которые фиксируют минимально допустимое и оптимальное значение коэффициента. В таком случае реализация финансовой политики должна быть направлена на поддержание уровня финансовых коэффициентов на промежутке от минимального к оптимальному. Снижение показателей финансовой устойчивости в меньшую сторону отражает неспособность компании адекватно реагировать на внешние и внутренние факторы и, как следствие, может привести к полной потере финансовой устойчивости и банкротству, а превышение оптимального уровня показывает несбалансированную структуру капитала, что отражает некорректное использование финансовых ресурсов.

2. Подход, связанный с выделением краткосрочной и долгосрочной финансовой устойчивости организации. Необходимость учитывать и разделять краткосрочную и долгосрочную финансовую устойчивость в рамках анализа финансового состояния организации обуславливается тем, что на разных сроках функционирования требуется принятие определенных управленческих решений. В современных условиях второй концептуальный блок более релевантен действительным хозяйственным процессам, происходящим в экономике. Вместе с тем он также требует совершенствования. При принятии управленческого решения руководитель организации, в большинстве случаев, должен сделать выбор в обеспечении кратко- или долгосрочной финансовой устойчивости. Например, при распределении временно свободных денежных средств он может инвестировать их в прирост основных фондов, однако в этом случае может возникнуть дефицит ликвидности в текущем периоде, или же вложить их в обеспечение текущей платежеспособности, но тем самым снизить уровень капитализации компании.

Разработка процесса управления финансовой устойчивостью с применением современных финансовых инструментов, обеспечивающих принятие необходимых управленческих решений, является перспективным направлением в управлении финансово-хозяйственной деятельностью предприятия (рис. 1).

Определение основных стратегических направлений в процессе управления финансовой устойчивостью позволяет установить основной вектор развития компании.

Идентификация и анализ внутренних и внешних факторов определяет степень устойчивости хозяйствующего субъекта к возможным негативным последствиям, из-за которых компания может потерять свою финансовую устойчивость.

Рис. 1. Процесс управления финансовой устойчивостью предприятия

Расчет показателей финансовой устойчивости является важной частью процесса управления финансовой устойчивостью предприятия. Проанализировав полученные результаты, можно сделать выводы о слабых и сильных сторонах компании и использовать эти данные для предупреждения возможных проблем, прогнозирования финансового состояния и формирования финансовой стратегии.

Формирование стратегии обеспечения финансовой устойчивости представляет собой определение целей, задач и перспектив развития. На этом этапе важно согласование разработанной стратегии с общей стратегией предприятия.

Контроль и оценка результатов подразумевают постоянный мониторинг определенных параметров путем сравнения фактических и планируемых показателей, определение отклонений от заданного вектора развития с последующей корректировкой стратегических моделей с учетом динамично изменяющейся внешней среды

Настраиваемый инфраструктурный ландшафт бизнес-процессов управления финансовой устойчивостью должен быть ориентирован на обеспечение финансовой гибкости, т. е. способности компаний к изменению декомпозиции внутренних и внешних источников финансирования в условиях возмущенной внешней среды с минимизацией транзакционных затрат и должен контурироваться со следующей инфраструктурой.

1. *Учетно-аналитический блок* — система анализа, трансформации и систематизации факторов внешней и внутренней среды, позволяющая оценить их влияние на финансовую устойчивость предприятия. Основой этого блока выступает теория стоимости бизнеса, благодаря которой возможно построение интегральных моделей финансово-хозяйственной деятельности организации для получения максимального взаимосвязанного эффекта от трех основных видов деятельности компании: финансовой, операционной и инвестиционной.

Основными моментами учетно-аналитического блока выступают:

- единая система исчисления плановых и фактических параметров для внесения в базу данных;
- унификация представления данных.

2. *Программно-технический блок* позволяет объединить учетно-аналитический и организационный блоки на основе программного обеспечения для управления финансовой устойчивостью организации.

В результате соответственного функционирования программно-технического блока можно достичь следующих результатов:

- оперативно и достоверно оценить степень финансовой устойчивости организации;

- централизовать управление финансовыми активами и ресурсами;
- обеспечить постоянный контроль материальных потоков на всех стадиях производственного цикла компании;
- повысить инновационную активность организации.

3 *Организационный блок* представляет собой систему принятия решений, основанную на результатах оценки влияния факторов внешней и внутренней среды на финансовую устойчивость и позволяет осуществлять управление как предусмотренным пулом рисков, так и вновь выявленными рисками. В рамках данного блока происходит повышение уровня финансовой устойчивости за счет грамотного финансового и управленческого планирования. Система управления финансовой устойчивостью организации может быть представлена в виде модели, которая определяет четкую последовательность элементов, необходимых для формирования, развития и функционирования системы:

- 1) оценка внешней и внутренней среды организации;
- 2) разработка риск-ориентированной системы управления финансовой устойчивостью компании (определение цели, постановка задач, соотнесение плановых показателей с фактическими);
- 3) внедрение риск-ориентированной системы управления финансовой устойчивостью компании (определение механизма реализации, внесение структурных изменений);
- 4) контроль и оценка функционирования системы [1, 6].

Представленная модель управления финансовой устойчивостью не разделяет анализ и оценку внешней и внутренней среды компании, а представляет ее единым и главным этапом процесса управления. В связи с этим необходимо отметить, что для лучшего функционирования системы следует отдельно оценивать как внешнюю, так и внутреннюю среду, и рассматривать их как основу построения модели финансовой устойчивости, так как внутренние факторы подлежат управлению, а внешние компания может только учитывать.

Интеграция оперативного и стратегического управления в единый непрерывный процесс позволит своевременно выявлять отклонения и решать поставленные задачи в рамках контроля и оценки системы финансовой устойчивости компании.

Таким образом, обеспечение процессов управления финансовой устойчивостью в условиях нестабильной экономики предполагает соответствие следующим принципам:

- любые изменения в финансовой устойчивости компании должны оцениваться с точки зрения приоритетности конечной цели;

- необходим охват всех сфер деятельности организации, так как не только финансовая составляющая определяет вектор устойчивого развития;
- нужно своевременно реагировать на динамично меняющуюся внешнюю и внутреннюю среду;
- при принятии финансовых решений необходимо брать во внимание как краткосрочные, так и долгосрочные финансовые ориентиры;
- необходимо внедрять инновационные процессы для обеспечения финансовой устойчивости.

Литература

1. *Могзоев А.М.* Система финансовой устойчивости промышленного предприятия / А.М. Могзоев, И.Н. Шадрина // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2016. № 2 (17). С. 3—13.
2. *Осипов Ю.М.* О концепте России (актуализация концептуального управления в Российской Федерации) // Философия хозяйства. 2015. № 2.
3. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000.
4. *Халяпин А.А.* Оптимизация структуры бухгалтерского баланса как фактор повышения финансовой устойчивости организации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120. С. 1—30.

Раздел III

Неодирижизм как важнейший рычаг российского перестроения

М.Г. ПОКИДЧЕНКО

История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России

Аннотация. В статье рассматривается история применения основных вариантов экономической политики и путем сравнительного анализа делается вывод о том, какая концепция экономической политики наиболее соответствует экономике современной России.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, неолиберализм, кейнсианство, дирижизм.

Вопрос возможности применения дирижизма в России может быть решен только исторически. Любая социально-экономическая и политическая система проявляется наилучшим образом, только оказавшись в нужное время в нужном месте. Поэтому применение иностранного опыта в другой стране без учета историко-национальных особенностей, как правило, либо не дает ожидаемых результатов, либо дает негативные результаты. Следовательно, надо рассмотреть данную проблему в историческом контексте.

Вначале предлагаем посмотреть — в каких исторических условиях сформировались три основные современные концепции государственного регулирования экономики — *неолиберализм*, *кейнсианство* и *дирижизм*. Всем трем указанным концепциям государственного регулирования капиталистической экономики предшествовала концепция *экономического либерализма*, предполагающая полное невмешательство государства в экономику. Она сформировалась в Западной Европе, в первую очередь в Англии и Франции (бывшими тогда лидерами в мировой экономике), на рубеже XVIII и XIX вв. и господствовала в экономической науке до середины 1930-х гг. Однако на практике государственное регулирование экономики в той или иной степени присутствовало в Европе и США в течение всего указанного периода. Оно касалось от-

дельных отраслей или секторов народного хозяйства, например, железнодорожного строительства, внешней торговли. Можно выделить также развитие социально-экономической политики с конца XIX в., особенно в Западной Европе.

Первый опыт всестороннего государственного регулирования экономики в новейшей истории был приобретен во время Первой мировой войны. Дело в том, что предшествующие европейские войны продолжались год (максимум два), поэтому у всех участников Первой мировой войны ресурсы были заготовлены на этот срок. По мере истощения ресурсов все воюющие страны вынуждены были срочно, не прекращая военных действий, пополнять воинские продовольственные, транспортные ресурсы на фронте и обеспечивать снабжение производства и населения в тылу. Эту срочность не мог обеспечить свободный рынок, и начала формироваться система всестороннего государственного регулирования и регламентирования экономики. Однако после окончания войны эта система прекратила свое существование, так как сочли, что в мирное время необходимости в ней нет.

Второй опыт всестороннего государственного регулирования экономики приобретен во время Великой депрессии 1930-х гг. Великая депрессия не была обычным экономическим кризисом: сам кризис, т. е. падение производства, продолжался долго, с конца 1929 до начала 1933 г., и был значительно глубже обычных экономических кризисов, выход же из него начался далеко не сразу. В целом это была часть фазы спада «большого экономического цикла» Кондратьева, на которую пришлось три кризиса среднего цикла — 1921, 1929, 1937 гг. Правда, первый кризис 1921 г. был не очень заметен, особенно в США, экономика которых получила мощный импульс развития во время Первой мировой войны, так как США были поставщиком и кредитором воюющих стран. Поэтому экономика США была на подъеме до осени 1929 г. Необычная же продолжительность и глубина кризиса 1929 г. были связаны со значительной монополизацией экономик развитых капиталистических стран. Крупные корпорации обладали более устойчивым положением в деловом мире, у них были большие финансовые и кредитные возможности, поэтому они могли дольше сопротивляться надвигающемуся кризису, но эта отсрочка привела только к большей глубине и продолжительности кризиса.

Наиболее всесторонними и последовательными были во время Великой депрессии антикризисные программы государственного регулирования в США и в Германии. В обоих случаях в них следует различать собственно антикризисные, временные меры и экономические реформы, действия которых продолжилось после окончания кризиса. Например, в Новом курсе Рузвельта собственно антикризисными мера-

ми были компенсации фермерам за сокращение производства, разрешение раздела рынков временно созданным отраслевым союзам производителей, строительством государством дорог и других объектов инфраструктуры, а изменение биржевых правил, ужесточение антимонопольного законодательства, расширение прав профсоюзов относились уже к экономическим реформам. Экономические кризисы всегда являются стимулом к обновлению капиталистической экономики — технологическому, организационному и институциональному.

Хотя антикризисное государственное регулирование экономики в 1930-х гг. было временным явлением, Великая депрессия произвела такое впечатление на экономистов-теоретиков, что у них возникла идея необходимости постоянного всестороннего государственного регулирования экономики, а не только во время войн и кризисов. В результате в середине 1930-х гг. в экономической науке появились две основные концепции государственного регулирования капиталистической экономики — кейнсианство и неолиберализм, которые существуют и до настоящего времени.

Кейнсианство предлагает более активную роль государства в экономике, а именно воздействие на предпринимательскую активность с помощью кредитной и налоговой политики, а также самостоятельную предпринимательскую деятельность государства в виде заказов готовой продукции и инвестиций. Это государственная деятельность может финансироваться, по мнению кейнсианцев, за счет дефицита бюджета, а возникающую при этом инфляцию кейнсианцы считают приемлемой платой за оживление в экономике. Сам Кейнс рассматривал только ситуацию спада в экономике, когда спрос отстает от предложения и его надо стимулировать. После Второй мировой войны кейнсианцы уже рассматривали и ситуацию экономического спада, и ситуацию экономического подъема, в равной степени трактуя их как отклонение от экономического равновесия, которое нужно исправлять. Поэтому на фазе спада они предлагали политику «дешевых денег» (снижение налогов, удешевление кредитов, увеличение государственных заказов и инвестиций), а на фазе подъема («перегрева конъюнктуры») — политику «дорогих денег», т. е. те же мероприятия, но с обратным знаком.

По мнению же неолибералов, государство должно только вернуть утраченный из-за монополизации экономики механизм ее саморегулирования, который заключается в том, что свободные конкурентные цены отражали соотношение спроса и предложения в отдельных отраслях народного хозяйства и стимулировали его выравнивание. Если спрос выше предложения, цены растут и дают сигнал производителям увеличивать производство, если же спрос ниже предложения, действует обратный механизм. В условиях монопольных цен этот механизм саморе-

гулирования не работает, так как цены негибкие и не отражают реального соотношения спроса и предложения, поэтому государство должно вернуть свободную конкуренцию и свободные цены и следить за их сохранностью. Неолибералы сравнивали роль государства в экономике с судьей на футбольном поле. Другими словами, само государство не является хозяйствующим субъектом, но обеспечивает частному бизнесу комфортные институциональные условия предпринимательской деятельности.

Во время Второй мировой войны в экономике воюющих стран снова была создана система государственного регулирования и регламентирования, еще более мощная, чем во время Первой мировой войны. Однако после окончания войны государственное регулирование экономики сохранилось, хотя некоторые черты «военной экономики» ушли в прошлое. Во всех развитых капиталистических странах, кроме ФРГ, в основе экономической политики после Второй мировой войны была положена концепция кейнсианства, во Франции — концепция дирижизма (о ней речь пойдет ниже), а в западной Германии — концепция неолиберализма. (Последнее было связано с тем, что с 1933 по 1945 г. в Германии было значительное национал-социалистическое регулирование экономики и после войны маятник общественных настроений качнулся в другую сторону.)

Первые двадцать послевоенных лет (1945—1965) в развитии мировой экономики пришлось на фазу подъема большого экономического цикла. Этот экономический подъем правительства всех развитых капиталистических стран трактовали как результат их «правильной» экономической политики, хотя надо помнить, что в большей части стран в основе этой политики было кейнсианство, а в ФРГ — неолиберализм. Но в следующие двадцать лет (1965—1985) происходила уже стадия большого цикла, во время которой выделялись три кризиса среднего цикла — 1968/69, 1975 и 1981/82 гг. Кроме того, в период первого послевоенного «большого спада» произошли и другие «болезни» капиталистической экономики — валютный кризис второй половины 1960-х гг., в результате которого был навсегда прекращен размен на золото фунта и доллара; энергетический кризис 1973 г.; появление в 1970-е гг. хронической инфляции и т. д. В результате существовавшая до этого времени экономическая политика была раскритикована, и во всех развитых и капиталистических странах прежняя политика была заменена на альтернативную — в тех странах, где было кейнсианство, его сменил неолиберализм, а в ФРГ неолиберализм заменили на кейнсианство (правда, просуществовало оно в Западной Германии всего восемь лет, а затем и здесь, а следовательно, и во всем мире воцарился неолиберализм).

Первые победные фанфары в честь «правильности» именно неолиберальной экономической политики прозвучали в 1980-е гг., т. е. в период перехода от фазы спада к фазе подъема большого цикла в мировой экономике. Примерами успешной, а следовательно, «правильной» экономической политики были объявлены «рейганомика» в США и «тетчеризм» в Англии. Последовавшая за тем фаза подъема большого цикла (1985—2005) послужила еще большим «доказательством» правильности неолиберализма и его торжества в экономической науке всего мира. Кейнсианцы ушли в глухую оборону.

В экономической же теории неолибералов с 1970-х гг. произошли некоторые изменения. Поскольку, как уже говорилось выше, с этого времени в мировой экономике началась хроническая инфляция, существующая до сегодняшнего дня, школа монетаристов во главе с М. Фридманом, ставшая в 1970-е гг. лидером среди неолибералов, выдвинула для государства еще одну задачу — наряду с обеспечением свободной конкуренции оно должно было ликвидировать инфляцию. Это необходимо потому, говорили монетаристы, что инфляционные цены, так же как и монопольные, не отражают реального соотношения спроса и предложения и делают невозможным механизм саморегулирования экономики. Фридман утверждал, что государство должно бороться за стабилизацию денежной массы в экономике столько лет, сколько потребуетс я, когда эта задача будет решена, сам собой начнется подъем в народном хозяйстве. Начавшийся в 1989-е гг. подъем мировой экономики, бывший закономерной фазой большого экономического цикла, «подтвердил» правильность утверждений Фридмана (не напоминают ли идеи Фридмана позицию нашего Центробанка?).

Однако экономический цикл, независимо от желаний теоретиков и политиков, сменяет периоды подъема на периоды спада — наступила очередная фаза спада большого цикла (2005—2025), в который вошли кризисы среднего цикла (2008/09, 2015, 2021/22). Одним из отличий этой фазы спада от предыдущей было то, что с ее началом не произошел резкий поворот в экономической теории и политике, какой наблюдался в 1970-е гг. Тогда кейнсианство после кризиса 1968/69 гг. сменилось на неолиберализм, теперь, после кризиса 2008/09 гг., кейнсианцы захотели взять реванш. Однако борьба неолибералов и оживившихся кейнсианцев, начавшаяся после кризиса 2008/09 гг., идет до сегодняшнего дня без явного преимущества одной из сторон.

В России в настоящее время ключевые экономические ведомства — Центробанк, Министерство финансов и Министерство экономического развития — по-прежнему возглавляют представители «старой неолиберальной гвардии». «Новую экономическую политику» также разрабатывает неолиберал А. Кудрин. Правда, за последние годы в

нашей стране критика неолиберализма со стороны представителей концепции более активной роли государства в экономике усилилась, и кто победит в этой дискуссии — пока не ясно.

Обратимся теперь еще к одной концепции государственного регулирования экономики — дирижизму. Термин «дирижизм» возник во Франции после Второй мировой войны, хотя фактически система государственного регулирования экономики, которую можно назвать дирижизмом, существовала также в Советской России в 1920-е гг. Дирижизм по сравнению с кейнсианством предполагает еще более активное вмешательство государства в рыночную экономику — в частности, прямое административное воздействие на некоторые экономические процессы, например, на ценообразование; создание значительного государственного сектора в экономике и индикативное планирование.

Уточним, в чем сходство и различие директивного и индикативного планирования. В обоих случаях составляется перспективный план развития народного хозяйства, который отличается от отдельных целевых программ своей сбалансированностью. Создание же отдельных, относительно краткосрочных целевых программ напоминает басню Крылова «Тришкин кафтан», где главный герой зашивает дыры заплатами, вырезанными из других мест кафтана. Различие же директивного и индикативного планирования заключается в способах достижения целей, намеченных в плане. Директива, т. е. прямой приказ государства хозяйствующим субъектам, возможна при государственной собственности на эти предприятия, а директивное планирование — при полной или хотя бы подавляющей части государственной собственности в народном хозяйстве. Директивное планирование было в Советском Союзе. Правда, не все помнят, что директивное планирование в советской экономике началось только в 1930-х гг., а в 1920-е гг., во время нэпа, планирование в Советской России были индикативным.

Правда, индикативное планирование большевики начали осуществлять не сразу. В первые три года после Революции они стали строить социалистическую экономику, как она представлялась им в теории, т. е. полностью централизованную, с прямым и неэквивалентным распределением материальных и трудовых ресурсов и готовой продукции, получившую название «военный коммунизм». Но военный коммунизм оказался нежизнеспособен, и пришлось вводить нэп. Для осуществления нэпа потребовалось снова разрешить торговлю, как частную, так и государственную; вернуть денежную и кредитную систему; приватизировать мелкую и половину средней промышленности, а предприятия оставшейся государственной промышленности объединить в тресты, которым предоставили относительную хозяйственную

самостоятельность в условиях рыночной экономики. Крестьянам, после уплаты налога, разрешили продавать свою продукцию.

Одновременно с введением нэпа в 1921 г. началось формирование системы планирования. Создание плановой экономики происходило постепенно — в первой половине 1920-х гг. осуществлялись годовые отраслевые планы, во второй половине — годовые народнохозяйственные, а с осени 1929 г. началась первая «пятилетка». Для разработки этих планов в 1920-е гг. в Советской России были созданы первые в мировой экономической науке модели экономического роста и межотраслевого баланса. Поскольку нэповская экономика (за исключением военно-промышленного комплекса) была рыночной, осуществление планов было индикативным, т. е. частных хозяйствующих субъектов стимулировали к определенным действиям с помощью налогов, кредитов и государственных заказов. Даже государственные тресты жили по общим рыночным правилам. Правда, государство иногда влияло на их ценовую политику (особенно в 1922—1923 гг.). Однако с 1926 г. в Советском Союзе началось нарастающее свертывание рыночных отношений, а с начала 1930-х гг. индикативное планирование было заменено на директивное.

Второй опыт дирижизма начался после Второй мировой войны во Франции. Его введение во многом было связано с тем, что у власти во Франции в это время был левый Народный фронт. Теоретическое обоснование французского дирижизма в значительной степени опиралось на разработки французских институционалистов, в первую очередь Ф. Перру. (Кстати, Новый курс Рузвельта тоже разрабатывали преимущественно институционалисты.) В отличие от классиков и неоклассиков, которые при формировании своих теорий исходят из равенства конкурирующих хозяйствующих субъектов и общего экономического равновесия, Перру исходил из того, что основополагающими принципами экономической жизни являются неравенство и неравновесие. Соответственно среди хозяйствующих субъектов существуют «доминирующие единицы», которые осуществляют в отношении других определенное принуждение. К таким доминирующим хозяйствующим субъектам относится и государство.

Среди отраслей и секторов народного хозяйства тоже, по мнению Перру, существует неравновесие. Некоторые устаревающие отрасли обладают тормозящим эффектом, и, наоборот, так называемые «отрасли-моторы» увлекают всю экономику вперед. Главной задачей государства и является поощрение этих «точек роста». Таким образом, государственное регулирование экономики, по мнению Перру, не должно иметь целью достижение сбалансированного экономического роста, закрепляющего существующую структуру народного хозяйства. Наоборот,

поощряя «точки роста», государство должно изменять, совершенствовать структуру экономики и таким образом стимулировать экономический рост.

Непосредственным же отцом-основателем экономической политики дирижизма во Франции был Ж. Монне. В дополнение к кейнсианским методам регулирования дирижизм, во-первых, активно использует индикативное планирование. Первая французская «пятилетка» пришлась на 1947—1953 гг., а всего во Франции было осуществлено 11 пятилетних и четырехлетних планов. Каждый план имел конкретную «сверхзадачу» — послевоенное восстановление экономики, модернизацию отраслевой структуры, активизацию французского экспорта и т. п. Во-вторых, французское правительство увеличивало после войны государственный сектор в народном хозяйстве. В-третьих, применяло иногда прямое административное вмешательство в экономику, вводя, например, завышенные или заниженные цены на определенные товары. Правда, последнее осуществлялось на основе договоренностей с частным бизнесом, так называемых «контрактов стабильности».

Экономическую политику Японии и Китая тоже можно назвать дирижизмом. Особенно это касается Китая, где присутствует многоукладность в рыночной экономике, различные варианты ценообразования, индикативное планирование на год, пять и десять-двадцать лет и т. п. Правда, поскольку в Китае, в отличие от России, не любят разрушать старые традиции и начинать каждый раз с чистого листа, современный китайский дирижизм называется «социализмом с китайской спецификой». Специфика Китая действительно велика, и анализ китайской экономики и экономической политики требует отдельного большого исследования. Тем не менее следует уточнить, что я не считаю высокие темпы роста китайской экономики исключительно результатом «правильной» экономической политики. Выше уже приводились примеры, когда «правильность» кейнсианства или неолиберализма пытались доказывать успешным экономическим развитием отдельных стран в определенные периоды истории, в то время как в действительности это развитие происходило под влиянием объективных причин. И речь здесь идет не только о фазах «большого экономического цикла». История мировой экономики знает примеры, когда некоторые страны делали зачастую не совсем объяснимый экономический рывок. Например, во второй половине 1890-х гг. в России были самые высокие в мире темпы экономического роста, хотя Россия не выделялась в это время какой-то особой экономической политикой. Конечно, можно справедливо вспомнить о положительной роли Витте в этот период российской истории, но в мировом масштабе экономическая политика Витте не была чем-то уникальным.

Обратимся, наконец, к современной России. Как уже отмечалось выше, сейчас у нас экономической блок правительства опирается в основном на неолиберальную концепцию, хотя и подвергается растущей критике государственников. Дискуссия на эти темы в мировой экономической науке не дает пока преимущества ни одной из сторон. Поэтому можно просто порассуждать о проблеме государственного регулирования экономики, опираясь на историю.

Если посмотреть на историю развития капитализма, то мы увидим, что на начальной стадии этого развития (для каждой страны она происходила в разное время — для Англии в XVII в., а для Японии — на рубеже XIX—XX вв.), когда капитализм был еще слаб, помощь и покровительство государства были значительными. Затем, по мере того, как капиталистическая экономика набиралась сил, государство все больше уступало место частной инициативе. Когда же классический капитализм свободной конкуренции в середине XX в. исчерпал себя, снова появилась необходимость в государственной поддержке и стимулировании капиталистической экономики. Государственная поддержка требовалась капиталистической экономике, как об этом говорилось выше, также во время войн и послевоенного восстановления, а также во время кризисов и послекризисных депрессий. Таким образом, первый вывод заключается в том, что более активное государственное вмешательство требуется «слабому» капитализму.

Другой фактор, который необходимо учитывать при сравнительном анализе разных вариантов государственного регулирования экономики, — это политические, о которых говорилось выше, и национальные особенности развития капитализма. Например, если сравнить социально-экономическую политику таких развитых регионов мировой экономики, как США, Западная Европа и Япония, то в США государственная поддержка населения представлена в наименьшей степени, в Японии она осуществляется преимущественно не на уровне государства, а на уровне фирм и корпораций, а в наибольшей степени социально-экономическая политика развита в Западной Европе. Не вдаваясь в подробные объяснения, можно утверждать, что это связано с историческими и национальными традициями.

Что же мы имеем в России? У нас капитализм еще очень молод (для истории 25 лет не срок, а традиции российского капитализма конца XIX — начала XX в. прочно забыты и остались только в книгах), а молодому, несформировавшемуся окончательно организму требуется помощь. Кроме того, в России с конца XV в., когда была создана Московская Русь, и до конца XX в. было централизованное государство, традиции которого во многом сформировали менталитет русского наро-

да — и это тоже надо учитывать при формировании институциональной среды, в том числе в сфере экономики.

Поэтому мы склоняемся к мысли, что на данном историческом этапе развития России ее экономике больше соответствуют значительное государственное регулирование и стимулирование, предположительно на основе концепции дирижизма.

К.А. ХУБИЕВ

**О количественном и качественном подходе
к государственному дирижизму**

Аннотация. В статье исследуется проблема роли государства в экономике России. Критически разбирается широко распространяемая, в том числе и в правительственных кругах, оценка доли государства в ВВП в объеме 70% и основанные на этом выводы о том, государство является главным тормозом конкуренции и развития. Предлагается перейти от количественной оценки роли государства к качественным оценкам на основе экономической и социальной эффективности.

Ключевые слова: ВВП, государственная собственность, государственный сектор, закон Вагнера, качество государственного участия в экономике.

Экономические кризисы побуждают экономическую науку к исследованию их природы, причин происхождения, характера протекания и последствий. Вялотекущая стагнация настойчиво ставит конкретные и злободневные вопросы о главной причине и путях выхода на позиции устойчивого развития. В этой связи вопрос о роли государства становится одним из главных.

Обсуждение данного вопроса в российской экономической науке усугубляется тем обстоятельством, что саму науку упорно и последовательно ориентируют на зарубежные издания. В зависимости от зарубежного признания напрямую ставятся престиж ученого, финансирование учреждений науки и образования, выделение грантов. В подобной ситуации затрудняется объективное научное исследование. Российская наука и образование существуют за счет бюджета государства. Естественно ожидать, что и работать она должна в интересах России и ее граждан. При этом не может быть никаких ограничений свободного научного творчества. Но ситуация выглядит парадоксально: прибли-

женная к государственной власти экономическая наука обильно питается из государственного источника, тратит немало ресурсов на доказательство избыточного присутствия своего «кормильца» в экономике, и в этом видит основную проблему стагнации. Из этих незамысловатых построений делаются определенные выводы: для оживления экономики надо сократить государство, в том числе и за счет «новой волны» приватизации. Все эти изыскания псевдолиберального толка хорошо ложатся на интересы зарубежных изданий и всевозможных фондов, выделяющих гранты. Создается впечатление, что только сверхлиберальное государство может из своих ресурсов подкармливать научные изыскания, направленные на внешние и отнюдь недружественные интересы, особенно в сложившихся конкретно-исторических условиях. Можно ли представить себе зеркальную ситуацию со стороны зарубежных государств, питающих науку, работающую в интересах России?

Парадоксальность описанной ситуации ярко проявляется на примере заявленной темы. Она не нова, и нам приходилось участвовать в ее обсуждении, о чем будет сказано ниже. Но с самого начала хотелось бы заявить о том, что мы всегда были против «количественного» обсуждения роли государства в экономике. Нами был предложен качественный подход к исследованию экономической роли государства по критериям экономической и социальной эффективности [15; 17].

В процессе обсуждения поставленного вопроса в течение XXI в. произошли два волновых всплеска. Первый относится к началу нового века, второй приходится на текущее время. Первый этап уже был нами рассмотрен, в том числе и на страницах журнала «Философия хозяйства» [16]. Десять лет назад были приведены неопровержимые аргументы, доказывающие несостоятельность формулы обратной зависимости экономического роста от доли государства в экономике [6; 7—9; 11; 12; 18—21]. Критические аргументы теоретического и модельно-математического [13] порядка не были творчески преодолены сторонниками упомянутого направления, поэтому мы не будем к ним возвращаться и основное внимание уделим текущему периоду, а настоящая статья явится продолжением предыдущих публикаций, посвященных теме.

В интенсивный оборот, в том числе и в правительственных кругах, запущена впечатляющая цифра: 70% доли государства в экономике. При этом терминологическая путаница сродни загадочности происхождения магической цифры, которая призвана напугать образом Левиафана. Одни под этой цифрой понимают вклад государственного сектора в производство ВВП: «государство стремительно наращивает присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015», — пишет ФАС» [4]. Здесь сразу следует обратить внимание на

два момента. Во-первых, ФАС, на который ссылаются «Ведомости», правительственный орган, и его данные используют министры в публичных выступлениях и даже некоторые представители академической науки [14]. Во-вторых, каким образом государство помимо госкомпаний участвует в производстве ВВП (далее мы вернемся к этому сюжету)? Другие этой цифрой оценивают долю госсектора в экономике: «в российской экономике общая доля госсектора, по оценке МВФ, составляет не менее 71%, в том числе госкомпании формируют порядка 29% ВВП...» [10]. Важно отметить, что здесь указан первоисточник — материал МВФ. И опять загадкой остается другой участник производства ВВП, кроме госкомпаний. Забегая вперед, выскажем предположение: произведенный ВВП складывается с государственным бюджетом. Тогда получается заветная цифра. Но к анализу содержательности определений и подходов мы еще вернемся. Третьи употребляют более расплывчатое понятие «участие государства в экономике». Анализ начнем с последнего. В это расплывчатое понятие можно вместить не только госкомпании и бюджет, но и всю легальную экономику, поскольку на нее распространяется налоговая и монетарная политика государства. Обширное и всеобъемлющее понятие не имеет научного и точно определенного смысла. Но оно служит основой для спекулятивных заявлений о том, что государство везде расставило свои щупальца, поэтому его участие огромно, и надо его сократить. Что касается вклада государства в ВВП, то откуда берется эта цифра, если по официальной статистике в государственной собственности после тотальной приватизации осталось менее 3% предприятий, основных фондов — менее 20%, а занятых — менее 30%? Ведь ВВП включает в себя блага, т. е. товары и услуги, которые без участия людей и средств производства не создаются. Ну а если меньшей долей ресурсов государству удастся проводить большую долю ВВП, то надо этот сектор поощрять и на него переключать ресурсы от других менее производительных секторов. Но ведь сторонники рассматриваемой точки зрения хотят обратного. Они предлагают сократить этот сектор, в том числе и путем запуска новых волн приватизации. Создается впечатление, что некоторые авторы настолько ангажированы, что не видят противоречивости своих изысканий. Если, по данным официальной статистики, занятых в госсекторе около 30% и на их долю приходится 70% ВВП, то следует определенный вывод о высокой эффективности госсектора. И отсюда никак не может следовать вывод о необходимости его сокращения. Однако изобретательность в том-то и состоит, что вместо обоснования научных аргументов развернуться в противоположном направлении.

На основе впечатляющих цифр, терминологической путаницы, методологической и методической неопределенности изысканий дела-

ются далеко идущие выводы и предложения. А именно: за вычетом 70% «неэффективной» государственной доли в экономике на долю «эффективного» частного бизнеса остается лишь 30%. Вот где усматриваются основные беды российской экономики. Вот красноречивое заявление: «Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики. ФАС признал государство главным врагом конкуренции» [10]. Виновник указан, остается принимать решения, в том числе о «второй волне» приватизации, — и действовать. Конкуренция — это благопристойная ширма, за ней скрывается полюбленная на вкус устремленность к дешевой приватизации оставшихся у государства предприятий оборонного комплекса и естественных монополий.

Алчущим господам хотелось бы напомнить, что два десятка лет нас уверяли в том, что стоит только передать «неэффективные» государственные предприятия в «эффективные» негосударственные руки, как развернется конкуренция и другие чудотворные силы рынка. Более 97% предприятий было приватизировано. Сперва следует запустить в этом огромном частном секторе конкурентно инновационный процесс, потом можно будет обсуждать продолжение того, что дало драматические результаты в 1990-х гг. Поскольку подобные блюда с псевдолиберальной начинкой периодически подсовываются с завидной настойчивостью, без всякой оглядки на научную аргументацию, а их практическое использование не раз приводило экономику к кризисно-депрессивному состоянию, то не следует в очередной раз поддаваться ложным рецептам.

Важность обсуждаемого вопроса требует обратиться к попыткам разобраться в методах определения доли и роли государства в экономике.

Нам не удалось обнаружить методику расчета ФАС 70% доли государства в экономике, на которую ссылаются периодические издания, средства массовой информации, чиновники правительственного уровня и даже представители академической науки. Наш анализ публикаций выявил любопытную логику событий, достойную описания. «Газете. RU в ФАС пояснили, что данная оценка является экспертным мнением, с которым Служба согласна» [5]. К этому следует добавить, что здесь же утверждается что «Министерство экономического развития также не смогло привести расчетов доли государства в экономике, ограничившись цитатой бывшего главы ведомства А. Улюкаева» [5]. Два экономических ведомства правительства ссылаются на экспертное мнение. «В частности, можно привести экспертное мнение, подготовленное Кириллом Андросовым (председатель совета директоров Аэрофлота на Гайдаровском форуме 2016)» [5]. Замечательно то, что эксперт и методу приводит, и источник указывает, что дает возможность продол-

жить целенаправленный анализ. «Просто чтобы дать понимание того, как эта доля менялась, десять лет назад в 2005 году, эта доля оценивалась на уровне 35%. При этом около 30% формируют компании с государственным участием, оставшиеся 40% — это вклад бюджетов всех уровней, — утверждает К. Андросов»¹.

Метод сложения производства ВВП госкомпаниями расходов госбюджета, да еще и всех уровней, прямо выводит на отчеты МВФ. Это конечная инстанция и конечный источник мифической цифры. В докладе МВФ мы обнаруживаем следующее: «на государственный сектор приходится значительная доля экономической активности с выручкой не менее 71% ВВП, расходы не менее 68% ВВП, а по оценкам профицит в размере 3 процентов от ВВП» [22]. Названная здесь цифра в 71% не имеет никакого отношения к доле государства в производимом ВВП. Используются понятия «активность государства» и «выручка». Здесь вообще речь идет о государственных финансах, о чем свидетельствует последующее изложение, посвященное активам и обязательствам государства и корпоративного сектора. При этом используется методология «доходы — расходы» применительно к финансам, о чем свидетельствует и указание на профицит. Выручкой в финансовой сфере могут считаться доходы от продажи государственных ценных бумаг, что отразится на обязательствах государства. Возникают и другие вопросы. Если бюджет государства в два раза меньше, то откуда берется оставшаяся часть финансовых доходов, как она минует законодательный бюджетный процесс, на что тратится, и кто ее в итоге присваивает? В данном случае ВВП используется как универсальный, но пассивный объект для сравнительной оценки, как это делается с другими показателями (объем инвестиций в сравнении с ВВП, государственный долг в сравнении с ВВП). О субъектах *производства* ВВП речь не идет. Вообще, доклад МВФ посвящен фискальной проблеме и государственным финансам, а не методам расчета ВВП, определению доли государственного участия в этом процессе. Поэтому ссылка на данный материал МВФ для определения доли государства в ВВП или госсобственности некорректна. А других источников нет. Вот на такой научно-методической основе делаются громкие выводы: «государство поглотило 70% экономики». «При этом госкомпании неэффективны и в нынешнем виде являются

¹Следует отметить, что на том же Гайдаровском форуме (2016) Денис Мантуров оценил этот показатель в 50%. Он сказал, что пользовался другими источниками, но не привел их, поэтому оценить происхождение данного показателя не представляется возможным. Цифра в 50% употребляется в том числе и представителями академической науки.

тормозом развития, заявил 23 сентября на Московском экономическом форуме глава ЦСР А. Кудрин» [24].

Итоговый приговор российской экономике в приведенном источнике такой: в России сложился неэффективный государственно-монополистический капитализм. Можно даже уточнить эту формулу — государственно-олигархический капитализм. Только следует поставить вопрос: как и откуда он возник? А он не с неба упал, а явился в результате массовой приватизации, включая залоговые аукционы. Куда же приведут призывы ко второй волне приватизации? Прежде чем предлагать «второй сеанс» уже пройденного, надо подтянуть до эффективного уровня приватизированную массу ресурсов, принадлежавших ранее государству. Дальнейший разбор приведенной позиции не имеет смысла.

Среди источников, посвященных обсуждаемому вопросу, в отдельную категорию следует выделить публикации, выполненные в жанре научного исследования. В последнем (декабрьском) номере журнала «Вопросы экономики» опубликована статья, посвященная обсуждаемой теме, и она заслуживает особого внимания, поскольку в ней содержится методика, отличная от МВФ [1].

Авторы справедливо отмечают, что нет универсальной оценки определения анализируемых показателей: доли государственной собственности и ее роли в экономике. Сами авторы выбрали метод прямой и косвенной оценки владения государством ценными бумагами корпораций. В рамках данного подхода используются две методики. Первая включает в государственную собственность прямое и косвенное владение не менее 10% акций (метод ЕБРР); вторая — владение любым количеством акций (метод Госкомстата).

Данная работа заслуживает внимания, поскольку не ограничивается ссылкой на МВФ, в ней предпринимается оригинальная попытка самостоятельного исследования сложного вопроса. Но обеим методикам присущ недостаток, который мы считаем коренным: они основаны на владении вторичными активами, или фиктивным капиталом. Блага, составляющие ВВП, создаются не фиктивными, а реальными ресурсами в виде производственных фондов, вовлеченных в создание ВВП, и трудовым ресурсом (рабочая сила). И собственность, в том числе и государственная — довольно сложная категория. Она должна оцениваться стоимостью ресурсов (основного и оборотного капитала), потоком произведенных благ и доходов. И только в последнюю очередь собственность может быть охарактеризована вторичными активами (фиктивным капиталом. У данного подхода есть и другие более частные недостатки. Не будут охвачены государственные и муниципальные предприятия, не имеющие акционерную форму, но производящие блага,

включаемые в ВВП. Волатильность цен корпоративных акций на фондовом рынке имеет ряд причин, в том числе и неэкономических.

Если придерживаться данного подхода, то имеет смысл владение государством контрольным пакетом, позволяющим реализовать собственность в ее экономическом содержании: контроль над движением ресурсов (включая слияния и поглощения), процессом производства благ (включая менеджмент), и распоряжение потоками доходов. В остальных случаях миноритарное владение имеет номинальный смысл. Эти компании будут функционировать как частные, включая контроль над доходами, дивидендную и инвестиционную политику. В данном случае можно говорить о собственности государства в рамках приходящихся на ее долю доходов через дивиденды. Для определения доли в ВВП это имело бы косвенный смысл, если бы ВВП определялся методом суммирования первичных доходов. Но с этой задачей справляется прибыль, относящаяся к первичным доходам и включающая в том числе и дивиденды.

Для продолжения анализа, как нам представляется, сначала надо раздельно изучить государственную собственность как таковую и участие государства в производстве ВВП, что имеет свои сложности. Это пересекающиеся, но не тождественные проблемы.

Собственность вообще и государственная в частности относятся к числу самых сложных проблем. «В докторантурах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались “запретной зоной” в качестве тем докторской диссертации» [2, 24].

Если подойти к ее содержанию не только с позиций имущественной принадлежности, в особенности, если иметь в виду принадлежность государству вторичный актив, а более комплексно и с учетом методологии запасов и потоков, то можно выделить следующие элементы:

- принадлежащее государству имущество;
- собственность на неимущественные права;
- государственный бюджет;
- элементы экономической политики.

Отметим сразу, не вся государственная собственность участвует в производстве ВВП.

Первый элемент состоит из естественных ресурсов, недвижимого имущества производственного и социального назначения, фондовых активов (акций, облигаций). Естественные ресурсы являются общенародным достоянием и должны служить государственным интересам. В конкретном экономическом смысле доходы от разработки и реализации естественных ресурсов, имеющих рентное происхождение, как уже от-

мечалось, должны присваиваться государством и использоваться на общенародные цели.

Государственное имущество социального назначения по предназначено для реализации интересов населения. Однако при государственных учреждениях социального назначения создаются коммерческие структуры, легально оказывающие платные услуги, что служит реализации индивидуальных или групповых экономических интересов с использованием государственного имущества. В данном случае на практике реализуется разрыв между запасами (госимущество) и потоками доходов. Но при этом создаются блага, входящие в ВВП, которые через владение акциями не могут быть учтены.

Что касается государственного имущества производственного назначения, то проблема реализации интересов здесь представляется более сложной. Организационно оно представлено в виде унитарных и казенных предприятий. Если их функционирование направлено на реализацию исключительно государственных нужд, то цикл реализации интересов замкнут на государственном секторе, хотя и происходит дифференциация коллективных и государственных интересов. Работники таких предприятий должны иметь гарантированную оплату труда с элементами внутрихозяйственного экономического стимулирования. Положение других государственных предприятий, не полностью работающих на государственный заказ, двойственно. С одной стороны, они в приоритетном порядке должны удовлетворять государственные нужды, а с другой — функционировать на коммерческих условиях, реализуя групповой экономический интерес. Продукция казенных и иных государственных и муниципальных предприятий, не имеющих акционерную форму, также не может быть учтена в ВВП через владение акциями.

Особого внимания заслуживают производство и реализация продукции, связанной с монопольным положением. Если монопольное положение получено за счет создания новых технологий и продукции, то результаты монопольного положения должны приоритетно удовлетворять интересы тех субъектов, которые их создали. Сверхдоходы, полученные в сфере функционирования естественных монополий и приравненной к ней (алкоголь, табак и др.), должны служить реализации общественного интереса. Едва ли может быть оправдано экономически положение, когда государство отторгает от себя потоки доходов, приватизируя отрасли, приносящие рентный и монопольный доход и монопольную ренту, а затем прилагает огромные, зачастую малоэффективные усилия по получению в бюджет части этих доходов, которые целиком ей принадлежали изначально (пример ЮКОСа).

Доходы — важнейший элемент экономической реализации собственности и интересов. Каждый участник экономических процессов

может претендовать на долю доходов, в формировании которых принял участие. Доходы от естественных ресурсов и монопольных товаров, не будучи результатом экономической деятельности отдельных физических и юридических лиц, должны присваиваться государством и служить реализации общегосударственных или общенациональных интересов.

К государственному имуществу относятся приносящие доход активы, в том числе и акции. Это особая сфера функционирования государственной собственности, где отчетливо проявляется отсутствие контроля со стороны социального субъекта общенационального уровня. Это проявляется в низкой доходности корпоративных акций, принадлежащих государству. В компаниях со смешанной собственностью интерес представителей частного капитала значительно мотивированней представителей государства.

Следующим элементом государственной собственности является бюджет, который в исследованиях по собственности оставался в тени и не включался в содержание государственной собственности. Объясняется это тем, что в трактовке содержания государственной собственности преобладал ресурсно-факторный, или «вещный», подход. Между тем бюджет представляет собой важный поток доходов (и расходов), который реализует социально определенные интересы.

В условиях рыночной экономики бюджет служит главным фактором реализации общегосударственных и общенациональных интересов. Правда, речь в данном случае идет об экономической возможности, которая осуществляется не автоматически, а под воздействием социально-политических сил в бюджетном процессе. Некоторые авторы расходы бюджета включают в ВВП, исчисляемый методом расходов. Такой подход корректен, если берется не весь бюджет, а только та его часть, которая идет на закупку товаров и услуг. Но включением бюджета в ВВП совершается ряд ошибок, в том числе и повторный счет.

Собственность на неимущественные права государства — особый элемент содержания государственной собственности. Совместно с экономической политикой она может оказаться главным элементом ее содержания в условиях индустриального и постиндустриального общества. Государственной собственностью, приносящей доход для реализации общесоциальных интересов, могут служить транспортные коридоры (наземные, водные, воздушные); контролируемое космическое пространство; эфирные частоты; основные коммуникации и объекты инфраструктуры; службы, связанные с обеспечением безопасности движения всех видов транспорта. Перечень этот можно продолжить. Представляется, что в ВВП могут быть включены не созданные блага, а

доходы как важнейшая форма экономической реализации собственности.

В качестве особого элемента государственности мы включили экономическую политику. Такой подход нельзя считать традиционным для основных направлений экономической теории, специально занимающихся вопросами теории собственности. Он может быть обоснован воспроизводственным подходом к собственности и трактовкой ее содержания как процесса реализации определенных интересов. Экономическая политика существенным образом влияет на направления, структуру и интенсивность потоков доходов, которые могут быть учтены в ВВП по доходному методу. Налоговая, таможенная политика, политика доходов, динамики ВВП и занятости — эти и иные направления экономической политики служат реализации социально определенных интересов. Новейшая история России содержит достаточное количество свидетельств на сей счет. Явление «олигархов» в России объясняется тем, что экономическая политика была выстроена таким образом, что стала возможной концентрация значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей. Конкретизация экономической политики, приводящей к олигархизации экономики; последовательность и направленность реализации такой политики требуют особого исследования и описания. Основная суть заключается в том, что экономическая политика, влияя на потоки доходов и реализацию интересов, выступает важным фактором государственной собственности.

Как воспроизводственный процесс все указанные моменты государственной собственности выступают в единстве. Но из этого не следует, что в ВВП можно объединять разные методы расчета для получения устрашающих цифр государственного участия в ВВП.

Теперь кратко о корпоративной собственности, поскольку государственному участию в ней придается решающее значение при определении доли государственной собственности и его участия в ВВП.

Логика образования эффективных корпораций состоит в том, что в исходном пункте их образования находится инвестиционный проект. Под этот проект, если он перспективен, мобилизуются средства акционеров, с помощью которых он реализуется. Активы фирмы складываются из средств заинтересованных этим проектом лиц. Мотивы контроля базируются на интересе акционеров. Получение и распределение доходов венчают этот жизненный цикл, который повторяется заново. Главная причина неэффективности корпоративной формы в переходной экономике России кроется в нарушении эффективной логики ее образования. Вместо концентрации активов под перспективный инвестиционный проект здесь происходило рассредоточение государствен-

ных активов без всякой связи с инвестиционным процессом. Если путем акционирования приобретались прибыльные фирмы, то «улавливание» доходов было главной целью приватизаторов. То, что в эффективно формируемой корпорации является завершающим этапом, в переходной экономике России было исходным пунктом. По сути эта была рентно-ориентированная приватизация. Разрушение логики эффективности имело определенные последствия. Доходы и даже оборотные средства приватизированных предприятий отвлекались в спекулятивный сектор, который был более доходным по сравнению с реальным сектором. Инерционно приносящие доход средства производства невозобновляемо изнашивались. К такому же результату приводило инвестирование полученных доходов за рубежом. Разрыв прямой связи между доходами и их источниками разрушал логику эффективного функционирования акционерных обществ. Конечным выводом упомянутой выше статьи является неэффективность государственной собственности [1]. На самом же деле проблема значительно шире. Неэффективность российских компаний, независимо от того, участвует в них государство или нет, определяется характером их происхождения, противоречащим экономической логике эффективного происхождения данной формы организации предпринимательства.

Наша позиция по отношению к роли государственной собственности в структуре отношений собственности нуждается в некотором уточнении. Когда она измеряется исключительно принадлежащим государству имуществом, то и действительная ее величина искажается. Приватизаторы в России ссылаются на то, что в развитых странах (например, в США) доля государственной собственности невелика. Отсюда делается вывод: чтобы стать развитой страной, надо «доприватизировать» все, что еще осталось неприватизированным. Предлагается даже приватизировать учебные заведения, учреждения культуры и т. д.

Собственность в данном случае рассматривается как запас, как принадлежащее государству имущество. Но если рассмотреть собственность как поток, которым распоряжается государство, то окажется, что государственная собственность в США составляет около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого масштаба, государство может проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политики, в том числе и экономическую.

Опыт именно развитых стран дает ориентиры на усиление роли государственной собственности. Ее структура в разных странах формировалась под влиянием конкретно-исторических причин. В одних странах государственное предпринимательство играет существенную роль, в других — основной центр тяжести государственной собственности

ложится на бюджет. Ставку на бюджет в структуре госсобственности могут делать те страны, где установлен баланс межсоциального распределения национального дохода, отлажен национальный механизм эффективного сбора налогов, высока налоговая дисциплина, гражданская и предпринимательская этика.

Россия пока еще очень далека от наличия подобного рода традиций. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики и олигархизации приватизация является неэффективной, поскольку ее результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. В этих условиях в России следует укреплять государственную собственность и прежде всего в отраслях, где доходы не имеют предпринимательской основы.

Подведем итог. Государственная собственность имеет многослойную и многофункциональную структуру. Через нее определить долю государства в ВВП крайне сложно. Если ставить такую задачу, заранее зная для чего ее надо решать, нужен другой подход.

Суть ВВП — произведенные блага. Блага производятся с использованием ресурсов, в том числе и трудовых. Официальная статистика предоставляет возможность анализа в данном направлении.

Основные фонды в государственной собственности составляют около 17%. Среднегодовая численность занятых в государственной и муниципальной собственности составляла в 2014 г. 27,9%. Поскольку статистика по оборотным средствам не приводится, рассчитать долю государства в производимом ВВП лучше через долю занятых. Большинство источников отводит государству 28—30% производимого ВВП. «По расчетам МВФ, проведенным методом сложения расходов, в 2012 г. 26 крупнейших государственных компаний производили 28% российского ВВП, что почти соответствует вкладу КГУ в ВВП 61 крупнейших компаний» [1, 75]. Приведенная цифра соответствует доле занятых в госсекторе. Скорректировать этот показатель можно через разницу в средней производительности труда в государственном и негосударственном секторе. Если доля госсектора в ВВП не меньше доли занятых в нем, то нет оснований говорить о более низкой производительности труда и вообще неэффективности госсектора. И, наконец, «в то же время оценка вклада в ВВП всего государственного сектора, включая бюджетные организации, сделанная МВФ по данным за 2012 г., в размере 68% примерно совпадает с аналогичными расчетами ФАС (2016), согласно которым совокупный вклад государства и государственных компаний в ВВП России составил около 70%, а в 2005 г. эта доля не превышала 35%». Методику и расчеты ФАС нам обнаружить не удалось, а ведомство, по свидетельству Газеты.RU, сообщило что ни методики, ни расчетов нет, а на материалы МВФ мы уже ссыла-

лись. В них есть обе цифры 71 и 68. Первая означает доходы, вторая — расходы. Разница называется профицитом. Скорее всего ФАС взяло первую цифру из доклада МВФ, авторы статьи — вторую. Основной темой доклада МВФ является фискальная политика, долговая нагрузка и т. п., а не методы расчета ВВП. Об этом свидетельствует ссылка на бюджетные организации, которая прямо выводит на сложение бюджетных расходов и производимого ВВП. Метод расходов смешивается с производственным методом расчета ВВП, кроме того, очевиден повторный счет. И все это ради получения впечатляющей и даже устрашающей цифры, дающей карт-бланш на достаточно легкое обоснование основных причин экономических трудностей и столь же легкую возможность по их преодолению.

В заключение следует отметить два важных момента. Пора отказаться от количественного подхода к оценке доли и роли государства в экономике, в особенности от тех изысканий в этом направлении, которые на научно несостоятельной основе отстаивают идею «сокращения» государства новых «волн» приватизации. Экономической науке следует перейти к не ангажированному обсуждению качества роли государственного участия в экономике по критериям экономической и социальной эффективности. Хорошего (по данным критериям) государства должно быть как можно больше, плохого — как можно меньше.

Литература

1. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М.* Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики. 2016. № 12.
2. *Бетелл Т.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. Бюллетень о развитии конкуренции // Ведомости. 2016. Март.
4. Ведомости. 2016. 29 сент.
5. Газета RU. 2016. 18 окт.
6. *Гайдар Е.* Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // Вопросы экономики. 1998. № 4.
7. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002. № 9.
8. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1.
9. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Экономическая свобода и благосостояние народов // Вопросы экономики. 2000. № 4.
10. Коммерсант. 2016. 29 дек.
11. *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7.

12. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2.
13. *Нигматулин Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 125—131.
14. *Сидорова Е.А., Клинова М.В.* Гайдаровский форум 2016: государство в экономике. М.: МГИМО, 2016.
15. *Хубиев К.А.* О количестве и качестве роли государства в трансформационной экономике // Государство и общество / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М., 2005.
16. *Хубиев К.А.* О количестве и качестве государственного участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма // Философия хозяйства. 2012. № 2. С. 14—28.
17. Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К.А. Хубиева. М.: Теис. 2004.
18. *Ясин Е.* Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // Вопросы экономики. 2003. № 1.
19. *Ясин Е.* Модернизация российской экономики: повестка дня // Модернизация российской экономики. Кн. 1 / Отв. ред. Е. Ясин. М., 2002.
20. *Ясин Е.* Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста. М.: Российская экономика. МВЭШЕ, 2002.
21. *Ясин Е.* Функции государства в рыночной экономике // Вопросы экономики. 1997. № 6.
22. International Monetary Fund. May 2014. P. 8.
23. <http://kommersant.ru/doc/2480928>.
24. Finanz.ru 29.09.2016/.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Россия в глобальной экономике: необходимость неодирижизма

Аннотация. Раскрыты основные противоречия и обоснован субъективный характер глобализации. Показан синергетический эффект социалистического планового хозяйства, опровергающий теорию экономических циклов. Представлены элементы модели перехода глобального социума от фиктивных к реальным целям развития.

Ключевые слова: глобализация, транснациональный капитал, Россия, всестороннее развитие человека, трудовая стоимость товаров.

В глобальной экономике действуют правила игры, которые позволяют транснациональным корпорациям (ТНК) перераспределять в свою пользу значительную долю ресурсов суверенных государств. Главным субъектом хозяйственных отношений на современном этапе глобализации выступает транснациональный капитал, который не только играет ключевую роль в глобальной цепочке создания добавленной стоимости, но и все активнее подчиняет себе традиционные сферы государственной и социальной политики. Дальнейшая реализация модели глобальной экономики (демократической по форме, но неэквивалентной по сути) в конечном итоге может привести к ликвидации всех социальных завоеваний человечества и полному отстранению государства от воспроизводственного процесса.

Трилемма глобализации

По мнению профессора Гарвардского университета Д. Родрика, политическая трилемма мировой экономики (трилемма финансовой глобализации) заключается в невозможности одновременного достижения трех целей — гиперглобализации, проведения демократической политики и сохранения национального государства. Для достижения любых двух целей третьей придется пожертвовать. Истоки трилеммы очевидны — захватив все мировые рынки, капитал как «самовозрастающая стоимость» достиг пределов своей экспансии. Для его дальнейшей мультипликации необходимо ликвидировать непроизводительные социальные или государственные расходы, соответственно либо осуществив демонтаж социальной системы (отказ от демократической политики), либо передав полномочия регулирования экономикой всемирному правительству (отказ от национальных государств). Возможен и третий вариант — деглобализация — однако для его осуществления необходимо вернуться к ограничению движения транснационального капитала и регулированию валютных курсов, что фактически будет означать конец глобальной экономики (рис. 1) [5, 408—413].

Сегодня по сути реальное участие того или иного государства в процессах глобализации определяется количеством ТНК, находящихся в его юрисдикции. В наиболее репрезентативном рэнкинге издания «Financial Times» среди 500 крупнейших компаний мира по размеру рыночной капитализации в 2015 г. присутствовало всего 5 российских против 209 американских компаний. В 2008 г. российских компаний насчитывалось 13 против 169 компаний из США. Таким образом, начиная с 2008 г., число российских глобальных ТНК последовательно сокращается.

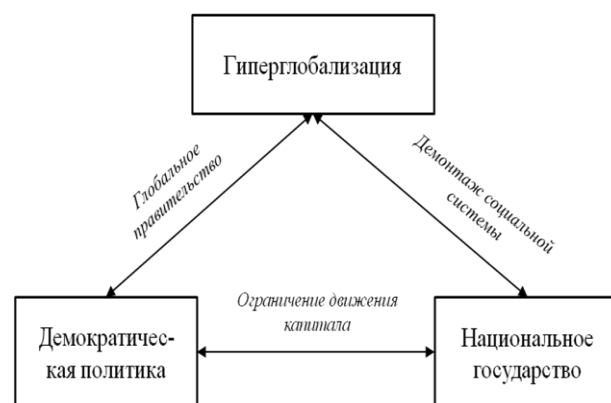

Рис. 1. Трилемма финансовой глобализации

Масштабы оперирования ТНК действительно достигли колоссальных размеров. По сопоставлению доходов консолидированных бюджетов суверенных государств и выручки корпораций в 2015 г. из 200 крупнейших экономик мира только 70 были государствами, остальные — ТНК [6]. В период 1990—2015 гг. абсолютный размер добавленной стоимости, произведенной иностранными филиалами ТНК, увеличился на 897%, их совокупные активы выросли на 2717%. Для сравнения — размер мирового ВВП за указанный период возрос на 328%, а мировой экспорт товаров и услуг — на 482% [14, 18; 15, 29]. Например, объем выручки крупнейшей нефтегазовой компании США «Еххон Мобил» в 2015 г. составил 268 млрд дол., в то время как доходы бюджета суверенного государства Украина равнялись 381 млрд дол. (соотношение 7:1). В то же самое время число занятых в американской корпорации составило 77 тыс. против 42,5 млн жителей Украины (соотношение 1:566). И хотя с точки зрения методологии данный пример не совсем корректен, тем не менее он четко демонстрирует сравнительную эффективность «человеческого капитала» (выявляет количество «ненужных людей»). Итак, свободное международное движение капиталов ведет к непропорциональному перераспределению богатства от суверенных государств к транснациональным корпорациям.

Главным инструментом глобального неэквивалентного обмена выступает политика заниженного валютного курса. Следует напомнить, что до разрушения СССР соотношение валютного курса советского рубля составляло 60 коп. за 1 дол. США. С тех пор валютный паритет рубля к доллару снизился более чем в 100 раз в ущерб российской экономике (в 2016 г. обменный курс 1 дол. составлял 65—62 российских

рубля). Занижение курса рубля ведет к тотальной дискриминации российских производителей и потребителей, которые несут колоссальные убытки на мировом рынке, с учетом того, что доллар США является основной валютой международных расчетов. Прерогатива производства долларов принадлежит исключительно ФРС США. Рубль, несмотря на гигантский экономический потенциал России (включающий первое место в мире по запасу сырьевых ресурсов), не воспринимается мировым сообществом как адекватный эквивалент стоимости данного потенциала (спрос на российский рубль как на валюту международных расчетов в 450 раз ниже соответствующего спроса на доллар США).

Мир-системное ядро финансомики

Таким образом, главным субъектом финансовой глобализации выступает транснациональный капитал. И хотя сам капитал является космополитическим по своей сути, привила его глобального обращения имеют англосаксонское происхождение. Процесс трансформации капитала в главный субъект глобализации происходил в два этапа. Первый этап (1770—1970) характеризовался революциями в сфере производства и финансов. Родиной обеих революций стала Англия. Промышленная революция позволила впервые объединить мир в единую систему торговли и коммуникаций. Централизация денежно-кредитного обращения (осуществленная с созданием Банка Англии в 1694 г.) поставила государство в прямую зависимость от частных капиталов. Золотой стандарт (впервые введенный в Англии) сделал возможным появление такого понятия, как «резервный актив» — универсальное средство подведения всех стран мира под единый стандарт регулирования дисбалансов в мировой торговле. Теории свободного рынка А. Смита и Д. Рикардо обосновали преимущества международного разделения труда. Империализм создал прецедент для навязывания правил и внешнего контроля со стороны развитых стран всему остальному миру. Институционально система внешнего управления суверенными государствами была закреплена с появлением международных финансовых организаций (Банка международных расчетов, МВФ, Всемирного банка), учрежденных по инициативе англосаксов. Рынок евродолларов, организованный в Лондоне с 1950-х гг., позволил вывести доллар из сугубо американской юрисдикции, придав ему характер офшорной валюты.

Второй этап глобокапитализма начался в 1980-х гг. и продолжается по сей день. Его отличительной чертой является информационная революция, сопровождавшаяся дерегуляцией финансовых рынков, в результате чего были сняты ограничения на международное движение капиталов и упразднен контроль над режимами валютных курсов. Одновременно в Англии была проведена большая приватизация (послу-

жившая примером для других стран мира), вследствие чего ключевые производственные активы перешли в частную собственность. Оффшорные юрисдикции (многие из которых находятся под британским контролем) превратились в мощные перераспределительные центры для глобальных капиталов. Наиболее востребованным в проведении транснациональных сделок на финансовых рынках стало англо-американское общее право. Благодаря англосаксонскому влиянию возникли также и такие современные институты, как международные стандарты финансовой отчетности, государственно-частное партнерство, контрциклическая политика, таргетирование инфляции, которые последовательно усиливали приоритет частных капиталистических интересов над целями государственного и социального развития. И наконец в 1980-х гг. британец Тим Бернес Ли изобрел Всемирную паутину, окончательно лишившую государства контроля в сфере информационной политики. При помощи этого виртуального ресурса сегодня осуществляется перестройка глобального человеческого сознания под непротивление глобокапитализму, а по сути *расчеловечивание* социума.

Все глобальные потоки капитала сходятся и расходятся в международной финансовой системе — основе глобокапитализма. Доминирование англосаксов в этой системе беспрецедентно. По данным, опубликованным в августе 2016 г., доли англосаксов в различных сегментах мирового финансового рынка составляли (США и Великобритания соответственно): финтех — стартапы (66 и 10%), частный выпуск акций (66 и 9%), активы хедж-фондов (67 и 10%), управление активами (57 и 6%), инвестиционный банкинг (39 и 5%), рынок акций (52 и 6%), процентные деривативы (23 и 49%), межбанковские кредиты (18 и 20%), морское страхование (6 и 29%), межбанковский валютный рынок (19 и 41%) [11, 18].

В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля». Его авторы проанализировали структуру собственности 43 000 транснациональных корпораций и выделили из них супергруппу, состоящую из 147 тесно связанных корпораций, которые контролируют 40% остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 компаний с наивысшим глобальным контролем 27 — американские и 7 — британские, а возглавила весь список английская компания «Barclays plc», признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира [12].

Помимо контроля мирового финансового рынка и ТНК, США имеют наибольшую долю капитала в ведущих межправительственных финансовых организациях: МВФ, Группе Всемирного банка, ЕБРР, Межамериканском банке развития, Азиатском банке развития (одинако-

вая доля капитала с Японией). США подконтрольны три ведущие рейтинговые агентства мира «Standard and Poor's», «Moody's», «Fitch Ratings». В настоящее время практически ни один потенциальный участник мирового финансового рынка не может получить доступ на рынок капиталов без получения рейтингов от этих агентств, на которые приходится 95% мировых кредитных рейтингов [9]. Доллар по-прежнему остается важнейшей валютой цены² во внешнеэкономических контрактах и основной валютой расчетов в международной торговле. В долларе также деноминировано более половины мирового рынка долговых ценных бумаг, международных кредитов и депозитов, а также официальных валютных резервов. В свою очередь в Лондоне ежедневно рассчитывается ставка предложения по межбанковским депозитам — ЛИБОР (London Interbank Offered Rate) — самая важная ставка в мире международных финансов, на которую ориентированы финансовые продукты общей стоимостью около 800 трлн дол. [7, 242].

Украина — зеркало России

Система капитализма может и отвечает в наибольшей мере несовершенной природе человека, но она является крайне нестабильной. Альтернативой капитализма выступил опыт строительства социализма в СССР, опровергнувший теорию циклического развития экономики. В СССР был поставлен рекорд устойчивого роста, который со среднегодовым темпом в 4,2% беспрерывно продолжался с 1928 г. до начала 1980-х гг. [2, 306]. Благодаря системе планового хозяйства уже к концу XX в. СССР мог бы стать крупнейшей экономикой мира, которая базировалась бы на реальном материальном, а не фиктивном информационно-финансовом производстве. Доказательством этому служили достижения в УССР. Благодаря синергетическому эффекту советской экономической модели и мобилизации скрытого потенциала русской цивилизации в послевоенный период Украина (до этого не имевшая своей государственности) была превращена в мирового промышленного гиганта. Здесь были построены крупнейшие в мире предприятия («Запорожсталь», «Коммунар», «Криворожсталь», «Азовсталь», «Днепрогэс», Харьковский тракторный завод, Луганский паровозостроительный завод и пр.). В 1970 г. удельный вес УССР в народном хозяйстве СССР в среднем по всем отраслям составлял 22,8%. По физическому объему выпуска промышленной продукции в 1970-х гг. УССР могла быть условно сопоставима с Францией. В 1980-х гг. ООН включила УССР в группу сверхразвитых промышленных государств. Украина являлась

² Денежная единица, в которой выражена цена товара во внешнеэкономическом контракте; называется также валютой сделки.

лидером передовых технологий, в частности в ракетно-космической отрасли, приборостроении, судостроении, электротехнической промышленности, кибернетике. Советская республика обладала третьим ядерным потенциалом в мире. На территории Украины действовало 700 оборонных предприятий, дававших 30% общесоюзного ВПК. Республика была всесоюзной житницей и уникальным морским курортом. За счет присоединения западных областей и передачи Крыма площадь ее территории увеличилась на 136 тыс. км². В 1970 г. национальный доход на душу населения превысил доходы на душу населения Италии. В 1990 г. ВВП на душу населения украинской советской республики все еще на 11% превышал среднемировые показатели.

После разрушения СССР благосостояние Украины резко снизилось. К концу 2016 г. Украина из первой десятки стран по объему промышленного производства переместилась в седьмой десяток, а по размеру ВВП на душу населения в 2015 г. оказалась на 131 месте в мире (табл. 1). Таковы катастрофические последствия интеграции Украины в систему глобокапитализма и перекачивания из этой когда-то образцовой советской республики ресурсов в пользу транснационального капитала.

Таблица 1

**Сравнительные макроэкономические показатели США,
Франции, Италии, России и Украины**

	ВВП номинальный, 2016 г.*		Объем экспорта, 2015 г.		ВВП на душу населения, 2015 г.	
	мировой рейтинг	доля в мире, %	мировой рейтинг	доля в мире, %	мировой рейтинг	долл. США
США	1 (1)	24,7 (21,9)	2 (2)	9,1 (8,1)	6 (11)	56 058 (49 922)
Франция	6 (5)	3,3 (3,6)	8 (6)	3,1 (3,3)	21 (22)	37 653 (41 141)
Италия	8 (9)	2,8 (2,5)	10 (8)	2,8 (2,9)	26 (25)	29 867 (33 115)
Россия	12 (8)	1,7 (2,8)	15 (9)	2,1 (2,9)	63 (51)	9 243 (14 247)
Украина	66 (53)	0,1 (0,2)	36 (50)	0,3 (0,4)	131 (106)	2 125 (3 877)

*Прогноз.

Составлено по: [10; 13].

Ситуация в России пока выглядит лучше, однако снижение мировых цен на энергоносители, введение экономических санкций и девальвация рубля значительно подорвали позиции страны в мировых рейтингах в 2015—2016 гг. (табл. 1). Учитывая колоссальную заинтересованность транснационального капитала в усилении эксплуатации России, не исключено дальнейшее снижение веса российского государства на мировой арене. Будучи крупнейшей страной в мире по размеру территории и запасу сырьевых ресурсов, Россия имеет крайне слабое влияние на правила игры глобальной экономики, являясь ее «добровольным» заложником.

Украина — это зеркало, одинаково хорошо отображающее периоды могущества и беспомощности России. Сегодня отражение в этом зеркале требует от России напряжения всех своих сил для выработки эффективных мер противостояния глобокапитализму. Как показывает опыт Украины, времени для этого осталось немного.

Закрывающие технологии

Причина краха советской экономики заключалась в том, что качество и количество произведенной продукции перестали удовлетворять потребностям большинства населения. В условиях многократно возросших объемов информации учитывать запросы населения в ручном режиме стало просто невозможно. Необходимо было переходить на научный анализ потребностей с широким использованием ЭВМ для обработки информации и уже на его основе планировать производство. Нежелание и неспособность руководства страны осуществить данный непростой переход в конечном итоге привели к краху СССР. Второй причиной дезинтеграции СССР стало несоблюдение главного провозглашенного принципа социализма: «от каждого по способностям, каждому по труду». Перекосы уравниловки привели к тому, что труд рабочих оценивался выше труда инженеров. Большинство советских граждан получали от системы гораздо больше, чем могли ей дать, в то время как вклад наиболее способных и талантливых людей в развитие народного хозяйства вознаграждался, как правило, по остаточному принципу.

Создание таможенного союза (ТС) по примеру Европейского союза (ЕС) не в состоянии само по себе изменить колониальный статус России и других бывших советских республик в глобальной экономике. Необходимо сделать грамотные выводы из печальной участи ЕС, павшего жертвой глобализации. В данной связи важным представляется наблюдение украинского исследователя В.Д. Пихоровича, который, в частности, отмечает: «...нет никакой противоположности между ЕС и ТС, поскольку Россия, точно так же как и ЕС, как и Украина, давно ин-

тегрирована в мировую систему капитализма... функционирующую по закону беспощадной конкуренции... между монополиями и государствами» [4, 42].

Сегодня нужно твердо осознать, что для противодействия дальнейшему втягиванию России в систему глобокапитализма восстановление интеграционных связей в рамках Евразийского экономического союза является необходимым, но далеко не достаточным условием. Для сохранения государственности и возрождения целостности русской цивилизации Россия должна идти своим собственным путем развития и отвечать на вызовы глобализации нестандартно, например, используя закрывающие технологии.

В научной литературе термин «закрывающая технология» имеет самые различные интерпретации. В нашем случае под этим термином подразумевается такая система управления народным хозяйством, которая позволяет радикально снизить издержки воспроизводственного процесса за счет изменения целевых установок функционирования социума — от материального (информационного) накопительства (перепроизводства) в сторону всестороннего духовного развития человека (удовлетворения психофизических потребностей) — и достижения на этой основе расширения реального (а не виртуального) жизненного пространства человека.

Успех внедрения закрывающих технологий зависит от того, в какой мере приоритет развития человеческих способностей возьмет вверх над приоритетом развития искусственного интеллекта. Прежде всего, необходимо, чтобы информационные технологии были реально, а не декларативно поставлены на службу человеку. Модель такого перехода была предложена еще в 1970-х гг. основателем советской кибернетики академиком АН СССР В.М. Глушковым. Посредством общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством (ОГАС) В.М. Глушков предложил объединить системы управления экономикой с вычислительными системами, чтобы перевести всю существующую экономическую информацию в компьютер для ее обработки в режиме реального времени [1]. ОГАС предполагает полное раскрытие информации всеми хозяйствующими субъектами и несовместима с монополиями, коммерческой тайной, коммерческими интересами, межфирменной конкуренцией и частной собственностью на средства производства как таковой. Целью развития общества должно стать удовлетворение материальных и психологических потребностей человека, а не максимизация прибыли как результат анархии рынка, товарно-денежного перепроизводства и перманентных кризисов [3, 165—168, 182].

Другим примером закрывающей технологии является реформирование монетарной системы на основе трудовой стоимости товаров. Эта идея предложена шотландским специалистом по информатике П. Кокшоттом и американо-шотландским экономистом Э. Коттреллом [8]. Данная система предполагает передачу государству функций контроля и корректировки объемов производства с целью приведения цен того или иного хозяйствующего субъекта в соответствие с фактическими объемами производства. Эквивалентом зарплаты в модели выступают «трудовые жетоны», которые выплачиваются работающим пропорционально объему выполненного ими труда за вычетом фиксированного налога, необходимого для покрытия расходов на государственные услуги. Самая сложная часть модели — расчет стоимости одного часа труда. Однако благодаря мощности современных компьютеров обновление списка трудовой стоимости товаров становится возможным на ежедневной основе, а подготовка перспективного плана — на еженедельной. Цены на товары устанавливаются в «цифрах трудового времени», что позволяет людям выбирать товары ближе к их настоящей стоимости. Таким образом, выбор потребителей превращается в механизм выдавливания прибыли из системы. Банки перестают быть инструментами для накопления капитала. Эта функция переходит государству через механизм прямого налогообложения. Таким образом, происходит нейтрализация субъекта финансового капитализма [2, 316—319].

Выводы

Глобализация трансформирована из объективного в субъективный процесс. Субъектом глобализации выступает транснациональный финансовый капитал, подконтрольный англо-американскому корпоративному (мир-системному) ядру. Социально-экономический упадок на постсоветском пространстве обусловлен отсутствием эффективных инструментов контроля субъекта глобализации. В информационный век изолироваться от глобализации невозможно, поэтому необходимо создать систему сдерживания субъекта глобализации путем объединения как можно большей территории (Евразийский Союз) и внедрения на этой территории закрывающих технологий. Эти технологии, в силу своих способностей приводить производство в соответствие с потребностями, а цены товаров в соответствие со стоимостью труда, предполагают переход от фиктивных целей глобализации (финансомика, максимизация прибыли) к реальным (всестороннее развитие и удовлетворение потребностей человека).

Литература

1. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 159 с.
2. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
3. Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. М.: ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
4. Пихорович В.Д. Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
5. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / Пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 408 С.
6. Финансовая мощь государств и корпораций. Livejournal. 21 апреля 2016 // <http://spydell.livejournal.com/611917.html> (дата обращения: 31.12.2016).
7. Хунбин С. Война валют. М.: РОО «Русский выбор», 2015. 528 с.
8. Cockshott W.P., Cottrell A. Economic Planning, Computers and Labour Value. Working Paper, January 1999 // <http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/aer.pdf> (дата обращения: 31.12.2016).
9. Credit Rating Controversy. Council on Foreign Relations. February 19, 2015 // <http://www.cfr.org/financial-crises/credit-rating-controversy/p22328> (дата обращения: 31.12.2016).
10. International Trade Statistics 2015. WTO, 2015.
11. UK Financial and Related Professional Services: Meeting the challenges and delivering opportunities. TheCityUK. August 2016. 60 p.
12. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. Vol. 6. No. 10. P. 1—6.
13. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. October 2016.
14. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance. UNCTAD, 2015.
15. World Investment Report 2016: Investor Nationality: Policy Challenges. UNCTAD, 2016.

В.М. КУЛЬКОВ

Экономическая идентификация России

Аннотация. Содержание российского системного перестроения связывается в статье с осуществлением модернизации российской экономики и формированием адекватной национальной экономической системы. Особое внимание уделено роли новой индустриализации. Дается оценка роли старых и новых «колей» в развитии России.

Ключевые слова: национальная экономическая система, национально-ориентированная альтернатива глобализации, новая индустриализация, эффект колеи.

В период, начиная от рубежа 1980—1990-х гг. — особенно после трудов видного представителя институциональной экономической теории Д. Норта [2], — появилось немало работ, привлекающих внимание к проблеме «зависимости от предшествующего развития» («эффекта колеи»), а в последнее время — и работ российских авторов, посвященных более конкретной проблеме отечественной «колеи». При этом нередко «колея» трактуется в негативном свете («как бы с нее сойти?»). Как представляется, вывод о благе или антиблаге национальной «колеи» должен учитывать широкий набор критериев, и они не должны сводиться только к узкоэкономическим критериям. Надо вначале определиться именно с этим — с набором критериев. Многие российские ценности кому-то кажутся нелиберальными, а значит — заведомо непродуктивными, но ведь многие из них имеют государствообразующее значение, консолидируют общество, страну — и в этом отношении жизненно необходимы и исторически воплотились в жизнестойкости и могуществе российской державы, что само по себе является выражением успеха. Нацеленность на национальную консолидацию, ориентация на общие цели и интересы должны присутствовать при оценке исторической «колеи» национального развития, и тогда выводы о ней могут быть совершенно иными.

К тому же за последнюю четверть века рыночного развития появились многие новые «колеи», по которым пора провести инвентаризацию, поскольку они тормозят наше развитие. Это, в частности, гипертрофия финансового подхода, заикленность на финансовой стабилизации и антиинфляционных задачах как «идея-фикс», монополизм определенной школы и ее представителей. Прежде чем бороться с российской исторической «колеей», надо подумать, как выйти из той новой «колеи», в которую мы попали в экономике и которая связала

наше развитие по рукам и ногам. И в целом стоило бы дать комплексную оценку той «колее», в которую втиснули Россию с начала 1990-х гг. и которая обрекла отечественную экономику на глубокую деградацию и губительные диспропорции.

Получилось так, что трансформация, происходившая в России в 1990-е гг., оказалась оторванной и от модернизации, и от подлинного национального моделирования: в итоге не получилось синхронизации и триединства этих процессов, способных обеспечить подлинное развитие. В силу этого формально состоявшийся «переход не может быть квалифицирован как полноценный и конструктивный [1, 128]. Курс на модернизацию, выстраданный и сверхвостребованный в России, «сдулся» во многом под влиянием конъюнктуры политического цикла рубежа 2010-х гг. и двух последних экономических кризисов, присутствуя только в форме красивых оберток Стратегии инновационного развития. Что же касается национальной экономической модели (системы), то она с самого начала была деформированной — и не в силу пресловутых деформаций конкурентной и институциональной среды, как принято считать, а прежде всего в силу того, что она слабо соответствовала всему комплексу национально специфических факторов и целей экономического развития, присущих России. Это должна быть национальная экономическая система как выражение экономической самоидентификации страны, которая шире и объемнее стандартной системы, описываемой известным теоретическим мейнстримом. И если определять ее структуру, то она должна содержать не только национальные спецификации универсальных характеристик (по принципу «общее и особенное»), но и отклонения от них и, более того, национальные эксклюзивы, свойственные только данной стране. Она представляет собой своего рода проекцию «локальной цивилизации» на национальную экономику. В этой связи к самим явлениям деформации надо относиться дифференцированно: одно дело — негативные деформации, связанные с неразвитостью рыночного типа экономики (которые чаще всего и имеются в виду), и другое — деформации как отклонения, вызванные особенностями национальной среды как таковой. Это, в частности, относится к роли государства в российской экономике, которая на разных этапах отечественной истории была более значимой и заметной, выступая национально оправданной «колеей» (при всех нюансах о конкретной доле участия государства в хозяйственной жизни).

В современной России сложилась (как результат «колеи», тянувшейся с 1990-х гг.) специфическая система, или квазисистема, направленная не столько на развитие, сколько на сохранение ложно понимаемой стабильности (экономической, социально-политической и пр.), адекватно отражаемая осуществляемой макроэкономической полити-

кой. В центр такой системы и политики выдвинут финансовый аспект: финансовая стабилизация с характерными для нее консервативной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политикой, бюджетной консолидацией, стерилизацией нефтедолларов, инфляционным таргетированием и т. п. Если разобраться, то такой подход спорен даже для краткосрочного периода (ведь известны, по крайней мере, кейнсианские рецепты стимулирования выхода из кризисно-депрессивной экономики), тем более, если этот подход перенести на долгосрочный период. А если принять во внимание более широкий спектр финансовых параметров, к которым привязывалась макроэкономическая политика, то этой уже сложившейся в России «колее» — при всех ее видоизменениях — четверть века. И, стало быть, это можно считать выражением не просто макрополитики, а экономической системы, которую надо как-то целно идентифицировать — возможно, как систему «макроэкономического выживания» или «инертного хозяина» (по аналогии с известной институциональной моделью государства Мак-Гира — Олсона). И хотя, как известно, нельзя прямо отождествлять политику и систему, но многолетнее и хроническое угнетение системы однонаправленной экономической политикой и инертными институтами способно вызвать ее существенные изменения (по крайней мере, глубокие деформации) в способах координации, типах присвоения, институциональных взаимодействиях, т. е. в системных характеристиках экономики. Такая система (точнее — квазисистема) обречена на застой и не имеет перспектив.

Если же иметь в виду более общие и широкие процессы, то такими «колеями» стали финансовизм и постиндустриализм вкупе с глобализацией. Об этих трех процессах (трендах) не говорил в последние десятилетия только ленивый. Отсылка к ним стала чуть ли не ритуальной. Между тем такая установка дезориентировала теоретиков и практиков, во многом исказила формирование мышления молодых экономистов, породила всякого рода «флюсы» — причем все равно, кто продвигал и в какую общественную форму облекал ту же глобализацию или тот же постиндустриализм — в либеральную или социально-ориентированную. Одинаковым был результат: пренебрежение к реальному сектору экономики, к материальному производству, к индустриальному базису, к национальной ориентации, безудержный универсализм и «прогрессизм». Ведь «с точки зрения глобалистов конечной целью глобализации должно стать “растворение” национального в глобальном вплоть до исчезновения первого, что предполагает исключение национально-цивилизационных факторов из числа значимых факторов, влияющих на экономическое развитие» [4, 18].

В современном мире зреет протест против глобализации в ее сложившейся форме: причем протест не столько социально-

ориентированный (как это было в последние десятилетия — в форме антиглобализма и альтерглобализма), сколько национально-ориентированный. Вызревает новая альтернатива глобализации, идущая от национально-ориентированных сил (включая евроскептиков, сторонников брексита и т. п.), желающих поднять роль национальных интересов, растаптываемых глобализацией. В этом ряду объективно находится и Россия. Нашими союзниками становятся те, кого у нас, как и на либерально-социал-демократическом Западе, до недавнего времени считали периферийными или даже маргинальными силами. Россия заинтересована в укреплении этих сил, в расширении их влияния (конечно, я не беру крайних радикалов: не о них разговор). Надо преодолевать инерцию обвинения европейских консерваторов, уходить из той «колеи» политкорректности, куда нас заталкивали много лет.

Что здесь видится наиболее ценным — так это учет традиций, национальных интересов, разрушение однополярного мира, тоталитаризма и универсализма, вырастающих из глобализации. Это выгодно нам не столько в краткосрочном аспекте, сколько в долгосрочном: ведь вызревает новая модель глобализации, не подрывающая национальных интересов и национального своеобразия, новая структура отношений, новые принципы сотрудничества. Такая новая конфигурация должна находить свое выражение и в политике — не только внешней, но и внутренней, в ценностных установках. Стоит напомнить слова Президента РФ В.В. Путина из знаменитой Валдайской речи 2013 г.: «вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер... Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности» [3].

Эта выросшая потребность должна находить свое выражение и в теоретических исследованиях. Экономическая идентификация России нуждается в адекватном теоретико-методологическом оформлении. Стоит более внимательно посмотреть на сочетание не только принципов методологического индивидуализма и холизма, но и принципов методологического национализма и универсализма, на способы включения национального ракурса в экономическую теорию, на адекватные формы отражения национальной специфики. Было бы полезным заново (с учетом новых реалий) оценить теоретическое наследие исторической школы, подумать над его адаптацией к нынешним условиям. Стоит отметить в этой связи, что в 2016 г. исполнилось 175 лет со дня выхода в свет фундаментального труда Ф. Листа «Национальная система политической экономии», и было бы уместным вспомнить С.Н. Булгакова, считавшего бессмертной заслугой Листа его указание на то, что экономическая жизнь протекает в рамках национального государства.

Российское системное перестроение должно вбирать в себя названные процессы, идущие в мире и крайне актуальные для России. Оно должно учитывать также и новую индустриализацию, которая, на наш взгляд, может быть представлена как совокупность трех процессов: реиндустриализации (восстановления утраченной промышленной базы при условии сохранения ее перспективы), неоиндустриализации (выхода на передовой индустриальный уровень) и (если можно так выразиться) «сверхиндустриализации», которая представляет собой сочетание нового передового индустриального базиса с информационными технологиями, с экономикой знаний и инноваций (этот процесс особенно явно выражает стратегию опережения). Итак, восстановление, преодоление отрыва и опережение — вот триединство новой индустриализации, способной вывести экономику страны из «колеи» деиндустриализации, в которой она оказалась с 1990-х гг.

Именно такая новая индустриализация может и должна стать стержнем модернизации и формирования адекватной экономической системы России. Чрезмерный акцент на постиндустриализме задает неточные ориентиры, отрывает от реальности, девальвирует фундаментальную роль индустриального базиса и важное значение промышленной политики, укрепляет глобалистский, универсалистский взгляд на современные процессы, разрывает связь с национальными ценностями и интересами — и здесь либеральные и социально-ориентированные сторонники постиндустриализма льют воду на одну и ту же мельницу.

Индустриальный базис не исчерпал своего потенциала, его «похороны», прямо скажем, сильно затягиваются. Так называемые «постиндустриальные» инновации предполагают, по крайней мере, индустриальное сопровождение или означают их прямое единство, а так называемая «новая экономика» немыслима без ее соединения с индустриальной основой. Можно сказать и так: «новая экономика», скорее, представляется как «постстарая» индустриальная экономика, но не как чистая постиндустриальная экономика. Именно промышленный базис в силу его масштаба и глубины создает устойчивость материально-технической базы суверенной национальной экономики, возможность удержания и накопления потенциала «новой экономики». Кстати, ведущие страны по-прежнему обозначаются в международных классификациях как «индустриально развитые страны». Рисую романтические перспективы, нельзя отрывать от реальности, от насущных задач и стратегических целей национального развития, от адекватной экономической идентификации России. Таково наше видение некоторых аспектов системного перестроения России.

Литература

1. *Кульков В.М.* Постреформизм и трансформация в экономике России // *Философия хозяйства*. 2013. № 3.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд «Начала», 1997.
3. Речь В.В. Путина на заседании клуба «Валдай». 22 сентября 2013 г. // <http://kremlin.ru/news/19243>.
4. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

Ф.И. ГИРЕНОК

Россия: что делать, когда мы не понимаем, что нужно делать?

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам современного состояния России. Текст состоит из двух частей. В первой части автор анализирует особенности устройства России и делает вывод о том, что лучше ничего не делать, чем что-либо делать наобум. Во второй части автор рассуждает об истории и приходит к выводу о том, что история все-таки закончилась и началась эпоха принципиальной неопределенности. По мнению автора статьи, в ситуации неопределенности, в первую очередь, необходимо обратить внимание на образование и воспитание детей. Важную роль в этом воспитании должна играть философия, ибо она учит говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого. Автор подчеркивает, что не менее важно решить вопрос о собственности, о структурировании общества и о понимании того, что есть экономика.

Ключевые слова: устройство России, российское общество, российская элита, конец истории, образование, философские журналы в России, кризис гуманизма, русское сознание, русский космизм, современная Украина.

I

1. Когда мы не знаем, что делать, а делать что-то надо, нужно обратить внимание на детей и на тех, кто с ними работает. Почему? Потому что дети могут научиться говорить, не научившись думать. Приведу два примера.

Один из истории Гражданской войны в России. Мой дед, георгиевский кавалер, Иван Жердев во время Гражданской войны три раза сам со своими детьми смог построить дом, потому что их три раза сжигали то белые, то красные. Он научил детей быть самостоятельными.

Другой пример из истории гражданской войны на Украине. У меня в Киеве живет одна знакомая семья. В ней есть отец, мать и сын. У папы и мамы университетское образование. Мама закончила МГУ. У их сына украинское образование. Сейчас ему далеко за 30. Он поклонник Бандеры. Борец за независимость Украины от России. Сын терроризирует отца и мать. Отец сбежал от сына в Крым и принял гражданство России. Сын называет отца сепаратистом. Мать осталась с сыном в Киеве. Она мало-помалу начала принимать его взгляды. Приехав однажды в Москву, она удивилась, что мы не умираем с голоду. И позвонила сыну. Сын пообещал посадить ее на карантин за то, что она поверила русской пропаганде.

На Украине сформировано целое поколение молодых людей, которые не имеют с нами ничего общего. У них другой Ярослав и другой Владимир. Они не читали Булгакова и не поют военные песни. Мы ментально не похожи. Они могут уверять нас, что при немцах украинским крестьянам было спокойно работать и наслаждаться плодами своего труда. Для нас это безумие. Возможно, они создадут национальное государство. Они, видимо, знают, что надо делать. Но вряд ли они понимают сделанное.

2. Для того чтобы наши дети не сажали нас на карантин, нам нужно научить их строить вокруг себя барьеры. Зачем? Затем, чтобы быть умными. Чтобы ничто не смогло проникнуть в наших детей, не спрашивая на то их разрешения. Как строить эти барьеры? Очень просто. Нужно приучить детей к чтению русских сказок, а затем приобщить их к русской литературе и просмотру фильмов, в том числе мультипликационных, из классического репертуара. И слушать радио «Орфей». В завершении приобщить детей к философии. Давно уже нужно выкинуть из системы образования не любимый мною предмет под названием «обществознание». И немедленно ввести в образование философию. Начинать можно с сочинений Г.П. Федотова, а заканчивать — А. Камю или Ортега-и-Гассетом. Философия научит наших детей говорить от своего имени и уклоняться от пустых разговоров на языке другого.

3. Если мы не понимаем, что делать, то значит у нас проблемы с культурой. Что такое культура? Это то, что в нас понимает за нас. Если она есть, то мы не спрашиваем каждый день, просыпаясь, что нам делать. Есть вещи, которые за нас уже решила наша культура, и нам не надо всякий раз заново что-то придумывать. Например, мы православные. Но это значит, что, как говорит Н. Ростова, религия не личное дело каждого [2, 181—190].

4. Если мы не понимаем, что делать, то это значит, что у нас проблемы с элитой. Вернее, это знак того, что ее нет. У нас нет политиков и депутатов, у нас есть, как говорил Данилевский, шуты гороховые. У нас нет министров. Ведь министр в России — это империалист. А не тот, кто однажды прочитал журнал «Финансы и кредит» и стал магистром. Нельзя быть членом правительства, не проштудировав «Россию и Европу» Данилевского, не читая Стебута и Чаянова с Кондратьевым. Депутат не тот, кто выгодно примкнул к партии и съездил в командировку в Америку. А тот, кто изучал «Письма о русской культуре» Федотова и наладил свое дело. Мы смотрим на наше правительство, и нам не до смеха. Мы смотрим на бизнесменов и говорим про себя: воры.

Для того чтобы у нас появилась элита, нам нужно решить вопрос о собственности. Пока мы верим Прудону, который сказал, что собственность — это кража, никто нас не убедит, что у нас есть элита. Нам не сможет помочь ни пятый, ни шестой технологический уклад, если мы точно будем знать, что политика — всегда ложь и демагогия. Элиту выбирают не на выборах. Ее растят. Наша нынешняя элита абсолютно не легитимна. Пока мы думаем, что все из правящего класса должны отвечать за содеянное, за разорение России, элита не может быть элитой.

5. Если мы не понимаем, что нам нужно делать, то это значит, что у нас проблемы с учеными и особенно с философами. Вы думаете, что в журнале «Вопросы философии» кипят страсти, бушуют дискуссии? Нет, вы ошибаетесь. Там болото, тина и лягушки квакают. Там заняты историей мысли, там все еще читают и перечитывают Маркса и Спинозу с Гегелем. Наши философские журналы не знают, что им делать. Они нас все еще просвещают в делах континентальной и аналитической философии. Хотя решение вопроса о просвещении давно уже решено в мифе Платона о пещере и, конечно, в рассуждениях Канта. Эти журналы не учат думать, они учат говорить на языке другого и предназначены исключительно для расширения кругозора посредственных преподавателей. Им нужны фактура и объективность. Нам нужны концепты.

6. Если мы не понимаем, что делать, то это значит у нас проблемы с обществом. Это значит, что у нас его нет. Для того чтобы было общество, нужен самообман, разрыв между тем, что мы чувствуем, и

тем, что мы говорим. Никто из нас не хочет себя обманывать. Поэтому у нас нет социальных групп с ясно выраженной позицией, с четкими взглядами. У нас нет социальных институтов, на которые мы могли бы полагаться. У нас есть аморфное общество, множество непоименованных других. Для того чтобы у нас возникло общество, нам нужно не объединяться под какими-то выдуманными титулами, а нужно структурироваться. «Россиянин» нас не структурирует. Это всего лишь пустышка для чиновников. Я — русский и никогда не буду россиянином. Но я знаю обрусевших немцев и люблю их.

Что значит структурировать общество? Это значит отделить человека от места, которое он занимает. Структура — это место, а не человек, который его занимает. И связь между местами, а не антропология их качеств. Где есть структуры, там есть и социальные машины. Но там уже не будет ручного управления.

7. Если мы не понимаем, что экономика — это не финансы, то это значит, что у нас нет ни того, ни другого. Экономика нам нужна не для того, чтобы продавать нефть за границу, а для того чтобы у нас были рабочие места. А финансы нам нужны не для того, чтобы считать, кто и сколько украл из бюджета, и не для того, чтобы обменивать рубли на доллары, а для того, чтобы у нас в стране были условия для обмена, чтобы вообще был возможен обмен между людьми. Конечно, придет время, когда производство не будет нуждаться в людях, а люди — в производстве. И тогда мы займемся практиками дословного. Сегодня наши финансы — это согласованная с Западом галлюцинация. А наша экономика — это бред, согласованный производителями сырья с его потребителями.

II

(пояснения к первой части)

История

Исторический взгляд на вещи предполагает, что все мы находимся внутри того, что когда-то началось и когда-то должно закончиться. Нам казалось, что все имеет свое время. Все конечно. И мы конечны. И поэтому слово «понимать» означало для нас одно — идти в ногу со временем. Но иногда нужно идти не в ногу со временем. И нужно понимать, когда это следует делать.

До недавних пор в России понимали, что нужно делать. В результате мы стали очень большими с богатыми природными ресурсами.

Однако вечное возвращение к одному и тому же заставило нас отказаться от времени. Вернее, заставило нас признать в нем плодотворную иллюзию. И теперь, когда мы говорим о времени, всем нам нужно иметь в виду, что мы говорим об искривленном пространстве.

История все-таки закончилась. И теперь то, что мы можем начать делать, не будет иметь шансов на успех, не сможет завершиться, закончиться. То, что не может завершиться, не может иметь начала.

Особенность существования нас, русских, состоит в том, что мы научились переживать развязку конца, не испытав радости завязывающего начала. Мы никогда не были при рождении смысла, но мы всегда были на похоронах события. Мы и сейчас хороним Европу, хороним Россию 1917 г., как похоронили до этого Ренессанс, гуманизм и социализм. И вот теперь мы хороним похороны, т. е. самих себя. Что же нам делать, когда мы не понимаем, что нужно делать? Видимо, полагаться на авось.

Авось

Европейского человека воспитала агора. Местом же мысли и чувств русского человека была не агора, а церковь. Наша философия — это не когитальная философия. Наша философия — философия «авось». Что это значит? Это значит, как удачно разъяснил в свое время В. Ключевский, что мы мыслим так же, как ходим. А ходим мы не по прямой, а окольными путями, по тропинкам и проселкам. Поэтому у нас не гнозис, не знание, а фронесис. То, что способно направлять человека вне связи с его рассуждениями. Так складывались наши практики дословного, наше авось.

Мудрость души

Дословность требует не метафизики, а контакта, прикосновения к вещи самой по себе. Мы не любим посредников. Нам нужно то, что греки называли мудростью души. По словам Ксенофонта, Сократ вселял в своих последователей прежде всего мудрость, а лишь затем умение говорить и действовать. Ибо те, кто умеет говорить, не имея мудрости, наиболее несправедливы и наиболее способны творить зло. Особенно опасны сегодня политики, философы и финансисты, ибо их ум редко связан с душой. Они умеют анализировать, но, как правило, не умеют синтезировать.

России не нужна интеллигенция, не нужна развязность ее ума. Ибо она и погубила всех нас. И продолжает губить. России нужна новая элита. Нужен ум, связанный с душой. Нам нужны практики дословного [1].

Конец истории

Россия своей кентаврической природой забросила нас на «концы» истории. Конец истории — это не часть истории, а разрыв с нею. И вот на этих «концах» прямая истории пророка Даниила вновь свернулась в кольцо. Она взвешена и найдена очень легкой, ибо в ней не оказалось точек, называемых раем и адом. Без них история исчезает, и вместо нее проступает не знающий истории космос.

Космос

Христиане когда-то освободили нас от объятий мира, вынув человека из космоса и отдав его Богу. Человек был поднят над миром. Мир опустел и стал называться природой. Вернуть человека на место попытался русский космизм. Но в природе уже не было места для человека и его души. И тогда русские философы стали сооружать особую сферу, в которой должна была разместиться наша душа. Флоренский назвал ее пневматосферой. Вернадский — ноосферой. Европейские философы и, прежде всего, Ницше решили вернуть человека природе, дав ему новое имя — «сверхчеловек». Нам не нужны сверхлюди. Нам нужны святые, гении и порядочные люди.

Не от мира сего

Пустой природой мы заплатили за возможность существования человека не от мира сего, за наше несовпадение с явлениями природы. Когда-то греки подчинили человека и его богов идее целого, космоса. Мы не греки. Мы христиане. Мы покинули этот космос, оставили нашу землю и пошли за Спасителем. Конечно, христианская культура погасила в нас чувство радости от земной жизни. Мы потеряли интерес к миру фактического. Наука, пользуясь случаем, превратила пустую природу в бесконечную плоскость, сделав человека одномерным.

Гуманизм

Пока у нас была мысль о Боге, мы могли поднять себя над собой и удержать себя на этой высоте. Но что человек может сделать, если у него нет Бога? Если мы сами его убили, если он не родился в наших душах? Только падать в низость низкого и обсуждать проблемы секса с роботами. Гуманизм убил в нас человека. Чем лучше создавали мы общество, тем хуже становились сами. Теперь машины могут думать вместо нас. Но пока мы грезим и у нас есть сознание, мы будем делать то, что никакие машины никогда не смогут сделать: воображать и воображаемое соединять с реальностью.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Археография наивности // Философия наивности. М.: МГУ, 2001.
2. *Ростова Н.Н.* Не-личное дело религия // Философия хозяйства. 2012. № 5.

Т.И. ПОРОХОВСКАЯ

**Современный ценностно-нормативный кризис:
симптомы и следствия**

Аннотация. Оценка западного и отечественного общественного сознания как находящегося в глубоком кризисе разделяется многими философами и политологами. Аберрации общественного сознания — результат идеологической зашоренности, слишком узкого или предвзятого взгляда на мир и современное общественное устройство, а то и результат сознательных манипуляций, имеющих политические цели. Отход от поисков более совершенного и более справедливого общественного устройства обернулся для западного общественного сознания доминированием ценностей более низкого ранга, прежде всего политических, прагматических ориентаций. Мировоззренческий кризис в нашей стране обусловлен трансформациями общественного сознания в 1990-е гг., инверсией ценностей, неопределенностью в формулировке цели общественного движения, социально-политическими условиями.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, инверсия ценностей, мораль, справедливость, права человека, толерантность.

Современный ценностно-нормативный кризис — часть общесистемного мирового кризиса. Однако мировоззренческий кризис не всегда совпадает с кризисом в других общественных сферах. Эпохи, которые лишают людей общих целей, снижают тонус общественной жизни, порождают массовое убеждение в бессмысленности и пустоте существования, — это не всегда эпохи экономического упадка. У мировоззрения существуют собственные опоры — ценности, идеи, поэтому о мировоззренческом кризисе в строгом смысле следует говорить лишь тогда, когда рушатся эти опоры, а о выходе из него — тогда, когда эти опоры вновь появляются. Для того чтобы выйти из кризиса, необходимо правильно поставить диагноз. Инструменты диагностики ценностного сознания сложились в результате осмысления предыдущего ценностно-нормативного кризиса, который возник под влиянием идей, прежде всего, К. Маркса и Ф. Ницше (и, по мнению многих философов, растянулся на весь XX в.). После них, писал К. Ясперс, философия не могла оставаться прежней: «Они высказывали мысли, которым суждено было прийти к власти, они снабдили двадцатый век символами веры и лозунгами дня» [12, 108]. Маркс системно и критически осмыслил жизнь общества и, прежде всего, экономические основы буржуазного общества. Ницше же подверг критике всю систему ценностей европейской куль-

туры, в первую очередь ценности христианства, которые лежали в основе этой культуры последние два тысячелетия. Он обозначил и две главных линии в понимании ценностного бытия человека — софистически-скептическую и платоническую. Эти линии — скептическое отношение к ценностям и вера в ценности-абсолюты — с возникновения философии и до сих пор резко противостоят друг другу.

Появление относительно самостоятельной метафизической дисциплины — философской теории ценностей (аксиологии), связанное, прежде всего, с именами Г. Риккерта, В. Виндельбанда, Н. Гартмана и М. Шелера, стало философским ответом на мощную критику ценностных основ общества³. По Шелеру, существуют базовые ценностные модальности или аксиологические (ценностные) категории (см.: [9]). Ценностные модальности бинарны, как бы зеркально противоположны друг другу. Они задают ценностный «верх» и ценностный «низ», ценностное «дно». Высший полюс — это полюс святости, низший — полюс абсолютного зла, сознательного злодейства. В рамках ценностной пирамиды в самом общем виде можно выделить три соподчиненных уровня позитивных модальностей: материальные, или витальные, ценности, социальные и духовные ценности. Если основание материальных ценностей коренится в потребностях человеческого организма (жажда, голод, ощущение холода и др.), то подобной основы у социальных ценностей нет. Выбор в сфере социальных ценностей определяется высшими, духовными ценностями — представлениями о святости⁴ (нравственном долге и благородстве, о высшей справедливости и т. д.).

Шелер считал высшие ценности духовными опорами, определяющими индивидуальный выбор человека и освещающими направление социального развития, — тем, что выстраивает основную конфигурацию индивидуального и надиндивидуально-социального *ordo amoris* (порядка любви). Жизнь духа, полагал М. Шелер, имеет свой строгий порядок предпочтений и отталкиваний. «У сердца в его *собственной* сфере, — пишет он, ссылаясь на Паскаля, — имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствуемый им из логики рассудка. ...У сердца свои доводы: “*свои*”, о которых рассудок ничего не знает, и никогда ничего знать не способен; у него есть “*доводы*”, т. е. реальное и очевидное понимание фактов, к которым слеп всякий рассудок — так же “слеп”, как слепой — к цвету, как глухой — к звуку» [10, 359]. Шелер

³Э. Агацци определил ценности как «некоторое совершенство, идеальную модель, некое «как должно быть», то, что направляет любое человеческое действие» [1, 27].

⁴ Под святостью М. Шелер понимал неопределимое единство абсолютных ценностных качеств, П. Флоренский определял святость как совокупность онтологических и нравственных совершенств.

сформулировал также запрет на инверсию ценностных полюсов: иерархия социальных норм и ценностей, писал он, не произвольна. Любая культура всячески препятствует ценностным инверсиям, и это сопротивление тем выше, чем выше место ценности в верхней части пирамиды ценностей и чем ниже ее антипод в пирамиде антиценностей. Если к предпочтению тех или иных видов пищи, отдыха, цвета и т. д. культура в целом и отдельные люди относятся равнодушно, то к произвольному оборачиванию полюсов добра и зла, прекрасного и безобразного, героизма и предательства и т. д., общество относится резко негативно. Предательству как ценностному «дну» противостоит верность как ценностная вершина — верность слову, верность взятым на себя обязательствам, верность долгу, верность Родине и т. д., — все то, что характеризует нравственную надежность человека, — то, что, по выражению В. Янкелевича, «отличает нас от устриц и медуз» [11, 239].

Современный ценностный кризис на Западе явился, по словам А. Бадью, следствием отката от тех идей, которые были предложены в 1960-е гг. «Так, — пишет Ю. Хабермас, — в контексте рабочего движения и христианско-социальной традиции сложился солидаристский *этнос борьбы за “большую социальную справедливость”* против индивидуалистического этоса справедливости успеха и достижений, этоса примирения с грубым социальным неравенством» [8, 47]. Отход от этих ценностей, поисков более совершенного и более справедливого общества обернулся для западного общественного сознания, по Бадью, доминированием ценностей более низкого ранга, прежде всего политических, прагматических ориентаций. Запад не отказывается от нравственно-духовных ценностей, он по-прежнему декларирует приверженность им, но следует различать, то, что декларируется, и то, что защищается и реализуется. А защищается не социальная справедливость, а права человека, да и то с оговорками. И если идеи социальной справедливости — в форме ли христианской справедливости, социалистической идеи или в форме общества всеобщего благосостояния — освещали путь усовершенствования общественной жизни, то посредством концепции прав человека консервируется уже существующий социальный порядок.

После подписания большинством стран Всеобщей декларации прав человека (1948) и Конвенции о правах человека (1966) концепция прав человека стала выполнять роль общечеловеческой морали: чтобы стать правами в узком и точном смысле слова — гражданскими и политическими правами — моральные права должны быть еще закреплены в законах государств. Права человека, пишет Ален Бадью, и социальная справедливость — это не совсем одно и то же. Права человека — это, прежде всего, права на не-Зло: право человека не подвергаться притес-

нению и агрессии (убийствам, казням, пыткам, репрессиям), не испытывать голод, не подвергаться унижениям и т. д. [2, 24]. «Нельзя отделаться от подозрения, — справедливо замечает в связи с этим Е.Л. Дубко, — что риторика прав человека служит некоторым образом для того, чтобы не видеть другого зла, кроме зла нарушения прав человека» [3, 688]. Добром объявляется соблюдение прав человека, а злом — его нарушения. Однако, возражает Бадью, это добро должно устанавливаться относительно зла, а не наоборот. Сначала следует выявить *все* виды зла, а не только те, которые очевидны и бросаются в глаза, затем установить каузальные связи между ними, чтобы выяснить их конечный источник, то звено, с которого и следует начинать, — только так можно эффективно бороться со злом.

Поверхностный подход к проблеме зла приводит к столь же поверхностным выводам относительно современного общественного устройства. Если рассматривать его через призму прав человека, то одни выступают в нем в качестве жертв, которых необходимо защищать, а другие — в роли их благодетелей, причем исполнители этих ролей, на что специально обращает внимание А. Бадью, — одни и те же: роль защитника, совершающего цивилизующие вмешательства, неизменно исполняет хороший белый Человек, Запад. «Когда-то, — пишет Ю. Хабермас, — либеральный национализм был убежден в своем праве распространять на весь мир универсальные ценности собственного либерального порядка, — в случае необходимости даже и военными средствами. Такое самоуправство не стало легче переносить вследствие того, что от национального государства оно перешло к гегемониальной державе. Именно универсалистская сущность демократии и прав человека запрещает насаждать их огнем и мечом» [8, 37]. Однако на деле мы видим, что ради защиты благопристойных «прав человека» в мирное время развязываются войны, ставятся на колени государства, убивают и калечат людей. Это зло — уже и не зло вовсе, а добро — защита прав человека. Гуманитарные экспедиции, вмешательства, благотворительные высадки легионеров, — это, пишет Бадью, не что иное, как варварство в терминах «прав человека» [2, 29]. Идея прав человека, таким образом, превращается в инструмент навязывания Западом своей воли и наказания строптивых. И не только к различным видам зла подходят избирательно, акцентируя внимание на одних видах зла, и закрывая глаза на другие, но и к объектам своей защиты. Трудно не заметить, например, что у нас «правозащитники» защищают права не самых обиженных властью, а «обиженных» властью проводников интересов Запада.

Концепт прав человека выполняет еще одну роль: подчиняет мировосприятие людей других культур меркам западной рациональности,

западной картины мира, что имеет не только культурные (см.: [7]), но и далеко идущие политические последствия: «Когда международное право распространяется с взаимоотношений между государствами на права граждан, это бросает вызов традиционной и политической концепции государства-нации. С точки зрения закона о защите прав человека, мир представляет собой совокупность деполитизированных индивидов, т. е. таких индивидов, чья идентичность и права стоят выше государственной идентичности» (цит. по: [13, 5; 8, 179]). А за этим, пишет Ю. Хабермас, уже стоят экономические интересы: «Тема “борьба культур” (“Kampf der Kulturen”) часто оказывается покрывалом, за которым скрываются веские материальные интересы Запада (например, приоритетно распоряжаться нефтяными месторождениями и обеспечивать энергетические потоки)» [8, 22].

Инструментом манипулирования сознанием, цензуры и подрыва общественной морали служит и агрессивно навязываемый принцип толерантности, который вполне правомерен как политический принцип, что было показано еще Дж. Локком, обосновавшим необходимость введения этого принципа в политический оборот. Однако распространение принципа толерантности на моральные явления и оценки деформирует личность: человека вынуждают не реагировать на аморальные явления, скрывать свою позицию, поскольку он лишен возможности защищать ее в споре, он лукавит, он неискренен, притворяется, он принужден к постоянным компромиссам. То, что могло бы быть отвергнуто с моральной точки зрения, фактически нередко санкционируется, охраняется, защищается доктриной толерантности. Тем самым снижается ценностный статус нравственно должного и, соответственно, повышается — нравственно неприемлемого.

Идеологема толерантности, по мнению Ю. Хабермаса, С. Жижека и др., — это не случайный конструкт либеральной идеологии, это — тоже один из методов сохранения статус-кво для власти. Суть этого метода заключается в том, что изменяется предмет общественного внимания: оно переключается на субъективные формы насилия, тогда как формы системного насилия, которые открывались взгляду в системе Маркса, убираются из поля зрения. Тактика толерантности воплощается, в частности, в политкорректности, которую С. Жижек называет политикой страха, возведением символических стен вежливости, поддерживающих социальную дистанцию, отчуждение. Он приводит в связи с этим комментарий философа Алена Финкелькраута к волнениям во французских пригородах: «Если араб поджигает школу, это восстание. Если это делает белый, то это — фашизм» [4, 91]. Говорить о том, что преступления совершаются этническими группировками, не политкорректно. Такая «политкорректность», пишет С. Жижек, парализует

«стремлением не задеть другого, независимо от того, насколько жестоким и суеверным является этот другой» [4, 102]. Однако политкорректность только кажется умиряющей силой, на самом же деле втайне она способствует разжиганию насилия: «Мой долг быть терпимым к другому ...означает, что я не должен приближаться к нему слишком близко, вторгаться в его пространство. Иными словами, я должен уважать его *нетерпимость* к моей чрезмерной близости. Главным правом в позднекапиталистическом обществе все чаще становится право *не подвергаться домогательствам*, то есть держаться на безопасной дистанции от других» [4, 37].

Моральные оценки, в которых находит выражение отношение людей к разным сторонам своей жизни, служат основанием для сохранения и укрепления одних отношений и отрицания, переустройства других. Толерантность же ориентирует на беспристрастность, воздержание от оценок, что часто оказывается попустительством злу и открывает путь к произволу. Попустительство злу, таким образом, из предмета осуждения превращается в санкционируемую властями повседневную практику. Помнится, в эпоху Просвещения журналисты гордо декларировали миру свою миссию: объективно информировать читателя о происходящем, выражать мнение всех групп населения, помогать обществу контролировать свое правительство. Пресса, провозглашали они, — «сторожевой пес демократии». Сейчас же многие журналисты, — скорее, цепные псы политиканов и стоящих за ними транснациональных корпораций, готовые разорвать кого угодно, если на то будет воля хозяина, и молчать сколь угодно долго, если получают команду молчать. Они хорошо усвоили науку двойных, а то и тройных стандартов своих хозяев. Из-под нравственной оценки выводятся многие политические действия, достойные возмущения, — СМИ их просто не замечают. Недавняя избирательная президентская кампания в США дает много пищи для размышлений, нужна ли нам такая «демократия», которая в свое время предлагалась нам в качестве образца. «Давайте признаем, — пишет Ю. Хабермас, — что Запад предстает как социум, фактически утративший собственное нормативное ядро» [8, 18].

Не менее глубоким является ценностно-нормативный кризис в нашей стране. Во многом этот кризис рукотворный, а не только обусловленный тектоническими сдвигами в экономике и политике нашей страны. Опасаясь реванша коммунистической идеологии, российское политическое руководство наложило запрет на любую государственную

идеологию⁵. Под флагом деидеологизации в 1990-е гг. насаждались ценности неолберальной идеологии, прежние ценностные ориентации заменялись зеркально противоположными: коллективистские ориентации — индивидуалистическими, социалистическая идеология — пещерным антикоммунизмом, советский патриотизм — культом Запада и космополитизмом; культ духовно-нравственных ценностей — культом ценностей материальных. И это — не просто замена одних ценностей на другие, но инверсия ценностных полюсов, к которой дезориентированное общественное сознание оказалось очень нечувствительным. Раскованность, независимость от общественного мнения стали оцениваться выше, чем следование моральным требованиям. Так, о человеке, поведение которого прежде оценивалось бы как «бессовестное» (т. е. без совести), теперь нередко — и с одобрением — стали говорить: человек «без комплексов». Такого агрессивного навязывания индивидуализма, пожалуй, не знал даже индивидуалистический Запад. Там все же были озабочены тем, как обуздать экспансию агрессивного эгоизма. Эту же функцию в СССР выполнял идеологический коллективизм.

Казалось бы, в итоге усилий по перестройке общественного сознания должна была бы восторжествовать неолберальная идеология (которую, впрочем, Ю. Хабермас называл колониальным дискурсом для развивающихся стран [8, 175, 179—181 и др.], поскольку она способствует миграции всех ресурсов — природных, финансовых, интеллектуальных — из экономически менее развитых стран в «метрополию», как при колониализме). Но нет же, и этого не произошло. А произошло то, что Ю. Хабермас назвал «идиотским отождествлением демократического строя и либерального строя с диким капитализмом» [8, 101]: панэкономизм, наивное упование на то, что рынок сам все расставит по своим местам. Рынок стал новой государственной религией, т. е. и здесь мы имеем дело с инверсией. Зато удалась другая цель — формирование прагматически-гедонистического сознания. Вместо воспитания патриотов, на плечи которых в ближайшее время ляжет основное бремя забот о стране, под видом деидеологизации внедрялись индивидуалистические, потребительские ценности — ценности материального благополучия, телесных удовольствий, комфорта. «Бери от жизни все», призывали реклама и СМИ. Но если удовольствия и комфорт — главное в жизни, то, по логике вещей, человек должен выбирать Запад, а не свою Родину: там сытнее. И выбирают. Когда известного режиссера Ю. Любимова, имевшего несколько гражданств, спросили, где же его Родина, он отве-

⁵Конституция РФ, ст. 13: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

тил: «Где хорошо, там и Родина». Так же рассуждают и многие молодые люди нашей страны, для которых жизненной целью стал не труд на благо собственной страны, а обустройство, будь в каком качестве, но на Западе. Такую мораль В. Зомбарт называл торгашеской [5, 21]. Между тем еще Платон писал о том, что государство, ради которого никто не готов хоть чем-то пожертвовать, нежизнеспособно.

Идейный вакуум и ценностная неразбериха в сознании — очень удобная почва для манипулирования. В 1990-е гг. было сделано все, чтобы создать такую почву. Из образовательных программ средней школы и вузов вымывалась та его гуманитарная составляющая, которая способствовала формированию «ценностного ядра» мировоззрения. Дисциплины, формирующие осмысленный, системный взгляд на мир, заменялись практически ориентирующими. Вместо философии, политэкономии, этики, социологии и др. — экономика, учебники истории по Дж. Соросу, этика семейной жизни, этика деловых отношений и т. п. Трудно поверить, что в такой идеологизированной стране, как наша, это происходило случайно. Тем более что подобное в отечественной истории уже случалось, и не единожды. Так, в 1850 г. министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов в докладной записке императору Николаю I написал: «Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден». В том же году указом императора был ликвидирован философский факультет и запрещено преподавание философии.

Современное российское общество крайне разобщено и дезориентировано, а духовно разобщенное общество конфликтно и экономически неэффективно. Высокая степень экономической дифференциации населения, этническая и идейная поляризация подрывают общенациональную солидарность, тормозят социально-экономические преобразования в стране. Созданию общегражданской идеологии препятствует и непатриотичное, стяжательское поведение многих представителей политической и экономической элиты страны. Такое поведение провоцирует, скорее, революционные настроения, чем патриотические и государственнические. Однако никакое государство длительный период времени не может жить без идеологии или с официальной идеологией, не разделяемой большинством граждан. Хаос в ценностно-нормативной сфере, невнятность в формулировке цели движения нашего общества — серьезное препятствие для решения проблем во всех остальных его сферах. Необходимо адекватно оценить исходное социально-политическое состояние страны, состояние общественного сознания ее граждан, использовать весь арсенал обществоведческих идей, весь интеллектуальный потенциал страны для поиска оптимального пути развития нашего общества. Более конкретное содержание общегражданской идеологии

— предмет обсуждения этого вопроса профессионалами и общественного договора. «Интеллект, — писал Х. Ортега-и-Гассет, — это самое доступное человеку орудие. Он всегда под рукой. Пока человек верит, он не склонен им пользоваться, потому что интеллектуальное усилие тягостно. Но, впад в сомнения, человек хватается за интеллект, как за спасательный круг. Прорехи в наших верованиях — вот те бреши, куда вторгаются идеи. Ведь назначение идей состоит в том, чтобы заменить нестабильный, двусмысленный мир на мир, в котором нет двусмысленности. ...Каждому человеку приходится на свой страх и риск управляться с сомнительным, со всем тем, что стоит под вопросом. С этой целью он выстраивает воображаемые миры и проектирует свое в них поведение. Среди этих миров один кажется ему *в идее* наиболее прочным и устойчивым, и человек называет этот мир истиной или правдой» [6, 475—476].

Литература

1. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2.
2. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб.: Machina, 2006.
3. Дубко Е.Л. Политическая этика. М.: Академический проект; Трикста, 2005.
4. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.
5. Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.
6. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
7. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
8. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.
9. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
10. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
11. Янкелевич В. Прощение // Янкелевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
12. Ясперс К. Ницше и христианство. М.: Моск. филос. фонд; «Медиум», 1994.

С.С. НОСОВА

Новый подход в системе управления экономикой региона

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме регионального развития — разработке новой системы управления экономикой региона. Обоснована необходимость реализации кластерного управления как сочетания отраслевого и территориального управления в интересах создания условий для эффективного функционирования региона и национальной экономики в целом, разрешения противоречия между ресурсами и потребностями развития общества в условиях глобализации. Переосмыслены критерии успеха современного бизнеса, прежде всего, с позиции формирования инновационных территориальных кластеров.

Ключевые слова: кластерная система управления, кластеры, инновационные территориальные кластеры, кластерная цепная реакция, кластерные регионы, институты развития кластеров.

Постановка вопроса

Основой устойчивого развития современной российской экономики выступают целенаправленные действия со стороны бизнеса и государства, способствующие усилению интеграционных процессов и стимулированию инновационной активности хозяйствующих субъектов. Достижение этих целей непосредственно связано с развитием инновационных территориальных кластеров (ИТК) как точек роста, локализуемых взаимодействием науки и образования, бизнеса, институтов развития и органов власти (федеральных и местных). Эффектами кластерных систем выступают расширение кооперационных связей между хозяйствующими субъектами; достраивание производственных цепочек создания стоимости; развитие импортозамещающих компетенций и производств; повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности компаний и регионов их базирования.

Увеличение скорости и масштабов глобальных экономических изменений при нарастании турбулентности (неопределенности, риска, хаоса) и других угроз будущего развития определяют актуальность решения проблем пространственного развития национальной экономики [4, 44]. Необходимость комплексной проработки проблем территориально-отраслевого управления возникла в связи с недостаточной научной разработанностью проблем методологической, методической и информационной основы кластерной диверсификации. Следует отме-

тить, что вплоть до настоящего времени особенности решения проблем устойчивого развития российской экономики остаются вне поля зрения пространственного развития экономики. Еще не нашли должного отражения сущностные аспекты моделирования регионального развития. Именно в этом аспекте следует рассматривать роль кластеров в развитии экономики.

Сосредоточение усилий на решении данных проблем в условиях мирового кризиса является залогом выживаемости отечественных предприятий реального сектора экономики. В этом аспекте представляет интерес разработка и обоснование новых моделей развития, ориентированных на решение задач регионального стратегического менеджмента. Эта разработка сопряжена с решением проблем сразу по нескольким направлениям — создания нового информационного, программного и технологического обеспечения, создания новых решающих правил выработки и поддержки процесса принятия решений на основе новой методологии управления во внутренней территориально-отраслевой среде. Иначе говоря, надо учитывать комплекс региональных дестабилизирующих факторов. Именно в этом аспекте следует рассматривать систему кластерного управления в стратегическом пространственном развитии российской региональной экономики

Сущность кластерной системы управления

Кластер предполагает устойчивое партнерство взаимосвязанных хозяйствующих субъектов с целью получения синергетического эффекта как результата эффективного взаимодействия возможностей партнеров на основе кооперации [2, 23]. Кластерное управление экономикой представляет собой новый институт, т. е. формализацию совокупности приемов и методов, способствующих использованию новых подходов управления развитием конкретной территории. Все кластеры построены по одной принципиальной схеме: на основе взаимодействия различных видов деятельности, обеспечивающих непрерывность производства конечного продукта на определенной территории [5, 206].

С учетом пространственного аспекта, т. е. закрепления деятельности на определенной территории, происходит перезагрузка отраслевого метода управления. Он уходит в прошлое. На смену приходит *кластерный подход как метод пересечения отраслевого и территориального управления развитием хозяйствующих субъектов*. Как отмечено, кластерное управление — это совокупность действий (совместных, целенаправленных, закреплённых документально) бизнеса, органов власти, образовательных и научно-исследовательских институтов, а также других элементов кластера по формированию благоприятных условий бизнес-среды для развития кластеров и повышения

эффективности деятельности всех их элементов. Внедрение кластерного метода управления экономикой объективно обусловлено необходимостью разрешения противоречия между возможностями и потребностями развития общества в условиях глобализации [11, 21]. Кластерное управление — это и есть новая форма регионального управления. Объективно возникает необходимость разработки новых механизмов регионального управления на основе современного стратегического планирования пространственного развития страны.

Кластерная система управления — это система, состоящая из активных элементов, участвующих в комплексе процессов. На практике активные элементы системы имеют функции, ресурсы, стратегии и цели, которые могут изменяться во времени, адаптироваться к изменениям условий внешней среды. В этом аспекте кластерная система управления обладает свойством целостности и связанной с ней синергетическим потенциалом — возможностью противостояния кластерных систем вызовам и конфликтам во внешней среде. Синергетический потенциал кластерной системы управления — это то, что делает систему устойчивой к потрясениям и изменениям во внешней среде. Это также то, что дает дополнительный эффект — эффект корпоративного взаимодействия активных элементов.

Кластерное стратегическое управление — это способ управления, обеспечивающий согласование целей и возможностей организации с интересами всех заинтересованных в ее деятельности сторон так называемых стейкхолдеров.

Он заключается в прогнозировании сценариев видения будущего; конструировании альтернативных потенциально возможных в будущем направлений и действий; исчислении риска, хозяйственных помех и хаоса для этих направлений; оценке последствий от принимаемых этих решений на перспективу.

Во всех направлениях кластерного стратегического управления должен учитываться фактор времени, что вызывает необходимость принятия решений в условиях неопределенности, риска и неустойчивости в развитии кластерной диверсификации. Учитывая необратимость изменений реальной действительности, в которых присутствует хаос и хозяйственные помехи, фактор времени становится решающим. От него зависит своевременность реакций кластерного менеджмента на эти изменения [9, 31]. Поэтому возникла насущная необходимость искать новые подходы и методологию для того, чтобы решать так называемые нелинейные задачи. На повестку дня современной теории оптимального управления ставится новый тип задач — задач оптимального программирования и управления стохастическими процессами, в которых учитывается фактор времени и обратная связь. В условиях быстрых изме-

нений во внешней среде ответная реакция кластерного менеджмента на надвигающиеся угрозы должна быть не только быстрой, но и точной. Поэтому необходимо разработать такую модель оптимального программирования, которую можно было бы настроить на любую цель «дерева целей и задач» и в которой должны быть учтены дестабилизирующие факторы.

В регионе «кластерные силы» могут объединиться и образовать длинные причинно-следственные связи. Это приведет к структурной перестройке региона, к формированию в нем так называемых *надкластерных сил* (или метафакторов). Основываясь на этом и учитывая современные представления о хаосе, можно сказать, что кластеры — это одновременно и область, в которой проявляется высокая степень хаотической неустойчивости системы, и алгоритм, или правила, по которым факторы (действующие силы), формируя длинные причинно-следственные связи, преобразуют структуру региональной системы и изменяют «реальность» ее функционирования.

Поскольку в области кластера, в которой *изменились правила поведения*, система начинает вести себя так, когда кластерные силы могут объединиться и почти мгновенно перевести систему из одного состояния в другое. Это значит, что эта область вновь может стать устойчивой и играть роль стратегических параметров порядка, т. е. может вновь выступить в роли стратегических инструментов — прогнозирования и стратегического выбора.

Обоснование стратегии (концептуального видения) создания и развития кластерного управления в региональной экономике

В мировой практике сложились различные формы стимулирования кластерных инициатив, предполагающие использование институциональных механизмов, обеспечивающих как непосредственную поддержку в формировании кластеров со стороны государства, так косвенную, т. е. бюджетные преференции, способствующие разработке новых, стратегически важных технологий. *Институализация* кластерных процессов позволяет обеспечить своевременность доступа к необходимым ресурсам, преодолеть трудности выхода на рынки будущей продукции, выявить реальные, перспективные пути и необходимые действия для вхождения и увеличения своего присутствия на рынке. Специфика методического подхода состоит в возможности взаимодействий и увязки интересов разработчиков технологий, промышленного производства, институтов развития и власти.

Несмотря на глубокое исследование закономерностей развития экономического пространства в РФ, в том числе на основе кластерных принципов, не создана единая концепция пространственного развития

регионов в современных условиях, позволяющая формировать и эффективно использовать конкурентные преимущества регионов в сетевой экономике.

К методологическим вопросам, требующим детальной проработки применительно к российским региональным особенностям, можно также отнести: обоснование стратегии (концептуального видения) создания и развития конкретного кластера; построение механизма реализации кластерной инициативы и механизма организации взаимодействия между участниками внутри кластера; обоснование мер и механизма государственной поддержки кластерного развития.

Действующий в настоящее время в процессе формирования ИТК список приоритетных направлений и технологий, по мнению авторов, недостаточно увязан с государственными приоритетами и потребностями инновационного развития хозяйственной системы России, что влечет за собой неэффективное использование бюджетных средств. Это приводит к нарушению принципа результативности и эффективности стратегии, основанного на необходимости достижения заданных результатов с наименьшими затратами ресурсов в соответствии с документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках планирования и программирования [8, 250].

Формирование инновационных территориальных кластеров (ИТК) в региональной экономике Российской Федерации

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года акцент сделан на формирование инновационных территориальных кластеров [6]. Это означает, что на специально отведенной территории [1, 24] должны быть созданы особые условия для исследований и разработок, способствующие росту конкурентоспособности определенной территории, так называемой региональной экономики. Поэтому характерной чертой современного пространственного развития России является построение экономики, базирующейся преимущественно на распространении и использовании интеллектуального капитала как акселератора инноваций во всех отраслях промышленности. Следовательно, необходимо создать условия для активизации инновационной деятельности в машиностроении, стройиндустрии, авиационной, космической, радиоэлектронной, атомной и других отраслях и комплексах. Это позволяет говорить о развитии экономики в ближайшие десятилетия на основе новой системы управления предприятиями и внедрения современных экономических механизмов государственного и частного партнерства, долгосрочной аренды, лизинга и проектного финансирования для эффективного крупных инвестиций, диверсификации источников финансирования кластеров.

Главные особенности ИТК:

- инновации — главный фактор кластеров;
- определенная территория — это фундамент кластера;
- определенная отраслевая направленность — это специализация кластера [10, 21].

Отсюда складывается понятие инновационного территориального кластера (ИТК).

Выбор ИТК как нового инструмента управления экономикой потребовало глубокого исследования кооперации между НИОКР, сферами бизнеса, институтами развития и органами управления. В этом аспекте ИТК следует рассматривать как драйвер, определяющий современное социально-экономическое развитие.

ИТК берет на себя миссию «ядра» в сценарии социально-экономического развития страны. Чтобы ИТК развивались, необходимо использовать как прорывные (радикальные) инновации, так и поддерживающие (улучшающие) инновации. Известно, что развитие ИТК обусловлено развитием бизнеса, ключевыми компетенциями, инновационной инфраструктурой. Они способствуют обеспечению сбалансированности в рамках трех видов деятельности — инвестиционной, инновационной и финансовой (методология практической реализации процесса развития).

В целом реализация выделенных типов ИТК в регионах базирования направлена на решение следующих задач:

- повышения конкурентоспособности предприятий и организаций, отрасли, повышения качества жизни в регионах их базирования;
- развития инновационной, производственной, транспортной, энергетической, инженерной, жилищной и социальной инфраструктуры;
- привлечения в регионы инвестиций и квалифицированной рабочей силы;
- обеспечения эффективной поддержки деятельности предприятий и организаций, отрасли из средств консолидированного бюджета Российской Федерации и институтов развития, внебюджетных источников;
- формирования и развития эффективных механизмов частно-государственного партнерства в атомной энергетике;
- развития международной кооперации и интеграции.

Инновационный кластер теоретически и методологически тесно связан с инновационным прогнозированием и соответственно с выбором прорывных технологий. Выбор приоритетных направлений развития инновационного кластера целесообразно осуществлять, основываясь на следующих критериях:

- корреляция с целями и задачами инновационного развития хозяйственной системы;
- достижение относительно высокого уровня НИОКР в сравнении с уровнем мировых технологических лидеров;
- обеспечение технологической безопасности;
- развитие отечественной научной базы;
- выход на рынки высокотехнологичной продукции (услуг);
- готовность рынка к потреблению результатов реализации достижений науки, техники и технологии;
- повышение интереса российского бизнеса к претворению в жизнь полученных технологических решений;
- рост качества жизни.

В этом контексте необходимо указать, что система инновационного кластера способствует: выбору приоритетных направлений развития науки, техники и критических технологий в качестве элемента в решении стратегических задач совершенствования технологической структуры производства; эффективной интеграции российского научно-технического потенциала в планетарную систему инновационных связей; обеспечению непрерывности перехода от фундаментальных исследований к инновациям; разработке целостной, сквозной системы и институционального механизма государственной поддержки инновационной деятельности.

В России в условиях протекающего в настоящее время экономического кризиса необходимо внимательнее определять приоритетность в формировании кластеров. Первоначально создавать кластеры, направленные на инновационное развитие, ведущее к более быстрому переходу к современным технологическим укладам. Выявленные методы формирования кластеров различны по их экономической содержательности, однако алгоритм последовательности действий по формированию кластеров практически однороден. Разработанный правительством организационно-экономический механизм управления формированием и функционированием кластеров, позволяет обеспечить целевое, взаимосвязанное и функционально организованное управление. совокупность институций, норм и правил, обеспечивающих в определенных условиях формирование заданных явлений. Инновационный кластер следует рассматривать как фактор, определяющий движение современного социально-экономического развития России

Кластеры как инструмент роста конкурентоспособности в атомно-энергетическом промышленном комплексе (АЭПК)

В настоящее время назрела необходимость принятия соответствующих мер для инновационного пространственного прорыва в

АЭПК. Первоначально реализуемый на практике кластер рассматривался с территориально-производственных или индустриальных позиций. В данный управленческий подход не включался инновационный или креативный компонент [3, 84]. Выбор же инновационного кластера как нового инструмента управления экономикой потребовало глубокого исследования кооперации между НИОКР, сферами бизнеса и государственного управления.

Развитие территориально-инновационных кластеров, работающих в области ядерных технологий, является одним из приоритетов Госкорпорации «Росатом». Росатом проводит последовательную работу в области поддержки развития инновационных территориальных кластеров Российской Федерации (в том числе кластеров Санкт-Петербурга и Ленинградской области, ядерно-физического и нанотехнологического кластера в г. Дубна Московской области и других атомных кластеров). В рамках проведения политики развития кластеров решается ряд важнейших задач стратегического развития, связанных с повышением операционной эффективности за счет построения системы кооперации предприятий атомной отрасли и ускорения создания инновационных продуктов и выводом их на глобальные рынки. При решении задач на перспективу на основе стратегического планирования и целевого проектирования необходимо рассчитывать оптимальные программные траектории факторов роста кластеров в АЭПК. При этом важно знать время, отводимое для завершения каждого мероприятия, включаемого в целевую программу. На официальном сайте кластера в Дубне отмечено: «Нас не смущает то, насколько кластер в Дубне соответствует классической теории. Мы объединились затем, чтобы возможности каждого участника рождали преимущества для партнеров» [7]. Но это и есть «драйвер» кластера.

Выводы

1. В сложившихся условиях для изучения процессов кластеризации следует в максимальной степени использовать общенаучные методы исследования экономических и социальных явлений. Так, проведенный анализ концепции «полюсов роста» позволяет сделать акцент на *пространственное* развитие экономики на основе кластеров, в которых с развитием рыночных принципов и институтов хозяйствования взаимообусловленность предприятий и организаций осуществляется посредством формирования устойчивых вертикальных и горизонтальных связей, которые определяют эффективность всех его составляющих, обеспечивают высокий уровень конкурентоспособности и стимулируют инновационные процессы в пределах одной территориальной зоны.

2. Кластер предполагает устойчивое партнерство взаимосвязанных хозяйствующих субъектов с целью получения синергетического эффекта как результата эффективного взаимодействия возможностей партнеров на основе кооперации. Кластерное управление экономикой представляет собой новый институт, т. е. формализацию совокупности приемов и методов, способствующих использованию новых подходов управления развитием конкретной территории. Все кластеры построены по одной принципиальной схеме: на основе взаимодействия различных видов деятельности, обеспечивающих непрерывность производства конечного продукта на определенной территории.

3. Кластер — это одновременно и область, в которой проявляется высокая степень хаотической неустойчивости системы, и алгоритм или правила, по которым факторы (действующие силы), формируя длинные причинно-следственные связи, преобразуют структуру региональной системы и изменяют «реальность» ее функционирования. Это значит, что кластерные силы *могут объединиться и почти мгновенно перевести систему из одного состояния в другое*, а также выступить в роли *стратегических инструментов* — прогнозирования и стратегического выбора.

4. С учетом пространственного аспекта, т. е. закрепления деятельности хозяйствующих субъектов на определенной территории, происходит перезагрузка отраслевого метода управления. На его смену приходит *кластерное управление как метод пересечения отраслевого и территориального управления развитием хозяйствующих субъектов*. Кластерное управление (в широком смысле слова) — это совокупность действий (совместных, целенаправленных, закрепленных документально) бизнеса, органов власти, образовательных и научно-исследовательских институтов, а также других элементов кластера по формированию благоприятных условий бизнес-среды для развития кластеров и повышения эффективности деятельности всех их элементов. Кластерная система управления обладает свойством синергетической целостности. Это то, что дает синергетический эффект — эффект корпоративного взаимодействия активных элементов. Ключевая роль в формировании кластерного управления принадлежит органам региональной власти.

Литература

1. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3 т. Т. 1. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
2. Носова С.С. Концепция развития инновационного кластера: теоретико-методологический аспект // Инновации и инвестиции. 2014. № 1.

3. Носова С.С., Путилов А.В., Воробьев А.Г. Оценка формирования инновационных территориально — производственных кластеров как метод прогнозирования развития атомного энергопромышленного комплекса // Цветные металлы. 2014. № 12.
4. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2.
5. Портер М. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003.
6. Стратегия инновационного развития до 2020 года // <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/>.
7. Территориальный инновационный кластер ядерно-физических и нанотехнологий в г. Дубне Московской области // <http://go.mail.ru/search?> (дата обращения: 05.01.2017).
8. Cheshire P.C., Malecki E.J. Growth, Development and Innovation: A Look Backward and Forward // Papers in Regional Science. 2004. P. 249—267.
9. Enright M.J. Regional clusters and economic development: a research agenda. Boston: Harvard Business School, 1993. 756 p.
10. Nosova S.S. and etc. New Management Model of Modern Russian Economy: Regional Aspect // International Review of Management and Marketing. 2016. № 6.
11. Rosenfeld S.A. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // European Planning Studies. 1997. № 5 (1).

Н.И. УСИК

Возможности движения к хозяйству

Аннотация. В статье показываются некоторые возможности движения к хозяйству, которое ассоциируется с народным хозяйством, социально-экономическим развитием. Указывается, что неодирижизм дает возможности движения к хозяйству путем создания условий на патриотической, а не предпринимательской основе. Реализация началась при использовании проектного подхода. Методологией исследования выступает концепция хозяйства на принципах неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса Российской Федерации научной школы философии хозяйства. Отношения воспроизводства, солидарности и созидания на патриотической основе смогут реализовать возможности хозяйствования во всех сферах деятельности, ограни-

чивая рыночные элементы (деньги, капитал, спрос и предложение, ценности только для определенного потребителя, а не общества или территории в целом).

Ключевые слова: философия хозяйства, неодирижизм, воспроизводство, солидарность, патриотизм, проектный подход, инновационная цепочка, добавленная стоимость, неоиндустриализация.

Ученые большинства стран обеспокоены отсутствием результатов от мер, направленных на улучшение экономической ситуации в глобальном мире. Многими учеными предлагается отход от парадигмы, доминирующей в мире рыночной экономики, делающей ставку на денежно-кредитную политику. Например, в Центре общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова такие поиски дают надежду на возможные положительные результаты путем движения от экономики к хозяйству (национальное хозяйство, хозяйствование, народное хозяйство, сельское хозяйство и т. п.). Еще более полувека назад отмечалось, что экономические интересы, выраженные в экономической власти отдельных группировок, образований, отражают границы возможностей функционирования рыночной экономики. Сложилась «экономическая» модель властных отношений (по В. Ойкену), не способствующая социально-экономическому развитию, т. е. хозяйству. Существование «провалов» рынка, а вслед за ними и «провалов» политики указывает на границы возможностей рыночного регулирования экономики.

Возможности расширения границ рыночной экономики до хозяйства на основе неодирижизма связаны с условиями хозяйствования, определяющими защиту национальных интересов или ведущих игроков рынка (антиконкурентный эффект).

В последнее десятилетие отмечается, что функциональный подход в управлении экономическим развитием меняется на проектный, позволяющий эффективно решать поставленные задачи в достижении целей. На наш взгляд, этот новый подход как раз и позволяет инвестору реализовывать свои интересы, поскольку исключается контроль как одна из функций управления со стороны государственных органов, обеспечивающих социально-экономическое развитие регионов и страны в целом. Формирование с 2010 г. (например, в Белгородской области) проектных офисов в регионах и субъектах РФ свидетельствует о реализации отраслевого хозяйствования. Появляется возможность хозяйствовать не только на предпринимательской, но и патриотической основе заинтересованных отечественных инвесторов в развитии дорогих их сердцу мест Отчизны, приводящих к общему развитию территории страны.

Рыночная экономика с конкуренцией как принципом координации деятельности субъектов в настоящее время оказалась на границе своего существования, так как обострились социальные проблемы, включая доступность медицинской помощи, образования, трудоустройства, инфраструктуры и т. д. Макро- и микроэкономика уступили место конструированию будущего на основе экспертных оценок, выражающемуся в реализации всевозможных проектов на основе разрабатываемых технологий. Таким образом, границы как для теоретической, так и практической (технологически-физикалистской) экономики давно обозначились, поэтому и разрабатываются возможности движения к хозяйству учеными сообщества научной школы философии хозяйства под руководством профессора Ю.М. Осипова.

Методологией исследования выступает концепция хозяйства на принципах неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса Российской Федерации на воспроизводственной, патриотической основе. Указанная методология противоречит принятым законодательным и нормативным актам регулирования хозяйственной деятельности в Российской Федерации из-за защиты конкуренции. Необходимо учитывать антиконкурентный эффект, необходимый для воспроизводственного процесса. Конкуренция не обеспечит концентрации усилий в определенной отрасли, а, наоборот, ослабит ее. До сих пор насаждается основной принцип координации деятельности субъектов рыночной экономики — конкуренция, хотя уже во всех странах в законах о защите конкуренции вписаны основы ее адвокатирувания (ограничения) как защита национальных интересов или ведущих игроков определенного рынка (антиконкурентный эффект). Поэтому Федеральная антимонопольная служба в своих решениях должна исходить из интересов хозяйствования на территории РФ, а не из интересов иностранных инвесторов и глобальных игроков. Защита интересов хозяйствования и социально-экономического развития на всей территории страны — первоочередная задача Правительства РФ.

В России насущная потребность экономической и национальной безопасности состоит в инновационном обновлении материально-технической базы корпоративно-хозяйственного комплекса страны, переживающего нарастающие потери внутреннего производства. Поскольку новая индустриализация в РФ не вписывается в инвестиционные модели получения в краткосрочном периоде прибыли от любых видов деятельности, то немного и результатов. Становятся актуальными отношения воспроизводства, солидарности и созидания (хозяйства, а не экономики) в проектном управлении развития территорий в дополнение к локализации в кластерах конкурентоспособности.

В РФ идет процесс определения направления цели развития территории страны как новой индустриализации. Стратегии, обсуждающиеся в настоящее время, эту цель четко не назвали, находясь под воздействием существующей парадигмы глобальной экономики, а не хозяйствования в регионах огромной, богатой страны. Общая институциональная модель, предлагаемая нами, может создать экономические условия хозяйствования, а именно: обеспечение институционального механизма ограничения экономической власти элит, использующей методы вне рыночного принуждения; создание условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные; выработку принципов поддержания конкурентоспособности для применения технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ. Таким образом, идет сближение либерализма и дирижизма для обеспечения технологических конкурентных преимуществ и решения социальных вопросов в настоящее время.

Развитие всех без исключения регионов РФ в социально-экономическом плане основывается на ускоренном технологическом развитии, обеспечивающем возможности движения к хозяйствованию (хозяйству).

Возможности движения к хозяйству базируются на воспроизводственном подходе (производство и распределение), а не только на рыночном (обмен — сфера потребления). Воспроизводство включает социальный аспект и национальное хозяйство, хозяйственный комплекс, воспроизводственную солидарность, а не только соглашение элит. При рыночном подходе возможности движения к хозяйству ограничиваются использованием в качестве ведущих элементов денег, капитала, спроса и предложения: ценности — только для определенного потребителя, а не общества или территории в целом. Здесь нет места социальным аспектам, поскольку в конкурентной борьбе на товарных рынках побеждает тот, у кого издержки ниже или объемы продаж больше. Этот принцип (конкуренция, обмен) заложен в действующее законодательство России [1]. В этом направлении могут быть утрачены цивилизационная идентичность и суверенитет стран из-за захвата сильными геоэкономическими и геополитическими центрами мира.

Поиски возможностей развития хозяйства (хозяйствования) в регионах видятся в использовании пока еще имеющегося потенциала: потенциал высокопрофессиональных кадров, образовательных учреждений, частично материально-технической базы, институциональной, транспортной и социальной инфраструктуры. На таком потенциале основываются инновационные системы, отличающиеся от любой другой (например, модель «черного ящика») тем, что основаны на инновационной цепочке. Инновационная цепочка в регионе («тройная спираль», по

Г. Ицковицу) начинается с генерирования знаний и идей в образовательных и исследовательских учреждениях, а заканчивается коммерциализацией инновационного продукта через инновационную инфраструктуру. Инновационная цепочка выступает реализацией поставленной цели, т. е. средством для ее достижения. Новая индустриализация в России представляет как раз цель хозяйствования, для чего необходимо по регионам проанализировать имеющиеся конкурентные преимущества, на основе которых и формируются региональные инновационные системы.

Алгоритм определения параметров формирования региональных инновационных систем следующий. Проводится отраслевой анализ региона и выявляются специфические конкурентные преимущества в позициях ведущих предприятий. Следующим этапом являются анализ опыта и выявление успешной инновационной практики регионов. Затем выделяются работающие кластеры в регионах и инновационный потенциал.

Резерв возможностей движения к хозяйству имеется во внедрении инновационных систем неолиберализма в регионах, осуществляющихся в кластерах (кооперация науки, образования и производства) за счет государственного инвестирования в проекты, отличающиеся высокой добавленной стоимостью. Чем выше доля добавленной стоимости в конечном продукте, тем более инновационной является деятельность организации. Хотя прежние инструменты в виде национальных проектов и целевых программ реально работают. Новый инструмент включает проектное управление в рамках формирующихся проектных офисов не только в кластерах, но и повсеместно на основе неолиберализма.

Ю.М. Осипов показывает сущность неолиберализма (от фр. *diriger* — управлять) эпохи глобализации и постмодерновой цивилизации через посредство национального государственно-корпоративного комплекса. Национальный государственно-корпоративный комплекс состоит из пространственно-сетевых институциональных структур, функционирующих благодаря организационным методам. Здесь «приоритет не прямых и во многом скрытых методов управления, основополагающей роли различного рода самоорганизаций» [2, 7].

Инновационное развитие экономики путем кластеризации в настоящее время не имеет оснований, так как отсутствует реальный задел по новейшим технологиям, закупка же за рубежом должна быть оправдана структурной перестройкой экономики. За последние двадцать пять лет перестали функционировать почти все выпускающие оборудование предприятия, поэтому оно закупается за рубежом и работает на зарубежных, а не отечественных технологиях.

Процесс возможного движения к хозяйству связан с исследованиями вопросов синергетического эффекта и синергии в хозяйственных взаимоотношениях, позволившими ученым сделать выводы о проявлении следствия раньше причины из-за того, что наряду с причинно-следственными связями, существуют недетерминированные связи. Анализом таких связей занимался Г. Хакен еще в 1970-х гг., определив синергетический подход, выдвинув концепцию регулирующих (управляющих) параметров, т. е. небольшого числа наиболее важных характеристик, определяющих основные свойства и поведение системы. До настоящего времени многие исследователи применяют такой подход к анализу практики хозяйствования. Сейчас формируются новые модели хозяйственного развития на базе творческого фактора, знаний и информации. В менеджменте этот процесс можно назвать «конструированием будущего» на основе изменения управляющих параметров, в нашем же понимании это денежно-кредитная политика, ставка банковского процента и технологические инновации [3, 18]. На смену манипулирования управляющими параметрами (синергетический эффект) в глобальной экономической системе (банковский процент, курс валют, внедрение инноваций) приходит осознание необходимости защиты интересов хозяйствования для жизни, а не для экономики. Ведь управляющие параметры выходят за рамки экономической политики национального государства, осуществляющего макроэкономическое регулирование.

В заключение назовем некоторые возможности движения от экономики к хозяйству, необходимые для социально-экономического развития: 1) концепция хозяйства на принципах неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса Российской Федерации (научная школа философии хозяйства Ю.М. Осипова как методология исследования); 2) неодирижизм, дающий возможности движения к хозяйству путем создания условий на патриотической (проектный подход), а не предпринимательской основе; 3) отношения воспроизводства, солидарности и созидания на патриотической основе, которые смогут реализовать возможности хозяйствования во всех сферах деятельности, ограничивая рыночные элементы (деньги, капитал, спрос и предложение, ценности только для определенного потребителя, а не общества или территории в целом); 4) неоиндустриализация — структурная перестройка экономики на новой технологической основе с увеличением доли добавленной стоимости.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ.

2. *Осипов Ю.М.* Самоутверждение России в модернизационном ключе. Тезисы // Экономическая теория в XXI веке — 8 (15): Экономика модернизации: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. 496 с.

3. *Усик Н.И.* Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе // Философия хозяйства. 2012. № 4.

С.В. БИРЮКОВ

**«Перестройка 2.0» и российское переустройство:
принципиальное различие двух стратегий**

Аннотация. В статье проанализированы истоки и возможные последствия реализации двух основных проектов социально-экономической трансформации России — «перестройки 2.0» и «российского переустройства». Автор рассматривает содержание этих концепций с точки зрения их реалистичности, соответствия долгосрочным интересам России, современных тенденций и противоречий глобального развития. Особое внимание уделяется политическим противоречиям и конфликтам 1985—1991 гг., а также политическим стратегиям позднего периода «перестройки 1.0». В статье выделены и рассмотрены различные уровни трансформационного процесса и связанных с ним противоречий и конфликтов в позднесоветском и российском обществах. На основании этого выделены основные направления и перспективы развития трансформационного процесса в современной России, а также социальные и политические риски, связанные с принципиально нелинейным характером российского политического процесса. В статье проводится содержательный анализ понятий «перестройка» и «переустройство», показано их принципиальное различие с точки зрения опыта и перспектив исторического бытия России. При этом российское переустройство рассматривается автором статьи не как некоторый умозрительный концепт, а как комплексная реалистическая стратегия. Возможность реализации последней на практике связывается не только с пересмотром общей стратегии социально-экономической политики, сформированной в начале 1990-х гг. Автор обосновывает необходимость коррекции общей стратегии государственного строительства, связанного с пониманием качественно новой роли России в современном мире. Статья представляет интерес для специалистов различных областей социально-

гуманитарного знания, заинтересованных в поиске концептуальной альтернативы современным кризисным моделям развития.

Ключевые слова: перестройка, переустройство, трансформация социальная, реформы, модернизация, система, кризис, демонтаж, элита, средний класс.

«Перестройка 2.0» — политический и социально-экономический проект, который, начиная с 2011 г., активно обсуждается представителями как российской либеральной оппозиции, так и их оппонентами. Причем, если некоторые эксперты воспринимают смысл этого проекта едва ли не апологетически, связывая с ним надежду на «демократизацию России» в интересах «большинства россиян», то другие усматривают в нем некий «конспирологический план», связанный с намерением «внешних сил» разрушить Российское государство, завершив тем самым процесс, первой стадией которого стал распад СССР. Однако отметим, что внешняя канва событий не указывает на возможность реализации столь масштабных сценариев.

«Перестройка 2.0» генетически связана с «перестройкой 1.0», хотя и может быть реализована в качественно иной ситуации. По своему социальному смыслу «перестройка 1.0» — своего рода «номенклатурная революция» (точнее, неофеодальная инволюция), изначальной целью которой было посильное повышение эффективности позднесоветской системы за счет управляемой и поначалу ограниченной «либерализации сверху» без коренного изменения ее социально-экономического фундамента. Однако стихийность, непредсказуемость и нарастающая неуправляемость перестроечных процессов изменили первоначальный смысл и содержание перестроечного проекта — в результате чего он превратился не в «косметический ремонт», а в изменение самой сути системы, что закончилось масштабным кризисом и окончательным распадом последней. «Перестройка 1.0» как организованный процесс включала в себя следующие основные элементы:

- конвертацию номенклатурных статусов в собственность (впрочем, без окончательного отделения одного от другого);
- придание этим статусам (и производным от них собственности и экономическим благам) фактически наследственного характера;
- стихийную либерализацию «снизу», распространение бытовых, социальных и определенных политических свобод — что, впрочем, нисколько не препятствовало более общему процессу передела власти и собственности;
- планомерную дискредитацию («демонизацию») коммунистической системы и идеологии с целью дезориентации (и деморализации)

«позднесоветского человека» и обеспечения «безальтернативности» задуманных преобразований.

Во многих работах современных российских исследователей реконструируется подспудная логика «перестроечного процесса». К середине 1980-х гг. тогдашнее советское общество «пришло в движение», для чего существовали как объективные (торможение социально-экономического развития, приведшее к прогрессирующему снижению жизненных стандартов, вызвавшее стихийное и до времени «глухое» недовольство сложившейся к тому моменту «советской модели общества массового потребления»), так и субъективные предпосылки.

В СССР существовала элита, желавшая, с одной стороны, конвертировать власть в собственность — с передачей ее по наследству и возможностью легализации на Западе, с другой стороны, одновременно избавиться от «излишне масштабных» социальных обязательств перед населением. Существовал и достаточно многочисленный «советский средний класс» (ИТР, интеллигенция, квалифицированные рабочие и др.), понимавший «одряхлелость» и инерционность системы. Была интеллигенция, уставшая от излишней «опеки» со стороны власти и жаждавшая возвращения себе роли «властителей дум» без всяких на то ограничений. Наконец, была и огромная масса людей, желавшая перемен и не понимавшая до конца глубинной политической подоплеки событий.

Горбачев поддержал элиту, используя во многом справедливое недовольство номенклатурой «советского среднего класса» и интеллигенции для разрушения системы, которое, в свою очередь, привело к «социальному обрушению» самого «светского среднего класса», значительная часть которого так и не смогла вписаться в новые условия «периода первоначального накопления», когда процесс направлял альянс наиболее «сориентировавшейся в событиях» части номенклатуры, криминалитета и «новых бизнесменов», стремившихся получить максимально быстро максимально возможные дивиденды от процесса.

М. Горбачев мог превратить КПСС из «дряхлеющего образования» в эффективный инструмент политической мобилизации и модернизации политической и социально-экономической системы, осуществив новый «реформаторский призыв» в партию, демократизировав ее внутренние механизмы и мобилизовав на поддержку конструктивных реформ тот самый средний класс, но он предпочел оставить все без изменений, не препятствуя процессу «управляемой деградации» и распада страны. «Точка невозврата» была пройдена на XIX партконференции в апреле 1988 г., когда генсек и будущий первый и единственный президент СССР отказался от реформирования партии, позволив событиям «идти своим чередом», одновременно подталкивая распад бессистем-

ными и хаотичными действиями в политике и экономике. В результате этих процессов «управляемого распада» постепенно сформировался «параллельный центр власти» во главе с «опальным» бывшим первым секретарем МГК КПСС Б. Ельциным, сконцентрировавшим вокруг себя на «радикально-популистской платформе» многих лидеров демократического движения (бывших «прорабов перестройки») и группы «номенклатурного класса», желавших «конвертации власти в собственность» посредством «радикальных реформ» (а никаких других целей, помимо форсированного создания класса «крупных собственников», они, по признанию ныне покойного экс-премьера первого «реформаторского» правительства России Егора Гайдара, они и не преследовали).

Либеральные реформы 1990-х добавили к основному содержанию «Перестройки 1.0» ряд новых компонентов:

- форсированное формирование класса крупных собственников (так называемых олигархов), сохраняющих тесную «генетическую связь» с государством в лице крупных правительственных чиновников;
- демонтаж социального государства советского образца, превращение ключевых социальных благ в рыночный товар (образование, здравоохранение, культура);
- последовательную атомизацию общества (с помощью технологий «холодной гражданской войны») и публичной пропаганды социал-дарвинизма;
- интеграцию новообразованного класса крупных собственников в глобальную экономику и «элитное сообщество», легитимацию их статуса внутри и вовне страны (принципиально не лишено до сих пор).

Трансформации 2000-х гг. не изменили сколько-нибудь существенно сложившегося в 1990-е гг. социально-экономического порядка и отношений собственности, но при этом обеспечили восстановление государственной «надстройки» над классом крупных собственников. Последняя выполняет роль арбитра в системе отношений «власть — собственность» внутри страны и роль лоббиста интересов нового класса крупных собственников вовне страны. При этом демонтаж остававшихся институтов социального государства и процессы социальной деградации в период 2000-х продолжились, хотя и определенным образом замедлились.

2000-е гг. сформировали в России особый вариант «сословного общества» на основе рентно-распределительной модели, практически лишенного социальных лифтов (слабо структурированное «общество-каша» с малочисленным средним классом и большим числом неустойчивых групп). В условиях российской модели «рентной экономики» российский средний класс уже практически достиг пределов «естественного роста», преимущественно концентрируется в крупных мега-

полисах и практически отсутствует как «целостное явление» на периферии, переживающей сегодня всю совокупность эффектов демодернизации и деиндустриализации. Он еще только дорастает до уровня политического сознания, позволяющего сформировать и поддерживать сильную общегражданскую партию, отстаивающую его интересы; доверие же «середняков» к «Единой России» сегодня заметно упало, и она все больше рассматривается им как партия, отстаивающая интересы чиновничества и связанного с ним крупного бизнеса. Вместе с тем альянс «системных» и «уличных» либералов, реализовав свою программу по освобождению от остаточных элементов «социального государства» и окончательно расчистив тем самым «передовому олигархическому классу» путь к интеграции в «мировую экономику», одновременно лишит шансов на «социальное продвижение» многих представителей нынешнего условного российского «среднего класса» — ибо окончательная коммерциализация образования и переход к модернизации по модели стран «третьего мира» закроют многие еще имеющиеся «социальные лифты», которыми ныне пользуется в процессе своей «восходящей мобильности» средний класс России. Значительная же часть российского «малоимущего класса», немалую часть которого сегодня составляют представители квалифицированных профессий, будет окончательно отброшена на социальное «дно».

По нашему мнению, сегодня можно выделить три основных варианта выхода из современного промежуточного состояния «российского социума»:

- «цветная» (либеральная) революция — предполагающая первоначальный государственный переворот, межклановый передел собственности, заметное ослабление либо демонтаж национального суверенитета, демонтаж остатков социального государства со сталкиванием общества в хаос и архаику — прикрытием чего может послужить специфическая идеология, соединяющая элементы социал-дарвинизма, квазилиберализма, национализма и популизма в различных его модификациях;
- «перестройка 2.0» — порожденные процессами в «верхах» косметические реформы с новым перераспределением власти (и собственности) внутри элитного сообщества с возможным переходом последнего в «цветную революцию»;
- российское переустройство — как комплексная конструктивная альтернатива двум первым сценариям; оно предполагает качественный и эволюционный процесс преобразования российского общества, всех его сфер на основе широкого социального консенсуса, а полагающей своей итоговой целью — благо и интересы социального большинства, неизменно проигрывавшего в результате многих «неэволюционных»

попыток социальных изменений, инициируемых «верхами» и меньшинством.

Составляющими «перестройки 2.0», предположительно, могли бы являться:

- 1) масштабная политическая либерализация (с переходом в неуправляемый режим);
- 2) глубокая трансформация существующего политического порядка и его институциональных и идеологических оснований;
- 3) отказ от геополитических амбиций, современного противостояния с Западом и официальной версии патриотической идеологии;
- 4) изменение состава правящей элиты, уход представителей «силовиков», альянс нынешних «системных» и внесистемных либералов;
- 5) перераспределение власти и собственности;
- 6) закрепление либеральной социально-экономической модели, фундамент которой был заложен в начале 1990-х гг., в качестве безальтернативной, что означает неизбежную социальную деградацию и торжество так называемого «периферийного капитализма».

«Перестройка 2.0» (в смысле инициированного сверху процесса перемен либерального толка, который начинается как дозированный и управляемый, но потом выходит из первоначально намеченного «русла», превращаясь в подобие хаотической «воронки») в современной России затруднена в силу того обстоятельства, что социальные и морально-психологические «амортизаторы», смягчавшие в свое время кризисные эффекты «перестройки 1.0», в современном российском обществе отсутствуют. Посему издержки от процесса новой «либерализации сверху» и порождаемой ею (с высокой вероятностью) общей неуправляемости могут оказаться куда выше как раз для «среднего россиянина» (про низшие слои общества говорить просто не приходится). «Низы» в очередной раз будут призваны заплатить за изменение «соотношения фракций» в элитном слое общества. В то же время желание сохранить статус-кво любой ценой, не внося корректив в социально-экономическую и региональную политику и не осуществляя никаких изменений в публичной сфере, также чревато последствиями, которые крайне трудно предсказать. «Цветная революция» или любой иной вариант неэволюционной трансформации означают высокую вероятность гражданской войны с непредсказуемыми последствиями уже в краткосрочной перспективе. Прохождение общества между двумя вариантами хаотического развития превращается в крайне сложную задачу — и апелляции к «здоровому консерватизму» россиян могут оказаться здесь недостаточными.

Российское переустройство, в свою очередь, предполагает следующие изменения:

- 1) усиление социальной и государственной субъектности, качественное содержательное наполнение патриотического консенсуса;
- 2) комплексную ревизию социального и политического опыта 1990-х и глубокую рефлексию относительно результатов развития в 2000-е гг.;
- 3) изменение социально-экономической модели — с рентно-сырьевой («периферийный капитализм») на индустриально-инновационную;
- 4) развитие российской модели гражданского общества на базе идеологии солидаризма;
- 5) восстановление базовых областей социальной сферы — медицины, образования, социального обеспечения и т. д.;
- 6) разумную модернизацию федеративных отношений — эволюционное укрупнение регионов на экономической основе, разумную экономическую децентрализацию (при сохранении политического и конституционно-правового единства);
- 7) укрепление публичных политических институтов, уменьшение влияния неформальных политических практик;
- 8) модернизацию армии на основе новейших военных технологий.

В свою очередь, углубляющийся на наших глазах социально-экономический кризис, связанный не столько с международными санкциями, сколько с падением цен на нефть и издержками «сырьевой» модели экономики, продемонстрировал исчерпанность общей стратегии либеральных реформ, проводившихся в России с начала 1990-х гг. и нацеленных на форсированное создание «слоя крупных собственников» с целью «интеграции в мировую экономику» (а в реальности заложивших основы нынешней модели «рентной экономики»). Кроме того, кризис еще раз подчеркнул отсутствие конструктивной альтернативы курсу на комплексную (а не «усеченную» и ориентированную преимущественно на интересы «элитного слоя») и адаптированную к условиям России модернизацию как единственный высокоэффективный и социально приемлемый способ решения проблем страны.

Итак, в заключение можно сделать следующие выводы.

- Полноценная и завершенная социально-экономическая модернизация, опирающаяся на широкий общественный консенсус, может сохранить территориальное единство страны, выступая рычагом экономического развития как для Центра, так и для регионов, значительная часть которых находится в депрессивном состоянии.
- Модернизация наполнит реальным содержанием российский федерализм, продолжающий и ныне пребывать в «переходном» состоя-

нии, что не позволяет в полной мере использовать весь конструктивный потенциал федеративных отношений.

- Модернизация позволит создать работоспособную экономику и обеспечит полноценное развитие социальной сферы. Происходящий сегодня демонтаж механизмов социального государства, оставшихся от советского периода, осуществляемый кабинетом министров, отбрасывает российское общество в состояние социальной архаики, лишает его перспектив роста.

- Модернизация позволит сбалансировать межэтнические отношения в России, сформировав полноценный социально-экономический уклад на основе более разумной и сбалансированной модели разделения труда, и главное — создаст предпосылки для создания полноценного союза народов России вокруг русского народа как де-факто государствообразующего.

- Модернизация позволит России создать предпосылки для полноценного продвижения процесса евразийской интеграции. В противном случае российской стороне объективно нечего предложить партнерам по ЕАЭС, заинтересованным в модернизационном развитии и преодолении «неоднозначного» социально-экономического наследия постсоветской эпохи.

- Наконец, русский национализм (как идеологема и политический тренд) без связи с определенным общенациональным модернизационным проектом приведет Россию не к ожидаемому «величию», но к неизбежному разделению по этническому признаку и возникновению множества национальных конфликтов, грозящих целостности государства.

Таким образом, предполагаемое российское переустройство — это эволюционное (консервативно-модернизационное) преобразование России на основе консенсусных механизмов и последовательно воплощаемых центристско-консервативных ценностей. Переустройство предполагает диалог и активное сотрудничество российских государства и общества, усиление социальной, экономической, политической, военной субъектности России, превращение ее в значимый и влиятельный элемент формирующегося на наших глазах миропорядка. Именно в нем может и должен заключаться комплексный и конструктивный ответ России на всю совокупность основных вызовов современности.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Институциональные основы русской школы управления

Аннотация. Автор обосновывает положение, что экономика и ее принципы всегда являются производными от принципов и ценностей данной цивилизации. Россия является русской Евразией, а принципы ее развития имеют глубокие исторические корни. Именно поэтому нам предстоит, решая многие и сложнейшие технико-экономические проблемы, заняться созданием своей национальной школы управления экономикой и бизнесом.

Ключевые слова: цивилизация, ценности бытия, русская Евразия, национальной школы управления экономикой и бизнесом.

Существующая сегодня модель экономики России не является национальной. Это модель финансовой колонии и сырьевого придатка Запада. Смена модели экономики автоматически ведет к изменению принципов и механизма управления всем национальным хозяйством. При таком подходе управленческая культура и хозяйственная этика рассматриваются как производные от фундаментальных духовных ценностей, лежащих в основе культуры нации. Управление предприятиями (объединениями) здесь строится, исходя из общей предпосылки их целостности, а также народнохозяйственной интегративности. Перед нами стоит практическая задача — создать русскую школу управления (менеджмента).

Цель управления национальным хозяйством — воспроизводство общества и нации

Показателен для нас пример Японии, которая смогла устоять после поражения во Второй мировой войне, а затем и вырваться вперед. Это потребовало мобилизации и сплочения всех сил нации, жесткого подчинения экономических интересов абсолютно всех хозяйствующих субъектов интересам всего общества. Перед лицом внешних цивилизационных и геополитических угроз и вызовов Япония смогла сплотиться, создав модель мобилизационной экономики и мобилизационного хозяйства, подчиненного общенациональным задачам. Хозяйство страны превратилось в механизм воспроизводства всего японского общества и японской нации.

Отметим, что условия, в которых оказалась Япония после 1945, а Россия после 1991 г. — почти полностью совпадают: 1) обе страны ока-

зались в состоянии фактической американской оккупации; 2) экономика обеих стран находилась в состоянии разрухи и полнейшей дезорганизации, а национальное хозяйство как таковое было разрушено; 3) оба общества в целом (японское после 1945, а русское после 1991 г.) находились под сильным американским контролем; 4) в конечном итоге обе цивилизации (и русская, и японская) были поставлены, хотя и в разных исторических условиях, но по сути перед одинаковой проблемой: выживания нации.

Таким образом, модель экономики и национального хозяйства России это есть путь мобилизации всех духовных сил нации перед угрозой подрыва и уничтожения самих основ ее жизнедеятельности. Мы все, наконец, должны осознать, что решающей движущей силой общенационального хозяйственного развития являются духовные силы нации, состоящие из ценностей и духовных сил самого человека, его духа, всегда производного от духа нации [3, 1149—1152].

Показательны в этом контексте результаты анализа, проведенного в 1980-х гг. Они были представлены в виде таблицы компонентов показателя и индекса «национальной силы» государства в процентах. Показатель одной из стран принимался за 100%. В соответствии с выводами ученых способность к выживанию СССР была самой высокой в группе указанных стран и составила 119%, что было выше, чем у США (100%) и более чем в два раза выше аналогичных показателей других стран. «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны [3, 1139—1149].

Что же обеспечивало высокую способность к выживанию СССР? Известно, что модель народного хозяйства СССР была основана на принципах целостности, интегративности, самодостаточности, хозяйственной автаркии и жесткой иерархии. Примечательно, что страны ЮВА (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.), например, имеют точно такой же тип экономики, основанный на жестком государственном управлении. Принципиальное значение здесь имеют все эти пять принципов.

Взаимосвязь системообразующих ценностей, принципов жизнедеятельности и организационных принципов управления экономикой и бизнесом

Итак, экономика не может развиваться на основе привнесенных извне принципов, не может быть чужеродной по отношению к цивилизации. Ее принципы, законы развития всегда основаны на фундамен-

тальных общенациональных ценностях, являются частью общенациональных традиций и этнических стереотипов поведения, основанных на фундаментальных ценностях общенационального бытия.

Системообразующие ценности цивилизации формируют принципы жизнедеятельности, являясь сквозными и одновременно организационными принципами, лежащими в основе движения всех звеньев общества, включая и бизнес-управление корпорациями. Поскольку содержание любого социального закона проявляется в системе работающих принципов, постольку, говоря о зависимости принципов экономической системы от социокультурных принципов, мы тем самым утверждаем, что обществом управляют нравственные законы. Выполняя функцию морального ориентира, они воздействуют на общественное сознание, принуждая людей к соблюдению норм нравственности и морали, опираясь при этом на силу морального авторитета и общественного мнения.

Общество и все его звенья, включая и бизнес, динамично развиваются только в том случае, если ценности и принципы жизнедеятельности (цивилизации) формируют организационные принципы, т. е. работающие принципы экономики, бизнеса и всего национального хозяйства. Приведем два характерных примера.

Англия. Протестантские ценности сформировали индивидуалистические принципы жизнедеятельности, а они определили индивидуалистическую модель бизнеса и его соответствующие организационные принципы. Налицо жесткая конструкция, которая удерживает на плаву морскую англосаксонскую цивилизацию вот уже почти 500 лет.

Тот факт, что тип экономики и хозяйства порождаются и определяются религиями, подтверждает сама история возникновения капитализма.

Антихристианская, протестантская революция XVI—XVII вв., превратившая христианство в «религию для богатых» (Н. Бердяев), утвердила не просто власть денег, она сделала деньги и денежное богатство высшей «ценностью». Подчеркнем еще раз, что деньги стали господствовать не сами по себе, а как результат драматического перелома в общественном сознании Англии и других капиталистических стран того периода, как результат превращения христианства из Евангельской вести о спасении всего человечества в денежную «индустриальную религию, несовместимую с подлинным христианством» [4, 151]. Их господство отражало утвердившееся в тот период доминирование протестантских, денежных ценностей.

В современных условиях неолиберальной России, в которой сформировался периферийный капитализм полукOLONиального типа (с чисто сырьевой экономикой), экономика превратилась в антисистему,

враждебную всему обществу. Капитализм принципиально изменил российское общество, поменял критерии общественной полезности, перевернув все с ног на голову — решающей ценностью стало материальное и денежное богатство, как богатство частное, как господство плутократии (олигархии), эксплуатирующей человека и все общество в целом. Каждая частная группа при этом стремится только лишь к личному успеху и к своему собственному благу, внося раскол, вражду и раздор в общество, игнорируя общественные интересы и общественные идеалы, всегда устремленные в будущее, укорененные в духовных православных ценностях, в законах нравственности.

Сегодня складывается система глобального грабежа и новой формы скрытого пиратства, что приводит к рецидивам «дикого» капитализма, к чудовищному социальному регрессу на фоне нарастающей социальной нестабильности в странах «третьего мира» и «новых рыночных экономиках», деградации человеческой личности.

Япония. Эта страна — характерный пример «азиатского подвида» капитализма. Здесь на практике существует функциональное разделение экономики и хозяйства, рыночной экономики и национального хозяйства в целом.

Однако восточный капитализм — это не географическое понятие, а социокультурная категория, которая отражает процессы, протекающие на всем Востоке вообще, включая страны, исповедующие восточное христианство.

Экспансия западного (англосаксонского) капитализма на Восток не привела к желаемым результатам: не произошло унификации мира на основе западной экономической системы. Выяснилось, что законы западного капитализма не работают на Востоке. Во всех азиатских странах получился качественно другой тип капиталистического развития.

В книге известного американского профессора Бостонского университета Питера Бергера «Капиталистическая революция» содержится следующий тезис: «странам Восточной Азии удалось длительное время проводить модернизацию в условиях капитализма и в то же время избежать индивидуализации в западном стиле». Продолжая эту мысль, он делает вывод о том, что — «капитализм и община вполне совместимы», что «индивидуальная автономия не является неотъемлемым качеством культуры капитализма» [1, 217—218].

Руководитель японской корпорации «Сони» Акио Морита, анализируя факторы успеха лучших компаний страны, пишет: «Самая важная задача японского менеджера состоит в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками, создать отношение к корпорации как к родной семье, сформировать понимание того, что у рабочих и менеджеров одна судьба. Компании, которые достигли в стране наиболь-

шего успеха — это те компании, которые сумели создать веру в единую судьбу у всех работников и акционеров» [2, 191].

Историческая динамика развития японского капитализма убеждает нас в том, что формационные структуры развиваются внутри цивилизационных структур, что движение национальной экономики является составной частью социокультурного движения нации. Именно поэтому все хозяйствующие субъекты здесь, имея разные, нетождественные экономические интересы, но, являясь представителями единой цивилизационной культуры, имеют одинаковые, тождественные представления о нормах морали, этики, о законах нравственности. Итак, если англосаксонский капитализм является порождением «индустриальной религии» (Э. Фромм) и соответствующей протестантской хозяйственной этики, то японский капитализм оказывается производным от духа буддизма и конфуцианской этики. Ценности буддизма (дзэн-буддизма) сформировали коллективистские принципы жизнедеятельности, а они определили общинно-семейную модель бизнеса и его соответствующие организационные принципы. Налицо также жесткая конструкция, которая «деспотически» удерживает японскую цивилизацию вот уже почти 500 лет.

Итак, стремление Востока придерживаться традиций общины является отражением основного закона развития традиционного общества. Следуя этому закону, Япония, например, возродила на своих предприятиях дух общины, стремясь сохранить в своем обществе основы общинного сознания и общинной жизни. России также предстоит вернуться к традиционным истокам нашей северо-восточной цивилизации, возрождая утраченные нормы общинной жизни. Задача, которая стояла перед Японией, теперь остро стоит перед русской нацией, являющейся системообразующим ядром огромной русской (славянско-евразийской) православной цивилизации. Решающей движущей силой общенационального хозяйственного развития являются духовные силы нации, состоящие из духовных ценностей, формирующих смысл существования нации (смыслообразующие ценности культуры) и духовных сил самого человека, его духа, всегда производного от духа нации, от Святого Духа. Принципы цивилизационного развития, подчеркнем еще раз, являются «сквозными» для всего общества в целом.

Если Япония и Южная Корея смогли создать динамичные модели экономики, укоренив их на ценностях буддизма, превратив в организационные принципы, то Россия как страна-цивилизация, как русская Евразия, культура которой производна от ценностей православия, ислама и буддизма, просто обязана показать всему миру образец создания уникальной модели экономики, организационные принципы которой

будут основаны на этике православия, ислама и буддизма одновременно.

Система организационных принципов управления экономикой и бизнесом в России

Итак, русско-евразийская цивилизация (русская Евразия) сформировалась как способ и образ жизнедеятельности, определяемые религиозно-нравственными ценностями русского православия, русского ислама и русского буддизма.

При этом Бог управил все так, что, различаясь между собой конфессионально и этнически, все мы живем и хозяйствуем практически на основе одних и тех же морально-этических принципах и ценностях, которые формируют жизнедеятельность нашего многонационального (суперэтнического, наднационального) народа, а именно: общественная иерархия и взаимозависимость, общинность и коллективизм, справедливость и солидарность, общественный долг и служение, нестяжательство, честь и достоинство.

Очевидно, что модель национальной экономики и национального хозяйства в целом в России может определяться западными денежными принципами и ценностями только в одном случае — в условиях капитуляции и потери своего суверенитета.

И наоборот, обретая свой суверенитет, Россия всякий раз начинает выстраивать национальную модель экономики, для которой характерны следующие признаки и свойства. В основе модели должны лежать ценности и принципы, сформировавшие национальную культуру русской Евразии, России как страны-цивилизации.

1. Национальная экономика является формационной структурой, вторичной по отношению к цивилизации как способу жизнедеятельности.

2. Формационные и цивилизационные структуры являются производными, вторичными от типа национальной культуры.

3. Закономерности формационно-цивилизационного развития должны быть дополнены еще один важным принципом — соответствия типа формации и типа цивилизации типу религиозного устройства общества.

4. Кроме этого, модель национальной экономики и национального хозяйства зависит от геополитики — от геополитических факторов, которые имеют неустранимый характер: половина территории России расположена за полярным кругом, а в целом к Заполярью и Приполярью, т. е. к северным территориям у нас относится около 65% всей территории страны. Речь идет о геополитической зависимости как

типа формации, так и типа цивилизации — от природно-климатических факторов.

5. Геополитика диктует выбор между открытостью и экономической самостоятельностью: 75% всей продукции мы должны производить сами, обеспечивая свою самодостаточность, экономическую независимость, а значит и суверенность.

Другими словами, социокультурные, цивилизационные и геополитические факторы формируют в совокупности особый культурно-исторический тип национально-экономического развития России. Наше общество в основе своей является традиционным — традиционалистским, а противоположность либерального и традиционного общества определяется несовместимостью работающих принципов, на основе которых они функционируют. И это противостояние также имеет неустрашимый характер.

Из всего этого следует важный вывод. Мы не можем произвольно выбирать модель национального хозяйства. Она определяется всей совокупностью социокультурных, цивилизационных, геополитических и религиозно-нравственных ценностей, исторически сформировавших русско-евразийскую цивилизацию. Соответственно будущий Евразийский союз может быть устроен только на основе общих для всех нас евразийских (северо-восточных) традиций и ценностей.

США активно используют «запирающие технологии» управления национальной экономикой и бизнесом (В.Г. Белолипецкий), основанные на импорте западных институтов управления, соответствующих принципов и технологий. В итоге система управления экономикой зависимой страны получает все важнейшие импульсы управления и развития извне, а кабинет министров и все высшие управленцы, включая и управляющих государственных корпораций, оказываются в положении «учеников», получающих задания и проходящих обучение по заданной извне программе.

Чтобы уйти от этой колониальной модели управления, необходимо перестроить всю систему управления национальным хозяйством на основе принципов структурного единства: 1) ценностей цивилизации, 2) принципов жизнедеятельности и 3) организационных принципов экономики и бизнеса.

Развитие любого общества и его национального хозяйства жестко подчиняется ключевому закону, который гласит: организационные принципы экономики и бизнеса являются вторичными, производными от ценностей национального бытия и принципов жизнедеятельности, организующих жизнь всех сфер общества, создавая духовно-идеологический каркас — деспотическую форму — который удержива-

ет все общество от развала. Именно этот закон и его принципы должны быть положены в основу русской школы управления.

Структурное единство и иерархическая зависимость организационных отношений и принципов экономики от ценностей и принципов цивилизации как способа жизнедеятельности являются важнейшими законами формационно-цивилизационного развития любого данного общества.

Литература

1. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). Пер. с англ. М., 1994.
2. Морита А. Сделано в Японии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
3. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
4. Фромм Э. Иметь или быть? Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.

В.К. ПЕТРОВ

Россия в окружающем мире: исторический и хозяйственный выбор

Аннотация. Российская государственность имеет глубокие православные корни. В этом заключается главное отличие России от Запада, скатившегося к ереси протестантизма и затем к полной секуляризации. На этой идейной основе и возник капитализм. В России же не был создан адекватный православию хозяйственный строй. Социальные противоречия, активный подрыв авторитета Церкви, действия внутренних и внешних закулисных сил привели к катастрофе 1917 г. Советский эксперимент показал, что без Бога настоящий социализм построить нельзя. Сегодня страна, возрождая исторические традиции и переживая нелегкие экономические времена, снова стоит перед выбором адекватного православию хозяйственного строя.

Ключевые слова: Россия, православие, Запад, протестантизм, капитализм, революция, СССР, поражение, возрождение, выбор.

Зачем появилась Россия в мире, куда она идет, как ее внутренне обустроить, каков окружающий мир и чем все может кончиться — вот основной круг вопросов, которыми занималась русская религиозная философия и, в целом, отечественное обществоведение, опираясь как на

исторические факты, так и на Св. Писание и Св. Предание. Автор разделяет провиденциальный подход к истории человечества таких корифеев отечественной мысли, как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.С. Хомяков, Л.А. Тихомиров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и многих других российских мыслителей.

Религиозный характер Российского государства в эпоху Нового Завета выводится из сопоставления с Ветхозаветным Израилем. Можно привести ряд аналогий из истории двух стран, свидетельствующих как о действии Божьего Промысла (детерминизма), так и действия свободной человеческой воли (волюнтаризма) в мировом процессе.

Провиденциальное понимание истории России и мира

Более 1000 лет тому назад Вел. князь Владимир принял православие и крестил Киевскую Русь, откуда пошла русская земля и российская государственность. Таким образом, дальнейшее развитие страны опиралось на православную почву, пережив ряд взлетов и падений⁶. В 1917 г. погибла православная Российская империя, тысячи храмов были разрушены, гонениям, масштабы которых не знала даже Римская империя, подверглись миллионы христиан. Суд Божий совершился... Взрыв произошел, когда народ от самого верха донизу отступил от Божьего Промысла и соблазнился коварными искушениями⁷.

Примерно через год после падения самодержавия Н. Бердяев выпускает свой сборник эссе, посвященный судьбе России. Философ чувствует, что произошло что-то страшное и ужасное и впереди неизбежные новые суровые испытания: «Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею. ...Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. ...Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью. ...Русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить и возродить Россию одними политическими средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Русскому народу предстоит *духовное перерождение* (курсив мой. — В.П.)» [2, XII—XIII].

И действительно, антиприродный богоборческий советский социализм, который диалектически мог возникнуть только на православ-

⁶ Подробнее см.: [6, 112—117].

⁷ Подробнее см.: [7, 241—250].

ной почве, заводит все общество в новый духовно-нравственный тупик и прекращает свое существование в 1991 г. Итак, получив 70-летнее большевистское пленение за тяжкие грехи отступления от Христа, страна и ее народ проходят как бы второе крещение во оставление грехов (*духовное перерождение*, как по Бердяеву). По своему религиозно-духовному состоянию мы должны соответствовать в определенной мере древним иудеям, вернувшимся из Вавилонского пленения, покаявшимся Творцу и построившим 2-ой храм. Только в воссоединении с Богом Россия может возродиться как великая держава — полюс Христа в мировой истории, иначе ее ждет судьба Древнего Израиля — истребление с лица земли.

Борьба за возвращение на православную почву продолжается и сегодня, и, как и в начале XX в., разнообразные злые силы в истории стремились к разрушению православной империи, так и сейчас все силы зла препятствуют возрождению России. В нашем контексте важно рассмотреть совместимость хозяйственного строя в исторической России с ее православной почвой. Попытки внедрения капитализма западного типа в стране всегда кончались плачевными результатами. Так было после февраля 1917 г. и после августа 1991 г., когда огромная держава распадалась на ряд более мелких и слабых образований.

Таким образом, мы вправе поставить вопрос о совместимости капитализма с российской православной почвой и в современных условиях.

Глобализация и либерализм как вызов хозяйственной системе России

Хозяйственный строй России менялся на протяжении веков под давлением как внутренних, так и внешних причин. Страна прошла через свободное хлебопашество, крепостное право, хозяйственную либерализацию, бюрократическую мобилизацию и компраторско-коррупционную имитацию. Вписываясь подобным образом в современную глобализацию под знаменем либерализма, Россия ставит себя в очень опасное положение, так как глобализацию проводят откровенно антихристианские силы во имя служения мамоне и эксплуатации более слабых стран⁸. В нашем контексте необходимо кратко коснуться религиозно-нравственных основ современного западного капитализма.

Обычно западноевропейский капитализм связывают с Реформацией и протестантской этикой⁹. Действительно, М. Лютер, а затем и

⁸ В последнее время процесс глобализации стал явно пробуксовывать в виду его откровенно антинародного характера.

⁹ См., напр.: [4].

особенно Ж. Кальвин своеобразно прочитали Св. Писание. Там есть положение о предопределении человеческой истории Божьим Промыслом и конечной победе сил добра над силами зла. Иисус Христос после своего второго славного пришествия совершит Страшный Суд над всем человечеством, отделяя спасенных от погибших: «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (От. 20: 15).

Так, Кальвин распространяет предопределение истории всего человечества на каждого человека. Якобы Бог уже заранее расписал в книге жизни всех спасенных. Отсюда следует принижение духовной жизни в пользу мирской. Человеку ничего не остается в своей краткосрочной физической жизни как упорно трудиться, и материальный успех расценивается как возможный признак будущего спасения, т. е. происходят обмирщение духовного и обожествление мирского.

В результате протестанты отягчены житейскими заботами сверх меры и забывают важное христианское положение о соотношении мирского и духовного. Сам Христос, отвечая на вопрос о том, что нужно ли давать подать кесарю, говорит: «...итак отдайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22: 21). То есть хозяйственная деятельность не должна затмевать духовно-религиозную жизнь.

Оценивая в этом аспекте Реформацию, немецкий исследователь М. Вебер в начале XX в. приводит шутливую формулу: «...протестант склонен хорошо есть, тогда как католик предпочитает спокойно спать» [4, 66]. И далее Вебер делает крайне важный для нас вывод: «Поэтому чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональней и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства» [4, 315]. Так произошло обезбоживание человека и общества на Западе.

В конце 1930-х гг. Н. Бердяев, высланный в 1922 г. из России и проведший последние годы своей жизни на Западе (свыше двух десятков лет), подтверждает это положение, сравнивая социально-экономическую систему советского коммунизма с капитализмом. Он утверждает, что в советской системе больше элементов христианства, чем в западной системе: «...которая есть самая антихристианская» [1, 150].

И, действительно, «капиталистическая перестройка» России вместо здоровых рыночных преобразований дала нам «бандитский, блатной капитализм» компрадорского типа, разбавленного элементами «Веймарского режима». Но как смогли договориться старые заклятые враги: советские коммунисты и западные капиталисты? В конце 1980-х

— начале 1990-х гг. в западной прессе можно было встретить утверждение, что западникам проще договориться с советскими коммунистами, чем с русскими православными. И договорились...

К концу советской власти произошло обуржуазивание как верхушки партийно-государственной власти, так и значительной части населения. О такой возможности писал еще в 1930-е гг. Н. Бердяев: «Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России» [1, 119]. И связано это, прежде всего, с тем, что в СССР был построен не настоящий социализм (общество социальной справедливости и свободы¹⁰) — такое общество без Бога построить нельзя, а нечто вроде государственного капитализма, где человек рассматривался как «винтик» системы, как средство, а не цель, и государство через свою бюрократию выступало в качестве коллективного эксплуататора.

В этом контексте о коммунизме можно добавить еще одно высказывание очень для нас авторитетного российского литератора и историкософа. В романе «Бесы» один из героев Ф.М. Достоевского замечает: «...почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие неимоверные скряги, приобретатели, собственники...» [5, 68]. И это написано задолго до номенклатурной приватизации «общенародной собственности» в России, когда коммунистическая верхушка показала свое истинное лицо¹¹. Советская власть оказалась искушением народа России, за которым последовало наказание и, наконец, помилование по воле Божьей после 70 лет большевистского пленения — как выше указывалось, полная аналогия с 70-м Вавилонским пленением древних иудеев.

Таким образом, обуржуазившиеся советские коммунисты договорились с западными капиталистами и разорвали имперское пространство России. Внутри страны состоялся союз «красных» (коммунистов) и «белых» (либералов-западников), и мы сейчас живем в созданном их усилиями государстве под названием РФ.

Итак, после развала СССР и советской экономической системы возникла серьезная проблема совместимости капитализма с российской православной почвой. Переходный период выявил, что изменяющаяся Россия не может достичь стабильного, устойчивого эффективного

¹⁰ Что должно было принципиально отличать этот строй от капитализма.

¹¹ Вот еще одно доказательство провидческого величия писателя как знатока человеческой души.

развития, экономической безопасности и социального мира в рамках узкого идеологического подхода, на базе которого проводится экономическая политика. Поэтому новизна поставленной задачи состоит в том, что ее решение может быть найдено в рамках широких междисциплинарных исследований без идеологической заданности и политической ангажированности.

Очевидно, что социализм как экономически и технологически более эффективный по сравнению с капитализмом строй не состоялся. Современное производство может осуществляться примерно на одном и том же технологическом уровне в любой стране от КНР до США. Поэтому, на наш взгляд, основная проблема перемещается в область распределения доходов. Не может быть на православной почве 20 млн людей за чертой бедности и 200 долл. миллиардеров-нуворишей, присвоивших себе активы, создававшиеся десятилетиями несколькими поколениями российских тружеников.

Стоит напомнить, что успех большевиков в значительной степени зиждился на громадном расслоении дореволюционного российского общества. О недопустимости разделения социального и духовного настаивал в 1930-е гг. и Н. Бердяев: «Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех и тогда именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине» [1, 151].

Современный западный капитализм идеологически базируется на либерализме, который пришел на смену протестантской этике и постепенно снимает нравственно-этические ограничения, налагаемые Законом Божиим. Именно христианская заповедь любви к ближнему не совместима с современной рукотворной цивилизацией — обществом потребления и служения мамоне. Высшая цель православно ориентированного государства — спасение душ всех достойных граждан, высшая цель общества капиталистического типа — обогащение здесь и сейчас в земной жизни, так как секулярное сознание западного типа отвергает в той или иной степени религию как «пережиток прошлого». Иначе говоря, экономический строй и хозяйственные механизмы являются продуктами внутреннего состояния человека и общества. Сегодняшний российский государственно-олигархический капитализм не является исключением.

Глобальный капитализм — это более изощренный инструмент разложения России, как в экономическом, так и в морально-нравственном аспекте¹². Отсюда становится ясным, что, во-первых, Россия в материальном плане только тогда может сопротивляться

¹² Налицо всплеск коррупции почти на всех уровнях управления и общее массовое снижение морально-нравственного климата в стране.

Западу и кому угодно, когда проводит «ассиметричный (либерализму) ответ». Во-вторых, главным проводником модернизации в России исторически всегда являлось государство, а частный сектор играл вспомогательную роль. Но как модернизироваться сегодня на православной почве? Следует признать, что механическое соединение опыта царской России и СССР невозможно, хотя отдельные элементы хозяйствования двух систем могут быть востребованы. Главный же вопрос — в духовном преображении человека и общества. Именно внутреннее состояние людей определит будущий хозяйственный механизм и судьбу самой России.

На наш взгляд, наиболее приемлемая форма организации хозяйства на православной почве — система христианского социализма, которую разрабатывал еще в начале XX в. видный российский экономист и религиозный философ С.Н. Булгаков¹³. Через христианскую этику раскрывается необходимость социальной справедливости и создание соответствующего общественного строя, который условно можно назвать социальным рыночным хозяйством (обществом социальной справедливости). Эта модель основывается на коллективистских принципах социальной общности и функциональных отношениях неравенства (бесклассовое общество) при многообразии форм собственности, целесообразность которых выявляется в процессе исторического развития. Рыночная система в российском варианте — не погоня за прибылью любой ценой, а повышение качества жизни в самом широком смысле этого слова. В этой системе существует принципиальная возможность смены парадигмы экономического роста эпохи индустриализма (капитализма) — с преимущественно физической (количественной) на преимущественно качественную (социально-экологическую).

Оптимальная структура хозяйства РФ по отраслям и формам собственности, методам ведения бизнеса должна складываться, на наш взгляд, на основе общественного интереса, здравого смысла и экономической целесообразности и может выглядеть следующим образом: гос-сектор (ЦБ, ОПК, энергетика, природные ресурсы, промышленная инфраструктура); общественный сектор (образование, здравоохранение, культура, СМИ); частный сектор (производство инвестиционных товаров гражданского назначения и потребительских товаров, промышленное строительство, сфера услуг, часть финансовых институтов); кооперативный сектор (АПК, включая сельскохозяйственное производство, ЖКХ, жилищное строительство). Во многих секторах возможны, конечно, смешанные формы собственности.

¹³ Подробнее см.: [3].

В заключение важно еще раз отметить, что в хозяйственной деятельности спасения нет, и православные отвергают кальвинистский догмат предопределения судьбы каждой человеческой личности. Спаситься можно только через Церковь, а в хозяйственной деятельности главное не допустить духовно-нравственной смерти — не стать «живым трупом». Капитализм сегодня — это общество «живых трупов», где абсолютное большинство населения поражено смертным грехом сребролюбия и стремится в жизни только к индивидуальному богатству и наслаждению.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Бердяев Н. Судьба России. М., 1918.
3. Булгаков С.Н. Соч. М., 1993.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Достоевский Ф.М. Бесы. СПб., 1993.
6. Петров В. Взлеты и падения // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. (РИСК). 2000. № 1—2.
7. Петров В.К. Социализм в России: вчера, сегодня, завтра // Современная Россия и социализм / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.

И.И. РУДЯК

Августин и Булгаков: земное и небесное время

Аннотация. В данной статье междисциплинарно анализируются возможности государства дирижировать экономикой. При этом данная проблема рассматривается именно с точки зрения времени. На примере философских учений Блаженного Августина и Булгакова, рассмотренных на фоне русской литературы, автор доказывает, что черта трансцендентальности является пределом дирижерских возможностей государства.

Ключевые слова: Августин, Бахтин, Булгаков, время, Грин, дирижизм, Маркс, Платон, Пушкин, трансцендентальность, Федоров, Энгельс.

Введение. Миссия и предел возможностей государства. В XXI в. государственный дирижизм вовсе не обязательно понимать исключительно как деятельность командно-административной системы. Так, Ю.М. Осипов полагает, что сегодня миссия исторического перехода от антропологически обезличенного экономического производства современной цивилизации к антропологически и культурно замотивированному хозяйственному производству в понимании С.Н. Булгакова ложится на государство (неодирижизм) [5, 7—12]. Поэтому мы сегодня и ставим вопрос: каков же предел возможностей государства?

1. *Блаженный Августин: время и государство как наказание.* Августин полагает, что государство является именно наказанием за первородный грех и необходимо только для выживания [2]. При этом история (семь этапов: от сотворения Адама до Вечности после Страшного Суда) связана также и с планами Бога. Земной мир ограничен во времени как мере движения и мере изменения (история). Бог вечен, так как существует вне времени, т. е. Бог существует в «вечном настоящем». Но и на земле стрела времени существует только в восприятии человека (Э. Гуссерль об Августине). А на самом деле даже на земле нет ни настоящего, ни будущего, ни прошлого, а существуют только три лика настоящего (так же думает и физик А. Эйнштейн) [1]. Поэтому Августин и полагает, что Церковь является Градом Божиим на земле (т. е. Церковь на земле пребывает вне времени). Мы видим, что фактически Блаженный Августин напрямую увязывает идею государства как с идеей Бога, так и с идеей времени.

2. *Время как критерий: роботы и рабы, Маркс против Энгельса и бессмертие в понимании Бахтина.* Экономическое производство можно разделить на разные типы по критерию времени. К. Маркс полагает, что «антропологически обезличенное производство» (где человек выполняет механическую *работу*, которую в принципе может выполнять даже *машина*) современной ему капиталистической цивилизации, которое осуществляется в диалектическом времени, в процессе функционирования создает производственное отчуждение человека. Такое «расчеловечивание капитализма» («Назад в джунгли!») вызывает «производственное оглупление» человека, которое, в конце концов, в эпоху Постмодерна отчуждает человека даже от производства (возникает строй «техногенного рабовладения»: «Пусть вместо меня работают *роботы!*»), при этом создавая «оглупление потребления». Подобное производство по своему вектору полярно противоположно «антропологически замотивированному производству» (где человек вполне осмысленно трудится), осуществляемому именно в рамках культуры (Ф. Энгельс). Хотя антропологически замотивированное производство и осуществляется именно в метафизическом времени («Вперед к богам!»),

все же оно умудряется эволюционно создать из человекообразной обезьяны разумного человека. При этом производство в метафизическом (в антропологическом понимании) времени (каковым и является хозяйство в понимании Булгакова), в конце концов, приводит к философии космизма. Так, Н.Ф. Федоров («общее дело») полагает, что метафизическое время возможно воссоздать, перенеся существование всех людей (как это будет только после Страшного Суда) в одно, т. е. в вечное настоящее, время (в подобном времени и существует Бог). Булгаков же полагает, что хозяйственную деятельность следует перевести именно на небеса с их извечным метафизическим временем. А М.М. Бахтин полагает, что в рамках своего внутриличностного пространства (с его метафизическим временем) каждый человек ощущает себя именно бессмертным, поэтому его деятельность фактически есть деятельность бессмертного человека.

3. *Трансцендентальная несвобода в русской литературе и хозяйственная деятельность как ракета в трансцендентальность.* Одной из наиболее важных тем русской литературы является тема «трансцендентальной несвободы» (В.Ф. Одоевский, «Сильфида»; А.С. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»; Н.В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством», «Записки сумасшедшего»; А.П. Чехов, «Страх»; М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). Главные проблемы (жизни и смерти, счастья и несчастья, любви и ненависти, свободы и предопределенности, выбора жизненного пути и творчества, выбора тела и выбора биографии, выбора места и времени жизни, выбора людей и социального положения) человек не может разрешить вне мира трансцендентальности. Поэтому пушкинская старуха и хочет, имея «на посылках» золотую рыбку, преодолеть границу мира трансцендентальности. Именно поэтому о волшебстве мечтает даже художник-авангардист Малевич. А любимой песней советской молодежи являлась в свое время песня о волшебстве: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (при этом позже песенку заменили: «Сделать хотел грозу, а получил козу»). Именно на фоне русской литературы и Федоров собирается оживить всех умерших, и Булгаков пишет о хозяйстве на небесах, и А.С. Грин («Алые паруса») призывает людей не просто трудиться, а «делать чудеса». В эпоху НТР «волшебный труд» Грина на самом деле является продолжением «производственной магии» древних культур, которая в ментальном смысле переносит труд из реального материального мира с его протекающим диалектическим временем во внутриличностное пространство конкретного человека с его стоячим метафизическим временем (Бахтин). Подобный труд в метафизическом времени является аналогом стремления к Богу (Августин). Учение Булгакова о хозяйстве является учением о «ракете в трансцендентальность». Булгаков полагает, что история имеет

именно религиозно-метафизическую сущность [4]. Земная история не имеет конца (Ф. Фукуяма), а выходит за пределы земного времени, двигаясь к Граду Божьему как к математическому пределу, т. е., по представлениям Булгакова, хозяйственная деятельность должна преодолеть разруб трансцендентальности, чтобы построить Град Божий на небесах. Смерть есть одно из условий существования истории, а выход за грань земной истории связан именно с победой над смертью (а Федоров искал бессмертие на земле). В рамках же диалектического земного времени построить Град Божий на земле невозможно (Платон, «Государство»: рассказ о пещере и о роли философов в управлении государством; Августин о Церкви и об истории; Достоевский о социализме без Бога) [3].

4. *Новый человек: плотская святость как предпосылка религиозной геронтологии и гармонизирующий дирижизм Булгакова.* Сегодня очевидно: человек изменился, а также разделился по критерию интеллекта (Х. Ортега-и-Гассет). Особенно популярной стала геронтология, так как новый «человек интеллектуальный» перестал помещаться в узкие рамки унаследованной от животных биологической жизни, да и подчиняться «року природы» новый человек не считает нужным. А у Августина человечество разделилось именно по религиозному критерию греха: отсюда и плотская святость нового человека в качестве предпосылки «религиозной геронтологии». Августин полагает, что в рамках истории граждане Земного Града (где есть время) и граждане Божьего Града (где нет времени) обитают совместно, но Страшный Суд их потом, безусловно, разделит [2]. По представлениям Августина, в Божьем Граде люди вообще не будут рождаться (плотская святость), так как умирать там никто не будет (победа над смертью). Там, за чертой религиозной трансцендентальности — именно в качестве дара Бога — вечно будет истинное и полное счастье. Булгаков же рассматривает зло не только как грех в его сугубо религиозном понимании, но также и как нарушение земной гармонии, т. е. как вторжение хаоса в жизнь. При этом борьба путем хозяйственной деятельности с хаосом как «гармонизирующий дирижизм» Булгакова включает в себя также и победу над смертью (как биологической ограниченностью времени жизни человека) [4].

5. *Антропологическая синхронизация: трансцендентальный дирижизм Булгакова и антропологизация физики как интеллектуальный атавизм.* В XXI в. «трансцендентальный дирижизм» Булгакова заслуживает самого пристального внимания, потому что идеи современной физики во многом совпадают с идеями философов: от Августина и до Булгакова, т. е. сегодня физика как наука фактически приравнивается к волшебству. В подобном смысле антропологизация физики может быть рассмотрена как «интеллектуальный атавизм». Так, сегодня физик

Н. Стоктон, как в свое время Августин, полагает, что на самом деле время существует только в голове конкретного наблюдателя, а общего диалектического времени нет. Фактически это значит, что Град Божий может быть построен и на земле путем государственного дирижирования построением (Платона о философском управлении государством). Однако для этого пришлось бы синхронизировать внутренние «антропологические времена» всех людей, а это, как считают физики, невозможно («кот Шредингера»). Отсутствие же синхронизации данного типа как «антропологической синхронизации» и порождает общечеловеческое диалектическое время (в раю же подобная синхронизация существует), что лишает государство гипотетической возможности дирижировать временем (в котором протекают производственные процессы), т. е. и экономикой. Булгаков полагает, что хозяйственная деятельность не может построить Град Божий на земле, поскольку на земле существует ось времени [3]. Поэтому пределом дирижерских возможностей государства является именно разруб трансцендентальности, который, как математический предел, отделяет мир земной от небесного мира.

Заключение. Соборность времени как диалектический пунктир человечества. Если бы Федоров собрал всех людей и выстроил их в «абсолютное человечество», то совокупность всех их индивидуальных внутренних метафизических времен как «соборность времени» создала бы во внешнем мире диалектическую картину истории человечества. При этом именно отсутствие синхронизации антропологических времен отдельных людей и порождает существующий в истории хаос. Поэтому в принципе государство должно дирижировать экономикой во избежание хаоса (Булгаков). Однако абсолютное дирижирование экономикой в принципе невозможно, потому что на земле в целом существует течение времени. Черта трансцендентальности, за которой скрывается управление временем, и есть предел дирижерских возможностей любого государства.

Литература

1. *Блаженный Августин.* Исповедь. М.: Даръ, 2013. 560 с.
2. *Блаженный Августин.* О Граде Божием. М.: Харвест, АСТ, 2000. 1296 с.
3. *Булгаков С.Н.* Два града. М.: Астрель, 2008. 784 с.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
5. *Осипов Ю.М.* Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию) // Философия хозяйства. 2014. № 2 (92). С. 7—12.

А.В. САВКА

Нравственное государство как императив развития России

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности государства и нравственно-этических норм, правового сознания и религии, государства и социокультурных традиций, освященных в русской философии.

Ключевые слова: государство, власть, религия, ценности, справедливость, правосознание.

Государство — важнейший институт цивилизационного развития, становление которого во многом связано с социокультурными традициями. Утверждение христианства в качестве государственной религии Киевской Руси потребовало от новой веры более высокого единства народа, чем ушедшее в прошлое чувство общеславянского родства. Защитникам христианства пришлось решать важную идеологическую задачу переосмысления русской истории в контексте христианского учения. Эту миссию выполнил митрополит киевский Илларион в «Слове о законе и благодати», в котором он сформировал идеал Святой Руси. Святая Русь предстает как пространство для мессианской идеи возвращения и воспитания «нового», «свежего» народа, могущего вместить высокие христианские истины, а его князья подобны самым великим государям мира. Главным в «Слове» является мысли о построении государства не на основе закона как достижения общественного порядка путем жесткого социального принуждения, а с помощью приобщения к «благодати» — символу народного согласия, принципа миролюбия, образу высшего духовного развития.

Государственное устройство России — это история идеи организации общества, это «симфония». Восточно-христианская идея о взаимоотношениях и взаимосвязях государства и общества трактует их центральный вопрос как поиск смысла жизни и внутреннее преобразование личности. Она берет начало в Византии (теория богоустановленности абсолютной власти) и на Востоке (практические образцы абсолютного властвования). Идея симфонии — «взаимного согласия при независимости каждой из областей во взаимоотношениях Церкви и государства, которые давали возможность влиять не извне, но изнутри», — обусловила силу светского государства, где подчинение осуществлялось в рамках обязанностей, отсутствовала строгая и устойчивая сословная организация, где сословия различались не правами и привилегиями, а характером обязанностей, возложенных на них государством. Отраже-

ние этих идей в системе отношений «человек — общество» определило качественно различную роль государства. Роль государства всегда была инициативной, активной и регулирующей. В России она проявлялась в том, что реформы всегда осуществлялись сверху (деятельность московских князей, реформы Петра I, освобождение дворян от обязательной государственной службы, отмена крепостного права и т. д.). Поэтому через всю историю России проходит особое отношение к государству. Однако в России упование на государство сочетается с отчуждением от него. Государство, власть — это всегда «они», а не «мы», как отечество, страна. Такая установка предполагает восприятие государства в качестве внешней силы, не зависящей от индивидуума. «...Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него создавалась, а приходила как бы извне, как жених к невесте» [1, 33], — писал Н.А. Бердяев. Подобная двойственность отношения человека к господствующему над ним государству глубоко въелась в ядро российского самосознания.

В русском же менталитете идеалом народным было «государство-правды», что отразилось и в русской философии. Вл.С. Соловьев писал: «Всякая власть, не представляющая собой безусловного начала правды, всякая такая власть есть насилие и подчинение ей может быть только вынужденное... Свободное же подчинение каждого всем очевидно возможно только тогда, когда эти все сами подчинены безусловному нравственному началу, по отношению, к которому они равны между собой, как все конечные величины равны по отношению к бесконечности» [7, 39—40].

Современные трансформации основываются на традициях определенной правовой культуры. В Европе был выработан всеобщий регулятивный принцип, подкрепленный со времен Просвещения идеей соответствия закона естественным потребностям человека. «Идея естественного права стоит выше закона и политической власти». В русском менталитете идею «естественного права» заменяли идеалы добродетели, справедливости и правды — нравственное, но не правовое отношение к закону и праву», и это объяснимо. Вместе с православием Русь приняла и греко-византийскую идею правового порядка. Для правовой культуры России большая роль принадлежит обычному праву. Законодательная практика на Руси была связана с установлением предела, который бы не нарушил существующие традиции. Русский человек менее законник, для него содержание важнее формы. Для него нет места холодного права. «Буква закона для него бездушная, отрицательная, карательная сила» [3]. Добро и справедливость — моральные ценности, высоко стоящие в русской ценностной шкале, в традиционном понимании не связываются с законностью и правом, а порой и противосто-

поставляются им. «“Как вас судить, по закону или по справедливости?” — грозно вопрошал барин. “По справедливости, батюшка”, — ответствовали крепостные крестьяне». «Суди по совести, а не по закону» — этим выражается отношение россиян к праву. Отсюда вытекает исторический и жизненный опыт: «закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Проблемы государства в российской традиции, отношений государства и народа, природы власти и ее механизмов — вот перечень основных вопросов, освещенных в работах К.П. Победоносцева, крупнейшего государственного деятеля России, обер-прокурора Священного Синода и блестящего правоведа, хотя в истории он был зачислен в разряд махровых реакционеров. Этому способствовали его формулировки: «Жизнь не наука и не философия, она живет сама по себе... живым организмом» [6, 78]. Победоносцев, один из первых русских мыслителей, кто избежал влияния теоретических формулировок, для него теоретические суждения об обществе оставались вероятностными, а не безусловными построениями. Следует доверять, считал он, прежде всего «инстинктам жизни» и быть предельно осторожным в попытках ее изменить, так как жизнь, как и любой естественный процесс, иррациональна по самой своей природе, а бессознательное «чувство» закономерностей бытия никогда не удастся адекватно рационализировать в системе научных понятий. Самое главное — народные обычаи, верования, предания, мировоззренческие установки и национальные идеалы, их разрушение означает распад самих основ жизни народа и его духа.

Необходимо, по его мнению, отказаться от чисто формального юридического подхода к государству, заменив или хотя бы дополнив его нравственно-религиозным. Это означает, что сложнейшие проблемы — отношения государства и народа, власти и подвластных, системы управления и церкви — он рассматривает во взаимосвязи с нравственными традициями православного мировоззрения. Даже определение закона должно носить нравственно-аксиологический характер, не знакомый традициям римского права. «Закон, с одной стороны, правило, а с другой — заповедь, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе» [6, 141]. Основным идеальным типом закона является Нагорная проповедь Иисуса Христа. Сила закона, утверждал Победоносцев, должна заключаться в его соответствии заповедям, поскольку только заповедь будит совесть. Поэтому непререкаемая санкция закона состоит не только в неотвратимости наказания за его нарушение, но и в том, что нарушающий закон, основанный на божественных заповедях, облачается собственной совестью. Только религиозные идеалы способны придать нормам закона нравственный смысл, с нравственных позиций необходимо определять природу власти как «ме-

рила правды». Предназначение и призвание власти — служить высшим ценностям: «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек».

В истории русской общественной мысли ярким «государственником» был И.А. Ильин, посвятивший значительную часть своего творчества проблеме российской государственности и национальной культуре. Категорически возражая противникам государства, он доказывал, что: «...меры подавления и расправы, к которым государственная власть бывает вынуждена прибегать, совсем не определяют сущность государства. Это есть дурной предрассудок, вредное недоразумение, распространенное близорукими и поверхностными людьми... На самом деле государство творится внутренне, душевно и духовно... Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевывать земли других народов; но в том, чтобы организовывать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания» [4, 258, 260].

Воплощение права в государственной жизни опирается на правосознание, которое, в свою очередь, определяет готовность народа положить в основу общежития нравственные принципы духовной и моральной жизни. В работе «О сущности правосознания», опубликованной в 1956 г. в Мюнхене, он отмечал, что новый мир, новый опыт выдает старые выводы, которые снова учат тому, что именно самопознание и самопреобразование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, «дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации». По Ильину, древняя истина зовет людей к новому пониманию и признанию того, что жизнь человека оправдывается, только если душа его живет из единого, предметного центра, движимая подлинною любовью к Божеству, как верховному благу. Эта любовь и рожденная ею воля лежат в основе всей осуществляющейся духовной жизни человека и вне ее душа блуждает, слепнет и падает. Вне ее знание становится пародией на знание, искусство вырождается в пустую и пошлую форму, религия превращается в нечистое самоопьянение, добродетель заменяется лицемерием, право и государство становятся орудиями зла.

У Ильина «государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как Родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания», «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и осуществляются через посредство правосознания... Словом: внешние проявления политической жизни совсем не составляют самую политическую жизнь; внешнее принуждение совсем не определяет сущность государства». Ильин определяет сущность государства, которая «состоит в том, что все его граждане

имеют и признают — помимо своих различных и частных интересов и целей — еще единый интерес и единую цель, а именно, общий интерес и общую цель, ибо государство есть некая духовная община» [3, 241]. Он специально рассматривает вопросы любви и любовности, подчеркивая, что «без духовности любовь слепа, пристрастна, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству». Именно дух выступает как сила личного самоутверждения в человеке, но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического осознания состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосутности, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознававший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа, — писал Ильин.

Зло он определяет как антидуховность, как «противодуховную вражду», как «слепую силу ненависти», а отмечая особую активность зла, он видит его проявления в стремлении нарушить покой духовности в душе человека и духовную гармонию в обществе. И если это действительное зло присутствует, то не допустимо «предоставить злодею кощунствовать и духовно губить». Необходимо вмешаться и «пресечь злодейство физическим сопротивлением». И хотя Ильин считает допустимым сопротивление злу силой, саму такую возможность он считал, по словам Н.О. Лосского, «моральной трагедией человека». Проблема борьбы с моральным злом включает в себя многосторонний социальный аспект. Речь идет о роли государства в борьбе с моральным и социальным злом, именно государство, полагал он, должно поощрять добро и сдерживать зло. Таким образом, право, правосознание и государство играют существенную роль в объединении людей в социально-духовные общности, в регулировании их внутренней и внешней жизни.

Ильин показывает, что правосознание тесно взаимосвязано и взаимобусловлено как нравственным, так и политическим сознанием. Хотя в обществе правосознание тесно взаимодействует со всеми формами общественного сознания, однако «эстетический вкус, сам по себе, не может претендовать на верховенство в вопросах правосознания; научное мышление, само по себе, не в состоянии направлять государственного деятеля; и даже совесть может оставить в некоторой беспомощности того, кто ведет борьбу за право. Одна религия здесь в исключительном положении». Религиозность, — считает Ильин, — несет правосознанию все свои дары — и высшее призвание и абсолютное мерило ценности, и цельность характера, и силу вдохновения, и жизненный героизм. Религиозный гражданин соединяет в душе своей силу подлинной религиозности с силой здорового и верного правосознания, таким образом, что правосознание является зрелым проявлением его религиозности. «Соединяясь с правосознанием, религия находит новый могучий путь для преобразования жизни; соединяясь с религиозностью, правосознание придает себе безусловную основу, утверждая

“волю к духу”, как волю к Богу. Из этой атмосферы возрастают и религиозные вожди народов и безвестные герои-патриоты, безмолвно отдающие свою жизнь за родину. С углублением и упрочнением этой атмосферы связано будущее всех государств и всего человечества» [2, 401—402].

Ильин убежден, что истинная религия не враждебна истинной государственности, «она не уводит ее от нее, но ведет к ее расцвету». Встреча двух «царств» в душе человека органически необходима и духовно плодотворна, и человечество должно возобновить свою тысячелетнюю работу над органическим примирением «царства Божия» с политическим строительством, а это возможно с обретением нового способа жизни, который может быть осуществлен только в результате великого общечеловеческого подъема и длительного напряжения, которое примет черты религиозного и политического обновления сразу.

Литература

1. Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М.: ИМА-пресс, 1990.
2. Ильин И.А. *Правосознание и религиозность* // Ильин И.Л. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994.
3. Ильин И.А. *Путь духовного обновления* // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1994.
4. Ильин И.А. *Путь к очевидности*. М.: Республика, 1993.
5. Письма К.П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // *Новый мир*. 1993. № 3.
6. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени: Статьи, письма к Александру III. М.: Русская книга, 1993.
7. *Соловьев Вл.* Чтения о Богочеловечестве. Чтение первое. СПб.: Художественная литература. 1994.

Р.Е. СОКОЛОВ

Идеи дирижизма в социальных документах православной и протестантских церквей России в XXI веке

Аннотация. Целью статьи является анализ общих моментов и различий в вопросах регулирования экономического развития на базе «Основ социальной концепции Русской православной церкви» (2000) и «Социальной позиции протестантских церквей России» (2003, 2009). Методологической основой работы выступают институциональный и герменевтический подходы. В качестве источников используются официальные документы церквей, а также периодические издания и мате-

риалы конференций. Актуальность и практическая значимость работы определяются обширностью православного и протестантского сообщества в России. Кроме того, рост религиозного фундаментализма заставил ведущие религиозные институты официально выразить свою мировоззренческую позицию в социальной, экономической и политической сферах. Результаты исследования показывают, что оба социальных документа протестантов практически дублируют православную концепцию. Это отражает культурную близость и духовное единство широких социальных групп страны, что может быть использовано применительно к социальной политике в самом широком смысле.

Ключевые слова: государство, социум, православие, протестанты, социальное учение.

Социальные вопросы в рамках поднятой темы в указанных документах выстраиваются в определенной последовательности. Для православных — это государство, общество, человек, в то время как для протестантов последовательность иная: человек, семья, церковь, общество, государство. Это говорит о большем акценте на необходимости общественного регулирования со стороны Русской православной церкви (РПЦ). Отдавая дань уважения вековым российским культурным традициям, а также учитывая более подробное изложение социальных идей РПЦ, начнем анализ социальных тем с православных позиций, и уже с ними будем сравнивать подход протестантов [7, 10—11; 9, § 1; 3; 11; 13, § 1; 14, § 1].

Церковь и нация. Православная церковь по своей природе наднациональна. Ее единство обеспечивается не принадлежностью к определенной нации, но верой. Христианам как гражданам небесного отечества, которое следует любить больше, не следует забывать о земной родине, проявляя патриотизм и трудясь на ее благо. Культурная идентичность разных народов формирует богатую православную литургию. Однако проявление национальных чувств не должно приводить к агрессивному национализму. В этом тезисе мы видим основания для поддержания воинской повинности и определенной автономии вместе с развитым аппаратом общегосударственных органов надзора и правопорядка [3; 11; 7, 12—13; 9, § II 1—4; 10, 96—97].

Протестанты также выступают за равноправие всех наций, сохранение своеобразия культуры каждого народа и пропаганду любви к родине через преумножение всеобщего блага. В дополнение к православному подходу они подчеркивают важность заботы о каждом человеке и его социализации в обществе. Налицо — основание для активной фискальной и социальной политики [5, 280; 13, § 3; 14, § 5. 1—4].

Церковь и государство. Это самый большой раздел в православной концепции. Начинается он с ключевой роли семьи и общины в развитии институтов общественного порядка в лице земной власти, которой следует повиноваться, но которая не должна абсолютизироваться. Задачами власти являются ограничение насилия и поддержание добра ради земного благополучия людей. У государства и церкви цели разные, но они могут сотрудничать ради преумножения как материального, так и духовного блага человека, не вмешиваясь в дела друг друга. Среди сфер такого сотрудничества — миротворчество, поддержка физического, душевного и духовного здоровья индивида, семьи и детства, общества и государства, а также благотворительность, культура и искусство, экология. РПЦ не допускает сотрудничество с государством в политических акциях, военных и разведывательных действиях, но и не устраняется из политической жизни, выражаясь посредством соборов и уполномоченных лиц. Православные миряне призываются быть более активными, а политики — к осознанию ответственности за свои решения. Когда государство злоупотребляет полномочиями, РПЦ призывает своих чад к актам гражданского неповиновения и обращается к мировому сообществу. Здесь мы видим прямое указание на необходимость проведения государством активной работы с детьми и молодежью, спортивной, культурной, экологической и социальной политики. Данный раздел раскрывается детально далее [2, 49; 3; 4, 242—250; 9, § III.1—5,8; 10, 96—100; 11].

Протестанты в целом воспроизводят у себя идеи, сформулированные РПЦ, с той разницей, что задачу властей они видят в поддержании прав человека, формулируя конкретный перечень функций государства. К таковым они относят защиту прав и свобод личности, включая право частной собственности; заботу о всеобщем благе; совершение правосудия; поддержку законопослушных граждан; наказание преступников; защиту от внутренних и внешних врагов. Для нас это означает наличие сильной армии, флота и аппарата общегосударственных органов надзора и правопорядка. Однако протестанты не называют сферы, в которых сотрудничество церкви и государства невозможно, призывая действовать по зову совести и Евангелию, если государство требует аморальных действий [13, §4; 14, §3.1—4].

Христианская этика. Раздел начинается с требования следовать божественным установлениям, из которых возникает светское право, т. е. государственная система контроля для сохранения общегития и целостности человеческой личности. На основе идеи богоподобия формулируется тезис защиты человеческого достоинства, проявляющегося в правах на веру, жизнь, семью, а также на получение информации, свободу передвижения, создание и распоряжение имуществом. Церковь

напоминает об обязанностях человека как об оборотной стороне прав. Призывая исполнять земные законы, она указывает на необходимость открытого противостояния законам, требующим вероотступничества, или акта гражданского неповиновения при отсутствии такой возможности. Налицо отсылка к законам о свободе совести и вероисповедания при одновременном недопущении действия деструктивных сект [3; 7, 18; 9, § IV.1—9; 10, 96; 11].

Протестанты акцентируют внимание на «золотом правиле», появляющемся у РПЦ только в разделе международных отношений, и выражают протест популяризации внебрачных связей, особенно в СМИ, а также вседозволенности и наркотиков. Вопрос человеческого достоинства и связанных с ним прав человека освещается в пункте «Свобода совести, права и достоинства личности». В отличие от православных протестанты делают упор на необходимость борьбы с рабством и дискриминацией. Отсюда мы снова ведем параллели к необходимости активной работы надзорных органов [13, § 2; § 7; 14, § 2.1—4; § 7.1—3].

Церковь и политика. Церковь допускает наличие разных политических убеждений даже у клириков, если они не противоречат ее учению. Однако самостоятельно клирики не должны заниматься политикой и явно поддерживать политические партии. Для этого церковь делегирует необходимые полномочия ее специальным представителям. В голосовании клир может участвовать наравне с мирянами. Мирянам следует активно участвовать в политической жизни страны в согласии с вероучением церкви и Евангелием индивидуально или в составе христианских (православных) объединений. Церковь специально не благословляет эту деятельность и требует более активного сотрудничества со священноначалием, если организация именует себя христианской или православной и задействована в политическом процессе. Поэтому РПЦ не высказывается прямо и по вопросам дирижизма [2, 45; 3; 7, 22; 9, § V.2—4; 10, 96; 11].

Протестанты в данном разделе формулируют те позиции, с которыми они не согласны: навязывание религиозных взглядов, ограничение прав и свобод, борьба с инакомыслием, разделением, насилием, ненавистью, использование административного ресурса в частных целях. Об ограничении возможности участия священнослужителей в выборах речи не идет. Значит, протестанты допускают лишь минимальную степень дирижизма [13, § 5; 14, § 4.1—4].

Труд, собственность. Церковь указывает на необходимость труда и его прерывание раз в неделю для посвящения выходного дня Господу, чтобы не допустить мнимого торжества рассудка на основе достижений цивилизации. Однако это не означает временного отказа от дел милосердия. Благословляется труд в любой сфере, если он направ-

лен на исполнение Божьего замысла о мире и человеке как его управленце, чтобы питаться самому и подавать нуждающемуся, но не на реализацию личных эгоистических устремлений. Ведь духовная жизнь общества возможна лишь при минимальном достатке его членов [7, 23; 9, § VI.2—6; 10, 96 — 99; 11].

Собственность в православном учении вторична и относительна, так как все принадлежит Богу и передается человеку во временное управление, позволяя ему исполнить заповедь любви к ближнему. РПЦ осуждает посягательство на собственность, признавая права человека на нее вместе с ее разными формами: «государственной, общественной, корпоративной, частной и смешанной формами собственности». Отчуждение собственности возможно лишь на законной основе с соответствующей компенсацией. Церковь согласна с налогообложением ее предпринимательской деятельности, но не пожертвований как даяния Богу. Отсюда — зеленый свет фискальной политике [7, 23—24; 9, § VII.1—4; 10, 96; 11; 12].

Протестанты разделяют позицию РПЦ, добавляя подраздел «Предпринимательство и протестантская этика», где описывают труд как призвание, а прибыль как инструмент служения людям. Обе христианские традиции создают предпосылки для разработки и применения трудового кодекса и законов о собственности [5, 280—282; 6; 13, § 9; 14, § 11.3].

Война и мир. Война определяется РПЦ как злоупотребление данной Богом свободой и однозначно признается злом, но допускается для защиты ближних и справедливости как вынужденное средство. Причем войну надо вести с праведным гневом, но не со злобой и алчностью. РПЦ выступает за организацию переговоров враждующих сторон, воспитание высоких моральных качеств воинов, противостоит пропаганде насилия [7, 24; 9, § VIII.1—4; 10, 96; 11].

Протестанты частично разделяют позиции РПЦ, не указывая прямо на одобрение войны, но считая необходимым наличие армии для защиты государства. Причем социальное обеспечение военнослужащих и переход к профессиональной армии являются залогом положительного настроя и боеспособности войск [13, § 10; 14, § 12.3].

Вопросы личной, семейной и общественной нравственности. Церковь уважает брак, но при этом высоко ценит подвиг целомудрия и монашества. Акцентируется важность общности веры супругов и воспитания детей в православной вере. Браки, заключенные с нехристианами, равно как и с христианами, не исповедующими триединого Бога, церковь признает, но не благословляет. РПЦ выступает за развитие телесных отношений в браке как за реализацию жертвенности и взаимной ответственности. Второй и третий брак как исключение допускаются,

но церковь ратует за нерасторжимость брака, чтобы не травмировать личность ребенка. В глазах церкви мужчины и женщины обладают равным достоинством, однако у каждого из них — свои социальные роли, особенно роль матери, которая не должна упраздняться. Порнография, блуд и свободная любовь разрушают личность и осуждаются [7, 25—26; 9, § X.1—6; 10, 96; 11].

Вопросу семьи как исключительно брачному союзу с целью продолжения рода и взаимной поддержки протестанты уделяют очень много внимания, рассматривая семью как малую церковь. Особая роль отводится формированию характера детей в семье, заботе о беспризорниках и сиротах с помощью церкви. Мать семейства не следует перегружать, отец не должен упускать инициативу и лидерство, а в семье не должно иметь место насилие (этого нет у РПЦ). Данный раздел занимает больше всего места, но про браки с нехристианами и подвиг целомудрия и монашества речь протестанты не ведут [13, § 7; 14, § 8.1, 4].

Обе традиции закладывают основы для активной работы с семейным кодексом.

Здоровье личности и народа. РПЦ считает необходимым поддержание физического здоровья, но ратует в первую очередь за здоровье духовное. Она высоко ценит труд врача, поскольку он облегчает страдания больного и продлевает жизнь. Магия же и заговоры не одобряются, так как инструментами исцеляющей благодати являются лишь молитва и Таинства. Тяжелые болезни рассматриваются как возможность встречи с Христом в его страданиях и проявление веры. Этого у протестантов нет, хотя раздел о здоровье у них является вторым по объему после раздела о семье. В нем представлены конкретные меры для поддержания здоровья, включая спорт и трансплантологию. Протестантские церкви, выражая уважение труду врачей, выносят вопрос использования оккультизма в отдельный пункт, которого нет у РПЦ: «Христианские конфессии и иные религии». Там же по сравнению с РПЦ они выступают за толерантность по отношению к другим религиям, но против допинга и жестокости в спорте, против экспериментов над незащитными существами [5, 283; 7, 26; 9, § XI.1; 10, 96; 11; 13, § 6, § 8; 14, § 9.1—4].

РПЦ ратует за создание больничных храмов и за то, чтобы отношения между врачом и пациентом не сводились бы только к коммерческому договору. Не допустим и врачебный произвол, когда мнение больного не принимается в расчет. Требуется найти подход к здравоохранению, обеспечивающий достойную оплату труда медиков, доступность и эффективность медицинских услуг для всех людей. РПЦ обеспокоена демографическим спадом, ростом ряда заболеваний, наркомании, алкоголизма. Решение видится в диалоге с государством в

сфере законотворчества, поддержке НИОКР, в общении со СМИ. В психических заболеваниях лечение должно сочетать и медицинские методы, и пасторскую работу вплоть до изгнания бесов. Протестанты разделяют эти позиции, подчеркивая и необходимость борьбы с ВИЧ/СПИД. Это наводит на мысль о необходимости разработки государственной политики здравоохранения [5, 283; 6; 7, 26; 9, § XII2—5; 10, 96; 11; 13, § 8; 14, § 9.5—7].

Проблемы биоэтики. РПЦ выступает против аборта за исключением случая, когда матери грозит смерть и у нее есть другие дети, против противозачаточных средств, прерывающих жизнь эмбриона, против искусственного оплодотворения, что разрушает целостность брачного союза за исключением его реализации половыми клетками мужа, против суррогатного материнства и гомосексуального партнерства, лишаящих ребенка права иметь мать и отца. РПЦ противостоит гомосексуализму, особенно в армии, тюрьмах, в детско-юношеских учреждениях. Генетическое вмешательство допускается осторожно в целях врачевания наследственных болезней, пока дело не доходит до вторжения в Божий замысел о человеке. Трансплантология за исключением ее коммерциализации считается допустимым проявлением любви к ближнему только с полного информированного согласия донора, если это не угрожает его жизни и не вызывает угрозу идентичности получателя. Транссексуализм как попытка изменить пол в силу болезненного чувства принадлежности к другому полу рассматривается РПЦ как «бунт против Творца». Хирургическая коррекция патологии развития половых признаков в раннем детстве не рассматривается как изменение пола. Если организм уже не функционирует как единое целое, то искусственное поддержание жизни может только продлить страдания человека, лишая его мирной кончины. Эвтаназия же, особенно бедных больных, является неприемлемой. В отношении (само)убийства церковь возлагает ответственность и на окружающих убийцы, проявивших малодушие в сострадании [7, 26—27; 9, § XII2—9; 10, 96; 11].

И здесь протестанты практически полностью разделяют идеи РПЦ, обходя вопрос гомосексуализма (данный вопрос они поднимают в главе, посвященной браку) и возможной коррекции пола в детском возрасте. Обе традиции отсылают нас к государственной политике здравоохранения и семейному кодексу [13, § 7; 14, § 8, § 10.1—6].

Церковь и проблемы экологии. РПЦ видит причину нарушения отношений человека с природой в его грехопадении. Постепенно человек отошел от назначенной ему роли хранителя природы, и взял на себя роль владыки Вселенной. РПЦ обеспокоена развитием потребительского подхода человека к природе и ратует за распространение ресурсосбе-

регающих производств, воспитания и международного сотрудничества в деле охраны природы [7, 27; 9, § VIII.2—5; 10, 96; 11].

Протестанты, принимая идеи РПЦ, распространяют концепцию Христова спасения на природу и приравнивают преступления против нее к таковым против человека, не допуская политизации экологии. Значит, обе традиции требуют развития экологического законодательства и государственного контроля в этой сфере [13, § 13; 14, § 15.4—6].

Светские наука, культура и образование. Не находя противоречий между религией и наукой, РПЦ считает необходимым наличие моральных и религиозных ограничений на развитие науки. Творчество только тогда считается положительным, когда оно способствует духовному преобразованию индивида. Призвание культурных работников заключается в восстановлении образа Божьего в человеке искаженного грехом посредством возделывания человеческих душ. РПЦ признает необходимым наличие светского образования, но выступает за его построение на религиозных началах и христианских ценностях в виде уроков христианского вероучения, противостоя навязыванию материализма и антирелигиозности, равно как и влиянию деструктивных сект. Это должно достигаться через диалог с государственной властью в данных сферах и создание православных учебных заведений [7, 27—28; 9, § XIV.1—3; 10, 96—99; 11].

Протестанты в целом согласны с идеями РПЦ, подчеркивая важность доступности образования, открытости и борьбы с коррупцией в этой сфере, а также с ограничениями деятельности христианских учебных заведений вследствие их якобы нетрадиционности. В школе преподавание религии должно быть отделено от обязательной программы. Протестанты утверждают, что культура одна не может воспитать человека духовно, так как те, кто коммерциализирует искусство, открывают дверь порокам и разврату [13, § 12; 14, § 14.2—3].

Заключение. Итак, социальные документы православной и протестантских церквей России неявно требуют присутствия сильного государства во всех социальных сферах, фактически легитимируя государственный контроль над всеми сферами человеческой жизни. У протестантов степень такого контроля не является столь высокой, как в православной традиции. В обоих случаях церковь нуждается в аппарате насилия для поддержания порядка в мире, где грех или зло еще не восполнены добром. Интересно, что среди многообразия инструментов государственного регулирования хозяйства не видно намека на монетарную политику.

Литература

1. *Владимиров Н.* Учение Церкви глазами ученых // Независимая газета. 2002. 20 нояб.
2. *Еремин А.В.* Политико-правовые основы формирования Социальной концепции Русской Православной Церкви // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2 (1).
3. *Игумен Вениамин (Новик).* Об «Основах Социальной Концепции Русской Православной Церкви» (Критические замечания на первые пять глав). Научно-богословская конференция, октябрь 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/> (дата обращения: 01.08.2016).
4. *Курилов В.А.* Модель государственно-церковных отношений, изложенная в «Основах социальной концепции РПЦ». 2015. Т. 16. Вып. 2. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2015.
5. *Лопаткин Р.А.* Социально-экономический потенциал российского протестантизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4.
6. *Лопаткин Р.А.* Социальные доктрины современных российских протестантов // Протестант от 15.05.2011 // <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/05/socialnye-doktriny-sovremennykh-rossijskix-protestantov/> (дата обращения: 01.08.2016).
7. *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Церковь и общество в свете Основ Социальной Концепции Русской Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2.
8. *Овсиенко Ф.Г.* Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. Специальный вып. № 3.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва. Архиерейский Собор 2000 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422> (дата обращения: 06.10.2016).
10. *Пейкова З.И., Прусак А.И.* Основы социальной концепции Русской Православной Церкви («круглый стол») // Социологические исследования. 2001. № 8.
11. *Священник Алексей Гостев.* Церковный взгляд на общественное оздоровление. К принятию «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» // Новый мир. 2001. № 4.
12. *Сомин Н.В.* Несколько тезисов о православной социальной доктрине. Научно-богословская конференция, октябрь 2000 // <http://www.twirpx.com/file/1360311/grant/> (дата обращения: 01.08.2016).
13. Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003.
14. Социальная позиция протестантских церквей России. Изд. 2-е, доп. М., 2009.

ВЛ.В. ЧЕКМАРЕВ

Экономическая безопасность России как стратегическая неизбежность

Аннотация. Исследование проблем обеспечения экономической безопасности России осуществляется достаточно большим количеством ученых. В опубликованных работах представлены результаты всестороннего анализа имеющихся угроз. Однако вызовы времени требуют выработки концептуальной картины необходимых перестроенческих изменений в национальном хозяйстве. В данной статье осуществлено обоснование идеи обеспечения экономической безопасности страны как стратегической неизбежности. Идеи статьи могут быть рассмотрены в качестве элементов концепции российского системного перестроения.

Ключевые слова: экономическая безопасность России, российское системное перестроение, стратегическая неизбежность.

В классической теории вероятностей есть важное для устойчивого развития любой страны понятие — *невозможное событие*. Это такое событие, которое наверняка не произойдет при выполнении некоторого комплекса условий S . Но в теории вероятностей есть и понятие *достоверности*. Событие будет достоверным, т. е. обязательно произойдет при выполнении некоторого комплекса условий S . Следовательно, некоторый комплекс условий обеспечивает либо достоверное событие, либо невозможное событие. Конечно же, существуют и случайные события. Но применительно к развитию стран случайные события маловероятны. Следовательно, нас интересует комплекс условий, обеспечивающих достоверное событие. Исходя из Конституции РФ, достоверным событием будем считать устойчивое развитие страны. Но тогда комплексом условий этого события будет выступать ее экономическая безопасность как единственный механизм обеспечения достоверного события. Отсюда обеспечение экономической безопасности есть стратегическая неизбежность, характеризующая единственно возможное будущее [2].

Используя математические символы, можно наше утверждение облечь в формулу:

$$P(A) = \frac{m}{n},$$

где: $P(A)$ — вероятность устойчивого развития страны; m — число направлений экономической политики, обеспечивающих экономическую безопасность страны; n — число несовместимых единственно

возможных и равновозможных направлений экономической политики, обеспечивающих экономическую безопасность страны.

Развал страны можем обозначить через невероятную вероятность. Каковы же российские реалии с позиции их концептуального осмысления? Обратимся к цифрам и фактам, опираясь на данные из послания Президента РФ Федеральному Собранию (2016). При этом методологически их осмысление осуществим с использованием нормального закона распределения вероятностей (не путать с экспансией понятия «новая нормальность» российской экономики) и правилом трех сигм.

Президент в своем обращении к Федеральному Собранию уже анонсировал повышение налогов и отмену «налоговых поблажек». Эксперты считают, что будут подняты НДС, НДСПИ, НДСФЛ, а также увеличатся страховые взносы. НДСФЛ может быть повышен с нынешних 13 до 15%. От идеи ввести прогрессивную шкалу налога, при которой получатели высоких зарплат платили бы больше, а малообеспеченные граждане были бы освобождены от НДСФЛ вообще, решили отказаться, поскольку пришли к выводу, что это ударит по среднему классу и — главное — не принесет бюджету денег, поскольку все доходы уйдут в тень. Кроме того, планируется повышение НДС. Окончательное решение еще не принято. По информации СМИ, обсуждается рост НДС с нынешних 18 до 20%, а также отмена льгот, которые по отдельным товарам достигают 10 процентных пунктов. «Газпром» сообщил, что «запланировано повышение налога на добычу полезных ископаемых» (НДСПИ), предупредив, что в этом случае рентабельность внутреннего рынка для компании приблизится к нулю.

Оценивая итоги экономики за 2016 г., особо отметим, что важнейшим фактором, определяющим состояние массового сознания и его настроения, стало продолжительное снижение уровня жизни россиян. Выступая в Госдуме, глава Счетной палаты Т. Голикова подчеркнула, что реальные денежные доходы населения, как и потребительский спрос, продолжают снижаться уже на протяжении двух лет. По данным ВЦИОМ и Высшей школы экономики, 21% семей оценивает свое состояние как плохое и очень плохое. 44% отмечают, что их положение за минувший год заметно ухудшилось, а 38% респондентов жалуются на нехватку денег на приобретение товаров так называемой базовой необходимости, к которым относят еду и одежду. Среди одиноких матерей не хватает денег на эти товары уже у 56% респондентов. По данным Российской академии народного хозяйства и государственной службы, почти половина (более 45%) трудоспособного населения России вынуждены устраиваться на подработку и получать «гонорары» в конвертах, не доплачивая налогов на более чем 4 трлн р. Эта сумма представляет собой общие неофициальные расходы на потребление оплаты

труда. При этом внимание на себя обращает подспудно вкладываемая в головы россиян отечественными СМИ мысль о том, что «новая реальность» является нормой и что прогнозируемые долгие годы застоя — это и есть стабильность. Некоторые комментаторы именно в этом утверждении увидели главный тезис послания президента, поблагодарившего россиян за выдержку и упорство в преодолении трудностей и предупредившего, что потрясения являются самой большой опасностью, которую необходимо избегать всеми имеющимися способами.

За десять месяцев 2016 г. бюджет РФ исполнен на 73,6%, и в последний месяц должны быть профинансированы расходы (с учетом поправок) на сумму до 10 трлн р., при том что доходы составляют 2,2—2,3 трлн р. Недостающие средства (порядка 1,3 трлн р.) будут взяты из Резервного фонда, посредством перевода валюты из Минфина Центробанку и передачи сверхэмитированных свежэмитированных рублей Минфину. Вся эта рублевая масса будет влита в финансовую систему в ближайшие недели, тогда как «теневые валютные резервы» (зарубежные валютные накопления) практически полностью исчерпаны. Иначе говоря, складываются условия для возникновения дефицита валюты и избытка рублей.

Политика бюджетных сокращений, ставшая следствием внешних шоков (таких как санкции) и плохой глобальной конъюнктуры для российских экспортеров, серьезно затронет в следующем году бюджет Министерства обороны. Главный военный финансист Т. Швецова сообщила, что расходы ведомства в 2017 г. урезаны на 100 млрд р. Однако еще более печальным и негативным финансовым фактом является продолжающееся сокращение ассигнований на науку. Так, если в 2014 г. бюджет ФАНО составлял 108 млрд р. (1,52% от ВВП), причем тогда еще более полноценных, чем после девальвации, то в следующем, 2017 г. ситуация выглядит плачевной. Расходы на фундаментальные научные исследования сокращены до 0,86% от ВВП, или до 73,5 млрд р. Отставание в этой сфере дорого обойдется не только российской науке, но и экономике [7]. В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию убедительно говорил о том, что те страны, которые совершают прорыв к новым технологиям, будут брать с отстающих стран солидную ренту, и призвал российских ученых к наращиванию научных достижений. На практике, однако, средства, выделяемые на науку, становятся все скуднее, не стимулируя научную деятельность. Тем самым, не реализуется многоуровневый подход к обеспечению экономической безопасности страны [4].

В официальном поручении по реализации президентского Послания Федеральному Собранию Правительству РФ совместно с Торгово-промышленной палатой предписано разработать комплексный план

мер, которые обеспечат российской экономике в 2019—2020 гг. темпы роста ВВП выше мировых, но, как утверждает В. Катасонов [5], реальной экономической властью в нашей стране обладают люди, которые не позволят добиться поставленных в этом документе целей. Иначе говоря, реальная экономическая власть у нас была и остается компрадорской, защищающей интересы иностранного капитала — интересы, которые заключаются в том, что он должен иметь доступ на российский рынок, к российским месторождениям сырья, к российским финансам и т. д. Сам по себе термин «экономический рост» — это фикция, поскольку за ним могут стоять совершенно разные и ведущие к разным последствиям феномены экономики. Например, если увеличивать офшорные активы — это будет считаться «экономическим ростом», но он уйдет за пределы РФ. Экономический рост также может достигаться путем хищнического и неэффективного использования природных ресурсов, загрязнения и уничтожения окружающей среды, что сделает ее непригодной для дальнейшей экономической деятельности. Наконец, «экономический рост» может быть организован за счет такого же хищнического и неэффективного использования человеческого труда, что приведет к массовой безработице и вымиранию значительной части населения, а результаты такого «экономического роста», достанутся лишь мизерной части общества, что мы наглядно наблюдаем на собственном примере в течение вот уже четверти века. Иными словами, «экономический рост» может и не вести к благосостоянию общества, к улучшению его перспектив, его среды обитания. Модель, ориентированная на экономический рост, — это модель, которая обслуживает интересы ростовщиков, и не случайно слова «рост» и «ростовщик» являются однокоренными.

Именно поэтому неангажированные экономисты уже давно отказались от термина «экономический рост». Они используют другие термины: «экономическое развитие» или «устойчивое развитие», что является отходом от догм либерал-монетаризма. Конечно, нужен не экономический рост, измеряемый в процентах ВВП. Должны быть совершенно другие задачи. Надо, по крайней мере, начать дискуссию относительно того, какие реальные задачи должны стоять перед экономикой, на что она должна быть нацелена. И уж конечно, это не «борьба с инфляцией» и не «экономический рост».

В этой связи можно вспомнить, как формировалась экономическая политика Советского Союза в 1930-е—1950-е гг. Собственно, тогда был создан экономический механизм, который: а) позволил провести индустриализацию; б) позволил нашей экономике стать независимой от внешних условий; в) обеспечил оборонный щит, позволивший отразить нашествие фашистской Германии на Советский Союз. А в послевоенный период тот же экономический механизм обеспечил нам снижение

издержек производства за счет работы так называемого противозатратного механизма. Экономика была ориентирована не на какие-то абстрактные показатели «роста», а на реальное производство и потребление товаров и услуг населением страны. Стоимостные показатели при этом играли не главную, а вспомогательную роль. Однако, эти моменты сегодня никого не интересуют. А ведь если мы не будем понимать даже своего собственного опыта, то нам останется только идти на поводу у экономических либералов, жонглирующих мыльными пузырями пустых терминов типа «рост ВВП», «инфляция» и т. д.

В.А. Кашин — доктор экономических наук, профессор, государственный советник налоговой службы II ранга, руководитель Центра исследований экономической безопасности России Института проблем рынка РАН (г. Москва), отмечает, что Россия содержит множество институтов надстроечного характера: оборону, органы правопорядка, социальную сферу, финансовый сектор и т. д., а базисного — только добычу природного сырья, не ориентированную на производство конечного продукта. Санкции самым наглядным образом обнажили опасность сохранения такой модели хозяйствования. Альтернативы же имеются — как на «левом», так и на «правом» флангах экономического мировоззрения: есть из чего выбирать, но надо четко представлять, какие требования и какие самоограничения возникают при применении любой выбранной модели хозяйствования: либеральной экономической, обеспечивающей развитие в автоматическом режиме, или модели социального рыночного государства, требующей ручного управления, связанного с принятием непопулярных решений [6].

Общеизвестно, что государство может финансировать свои расходы только тремя путями: либо поступлениями от продажи принадлежащей ему собственности, либо занимая деньги, либо через налоги. Но государственная собственность не беспредельна — Аляску можно продать только один раз (и еще надо уметь торговаться). Взятые в заем деньги потом обязательно надо возвращать — и с процентами. Остаются налоги, которые только и дают нормальный доход всякого разумного управляемого государства. Так, как же у нас обстоят дела с налогами, кто и как их платит? Какова экономическая структура российского общества? Обратимся к статистике [8].

В России 40 млн пенсионеров, еще 10 млн составляют так называемые «бюджетники» (гражданские и военные). Еще 1 млн частных охранников, столько же персональных водителей, до 5 млн бухгалтеров и других счетных работников. Правительство также сообщает, что в стране есть еще 20 млн работоспособных граждан, о деятельности которых государству ничего «неизвестно» (т. е. этих людей нет в списках плательщиков налогов и социальных сборов). Среди богатых — в ос-

новном те, кто занимается интенсивной распродажей национальных природных богатств России.

Все это разные люди, но их объединяет одно — занятость в «минусовой» зоне нашей системы хозяйствования, все они только получают, присваивают, потребляют, но ничего стране не «добавляют» — ни налогами, ни производством каких-либо полезных вещей. Зато эти полезные вещи они вполне успешно приобретают и потребляют — 70—75 млн людей, который только берут от страны!

Кто же ей что-то дает, кто вообще содержит российской государство? Оставшиеся 15—20 млн работников и предпринимателей? То есть у нас на каждого работника — 4—5 «нахлебников»? И как же они справляются? С трудом, можно сказать, на последнем «надрыве сил». Ведь налоговая нагрузка на бизнес (сразу три налога — на прибыль, НДС налог на имущество, последний — архаичный налог советской платы за фонды) и на труд (свыше 70%) — у нас наивысшая в мире. Многие в этой ситуации просто закрывают свои предприятия и уезжают за границу, другие — пока стоят на двух ногах: одна в РФ, другая — в Германии, во Франции, в Канаде и т. д. Но они в любое время могут свою «русскую ногу» поднять и перенести тоже за рубеж. Положение пока спасает широкая распродажа сырьевых богатств страны, накопленных природой и разведенными нашими предшественниками. Стараясь, продаем все и быстро — чтобы нашим детям и внукам уже ничего не осталось. Правильное название для такой модели — жизнь взаймы! Но это — тупик! Поэтому, как подчеркивает член-корреспондент РАН Р. Гринберг, «отказ от догматизма и монополии одной школы мышления становится категорическим императивом для нахождения пути выхода страны на устойчивую траекторию развития» [3, 7].

Такова наша современная экономическая модель. Что же будет, когда природные запасы закончатся? Некогда и некому думать — все пока только продают и делят. «Субъективная природа» российской стагнации, как справедливо отмечает профессор Л. Вардомский, происходит из «неготовности власти проводить реформы в условиях, когда все идет хорошо» [1, 31]. Но, как видим, благополучие это временное: пришли санкции, упали мировые цены на наше сырье — и наши власти начинают беспокоиться.

Вообще-то в современной экономике известны две основные модели хозяйственности: либеральная модель и модель «социальной рыночной экономики». Либеральная экономическая модель предполагает низкие налоги, негосударственные деньги и отсутствие государственного долга.

Низкие налоги? Обоснование простое: пусть люди обогащаются, не надо им мешать, от этого выигрывает и государство — меньше будет

просителей социальных благ, больше — состоятельных граждан (потенциальных налогоплательщиков). Негосударственные деньги? Но не существует ни одной экономической теории, которая оправдывала бы как тар использование государственных денег. Отсутствие государственного долга? Мы дружно осуждаем семьи, которые живут в кредит. Но это же правило совершенно справедливо и для государства: если в казне не хватает денег, надо либо снижать расходы, либо пытаться получать больше доходов. Так поступают все нормальные люди. И не надо тут придумывать ничего нового.

Особенность модели социального государства определяет и ее слабость. Это фатальная зависимость социальной «надстройки» от имеющейся экономической базы. Перегруженная социальная надстройка вполне способна раздавить свой экономический базис, тогда и сама эта надстройка обречена на быстрый коллапс. Это видно сейчас в Греции и Испании. Греки уничтожили национальную промышленность и долгое время поддерживали социальную надстройку за счет внешних заимствований, но конец этому закономерно пришел, и сейчас все дружно критикуют эту страну за то, что она привыкла жить «не по карману». Правда, у греков есть ответ на критику: свою промышленность они уничтожали (как «неэффективную» и «ненужную»), строго следуя рекомендациям МВФ и самого Евросоюза.

У Испании особое положение. Там также еще недавно активно искореняли «неэффективные» производства, но два непослушных региона в эту гонку никак включаться не хотели. Речь о стране Басков и Каталонии. Сейчас эти два региона в условиях жесточайшего кризиса, накрывшего Испанию, категорически отказываются «кормить» своими налогами социальных иждивенцев в остальной части Испании — вплоть до формального выделения из страны (тем более что ни баски, ни каталонцы себя испанцами не считают).

Общий вывод: определяя обеспечение экономической безопасности как процесс (нестабильность), а безопасность как результат, будем определять экономическую безопасность как стабильность функционирования экономики (экономической системы страны), а в терминах теории вероятностей — как достоверное событие [2]. Отсюда экономическая безопасность России есть стратегическая неизбежность.

Литература

1. Вардомский Л. К новой модели развития через либерализацию российской экономики и децентрализацию управления ею // Мир перемен. 2015. Спецвыпуск.

2. Глазьев С.Ю. Создание системы обеспечения экономической безопасности и управления развития России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 4.
3. Гринберг Р. В поисках истины // Мир перемен. 2015. Спецвыпуск.
4. Кайманаков С.В. Многоуровневый подход к исследованию эффективности производства и экономической безопасности // Философия хозяйства. 2016. № 6.
5. Катасонов В. «Рост ВВП», или Жонглеры мыльными пузырями // Завтра. 2016. № 50.
6. Кашин В.А. О новой модели развития для России // Мир перемен. 2015. № 3.
7. Осипов Ю.М. Российское системное перестроение как неизбежная актуальность // Философия хозяйства. 2016. № 6.
8. Федеральная служба государственной статистики // URL: <http://www.gks.ru/>.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

К вопросу о социальной безопасности России

Аннотация. Рассматривается проблема разработки концепции социальной безопасности РФ как части национальной безопасности и основы создания Социальной доктрины РФ.

Ключевые слова: социальное государство, социальная безопасность, национальная безопасность, социальная доктрина.

Неодирижизм должен исходить из задач, которые ставятся перед государственной системой в Конституции страны. По Конституции РФ провозглашена *социальным государством* (ст. 7), поэтому в центре политической деятельности в стране должен быть социальный императив, включающий *социальную безопасность* населения России.

В официальном законодательстве РФ в оборот введен термин «*национальная безопасность*» (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6]). В данной Стратегии под национальной безопасностью понимается следующее: «*национальная безопасность* Российской Федерации (далее — *национальная безопасность*) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних

угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее — граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [6]. К сожалению, в этом перечне отсутствует понятие «социальная безопасность».

Основными показателями, необходимыми для оценки состояния национальной безопасности, являются:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
- доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- валовой внутренний продукт на душу населения;
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения);
- уровень инфляции;
- уровень безработицы;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру;
- доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам [6].

Категория «безопасность человека» применяется в документах ООН. Уже во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., провозглашалась безопасность каждого жителя Земли [2].

Почему мы предлагаем помимо термина «национальная безопасность» использовать категорию «социальная безопасность»?

1. Военная безопасность страны лежит в основе Военной доктрины, предусмотренной Конституцией РФ [1]. В основе Социальной доктрины должна быть положена социальная безопасность. И военная, и социальная безопасность является составной частью национальной безопасности.

2. Ключевое значение применение термина «социальная безопасность» получает при его рассмотрении с точки зрения *теории «внутренних благ»* Андрея Карловича Шторха (1766—1845). Россия как цивилизация является наследницей древнегреческой цивилизации, где высшей ценностью было духовное начало. К России это пришло через Боспорское царство и Византийскую цивилизацию. Отсюда такая отличительная черта российской цивилизации как *приоритет духовности*. Поэтому особая роль в российской социальной безопасности принадлежит *культуре*. (Эта сторона проблемы разрабатывается профессором К.К. Колиным [4; 5].)

3. Европейская социальная хартия во главу угла ставит социальные права граждан Европы, практически подразумевая под ними социальную безопасность. Такой подход не позволил европейским странам избежать ситуации с массовой нелегальной миграцией из стран Африки, Ближнего Востока и Афганистана. Именно данный печальный опыт стран Европейского Союза заставляет особое внимание уделить вопросам социальной безопасности. (Проблеме миграции, как международной, так и российской, 31.03.2016 г. было посвящено заседание Совета безопасности РФ.)

Злободневность разработки Социальной доктрины РФ на базе социальной безопасности вызвана необходимостью ликвидации последствий социодемографической катастрофы, которая началась в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Статистика, показывающая итоги реформ, происходивших в то время и в 2000-е гг., приведены в книге С.Г. Кара-Мурзы, С.А. Батчикова и С.Ю. Глазьева «Куда идет Россия» [3]. Итоги эти удручающие. Поэтому в России имеется насущная необходимость разработки концепции социальной безопасности и Социальной доктрины, чтобы, извлекая уроки из этих реформ, не допустить новое «сваливание» в социальные катастрофы.

В чем должны состоять *основные положения концепции социальной безопасности для России*?

Во-первых, *необходимость и цель социальной безопасности*.

Социальная безопасность отражает влияние группы факторов, определяющих динамику, уровень и качество жизни населения, и его отношение к государству. Нарушение социальной безопасности создает в стране или отдельных регионах социальное напряжение и может привести к возникновению беспорядков и революционной ситуации.

Применительно к РФ, соблюдение социальной безопасности является условием сохранения территориальной целостности страны.

Важнейшей задачей государства является выполнение социальных функций и обеспечение социальной безопасности как основы соци-

ально-политической стабильности в стране и доверия населения к государственной власти.

Во-вторых, *основные факторы и индикаторы социальной безопасности.*

1. Состояние здоровья населения, политика в области здравоохранения.

1.1. Уровень затрат на здравоохранение (ВВП в здравоохранении на душу населения).

1.2. Динамика заболеваемости на 1000 человек.

1.3. Обеспеченность медицинскими услугами по стране и федеральным округам и регионам.

2. Дифференциация доходов населения (уровень имущественного неравенства в обществе).

2.1. Соотношение доходов верхних и нижних 10% населения.

2.2. Соотношение зарплат и пенсий.

2.3. Уровень и характер налогообложения.

2.4. Дифференциация доходов различных групп работающих.

2.5. Льготы для незащищенных слоев населения.

3. Уровень занятости.

3.1. Уровень безработицы в % к занятому населению.

3.2. Пособия по безработице.

3.3. Государственные программы по обеспечению занятости.

4. Демографическая безопасность.

4.1. Темпы прироста или убыли населения.

4.2. Динамика средней продолжительности жизни.

4.3. Жилищные условия.

4.4. Уровень межстрановой и межрегиональной миграции.

5. Обобщающие показатели.

5.1. Доля социальных затрат в ВВП и в госбюджете.

5.2. Социальные затраты на душу населения.

5.3. Отношение средней зарплаты в стране к среднемировой.

5.4. Уровень коррупции.

Расширенная версия социальной безопасности.

6. Уровень образования населения.

7. Культурный уровень населения.

8. Криминогенная обстановка.

В-третьих, *институты реализации социальной безопасности.*

1. Социальное законодательство — законы и другие нормативные акты социального характера.

2. Полномочия и эффективность деятельности социальных органов государственной власти на всех уровнях.

3. Социальные программы политических партий.

4. Социальная деятельность общественных и религиозных организаций.
5. Социальная деятельность СМИ.
6. Эффективность деятельности органов правопорядка.
7. Соответствие социальной политики международным принятым нормам.

В-четвертых, важность соблюдения социальной безопасности для РФ.

В Конституции РФ страна продекларирована социальным государством. Поэтому в законодательстве страны должен отслеживаться социальный императив. Эффективность работы государственной власти социального государства тоже оценивается с позиции соблюдения социальных прав граждан страны.

Для России с ее обширными территориальными размерами численность населения играет важнейшую роль. Многие демографы выделяют важность уменьшения демографической нагрузки на трудоспособное население страны, но с уменьшением плотности населения России нашему государству может угрожать сокращение его территории.

Кроме того, демографическая безопасность страны связана напрямую с военной безопасностью, так как численность призывников при сокращении числа детей в перспективе тоже уменьшается, как и при ухудшении их здоровья.

Негативно скажется сокращение числа детей и здоровья населения и на инновационном развитии страны: население в инновационно-активном возрасте вносит значительный вклад в этот процесс. Рост численности трудоспособного населения возможен, прежде всего, за счет повышения его здоровья и снижения смертности населения страны в трудоспособном возрасте, о чем пишет академик РАН А.Г. Аганбегян.

Социальный императив долгосрочной стратегии социального государства предполагает проведение суверенной внешней политики страны. Кроме того, для проведения адекватной социальной политики необходимо поддержание конкурентоспособности экономики страны на базе структурной перестройки экономики России и перехода к технологиям шестого технологического уклада (ТУ), о чем пишет академик РАН С.Ю. Глазьев. Переход к современному ТУ необходим для изыскания финансовых средств для проведения социальной политики, адекватной задачам социального государства по соблюдению социальных прав и гарантий граждан страны. Основой социально-экономической политики должна стать цель повышения производительности труда, как базы роста заработной платы граждан страны — основы налогообложения и страховых выплат для социального обеспечения. Для этой цели необходимы создание в стране новых современных рабочих мест и подготовка

соответствующим им современным рабочим кадрам. Нищета в стране должна быть преодолена на базе роста экономической эффективности и социальной справедливости, путем разумного сочетания неолиберализма и либерализма в экономике и справедливой социальной политики. Ликвидация нищеты и неадекватной социальной дифференциации — первоочередная задача соблюдения социальной безопасности в стране. Поэтому задача создания стабильных условий для формирования «среднего класса» — это тоже область соблюдения социальной безопасности. Наличие обширного «среднего класса» в России — база политической устойчивости в стране и соблюдения социальной безопасности. Именно он должен стать тем «локомотивом», который позволит РФ стать полноценным европейским социальным государством.

Политика неолиберализма может реализоваться в России только при условии роста национального самосознания, социально-политической устойчивости и повышения уровня и качества жизни граждан страны. Поэтому соблюдение социальной безопасности — необходимое условие проведения данной политики.

Литература

1. Военная безопасность России. Словарь-справочник / Под ред. В.Л. Манилова. М.: ВЦ РАН. 2000.
2. Всеобщая декларация прав человека // <http://www.advokat.rb1.ru/art4.php?id=20>.
3. Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А., Глазьев С.Ю. Куда идет Россия. М.: Алгоритм, 2010.
4. Колин К.К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Стратегические приоритеты. 2014. № 3.
5. Колин К.К. Глобализация и культура // Стратегические приоритеты. 2014. № 4.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz45bUCHkSa>.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции
**«Российское системное перестроение как стратегическая
неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»**
8 декабря 2016 г.

Центр общественных наук МГУ (ранее Центр общественных наук при МГУ) не впервой поднимает проблему *российского социохозяйственного перестроения*. В 2009 г. Центром была проведена в Московском университете под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международная научная конференция — Малый университетский форум «*Российское перестроение: общество, политика, экономика*» (2—4 декабря 2009 г.), концептуальные и прикладные итоги которой были доведены от имени и через посредство Совета Федерации до высших правительственных кругов и лично Президента Российской Федерации. Сегодня, уже в декабре 2016 г., ровно через семь лет, Центр вновь обращается к актуальной отечественной проблематике, акцентируя внимание на новейших качественных тенденциях мирового социохозяйственного развития, обозначенных в теме и документах конференции как «Нео». Подтверждая острую, вполне и стратегического характера, необходимость в российском социохозяйственном системном перестроении, конференция считает возможным декларировать нижеследующее.

1. Революционная социохозяйственная реформа 1990—2000-х гг., проводившаяся под лозунгом возвращения к классической денежно-капитальной конкурентно-рыночной экономике с интеграцией российской экономики в мировую глобализованную среду, привела к возникновению зависимой от мировой глобализованной экономики и ее денежно-финансовой системы фактически уже псевдонациональной российской экономики, концептуально оформленной в виде некой *пореформенной* модели и настойчиво на ее основе и в ее рамках реализуемой.

2. Не имея ничего против самой по себе реформной экономизации (капитализации) российского социохозяйственного бытия, его открытия мировому контексту, конференция, констатируя свершившийся трансформационный факт, выступает за переход от зависимой от глобальных условий и сил *пореформенной* модели хозяйства к суверенной *постреформенной* модели, о чем ученое сообщество, группирующееся

вокруг Центра общественных наук МГУ, неоднократно во всеуслышание заявляло, провозглашая и обосновывая при этом курс на *российское системное перестроение*.

3. *Перестроение* — не перестройка, связанная с системным разрушением и фактическим прерыванием нормальной жизнедеятельности странового хозяйственного организма, а селективные структурно-системные перемены, осуществляемые в целом на ходу, хотя и не сходу, не так противореча, как соответствуя общему социохозяйственному развитию. Перестроение — эволюционная, хотя и в интенсивном варианте, переориентация социохозяйственного бытия, обусловленная и сменой модели управления национальным хозяйством: от *пореформенной* модели к *постреформенной*, как раз и преодолевающей недостатки и пороки своей «либеральной»-де предшественницы, весьма при этом, как показывает практика, императивно-дирижистской.

4. «*Пост*» в настоящем случае означает избавление российского хозяйства от паракOLONиальной зависимости от глобального контекста; акцент не на пресловутом «рынке», которого по сути давно уже нет как основного регулятора экономики, а на осознанном и суверенном ведении национального хозяйства посредством разносторонней координации деятельности экономических агентов в масштабе страны и эффективной ориентации социохозяйственной реальности из национального центра с опорой на *национальный государственно-корпоративный комплекс*, призванный решать главные, в особенности стратегического характера, задачи развития.

5. Достижение постреформенной модели развития и управления возможно в нынешних условиях планетарного бытия только с учетом главных тенденций современности, собирательно обозначаемых конференцией как «*Нео*». *Нео* — не просто что-то новое, а *принципиально новое*, сочетающееся с отрицанием (преодолением) основного старого (условно, конечно, «старого»). Если сегодня в мире и в России *экономика*, то уже непременно как *нео-экономика* (не «рыночная», к примеру, и не «плановая», не очень-то уже и системная, совсем уж не механическая, даже не организменная, а мобильная, спорая, своевольная, реализующаяся как бы вне времени и пространства, при их практической нуллификации, как вольный, хотя и в целом управляемый, «сетевой поток»); если сегодня *индустриализация*, то как *нео-индустриализация* (не тяжеловесная, статуарная и грохочущая, а невесомая, тихая, подвижная, даже и вкрадчивая); если сегодня *дирижизм*, то как уже *нео-дирижизм* (не командный по преимуществу, а более всего побудительный, ориентационный, указательный, непременно и «вкрадчивый», хотя коли уж надо, то и решительный, радикальный, непреклонный).

6. *Неоэкономика* — высшая на данный момент *историческая форма экономики вообще*, вполне и *постмодерновая*, когда экономическая реальность виртуализируется настолько, что деньги, финансы и капиталы становятся самостоятельными, самодовлеющими и самодвижущимися (самими-себе-причинами), а вся экономика (а это есть не что иное, как однеженное хозяйство) оказывается весьма отчужденной от реальных хозяйственных процессов — *самой-себе-экономикой*, существующей более ради себя и по-своему, а не ради социохозяйственной реальности и ей в услужение, наоборот, экономика довлеет над хозяйственной реальностью, ее кабально (долговым образом) нещадно эксплуатируя. Любой функциональный параметр в неоэкономике может быть произвольно *любым* (та же цена на нефть, к примеру), хотя и *не каким угодно*, ибо он находится в живой сети других столь же произвольных параметров, чье столкновение между собой или же, наоборот, между собой согласие приводят к некоторой воспроизводственной мере, конечно же, подвижной. В силу своей оторванности от реальности, большой самосвободы и внутренней произвольности неоэкономика тяготеет ныне к перманентно кризисному состоянию, становящемуся уже фактической нормой. Неоэкономику уместно сравнить с супербольшим счетно-решающим устройством, типа бескрайнего «мозга», действующим в сфере общественного сознания (ноосфере). Это некое суперсложное, замкнутое на себя, хотя и открытое контексту, информационное поле, распростертое на весь осознанный мир. Не порядок как таковой доминирует в неоэкономике, а некий полупорядок — *хаосмос*, перманентно исходящий из фундаментального хаоса, как и туда же нисходящий, чтобы вновь выйти на свет, никогда и не доходящий до космического порядкового разрешения. Неоэкономика — особая, ранее не бывавшая, функциональная среда хозяйствования, требующая к себе адекватного отношения и особого в ней поведения. Не рынок господствует в неоэкономике и не тотальный план, а *управляемая иерархическая сеть*, подчиняющаяся принципу *организации самоорганизации*. Неоэкономика сплошь управляема, но при этом и сплошь самоуправляема — насколько она управляема, настолько и самоуправляема, а в итоге — весьма и самовластна, что вовсе не исключает больших властных управленческих интенций, всегда, впрочем, ограниченных сложностью, масштабностью и самоволием неоэкономики.

7. *Неоиндустриализм* — не просто новый этап индустриализации, а *качественно новый индустриализм*, отрицающий (преодолевающий) весь предшествующий исторически индустриализм. Машины и фабрики все еще остаются, но более всего уже как «умные», самоорганизующиеся машины и как «стерильные», подвижные, комфортабельные фабрики. Электроника, автоматика, информатика, компьютерика,

высокая технология, хим-, био- и нанотехнология в сочетании с высочайшей производительностью, постоянным новаторством, общим динамизмом, непрерывной изменчивостью, систематическим обновлением и совершенствованием.

8. *Неодирижизм* — макроуправление из центра (центров), но при этом как бы не из центра (центров) и как бы... *без управления*. Парадоксально, но факт! Не планирование, тем более уж всего и вся, а *стратегирование* (стратегические предвидения и расчеты), способное к учету объективных перемен, к восприятию субъективных управленческих воздействий и к собственной переменчивости. Управление тут по преимуществу не агентами, тем более директивное, хотя это иной раз и необходимо, а управление сознанием агентов, их решениями и поведением, равным образом управление средой и происходящими в реальности процессами, а также важнейшими параметрами с приоритетным вниманием к денежно-финансовым, инновационным, высокотехнологичным сферам. Наличие ведущего в любой большой стране хозяйствующего *государственно-корпоративного комплекса*, как и достижение и культивирование *национального координационного согласия* в мире агентов по ряду опорных и судьбоносных моментов, что не исключает ни свободы хозяйствования агентов, ни конкуренции между ними, ни автономной (собственной) динамики параметров. Побуждение тут вместо команды, договор вместо приказа, стимулирование вместо администрирования, согласие вместо соперничества, единение вместо разборок.

9. Российская хозяйственная практика текущего времени показывает, что, во-первых, социохозяйственное перестроение в стране уже имеет место, разумеется, не очень радикальное, масштабное, активное, в значительной мере и неявное, не афишируемое, ибо базируется оно главным образом на оживлении и развитии ОПК, что исключительно важно, но при этом и недостаточно; во-вторых, такое перестроение идет все еще в рамках и на принципах пореформенной модели при сохранении парализующей внутристрановую инициативу параколониальной зависимости от внешнего глобализованного контекста, в особенности в валютно-финансовой и хайтековской сферах (все равно — импортной ли зависимости или же экспортной); в-третьих, идущее шаг за шагом перестроение не привело пока ни к преодолению энерго-сырьевой специализации страны, полученной от реформы и пореформенно закрепленной, ни к комплексному (целостному) развитию страны, разумеется, с учетом уже существующих на международном уровне специализаций; в-четвертых, правительство, а точнее, его так называемый «экономический блок», исповедуя предельный «экономический либерализм», все еще надеется не только сохранить пореформенную модель, но и еще

более ее «либерализовать», уходя от национального управления хозяйством и его развитием, оставляя квазинациональное хозяйство в гуще мирового контекста, обрекая страну на энерго-сырьевую специализацию и зависимость от импорта разнообразной готовой продукции, включая высокотехнологическую; в-пятых, в правительственных кругах все еще бытует убеждение в недореформированности страны и ее хозяйства в «либеральном ключе» и ненужности перехода к постреформенной модели, включающей субъективно-волевую ответственность за национальное хозяйство и сознательное управление им в целях целостного развития страны.

10. Исходя из мирового прогрессивного опыта, особенностей российских социума, культуры, этнонационального сознания и хозяйственного поведения, а также учитывая негативные аспекты и последствия пореформенной практики в современной России, конференция высказывается не только за социохозяйственное перестроение страны, но и за немедленную смену пореформенного курса управления хозяйством и социальными процессами на постреформенный. В связи с этим конференция обращает внимание и на необходимость *внутригосударственного (административного) перестроения* с целью выведения государственно-корпоративного комплекса из пореформенного ступора, а национального хозяйства — из пореформенного тупика.

11. Ясно, что кадры всегда и везде решают всё, как и всё всегда и везде решают кадры! Отсюда опора на новые, вполне уже современные, кадры, не только владеющие компьютерной и англоязычной грамотностью, но и знающие реальную хозяйственную практику. Важно при этом не допускать совершенно неоправданного акцентирования на генетически некомпетентном и фактически вредном «эффективном менеджризме». Примером деятельности последнего, близким к научной и образовательной сферам, является так называемая «оптимизация» науки и образования, проводимая самозванным «эффективным менеджментом», не имеющая никакого конструктивного отношения к «оптимизируемым» объектам и лишь их нагло, надменно и настойчиво убивающая.

12. Безоговорочно поддерживая осуществляемые правящими кругами инициативы по техно-производительному развитию страны, конференция в то же время не может не высказаться за серьезные перемены в концепции и способах реализации национальной социохозяйственной стратегии. Конференция видит в российском государстве *главного хозяйствующего субъекта*, ответственного как за проведенную только что глобалического свойства реформу с ее негативными последствиями, так и за преодоление этих последствий, а также за текущее развитие страны, ее хозяйства, но уже в постреформенном институционально-

функциональном формате. Россия — страна не просто государственническая, но еще и империальная (по внутреннему устройству и типу своего жизнеуправления), а потому отрицать первенствующую роль властной вертикали в судьбе страны — вполне смертоносное безумие!

13. Что касается практических рекомендаций, то конференция исходит из того положения, что такого рода изысканиями и разработками должны заниматься сами политико-практические акторы, в чью обязанность входит не только что-то предлагать, но и исполнять предложенное, действуя в рамках утвержденной правительством стратегии. Конференция видит свою главную задачу в концептуальном обосновании актуальных перемен. Конференция не может отказать себе в возможности высказаться в политико-практическом ключе: назревшая смена политико-экономического курса с пореформенного на постреформенный должна сопровождаться переходом к «мягкой мобилизации» конструктивных сил и необходимых ресурсов развития с применением комплексно-перспективных методов организации хозяйственной жизни страны, для чего настала пора припомнить опыт ГОЭЛРО или тех же первых пятилеток, а потому разработать и применить *среднесрочную программу действий по модернизации реконструкции и развитию российского национального хозяйства* («подъемную пятилетку»), как и сопроводить исполнение данной программы жестким финансово-инвестиционным контролем.

14. Конференция убеждена, что, несмотря на не до конца еще преодоленный пореформенный национальный кризис, Россия уже миновала самый тяжелый и опасный момент в своей новейшей истории и вышла (выходит) на новый исторический подъем. В России идет формирование *новой России* (возможно, даже и *нео-России!*), и на этом пути Россию уже никому не остановить! Да будет!

Abstract

A.A. POROHOVSKI

System Reconstruction of Russian Economics: the Abilities of «the Market Way»

Abstract. A chapter is rising the problems, which are blocking full utilization of market principles under Russian conditions and is offering some nonmarket measures for providing Russian economy growth as well. Special attention is marked to private and public interests and pragmatism in economic policy.

Key words: market development, private interest, public interest, economic theory, economic policy.

S.S. SLEPAKOV

The Public Interest and Institutional Conditions for Their Implementation

Abstract. In modern Russia public interests are represented and implemented by representatives of companies operating within certain institutional forms (rights and powers, organizations, institutions, etc.). The political elites — the representatives of the bureaucracy and business — and create the institutions to govern society according to their interests. Thus, from the standpoint of the interests of society, the elite are uncontrolled and irresponsible. In the midst of a conflict of interest is a stakeholder, neopatrimoniale the state in conflict with its own population (the deterioration of welfare is fraught with social tensions), and the national establishment. Sustainable development and stability must be secured institutional reforms on a priority determination and realization of the interests of society.

Key words: public interests, institutions, political elites, stakeholders, conflict of interests, social and economic contradictions, and reform.

V.K. KOROLEV, O.V. EVGRAFOVA

**Philosophy of Economy as Neoeconomy «Metaphysics»:
the Problem of Man**

Abstract. The authors suggest that in seeking a way out of the current economic situation, the development of post-crisis «neoeconomy» formation programs should pay special attention to the problem of man, show availability in its consideration of the philosophy of economy ideas; in particular, the appropriateness of non-treatment of a person as a «capital», understanding him as a «factor» of economic development as the neoeconomic «management». It involves man understanding as a socio-cultural identity, which formation is based on the humanization of social life. The authors refer to aspects of this work, its conditions and trends, highlighting as a major problem of human «neoeconomy» the modernization of its economic culture.

Key words: economy, neoeconomy, man, philosophy of economy, metaphysics, humanization, economic culture.

M.M. GUZEV

Neopolitics and Neoeconomics

Abstract. The article shows the peculiarities of the modern stage of creating the new world order, a new model of economic development. It substantiates the objective necessity of consistent rearrangement of Russian economy. Also, it reveals the development directions, the relationship between economics and politics, the basic bars to perspective transformation: the quality of the ruling elite, population immaturity, imperfection of government institution, population and territory stratification.

Key words: neoeconomics, neopolitics, neoindustrialization, neodirigisme, a model of economic development, consistent rearrangement.

N.B. SHULEVSKY

Russian Rebuilding March to Another World

Annotation. The article reveals four theses of new Russian outlook, sophiasophia and philosophy of economy. The author shows new context of the modern world and Russia which defines chaos and apocaliptics, proves that in this context any reforms and revolutions, any innovations and trans-

formations, any modernizations and modifications of modern society which turns into suicidal chaos after impacts on it of these tools, suffer full breakdown. The author proves that only the Russian philosophy and culture could create a saving context for the modern world, develop its outlook — sophiasophia, its practical doctrine — philosophy of economy, its methodology — polilektics, its sociopolitical structural organization — «people-conciliarity-empire», its institutes — the Ministry of Emergency Situations and intelligence agencies. The article shows that the new Russian noosphere replaces reforms and revolutions with the transformations and evolutions of the Russian world allowing various configurations of society's parts, its integrity, but with its substantive identity.

Key words: reform, chaos, sophiasophia context, evolution.

V.V. KASHITSIN

Modern Russian System Evolution and Domestic Market

Abstract. Inertly current alternation of recession and the minimum values of growth so characteristic of the modern Russian economy, objectively brings need of system evolution of economy to the agenda. Sanctions pressure in relation to the Russian economy not only in addition staticizes system evolution but also to a limit aggravates a dilemma of inclusion of work of domestic market for the purpose of an economy conclusion to a trajectory of the balanced diversified development on the basis of harmony of six technological ways.

As the main mechanism of finding of new state of the economy (neoeconomy, neoindustrialization, a neodirezhiizm) for the purpose of realization of effect of Great synthesis in article the exclusive regulating synod (the state, corporation monopoly, public control institute) is considered.

Key words: system evolution, neoeconomy, neoindustrialization, a neodirezhiizm, productive forces, technological way, the state, corporation monopoly, public control institute, Great synthesis, the exclusive regulating synod.

G.N. TSAGOLOV

Where are We, Where to Go

Abstract. The article describes the content of the category of «soft mobilization», it gives the diagnosis of the current situation in Russian economy and suppose the recommendations to its sanitation.

Key words: capitalism, socialism, planned-market economy, the new integral society.

I.YU. FOMICHOV

Neoeconomy and Ethics of North

Abstract. This article analyzes certain aspects of Russian neoeconomy related, in particular, with the new development of the Arctic territories. The fact that the industrial and social processes develop in these regions in very specific conditions. This sparsely populated remote areas with extreme temperature and biological conditions, to a very small degree suitable for the life of the non-indigenous population. The harsh nature, a specific way of life, uncharacteristic for «continent» of communication, a special kind of social control, and others. Transform the person and interpersonal interactions, form a new identity and moral normativity. In particular, the author comes to the conclusion that the conditions of the Arctic social responsibility and the appropriate ethical reflection takes on a peculiar quality of professional-moral technology of reproduction socially acceptable forms of human activity in the North, diagnostics normative regulation of social interactions.

Key words: neoeconomy, the Russian Arctic, a new development, a special kind of social control, interpersonal interaction, social responsibility, ethics north, diagnostics normative regulation, the regulatory system, values, ethical reflection.

K.V. MOLCHANOV

**Economic Theory and Economy, New Economy,
and Neo-Economy
(Dialectical Approach and New Comprehension)**

Abstract. The article discusses the fundamentally new approach to the development of economic science. It was conceptualized in the author's mod-

ern political economy (the discussed subject cannot be explored within the framework of the economic science). The discussed problem determines the complex of the issues concerning the state, development and application of new knowledge in the economic science. The main result of the study is to identify this problem and some of its basic theoretical principles. The results of the study can be used for the development of the economic science and identify new opportunities and ways of development of the economy.

Key words: economic science, the contemporary thinking, modern dialectics, the modern dialectical philosophy, the modern political economy, the Spirit-phenomenology continuation (the continuation of «Phenomenology of Spirit» by Hegel), neo-economy.

G.V. FADEYCHEVA

**Public demand for Russia's development as the need
to rebuild the system**

Abstract. The article describes the scenarios of Russia's development, taking into account the situation in the global economic space. The substantiation of the need for the system to rebuild Russia's socio-economic system. As a method of implementing a system rebuild considered neodirizhizm.

Keywords: social need of development, the system of social needs, the system rebuilds, neo-economy, neoindustrialization, neodirizhizm.

E.A. SENATOROVA

Methodological Aspects of Business Education in Neoeconomy

Abstract. This article explores Russian and international practices in business education. The article reviews the most important trends, methodological issues in neoeconomy context and proposals for improving the business education system.

Key words: business education, neoeconomy, globalization, action-reflection-learning, learning outcomes.

N.P. KOZIENKO

Optimal Economy as the Embodiment of a Socially Fair Society

Abstract. The article introduces the concept of optimal economy as the alternative to capitalism and socialism. The problems of the political structure and federalism, as well as the role of trade unions and political parties in an optimal economy considered there.

Key words: optimal economy, the basic economic law, motivation of human activity, economic crisis, natural inflation, stagflation, the political structure of society, trade unions and political parties.

E.S. ZOTOVA

Economy and Destiny in Search of the «Evolutions»

Abstract. The article investigates forms, ways and methods of self-evolution, self-configuring of economy for search of the better lot. The destiny prompted to economy that people can't do anything because the wealth by nature has no measure and does not know justice and, therefore, it will not obey anybody.

Keywords: destiny, economy, Russia.

S.V. FILIMONOV

Open or Closed Regionalism?

Abstract: the article is devoted to assessing the strengths and weaknesses of the historically-formed models of regional economic integration in the context of recent trends in international production cooperation and international division of labor.

Key words: regionalization of the world economy, liberalization, protectionism.

A.A. DELENYAN

Institutional Relations in the Economy

Abstract. The market economy is organized not only in terms of «the invisible hand» of Adam Smith. It has its spatial organization. You can highlight methods of indicative regulation, planned administration. In contemporary conditions new ways of governance are gaining force, for example, as part of Forsythe — long-range forecasting techniques, using weak links.

Key words: organizational relations, governance, strong and weak forms of communication.

A.A. ANTROPOV

Four Types of Neo-Economics over the Past 500 Years

Abstract. Over the past 500 years the following global projects of four types of neo-economics have been implemented: 1) the transition from medieval workshops to manufactory production (around 1500); 2) the factory production in the XIX century; 3) society of mass consumption in the XX century; 4) neo-economics in the 1970's. - the beginning of the XXI century. The article deals with types, peculiarities and factors of neo-economics.

Key words: Neo-economics, Culture, The science, equipment, technologies, public administration, Entrepreneurs-innovators, Tactical and technical indicators, Synthetic index of product quality.

V.V. CHEKMAROV

Neoindustrialization and Reindustrialization: General and Special

Abstract. The Russian system is not intended to rebuild the uniqueness in its implementation. For some sectors of the Russian economic space, this process will be to re-industrialization, and for some — in neoindustrialization. But rebuilding itself can not have a common strategy for achieving the goals and objectives. This circumstance requires the allocation of general and special processes neoindustrialization and reindustrialization. The article and implemented general and special allocation on the basis of understanding the industry not just as a set of plants, factories and other economic-producing organizations and individuals as a means to fasten the case.

Key words: industrialization, reindustrialization, neoindustrialization, Russian rebuilding, neoeconomy, high-tech manufacturing.

P.A. POKRYTAN

**Neoindustrialization as a Categorical Imperative
for Russia's Development**

Abstract. The thesis is devoted to topical issues of industrialization: criteria, scope, forms, necessity, social aspects.

Key words: industrialization, economic laws, industrial capital, finance capital, capitalism

I.R. BUGAYAN

**Entrepreneurship and Entrepreneurship,
Economy and the Public Sector: the Ratio and Measure**

Abstract. Now capitalism is giving way to *entrepreneurshipism*. Under the influence of scientific and technical revolution and scientific and technical progress entrepreneurship becomes the dominating factor of production. In the contemporary period the *dominating goods* are *new and information technologies*. They are the main and the most effective wealth. The ownership of these technologies and the fact that the modern *entrepreneurship* combines them with other factors of production make it possible to get *the greatest surplus product* (in comparison with ownership of labour, land or capital).

Key words: entrepreneurshipism, modern dominating factor of production, dominating goods.

I.G. SHEVCHENKO

Main Direction of Russia Production Force

Abstract. Global change to new society model has been started. The price will be too high without long-term strategic planning system.

Key words: long-term goals loss, market economy change, new society model, long-term strategic planning.

A.K. SHURKALIN

Conditions Neoindustrialization of the Russian Economy

Abstract The article reveals the concept and content of the neoindustrialization. Neoindustrialization is seen as an important part of system changeover of management of the Russian economy. The author identifies three defining conditions for the effective exercise policy of neoindustrialization.

Key words: system rebuild, neoindustrialization, national economic interests, institutional change, innovation development, import substitution.

I.M. TENYAKOV

**Labor Productivity under Conditions of Neo-Industrial Economic Growth
In the Russian Economy**

Abstract. In the article, the trends in economic growth and productivity in the leading countries of the world and Russia are systematized. The reasons for a slowdown in labor productivity growth are shown. It is noted that the reduction of high rates of productivity growth is being possible in conducting of the new industrialization policy during the transition to neo-industrial economic growth. A number of features that the new industrialization policy in Russia must comply is specified.

Key words: labor productivity, neo-industrial economic growth, new industrialization policy.

G.V. MIHAYLOVA

**Positive and Normative Concepts in the Information Management
Component of Financial Results**

Annotation. The article considers the influence of positive and normative theoretical concepts on basic methodological approaches to the definition of financial results. Showing the relative advantages and disadvantages of both approaches, their integration capabilities. Critically reflect on the adaptive capacity of domestic economic realities on the borrowing and the specific use of foreign, especially Anglo-American theories of assessment information to ensure financial performance.

Key words: creative accounting, professional judgment, financial performance, social responsibility.

A.V. ANDREEVA, A.S. OROBINSKY

Financial instruments of neoindustrialization policy technology

Abstract. The article considers financial instruments providing support of the policy of neoindustrialism. Growth in productivity in labour, development of agro-industrial production due to automation and import substitution and growth of the Russian economy in general can be the result of the described policy of neoindustrialism. Additional resources and new investment and financial instruments based on implementation of the new technologies to the sphere of corporate financial management and risk management is necessary for domestic economic system for transition to implementation of the concept of the new industrial growth.

Key words: «industry 4.0», multiplicative effect, neoindustrialism, new financial technologies, instruments of production sector's support, financial instruments, «digitalization» of economy.

I.A. DUBIK

**The Transport Complex of Russia in Reorganization
of the National Economy**

Abstract. The article is devoted to problems of transport complex of Russia and their influence on the reorganization of the national economy. The article examines the interim results of implementation of the Russian transport strategy up to 2030. Analyzes the factors hindering the development of transport complex of the country, and their causes.

Key words: the transport complex of Russia, the world transport system, transport strategy, industrialization, neoindustrialization.

A.A. GRISHKO

**Debt Policy in Coordinates of Neoindustrialization
of the Russian Economy**

Abstract. In article contradictions of debt policy of Russia in a projection of a role and value of neoindustrialization as one of necessary conditions for ensuring system transformation of domestic economy and exit to a trajectory of growth and development are considered.

Key words: debt policy, public debt, neoindustrialization, macroeconomic policy, domestic market, economic growth.

T.S. STEPANOVA

**Financial Instruments Collateral Management Processes
of Financial Stability of the Enterprise**

Abstract. This article discusses the problem of providing processes for managing the financial stability of the enterprise. Analyze the factors internal and external environment, presents the system of management of financial stability. Identified and the necessity to use financial tools to ensure financial stability in the conditions of dynamically changing external environment. On the basis of the conducted research the author proposes to allocate a number of principles, the observance of which will ensure financial stability of the enterprise.

Key words: financial instruments, external factors, internal factors, financial resources, financial stability, management of the enterprise.

M.G. POKIDCHENKO

The History of Dirigisme and Prospect of It in Russia

Abstract. The article discusses the history of the use of the main policy options and concluded by a comparative analysis of what the concept of economic policy best matches the economy of modern Russia.

Key words: economic theory, economic policy, neoliberalism, Keynesianism, dirigisme.

K.A. KHUBIEV

**About Quantitative and Qualitative Approach
to the State Dirigism**

Abstract. The article investigates the problem of a role of a state in Russia's economy. The author critically understands widely extended, including in government, assessment of a state share in GDP of 70% and conclusions based on it about the state is a main brake of competition and development. The author offers to pass from quantitative assessment of a role of a state to quality standards on the basis of economic and social efficiency.

Key words: GDP, state property, public sector, Wagner's law, quality of the state participation in economy.

A.V. KUZNETSOV

Russia in the Global Economy: Need of Neodirigism

Abstract. The article outlines the main contradictions and justifies subjective character of globalization. It shows a synergistic effect of the socialist planned system that rejects the theory of economic cycles. The author presents the elements of the model that transforms fictitious goals of globalization into the real ones.

Key words: globalization, transnational capital, Russia, comprehensive human development, labor cost of the goods.

V.M. KULKOV

The Economic Identification of Russia

Abstract. In the article the content of the Russian system rebuilding is linked to the implementation of modernization of the Russian economy and the formation of an adequate national economic system. Special attention is paid to the role of the new industrialization. The evaluation of path dependency in Russia's development is given.

Key words: the national economic system, national-oriented alternative to globalization, new industrialization, path dependency.

F.I. GIRENOK

**Russia: What to Do When We Don't Understand,
What it is Necessary to Do?**

Abstract. Article is devoted to actual problems of a current state of Russia. The text consists of two parts. In the first part the author analyzes features of the device of Russia and draws a conclusion that it is better to do nothing, than to do something at random. In the second part the author argues on history and comes to a conclusion that the history after all ended and began an era of basic uncertainty. According to the author of article, in an uncertainty situation, first of all, it is necessary to pay attention to education of children. In this education the philosophy has to play an important role because it learns to speak on own behalf and to evade from insignificant talks in language of another. The author emphasizes that it isn't less important to resolve an issue of property, of structuring society and of understanding of that there is an economy.

Key words: the device of Russia, the Russian society, the Russian elite, the end of history, education, philosophical magazines in Russia, crisis of humanity, Russian consciousness, the Russian cosmism, modern Ukraine.

T.I. POROKHOVSKAYA

Modern Value-Normative Crisis: Symptoms and Effects

Abstract. Evaluation of Western and domestic public consciousness as being in deep crisis is shared by many philosophers and political scientists. Aberrations of public consciousness — the result of ideological blinders, too narrow or biased view of the world and the modern social order, and then the result of conscious manipulation with political objectives. Departure from the search for better and more equitable social structure turned to the Western public consciousness with domination of the values of lower rank, especially of political, pragmatic orientation. Ideological crisis in our country due to the transformation of public consciousness in the 1990 s., the inversion of values, the uncertainty in the formulation of the goal of social movement, social and political conditions.

Key words: moral values, the inversion of values, morality, justice, human rights, tolerance.

S.S. NOSOVA

**New Approach In Management System by the Economy
of Region**

Annotation. The article is sanctified to the issue of the day of regional development — development of new control system by the economy of region. The necessity of the implementation of cluster management as a combination of sectoral and territorial management in order to create conditions for the effective functioning of the region and the national economy as a whole, resolving the contradiction between resources and the needs of society in the context of globalization. Rethink the criteria for the success of today's business, first of all, from the standpoint of the formation of innovative territorial clusters.

Key words: cluster management system, clusters, innovative territorial clusters, cluster chain reaction, cluster regions, development institutions.

N.I. USIK

The Possibility of Movement to Economy

Abstract. The article shows some movement toward the economy, which is associated with the national economy, socio-economic development. The power of economic groupings in the global world does not take into account the interests of peoples living in different countries. Indicates that the neodirizhizm gives the possibility of movement to the au pair by creating conditions for patriotic rather than entrepreneurial basis. Implementation started if you are using a project approach. Methodology the study supports the concept of economy on the principles of neodirizhizma national public-corporate complex of the Russian Federation of the Scientific School of philosophy of economy. Relations, solidarity and creativity on a patriotic basis will be able to realize the potential of management in all spheres of activity, limiting market items (money, capital, supply and demand, values only for a specific user, and not society or the whole territory).

Key words: the philosophy of economy, neodirizhizm, reproduction, solidarity, patriotism, project approach, innovative, value-added chain, neo-industrializacija.

S.V. BIRYUKOV

**«Perestroika 2.0» and «the Russian Reconstruction of Society»:
the Fundamental Difference Between the Two Strategies**

Abstract. The article analyzes the origins and possible consequences of the implementation of two major projects of socio-economic transformation of Russia — «Perestroika 2.0» and «The Russian reconstruction of society». The author considers the content of these concepts from the point of view of their feasibility, compliance with the long-term interests of Russia, modern trends and contradictions of global development. Special attention is paid to political contradictions and conflicts of the era of the presidency of Mikhail Gorbachev and the political strategies of the late period of «Perestroika 1.0». The article identified and discussed the different levels of the transformation process and the related contradictions and conflicts in the late Soviet and Russian societies. On this basis, the main directions and prospects of development of the transformational process in modern Russia, as well as related social and political risks associated with fundamentally non-linear nature of the Russian political process. The article presents a substantive analysis of the concepts of «Perestroika» and «Reconstruction of society», it shows a fundamental difference from the point of view of experience and prospects the historical existence of Russia. The Russian reconstruction of society is considered by the author not as some abstract concept, but as an integrated realistic strategy. The possibility of implementing the latter in practice is associated not only with the revision of the General strategy of socio-economic policy, formed in the early 1990-ies. The author marks the necessity of the correction of the overall strategy of state building that is associated with the understanding of the qualitatively new role of Russia in the modern world. The article is of interest of specialists in various fields of social Sciences and Humanities interested in the search for conceptual alternatives to the contemporary crisis development models.

Key words: perestroika, reconstruction of society, social transformation, reform, modernization, system, crisis, dismantling, the elite, the middle class.

A.A. OLEYNIKOV

The Institutional Foundations of the Russian School of Management

Abstract. The author focuses the readers' attention to the idea that Economics and its principles are always derived from the principles and val-

ues of this civilization. Russia is Russian Eurasia and the principles of its development have deep historical roots. That is why we have, and сложнейшие solving a feasibility problem, to engage in the creation of the national school of management, Economics and business.

Key words: civilization, the value of life, Russian Eurasia, national school of administration Economics and business.

V.K. PETROV

**Russia in the World-Wide Environment: Historic
and Economic Choice**

Abstract. The Russian state, by nature, is deep-rooted in the Orthodox soil. This is the main point of difference between Russia and the West, which degraded to protestant heresy and then to all through secularism. On these grounds capitalism was born. Meanwhile in Russia, they failed to form an economic order adequate to Orthodoxy. Social contradictions, defamation of Church authority, actions of inner and outer behind the scene forces all paved the way to the catastrophe of 1917. The Soviet experiment has shown that real socialism cannot be built without the grace of God. Nowadays, the country reviving the historical traditions and passing through not easy economic times has again to choose an economic system adequate to the Orthodox grounds.

Key words: Russia, Orthodoxy, West, Protestantism, capitalism, revolution, USSR, failure, revival, choice.

I.I. RUDYAK

Augustine and Bulgakov: the Earthly and Heavenly Time

Abstract. This article is interdisciplinary analysis of the capabilities of the State to conduct the economy. In this case this problem is considered from the point of view of time. The example of the philosophical teachings of St. Augustine and Bulgakov, considered on the background of Russian literature, the author argues that line of transcendentalnence is the limit the conducting capabilities of the State.

Key words: Augustine, Bakhtin, Bulgakov, time, Green, dirigisme, Marx, Platon, Pushkin, transcendentalnence, Fedorov, Engels.

A.V. SAVKA

The Moral Imperative of the State as the Russian Development

Abstract. This article discusses some of the questions the relationship and interdependence of the state and the moral and ethical standards, legal consciousness and religion, the state and the socio-cultural traditions, hallowed in Russian philosophy.

Key words: state, power, religion, values, justice, sense of justice.

R.E. SOKOLOV

Ideas of Dirigisme in the Social Documents of the Orthodox and the Protestant Churches of Russia in the 21st Century

Abstract. The article is aimed at analysis of commonalities and differences in the questions of regulating economic development from the perspective of «The Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church» (2000) and the «Social position of Protestant churches of Russia» (2003 and 2009). The methodological basis of the work is institutional and hermeneutic approaches. The sources used in the article are official documents of the churches and periodicals with conference proceedings. Relevance and a practical significance of the work are determined by the vastness of the Orthodox and the Protestant communities in Russia. Besides, the growth of religious fundamentalism forced the leading religious institutions to express officially their peacekeeping position in the social, economic and political spheres. Results of the study show that both social documents of the Protestants practically duplicate the Orthodox concept. This reflects the cultural proximity and spiritual unity of broad social groups in the country that can be widely used in the social policy.

Key words: state, society, Orthodox and Protestant churches, social doctrine.

VL.V. CHEKMAROV

The Economic Security of Russia as a Strategic Necessity

Abstract. Study the problems of ensuring economic security of Russia carried out a sufficiently large number of scientists. The published papers are

presented results of a comprehensive analysis of existing threats. However Challenge time require developing a conceptual picture perestroencheskih necessary changes in the national economy. And in this article the nomination and support the idea of ensuring the economic security of the country as a strategic inevitability. The author carried out a deep conceptual understanding of the current reality with the latest anthological changes and trends that determined the time demanded epistemological transformative and functional novelty. Article ideas can be considered as elements of the concept of the Russian system rebuild.

Key words: economic security of Russia, the Russian system rebuilding, strategic inevitability.

T.YU. YAKOVETS

On the Question of Russian Social Security

Abstract. The problem of the development of Russian social security concepts as part of the national security and the basics of the Social Doctrine of the Russian Federation.

Key words: welfare state, social security, national security, social doctrine

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Бугаян Илья Рубенович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Южно-Российский институт-филиал) (г. Ростов-на-Дону).

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (г. Москва).

Андреева Алина Владимировна,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону).

Антропов Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Бирюков Сергей Владимирович,

действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, кафедра всеобщей истории и социально-политических наук, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово).

Гиренок Федор Иванович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Гришко Аурика Андреевна,

преподаватель, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Гузев Михаил Михайлович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, заместитель директора, Волжский гуманитарный институт (филиал), Волгоградский государственный университет (г. Волжский).

Деленян Арут Андронникович,

к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Дубик Ирина Анатольевна,

старший преподаватель, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Евграфова Ольга Владимировна,

к.ф.н., доцент, Российская таможенная академия, Ростовский филиал (г. Ростов-на-Дону).

Кашицын Виктор Валентинович,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Козиенко Николай Петрович,

независимый исследователь (г. Новосибирск).

Королев Владимир Константинович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории и истории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Кузнецов Алексей Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, старший научный сотрудник, кафедра мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва).

Кульков Виктор Михайлович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Михайлова Галина Васильевна,

к.э.н., доцент, Институт экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Молчанов Константин Владимирович,

действительный член АФХ, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика» (г. Москва).

Носова Светлана Сергеевна,

д.э.н., профессор, кафедра экономики, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ (г. Москва).

Олейников Александр Алексеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва).

Оробинский Андрей Сергеевич,

к.э.н., доцент, кафедра налогов и налогообложения, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I; заместитель финансового директора, группа компаний «Агротех-Гарант» (г. Воронеж).

Петров Владимир Константинович,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (г. Москва).

Покидченко Михаил Георгиевич,

д.э.н., профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Покрытан Павел Анатольевич,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Пороховская Татьяна Ивановна,

к.ф.н., доцент, кафедра этики, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Пороховский Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Рудяк Ирина Изяславовна,

действительный член АФХ, соискатель уч. ст. к.ф.н., философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Савка Аврора Валерьевна,

д.ф.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).

Сенаторова Елена Александровна,

к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Слепаков Сергей Семенович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Пятигорск).

Соколов Роман Евгеньевич,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (г. Москва).

Степанова Татьяна Сергеевна,

ассистент, экономический факультет, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону).

Теняков Иван Михайлович,

к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Усик Нина Ивановна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (г. Санкт-Петербург).

Фадейчева Галина Всеволодовна,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, заместитель декана, факультет экономики и управления, Государственный университет «Дубна» (Московская обл.).

Филимонов Станислав Вячеславович,

преподаватель, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Фомичев Игорь Юрьевич,

действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень).

Хубиев Кайсын Азретович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Цаголов Георгий Николаевич,

действительный член РАЕН, д.э.н., профессор, Международный университет в Москве (г. Москва).

Чекмарев Василий Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова (г. Кострома).

Чекмарев Владимир Васильевич,

к.э.н., доцент, департамент здравоохранения администрации Костромской области (г. Кострома).

Шевченко Игорь Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Шуркалин Александр Константинович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина (г. Москва).

Яковец Татьяна Юрьевна,

действительный член АФХ, действительный член РАЕН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (г. Москва).

Our Authors

Osipov Yuriy Mikhaylovich,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Bugayan Ilia Rubenovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South-Russian Branch) (Rostov-on-Don).

Zotova Elena Seraphimovna,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Andreeva Alina Vladimirovna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Finance, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don).

Antropov Anatoly Aleksandrovich,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Biryukov Sergey Vladimirovich,

Doctor of Political Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kemerovo).

Girenok Fedor Ivanovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Grishko Aurika Andreevna,

Lecturer, Department of Economic Theory and World Economy, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk).

Guzev Mikhail Mikhailovich,

Doctor of Economics, Professor, Volzhsky Humanities Institute, Branch of Volgograd State University (Volzhsky).

Delenyan Arut Andronnikovich,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Dubik Irina Anatolievna,

Senior Lecturer, Department of Economic Theory and World Economy, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk).

Evgrafova Olga Vladimirovna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian Customs Academy (Rostov-on-Don).

Kashicin Victor Valentinovich,

Candidate of Economics, Professor, Chief of Department of Economic Theory and World Economy, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk).

Kozienko Nikolay Petrovich,

Independent Researcher (Novosibirsk).

Korolev Vladimir Konstantinovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Kuznetsov Alexey Vladimirovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy and World Finances, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow).

Kulkov Victor Mihailovich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Mihaylova Galina Vasilievna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Management, North-Caucasus Federal University (Rostov-on-Don).

Molchanov Konstantin Vladimirovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Nosova Svetlana Sergeevna,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Regional and Innovative Economy, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow).

Oleynikov Aleksandr Alekseevich,

Doctor of Economics, Professor, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow).

Orobinskiy Andrey Sergeevich,

Candidate of Economics, Associate Professor, Voronezh State Agrarian University N.A. Emperor Peter the Great (Voronezh).

Petrov Vladimir Konstantinovich,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (Moscow).

Pokidchenko Mikhail Georgievich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Pokrytan Paul Anatolievich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Porokhovskaya Tatiana Ivanovna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Porohovski Anatoli Alexadrovich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Rudyak Irina Izyaslavovna,

PhD Applicant, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Savka Aurora Valerievna,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

Senatorova Elena Aleksandrovna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Higher School of Economics (Moscow).

Slepakov Sergey Semenovich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics and Management, Institute of Service, Tourism and Design, Branch of North-Caucasus Federal University (Pyatigorsk).

Sokolov Roman Yevgenevich,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economic Theory and World Economy, Moscow University of Industry and Finance «Synergy» (Moscow).

Stepanova Tatyana Sergeevna

Assistant, Faculty of Economics, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don).

Tenyakov Ivan Mikhailovich,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Usik Nina Ivanovna,

Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (St. Petersburg).

Fadeycheva Galina Vsevolodovna,

Candidate of Economics, Associate Professor, State University «Dubna» (Dubna, Moscow Region).

Filimonov Stanislav Vyacheslavovich,

Lecturer, Department of Economic Theory and World Economy, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk).

Fomichov Igor Yurievich,

Doctor of Sociology Sciences, Professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen).

Khubiev Kaisyn Azretovich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Tsagolov Georgi Nikolaevich,

Doctor of Economics, Professor, International University in Moscow (Moscow).

Chekmaryov Vasili Vladimirovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economy and Economic Safety, Kostroma State University (Kostroma).

Chekmaryov Vladimir Vasilievich,

Candidate of Economics, Health Department of the Kostroma Region Administration (Kostroma).

Shevchenko Igor Georgievich,

Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

Shulevski Nikolay Borisovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Shurkalin Aleksandr Konstantinovich,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Department of Economic Theory, Gubkin University (Moscow).

Yakovets Tatiana Yurievna,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Pitirim Sorokin Nikolai Kondratieff International Institute (Moscow).

Содержание

С думой о России (<i>Ю.М. Осипов</i>)	3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российское системное перестроение как неизбежная актуальность.....	5
 Раздел I. Неоэкономика как современная форма экономики, ее бытия, функционирования, развития	
 <i>А.А. Пороховский</i>	
Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи»	25
<i>С.С. Слепаков</i>	
Интересы общества и институциональные условия их реализации	31
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
Философия хозяйства как «метафизика» неоэкономики: проблема человека.....	39
<i>М.М. Гузев</i>	
Неоэкономика и неополитика	47
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Русское перестроение — марш-бросок в мир Иной	56
<i>В.В. Кашицын</i>	
Современное российское системное перестроение и внутренний рынок.....	66
<i>Г.Н. Цаголов</i>	
Куда пришли, куда идти	72
<i>И.Ю. Фомичев</i>	
Неоэкономика и этика севера	76
<i>К.В. Молчанов</i>	
Экономическая теория и экономика, новая экономика и неоэкономика (диалектический подход и новое осмысление).....	82
<i>Г.В. Фадейчева</i>	
Общественная потребность развития России как потребность в системном перестроении	89
<i>Е.А. Сенаторова</i>	
Методологические аспекты бизнес-образования в условиях неоэкономики.....	92

Н.П. Козиенко

Оптимальная экономика как воплощение идеи
социально справедливого общества 99

Е.С. Зотова

Экономика и судьба в поисках своих «перестроений» 109

С.В. Филимонов

Открытый и закрытый регионализм:
pro et contra 120

А.А. Деленян

Организационные отношения в экономике 129

А.А. Антропов

Четыре типа неэкономике за последние 500 лет 137

**Раздел II. Неоиндустриализация как сердцевина
структурно-системных перемен в национальном хозяйстве России**

В.В. Чекмарев

Неоиндустриализация и реиндустриализация:
общее и особенное 149

П.А. Покрытан

Неоиндустриализация как категорический императив
развития России 154

И.Р. Бугаян

Предпринимательство и предпринимательство, экономика
и общественный сектор: соотношение и мера 158

И.Г. Шевченко

Основное направление мобилизации производительной
силы России 165

А.К. Шуркалин

Условия неоиндустриализации российской экономики 168

И.М. Теняков

Производительность труда как фактор
неоиндустриального роста российской экономики 174

Г.В. Михайлова

Позитивная и нормативная концепции
в информационной составляющей управления
финансовыми результатами 182

А.В. Андреева, А.С. Оробинский

Финансовые инструменты технологии
обеспечения политики неоиндустриализации 188

И.А. Дубик Транспортный комплекс России в координатах системного перестроения национального хозяйства страны.....	196
А.А. Гришко Долговая политика в координатах неоиндустриализации российской экономики	204
Т.С. Степнова Финансовые инструменты обеспечения процессов управления финансовой устойчивостью предприятия	209
 Раздел III. Неодирижизм как важнейший рычаг российского перестроения	
М.Г. Покидченко История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России	219
К.А. Хубиев О количественном и качественном подходе к государственному дирижизму	228
А.В. Кузнецов Россия в глобальной экономике: необходимость неодирижизма	241
В.М. Кульков Экономическая идентификация России.....	252
Ф.И. Гиренок Россия: что делать, когда мы не понимаем, что нужно делать?	257
Т.И. Пороховская Современный ценностно-нормативный кризис: симптомы и следствия	263
С.С. Носова Новый подход в системе управления экономикой региона.....	272
Н.И. Усик Возможности движения к хозяйству	281
С.В. Бирюков «Перестройка 2.0». и российское переустройство: принципиальное различие двух стратегий	287

<i>А.А. Олейников</i>	
Институциональные основы русской школы управления	295
<i>В.К. Петров</i>	
Россия в окружающем мире: исторический и хозяйственный выбор	302
<i>И.И. Рудяк</i>	
Августин и Булгаков: земное и небесное время.....	309
<i>А.В. Савка</i>	
Нравственное государство как императив развития России	314
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Идеи дирижизма в социальных документах православной и протестантских церквей России в XXI веке	319
<i>Вл.В. Чекмарев</i>	
Экономическая безопасность России как стратегическая неизбежность.....	328
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
К вопросу о социальной безопасности России.....	335
РЕЗОЛЮЦИЯ.....	341
Abstract.....	347
Наши авторы	365

Научное издание

**Российское перестроение:
неоэкономика, неогиндустриализация, неодирижизм**

Под редакцией
Ю.М. Осипова, И.Р.Бугаяна, Е.С. Зотовой